Печатано по распоряженію Совѣта Общества ревнителей русскаго историческаго просвѣщенія въ память Императора Александра III.

Предсѣдатель **Графъ С. Шереметевъ.**

СТАРИНА и НОВИЗНА.

ИСТОРИЧЕСКІЙ СБОРНИКЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ
ПРИ ОБЩЕСТВѢ РЕВНИТЕЛЕЙ РУССКАГО ИСТОРИЧЕСКАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ
ВЪ ПАМЯТЬ ИМПЕРАТОРА АЛЕКСАНДРА III.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 лин., 28.
1904

Изъ воспоминаній князя А. М. Дондукова-Корсакова.

I.

Николай Петровичъ Кулебякинъ.

При Нейдгартѣ въ Тифлисъ часто пріѣзжалъ служащій въ Керчи, на Кавказской береговой линіи, недавно произведенный изъ разжалованныхъ въ поручики Николай Петровичъ Кулебякинъ; эта своеобразная натура и выходящая изъ ряда обыкновенныхъ личность часто будетъ встрѣчаться въ моихъ воспоминаніяхъ, почему хочу здѣсь сказать нѣсколько словъ объ этомъ добромъ моемъ пріятелѣ.

Воспитывался онъ, кажется, въ лицеѣ и потомъ поступилъ въ Гродненскій гусарскій полкъ во время польской кампаніи юнкеромъ. Пылкая его натура и горячность, доходящія до совершеннаго бѣшенства и самозабвенія, до самой старости не оставляли энергичнаго его характера. Въ полку онъ имѣлъ, кажется, нѣсколько дуэлей, затѣмъ переведенъ былъ въ армейскій гусарскій полкъ, гдѣ не было конца всевозможнымъ исторіямъ, которыя, наконецъ, кончились скандаломъ, когда на какомъ то балу, кажется, въ Тверской губерніи, онъ, разгорячившись, несмотря на присутстіе полкового командира, разбилъ полковую музыку и выбросилъ за окно всѣ трубы за то, что музыканты не съиграли тотъ танецъ, который онъ потребовалъ; онъ былъ преданъ суду и разжалованъ въ солдаты на Кавказъ, что его нисколько не укротило. Состоя при генералѣ Раевскомъ рядовымъ, Кулебякинъ въ какой-то экспедиціи

шелъ по горной узкой тропинкѣ надъ страшнымъ обрывомъ; шедшій за Кулебякинымъ капитанъ толкнулъ его. Николай Петровичъ, разъяренный, обернулся, схватилъ капитана и бросилъ его въ кручу. Съ трудомъ вытащили капитана, къ счастью, однако, невредимаго, а Кулебякина выслали изъ отряда и тѣмъ дѣло кончилось. Сначала Кулебякинъ служилъ при генералѣ Анрепѣ, начальникѣ Лезгинской линіи; это тоже былъ восторженный полусумасшедшій человѣкъ. Разъ, взявши съ собой только переводчика и нѣсколько человѣкъ прислуги, Анрепъ и Кулебякинъ отправились, переодѣтые, въ горы, съ цѣлью обращать проповѣдью и толкованіемъ корана въ покорность правительству дикія Лезгинскія племена. Не знаю, сколько времени продолжалось это эксцентричное путешествіе; по всѣмъ вѣроятіямъ, ихъ принимали за юродивыхъ, особенно чтимыхъ мусульманами, и имъ не дѣлали никакого вреда. Наконецъ, въ какомъ то горномъ обществѣ, во время проповѣди около аула, изъ толпы горцевъ выскочилъ какой-то фанатикъ и въ упоръ выстрѣлилъ въ грудь Анрепа или Кулебякина—не помню; вѣроятно по недостатку пороха, пуля выкатилась на землю, не причинивъ никакого вреда. Тогда Кулебякинъ произнесъ восторженную рѣчь, доказывая горцамъ, что онъ и Анрепъ настоящіе посланники Магомета и находятся подъ особымъ покровительствомъ Аллаха. Изумленные горцы пали передъ ними на землю и этимъ настроеніемъ воспользовался Анрепъ съ прочими членами этой безсмысленной миссіонерской экспедиціи, чтобы возвратиться обратно въ Закаталы, провожаемый съ особымъ почетомъ до нашей границы пораженными и удивленными лезгинами [1]).

Въ Тифлисъ онъ также пріѣхалъ вслѣдствіе исторіи, послѣ которой онъ уже не могъ оставаться въ Керчи: онъ на балу избилъ и изрубилъ чиновника Блафенберга.

При врожденномъ бретерствѣ, Кулебякинъ былъ однако замѣчательно храбрый, хладнокровный и распорядительный въ бою офицеръ; образованіе его было всестороннее, онъ замѣчательно владѣлъ даромъ слова и отлично излагалъ на письмѣ свои мысли на французскомъ и русскомъ языкахъ. Умъ его и способности положи-

[1]) Всѣ эти обстоятельства разсказалъ мнѣ самъ Кулебякинъ.

тельно выходили изъ ряда обыкновенныхъ, но, къ сожалѣнію, и характеръ тоже; имѣя добрѣйшее сердце, онъ самъ всегда раскаивался и страдалъ отъ своей горячности. Кулебякинъ отличался особымъ возвышеннымъ образомъ мыслей и высокимъ благородствомъ чувствъ; всѣмъ этимъ добрымъ качествамъ вредила, однакожъ, нѣкоторая аффектація и постоянная театральность.

Въ 1845 году въ Даргинскомъ походѣ Кулебякинъ участвовалъ, командуя ротой Куринскаго полка, въ батальонѣ Бенкендорфа, и показалъ себя истинно боевымъ офицеромъ, но съ тою же всетаки театральностью. Кажется, 14 числа, занявъ въ лѣсу въ лѣвой цѣпи съ ротою незначительный курганъ передъ непріятельскимъ заваломъ, рота его, лежа, перестрѣливалась на близкомъ разстояніи съ непріятелемъ. Фельдфебель этой роты, почтенный Кавказскій ветеранъ Варенцовъ едва успѣлъ, проползая по цѣпи, поднять голову, какъ смертельно былъ пораженъ непріятельскою пулею. Кулебякинъ приказалъ куринцамъ осторожно и лежа на землѣ вырыть руками и штыками яму, чтобы похоронить своего фельдфебеля, и когда его зарыли, то, театрально ставъ на курганѣ, Кулебякинъ передъ ротой громко читалъ молитвы по усопшемъ. На этомъ курганѣ почти нельзя было показаться, чтобы не быть разстрѣляннымъ. Кулебякинъ, стоя спиной къ непріятелю, нѣсколько минутъ порисовался передъ своими солдатами и спустился невредимымъ, несмотря на градъ пуль, и только сюртукъ его былъ ими пронизанъ. Понятно, какъ подобныя выходки ободряли солдатъ, и какъ они любили Кулебякина, умѣвшаго поддѣлаться къ ихъ нраву и во всѣхъ тяжкихъ минутахъ умѣвшаго развеселить солдата своими шутками и выходками. Князь Воронцовъ очень цѣнилъ эксцентрическую натуру Кулебякина, вполнѣ сознавая и дурную ея сторону.

Въ 1847 году Кулебякинъ былъ назначенъ главнымъ приставомъ Джаро-Балаканскаго округа въ Закаталахъ; въ то время эта часть Кавказа, съ ея лѣсами и хищнымъ населеніемъ, была центромъ сборовъ всѣхъ разбойничьихъ шаекъ и самыхъ дерзкихъ съ ихъ стороны грабежей. Кулебякинъ, именно, былъ человѣкъ для этого труднаго поста; онъ окружилъ себя преданными нукерами изъ тѣхъ же лезгинъ; постоянно на конѣ преслѣдуя шайки, онъ

положительно навелъ страхъ на Джарскихъ разбойниковъ. Наконецъ одинъ изъ главныхъ предводителей просилъ Николая Петровича назначить ему свиданіе для принесенія покорности. Кулебякинъ съ нѣсколькими нукерами и переводчиками выѣхалъ въ Таначинскіе лѣса, гдѣ ожидалъ его разбойникъ съ частью своей шайки; переговоры шли сначала спокойно и хорошо; наконецъ, помирившійся предводитель, изъявляя желаніе предаться правительству, протянулъ Кулебякину руку. Не знаю, что сдѣлалось въ головѣ Николая Петровича, но онъ, оскорбившись тѣмъ, что такой преступникъ смѣлъ протягивать ему руку, ударилъ его по лицу — позоръ, котораго вообще лезгины не выносятъ. Сейчасъ же пошли въ дѣло шашки. Кулебякину прорубили даже кованные его эполеты, и одинъ разбойникъ замахнулся кинжаломъ, чтобы зарѣзать Кулебякина, который отклонилъ ударъ, схвативъ лезвіе рукой и перерѣзавъ себѣ всѣ пальцы. Нукеры и переводчики съ трудомъ высвободили Кулебякина изъ рукъ разбойниковъ, посадили его на лошадь и, отстрѣливаясь, успѣли ускакать изъ лѣсу, доставить своего начальника, израненнаго, на Альмалинскую почтовую станцію и казачій постъ. Въ это время на разсвѣтѣ проѣзжалъ я курьеромъ чрезъ Альмалы и, узнавъ о происшествіи, поторопился къ Кулебякину, котораго засталъ лежащимъ въ духанѣ на нарахъ, только что перевязаннаго отъ полученныхъ ранъ. Онъ мнѣ очень обрадовался и, крайне возбужденный, весьма театрально сталъ разсказывать о преданности его нукеровъ. Около койки, на которой лежалъ Кулебякинъ, стояли двое изъ его лезгинъ съ свирѣпыми лицами, вооруженные съ ногъ до головы. Николай Петровичъ, все болѣе возбуждаясь, говорилъ мнѣ: „скажи своему Воронцову, какую сумѣлъ я вселить преданность къ себѣ въ этихъ дикихъ; они родного отца своего, по приказанію моему, готовы зарѣзать“ и при этомъ крикнулъ, показывая на меня: „зарѣжьте его“. Лезгины немедленно повалили меня на землю и обнажили кинжалы. Кулебякинъ приказалъ меня оставить, сказавъ: „самъ теперь видишь“. Я отвѣтилъ, что дѣйствительно вижу, что онъ сумасшедшій и донесу объ этомъ князю. Посмѣялись мы, вмѣстѣ закусили, я поѣхалъ далѣе, а Кулебякина отвезли въ Закаталы.

По поводу управленія его этимъ округомъ припоминаю еще

фактъ. Пріѣхавъ въ Тифлисъ по дѣламъ службы, я присутствовалъ въ кабинетѣ князя при пріемѣ Кулебякина. Кабинетъ былъ комната длинной формы, въ которой посереди стоялъ письменный столъ князя, въ концѣ была дверь, ведущая въ его спальню. Князь встрѣтилъ Николая Петровича у входа въ кабинетъ, обнялъ его, ласково принялъ и началъ разспрашиввть про край. Кулебякинъ со свойственнымъ ему паѳосомъ и увлеченіемъ началъ ораторствовать, размахивая руками. Князь съ улыбкой все отступалъ. Кулебякинъ, ничего не замѣчая, продолжалъ свои театральныя выходки, возглашая, сколько помню: „Oui, mon Prince, l'administration d'un pays n'est pas une affaire de discipline, mais une affaire de conscience et d'honneur“ и, незамѣтно наступая, приперъ князя къ концу кабинета, къ самой двери спальни. Тогда Воронцовъ, съ вѣчной своей улыбкой, взявъ за руку Кулебякина, сказалъ ему: „Cher ami, je n'ai plus où aller, allons vers la porte de sortie, alors vous pourrez recommencer“. Можно себѣ представить сконфуженнаго Кулебякина, котораго всѣ мы послѣ дразнили этимъ обстоятельствомъ.

Кулебякинъ послѣ того занималъ еще многія мѣста, между прочимъ Начальника III Отдѣленія Черноморской береговой линіи въ Сухумъ-Кале, гдѣ онъ, поспоривши разъ съ комендантомъ крѣпости на платформѣ старой турецкой башни, омываемой моремъ, схватилъ старика коменданта и хотѣлъ его бросить въ волны. Родственникъ Кулебякина плацъ-маіоръ Делагарди съ трудомъ могъ спасти старика, полновѣснаго Корженовскаго, отъ ярости Кулебякина. Несмотря на невозможный характеръ, Кулебякинъ вездѣ, гдѣ былъ, оставилъ по себѣ самую лучшую память въ высшей степени благороднаго, благонамѣреннаго и дѣльнаго начальника. Онъ умеръ въ генеральскомъ чинѣ сенаторомъ въ Москвѣ уже пожилыхъ лѣтъ, гдѣ я его послѣдній разъ видѣлъ и съ радостью встрѣтился съ этимъ старымъ Кавказскимъ товарищемъ. Въ Тифлисѣ Кулебякинъ весьма часто навѣщалъ насъ; онъ очень любилъ меня и положительно я имѣлъ на него вліяніе, когда онъ, разгорячившись, терялъ сознаніе. Странная была у него еще привычка ломать и грызть стекло. Когда, бывало, онъ въ товарищескомъ кругу разгорячится и, какъ говорится, лѣзетъ на исторію,

я подносилъ ему пустой стаканъ или рюмку, онъ разбивалъ ее, грызъ осколки и добродушно смѣялся надъ собой. Онъ былъ женатъ на весьма достойной женщинѣ, уже не молодой и некрасивой собой, но весьма доброй, умной и образованной — Александрѣ Андреевнѣ Крыжановской, сестрѣ нынѣшняго Оренбургскаго генералъ-губернатора. Свадьба его также оригинальна. Онъ былъ начальникомъ въ Закаталахъ и выписалъ невѣсту свою въ Царскіе Колодцы, куда самъ пріѣхалъ вечеромъ въ тарантасѣ, въ сюртукѣ безъ эполетъ, въ верблюжьихъ шароварахъ, окруженный конвоемъ лезгиновъ. Онъ отъ всѣхъ тщательно скрывалъ намѣреніе свое жениться; невѣста его ждала въ церкви военной слободки, шаферомъ у обоихъ, по его распоряженію, былъ его же денщикъ, который держалъ надъ ихъ головами вѣнцы. Когда мирные жители Царскихъ Колодцевъ увидѣли освѣщенную церковь, то изъ весьма понятнаго любопытства вошли въ нее; скрипъ двери раздражалъ Кулебякина: онъ самъ взялъ оба вѣнца, сказавъ шаферу: „Ванюшка, гони по зубамъ народъ“, и по окончаніи церемоніи тутъ же сѣлъ съ женой въ тарантасъ и съ конвоемъ своихъ лезгинъ прибылъ ночью въ Закаталы. Кулебякинъ глубоко уважалъ Александру Андреевну, но, къ сожалѣнію, она имѣла только весьма слабое вліяніе на характеръ мужа и много должна была терпѣть отъ его запальчивости и бѣшеной раздражительности.

У Кулебякина былъ родной братъ Михаилъ Петровичъ, всю свою службу проведшій на Кавказѣ и умершій Бакинскимъ губернаторомъ. Онъ былъ также однимъ изъ добрыхъ товарищей нашего общаго круга; умный, дѣльный и весьма образованный человѣкъ, но съ несравненно болѣе мягкимъ и разсудительнымъ характеромъ, чѣмъ братъ его. Ихъ отличали на Кавказѣ названіемъ: мирный и немирный Кулебякинъ.

II.

Альбертъ Артуровичъ Едлинскій.

Съ княземъ Воронцовымъ прибылъ на Кавказъ австрійской службы гусарскій поручикъ Альбертъ Артуровичъ Едлинскій, побочный сынъ графа Артура Потоцкаго, женатаго на сестрѣ княгини Воронцовой. Молодой, ловкій, красивый наѣздникъ и въ высшей степени оригинально остроумный, Едлинскій сдѣлался своими выходками такой извѣстностью на Кавказѣ и такимъ общимъ любимцемъ, что нельзя не остановиться на этой своеобразной личности.

Получивъ отъ Потоцкаго очень большое состояніе, онъ въ Вѣнѣ все промоталъ различными эксцентричностями; съ назначеніемъ князя Воронцова на Кавказъ, онъ былъ переведенъ, по просьбѣ графа Артура, въ нашу службу, а вскорѣ и братъ его, умершій въ 1846 году отъ холеры поручикомъ Навагинскаго полка.

Въ 1845 году Едлинскій въ свитѣ кн. Воронцова участвовалъ въ Даргинской экспедиціи, затѣмъ послѣ разныхъ шалостей въ Тифлисѣ переведенъ былъ сотникомъ въ Моздокскій казачій полкъ, гдѣ отважною своею и, можно сказать, примѣрно — усердною службою дослужился до командира полка, въ чинѣ маіора или подполковника. Потомъ командовалъ І-мъ Лабинскимъ казачьимъ полкомъ на правомъ флангѣ уже полковникомъ, затѣмъ Сунженскимъ въ 1858 году и потомъ генераломъ состоялъ помощникомъ начальника драгунской дивизіи на Кавказѣ.

Все прохожденіе службы Едлинскаго отличалось замѣчательнымъ его боевымъ направленіемъ, распорядительностью, необыкновенной способностью всегда весело переносить всѣ лишенія неприглядной казачьей обстановки, нравы которой онъ замѣчательно быстро себѣ усвоилъ. Его казаки чрезвычайно любили, а между регулярными войсками и нами появленіе Едлинскаго встрѣчалось всегда съ восторгомъ, въ ожиданіи съ его стороны какихъ нибудь забавныхъ и остроумныхъ выходокъ.

Не возможно исчислить всѣхъ извѣстныхъ на Кавказѣ анекдотовъ о Едлинскомъ; я съ нимъ чрезвычайно былъ близокъ и друженъ, и мнѣ очень хорошо извѣстны всѣ его похожденія. Хочу разсказать нѣсколько анекдотовъ, характеризующихъ его безпечность, остроуміе и въ извѣстной степени оригинальный цинизмъ. Всѣ свои фарсы и выходки Едлинскій дѣлалъ съ такою притворною наивностью и серьезностью, отговариваясь незнаніемъ русскаго языка, что иногда трудно было и начальству къ нему придраться. Едлинскій жилъ замѣчательно просто: я помню его помѣщеніе въ ста-

ницахъ, гдѣ часто, даже зимой, были разбиты окна въ хатѣ; онъ въ полушубкѣ, всегда съ папахой на головѣ, валялся на разломанной койкѣ, въ углу комнаты лежали кули съ овсомъ и запасъ луку; стоялъ разломанный самоваръ, нѣсколько стакановъ и всегдашній запасъ водки и рому, составлявшій все его хозяйство. Зато лошадь и оружіе Едлинскаго были отличныя: онъ былъ замѣчательнымъ наѣздникомъ и слылъ даже между линейными казаками отмѣннымъ джигитомъ. Дѣятельность Едлинскаго была неимовѣрна; по ночамъ, провѣряя кордоны свои, онъ проскакивалъ большія пространства и являлся обыкновенно тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидали. Онъ обыкновенно строго наказывалъ казаковъ за оплошность и неисправность, и когда съ нѣкоторыхъ начальниковъ кн. Воронцовымъ было взыскано за тѣлесныя наказанія нижнихъ чиновъ, имѣющихъ Георгіевскіе кресты, то Едлинскій сталъ съ собою возить хлороформъ и, нахлороформировавъ провинившагося кавалера, только тогда велѣлъ его пороть. При управленіи полкомъ онъ не признавалъ никакихъ канцелярскихъ порядковъ. Какъ полковой командиръ и предсѣдатель полкового управленія, разбирая разъ какое-то дѣло въ присутствіи, онъ соскочилъ съ своего мѣста и хотѣлъ ударить казака; секретарь остановилъ его, указывая на зерцало и на послѣдствія, которымъ подвергся бы Едлинскій, въ случаѣ жалобы кляузнаго казака. Едлинскій поблагодарилъ секретаря и сейчасъ же велѣлъ вѣстовому подать башлыкъ, обвязать зерцало, „чтобы птица не видала, какъ онъ говорилъ“, учинилъ свою кулачную расправу, затѣмъ велѣлъ раскрыть птицу и, сѣвъ на предсѣдательское мѣсто, продолжалъ свое дѣло.

Разъ также, придя неожиданно въ полковое правленіе, онъ засталъ всѣхъ членовъ онаго (обыкновенно простыхъ казаковъ) пьющихъ водку и закусывающихъ на столѣ присутствія передъ тѣмъ же зерцаломъ. Едлинскій немедленно потребовалъ команду и приказалъ перенести столъ съ зерцаломъ въ ближайшій трактиръ, а изъ трактира перенести въ полковое правленіе билліардъ, на который поставилъ водку, закуску и напился вмѣстѣ съ атаманами. Все это сходило Едлинскому, такъ какъ его очень любили, и никто не думалъ доводить о его выходкахъ до начальства. Но ежели Едлинскій постоянно дѣлалъ фарсы съ своими подчиненными, то не менѣе того онъ шутливо относился и къ начальству своему. Трудно перечислить всѣ его фарсы въ этомъ отношеніи; разскажу нѣкоторые. Генералъ Е......... всегда служилъ однимъ изъ предметовъ для его остроумія. Злоупотребленія его слишкомъ хорошо были извѣстны на Кавказѣ. Во время командованія имъ лѣвымъ флангомъ онъ не держалъ и половины положенной по штату милиціи и все содержаніе удерживалъ въ свою пользу. Разъ со всѣмъ штабомъ и свитой своей Е......... выѣхалъ на рекогносцировку изъ Грозной (Едлинскій былъ съ нимъ) и до того опередилъ отрядъ, что приближенные замѣтили своему начальнику, что онъ подвергается опасности отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Едлинскій громко, такъ что всѣ слышали, сказалъ: „не безпокойтесь, господа, у него 6 сотенъ милиціи въ карманѣ“. Другой разъ, получая безпрестанно секретныя бумаги отъ Е......... о замыслахъ горцевъ, Едлинскій, предварительно прочитавъ ихъ, опять осторожно запечатывалъ и дѣлалъ всѣ нужныя распоряженія.

Когда Е......... пріѣхалъ по линіи въ Ауръ и спросилъ Едлинскаго, получилъ ли онъ секретныя его предписанія, то Едлинскій утвердительно отвѣтилъ и серьезно принесъ Е......... всѣ запечатанные конверты, прося его прочитать ему ихъ, такъ какъ онъ мало русскую грамоту понимаетъ, а секретныя бумаги никому не довѣряетъ читать. Другой разъ въ Грозной Е........., раздраженный противъ Едлинскаго его постоянными насмѣшками и выходками, почему-то придрался и публично началъ распекать его. Едлинскій, оправдываясь, страшно размахивалъ руками; разсерженный Е......... закричалъ ему: „что вы, полковникъ, позволяете себѣ махать руками“. Едлинскій, почтительно приложивъ къ козырьку руку, отвѣтилъ весьма серьезно ломанымъ русскимъ языкомъ, какъ онъ всегда притворялся: „Ваше пр—во, я машу рýками, бо я человѣкъ, ежели бы былъ собака, то махалъ бы хвóстомъ“. Е......... немедленно оставилъ его и поспѣшилъ скрыться, при общемъ хохотѣ присутствующихъ.

Однажды въ воскресный день вечеромъ, когда Е......... съ семействомъ своимъ и со всѣмъ обществомъ крѣпости Грозной сидѣлъ въ палисадникѣ передъ домомъ, слушая полковую музыку, прискакиваетъ Едлинскій изъ Сунджи, верстъ за 60, весь въ пыли,

беретъ у одного изъ своихъ конвойныхъ большой портфель и подходитъ къ Е........., окруженному дамами. Всѣ подозрѣваютъ какую-нибудь выходку и тѣснятся около Едлинскаго. Е......... добродушно встрѣчаетъ Едлинскаго, протягиваетъ ему руку и говоритъ: „что вы это, Альбертъ Артуровичъ, не успѣли съ лошади слѣзть, а уже съ бумагами“. Едлинскій съ присущей ему флегмой наивно отвѣчаетъ при всѣхъ: „Ваше пр—во, я вѣдь всегда ѣзжу въ Грозное, какъ въ нужное мѣсто“. Можно себѣ представить хохотъ всѣхъ присутствующихъ. Е......... отводитъ въ сторону Едлинскаго, объясняетъ ему неприличіе сказаннаго; тотъ, притворно конфузясь, извиняется незнаніемъ русскаго языка и хочетъ сейчасъ же удалиться. Е......... утѣшаетъ его и вводитъ опять въ общество.

Но самый замѣчательный эпизодъ съ Е......... происходитъ на правомъ флангѣ.

Въ 1850 году Государь Наслѣдникъ, обозрѣвая Кавказъ, предполагалъ осмотрѣть всю Лабинскую линію до самаго Зассовскаго укрѣпленія. Едлинскій, на протяженіи своего кордона, съ казаками ввѣреннаго ему полка конвоировалъ Его Императорское Высочество до перваго ночлега въ Темергоевскомъ укрѣпленіи. Жара была невыносимая и отъ шибкой ѣзды подъ казаками пало много лошадей; кромѣ того, въ день проѣзда, на кордонѣ Едлинскаго пикетъ съ Родниковскаго поста изъ трехъ человѣкъ былъ изрубленъ хищниками. Корыстолюбіе и злоупотребленія Е......... возстановили противъ него все населеніе не только русское, но и всѣхъ мирныхъ горцевъ. Онъ всегда протестовалъ противъ поѣздки великаго князя по Лабѣ, выставляя опасность отъ внезапнаго нападенія непріятеля. Узнавъ въ Темиргоѣ, что въ верховьяхъ Лабы все населеніе готовится подать противъ него прошенія и жалобы Великому Князю, онъ рѣшился на ловкій и дерзкій поступокъ. Я былъ свидѣтелемъ, какъ ночью или очень поздно вечеромъ Е......... привелъ къ князю двухъ окутанныхъ въ башлыки, вѣроятно, подготовленныхъ лазутчиковъ, которые объяснили, что огромныя скопища горцевъ на противоположномъ берегу Лабы намѣрены воспользоваться густотою утренняго тумана, чтобы напасть на незначительный конвой Государя Наслѣдника при слѣдованіи его на другое утро. Кн. Воронцовъ, повидимому, поддался

этому обману и, къ крайнему неудовольствію Наслѣдника, на другой день маршрутъ былъ измѣненъ, и мы изъ Темиргоя проѣхали прямой дорогой па Кубань въ укрѣпленіе Прочные Окопы, продолжая по маршруту поѣздку въ Тифлисъ. По отъѣздѣ нашемъ, Едлинскій немедленно собралъ всѣ войска на свой кордонъ съ артиллеріей, переправился черезъ Лабу и началъ усиленной канонадой обстрѣливать лѣсъ на противоположномъ берегу, въ которомъ ни одного человѣка непріятеля не было, затѣмъ водилъ казаковъ въ атаку; однимъ словомъ, исполнилъ блестящіе маневры, послѣ которыхъ вернулся въ станицу и устроилъ угощеніе и кутежъ своему отряду. Затѣмъ онъ написалъ формальный рапортъ Е......... о разбитіи имъ непріятельскихъ скопищъ, причемъ показалъ потерю 3-хъ казаковъ, изрубленныхъ на пикетѣ, и всѣхъ лошадей, павшихъ подъ казаками во время конвоированія Его Высочества. Цѣлью Едлинскаго было выхлопотать казакамъ изъ войсковой казны деньги за павшихъ лошадей, которыя составляли собственность казаковъ, а по положенію они имѣли право на вознагражденіе только за лошадей убитыхъ въ дѣлахъ, но не за павшихъ во время гоньбы. Все на первое время пошло благополучно; рапортъ Едлинскаго подтверждалъ донесеніе Е......... о непріятельскомъ сборѣ, деньги на лошадей были получены, розданы казакамъ и все успокоилось, какъ вдругъ, около года спустя, получается доносъ отъ прапорщика Ставропольскаго пѣхотнаго полка К., отъявленнаго и извѣстнаго негодяя, который съ подробностью объясняетъ настоящее положеніе дѣла. Случай былъ довольно важенъ, чтобы назначить особую коммиссію для разслѣдованія, подъ предсѣдательствомъ жандармскаго штабъ-офицера полковника Юрьева изъ Ставрополя. Е......... первый возсталъ противъ Едлинскаго, требуя строгаго примѣра и, казалось, сему послѣднему не было уже возможности избѣгнуть суда. Что же сдѣлалъ Едлинскій? Передъ самымъ прибытіемъ Юрьева, онъ собралъ своихъ казаковъ, объяснилъ имъ, въ чемъ дѣло и строго приказалъ говорить слѣдователю всю правду, ни въ чемъ не скрывая обмана его и ложнаго донесенія начальству. Затѣмъ, спокойно продолжая по обыкновенію пить водку, онъ ожидалъ слѣдствія. Юрьевъ, хорошо знакомый Едлинскому, предложилъ ему 22 запросныхъ пункта по начавшемуся слѣдствію.

Въ 1 пунктѣ сказано было: „какую партію такого-то числа ваше выс—діе сочли нужнымъ атаковать на лѣвомъ берегу Лабы?“ Едлинскій написалъ: „ту же самую партію, которая, по донесенію генерала Е......... кн. Воронцову, а сего послѣдняго Государю Наслѣднику, намѣревалась атаковать поѣздъ его Высочества“ [1]). Затѣмъ Едлинскій отнесъ этотъ отвѣтъ Юрьеву и спросилъ, продолжать ли писать на остальные. „Голубой штабъ-офицеръ“, какъ Едлинскій звалъ Юрьева, до того былъ пораженъ этимъ отвѣтомъ, что немедленно выѣхалъ посовѣтоваться съ Е......... въ Прочные Окопы. Какъ дѣло устроилось, я не знаю, но слѣдствіе болѣе не продолжалось, и Едлинскій былъ оставленъ безъ всякаго особаго взысканія, а переведенъ вскорѣ на лѣвый флангъ командиромъ Сунджепскаго полка. — Съ фельдмаршаломъ кн. Барятинскимъ Едлинскій позволялъ себѣ также всевозможныя шуточныя выходки. Въ то время новый главнокомандующій вводилъ всевозможныя измѣненія по управленію Кавказомъ, вообще непрактичныя и клонящіяся только къ наружному усиленію собственной его власти. Такъ, напримѣръ, прежнія отдѣленія канцеляріи переименовывались въ департаменты и тому подобныя несообразности. На все это испрашивалось Высочайшее разрѣшеніе утвердить „въ видѣ опыта на 3 года“. Разъ князь Барятинскій пріѣхалъ въ Владикавказъ, принималъ всѣхъ начальствующихъ лицъ, въ числѣ коихъ былъ и Едлинскій, и спросилъ его, не имѣетъ ли онъ какой-нибудь просьбы?—„Какъ же, отвѣчалъ весьма серьезно Едлинскій, я просилъ бы ваше с—ство приказать выдать мнѣ заимообразно изъ экстраординарныхъ суммъ 5 т. рублей, въ видѣ опыта на три года“. Злая выходка эта, встрѣченная общимъ смѣхомъ, не понравилась однако Барятинскому, который очень любилъ Едлинскаго, но сильно распекъ его потомъ за неумѣстную его публичную шутку. Какъ примѣръ цинизма Едлинскаго, хочу еще прибавить одинъ анекдотъ. Въ Тифлисѣ жила общая наша знакомая, жена полковника Сачинова, урожденная Орбеліанъ, очень милая женщина, которую всѣ мы очень любили. Она очень опасно заболѣла и, кажется, мѣсяца 3 никого не принимала. Одинъ разъ, когда собра-

[1]) О чемъ донесено было Государю Императору.

лось много дамъ и знакомыхъ къ ней, въ томъ числѣ и Едлинскій, разговоръ зашелъ о болѣзни, и Сачинова разсказывала, какъ, при ограниченномъ ихъ состояніи, дорого обходилось ея леченіе, такъ, напримѣръ, главный штабъ-докторъ взялъ съ нихъ 25 р. за то только, что три ночи долженъ былъ провести у больной.—Едлинскій съ наивной простотою при всѣхъ отвѣчалъ: „что же тутъ удивительнаго. Это даже не дорого, бо онъ главный штабъ-докторъ; вотъ у меня жена простого фельдшера ночевала только одну ночь и я долженъ былъ ей дать 10 рублей“.

Можно было бы написать цѣлую книгу анекдотовъ объ Едлинскомъ, но сказаннаго достаточно, чтобы обрисовать эту находчивую, остроумную и вполнѣ оригинальную личность. Жаль только, что Едлинскій до того привыкъ пить водку, никогда впрочемъ не упиваясь, что всегда съ собой въ карманѣ носилъ сткляночку разведеннаго на водѣ спирта и каждые полчаса, а иногда и чаще глоталъ свое „аракапсы“, какъ онъ называлъ по-черкески водку. Я слышалъ, что онъ очень постарѣлъ и, съ утратою здоровья, утратилъ и прежнюю веселость свою.

III.

Сафоновъ. Щербининъ. Вар. Николаи. Кн. А. Гагаринъ. Кн. Дадешъ-Кильянъ. Галатерси.

Изъ пріѣхавшихъ изъ Одессы съ кн. Воронцовымъ слѣдуетъ упомянуть о правителѣ его канцеляріи Сафоновѣ [1]), совершенномъ бюрократѣ, безцвѣтной личности, но впрочемъ добромъ человѣкѣ. Онъ женатъ былъ на дочери богатаго Одесскаго негоціанта Маразли, весьма смуглой, но довольно красивой женщинѣ. На костюмированномъ балѣ m-me Сафонова въ какомъ-то нарядѣ изъ кораллвъ явилась подъ руку съ длиннымъ, сухощавымъ, гладковыбритымъ мужемъ своимъ—мы ихъ прозвали тогда: „la Revue Pomaré avec le cousin Prichard“ и эта кличка имъ такъ и осталась.

Затѣмъ при князѣ состоялъ чиновникомъ Михаилъ Павловичъ Щербининъ, отличный и вполнѣ преданный князю человѣкъ, всѣмъ,

[1]) Сафоновъ умеръ въ званіи сенатора въ Петербургѣ.

впрочемъ, ему обязанный. Это была теплая, любящая, но вмѣстѣ съ тѣмъ и разгульная натура; онъ былъ очень образованъ, отлично владѣлъ перомъ на всѣхъ языкахъ и превосходно редактировалъ. Не совсѣмъ уже молодой, онъ былъ какъ enfant de la maison у князя, который звалъ его иногда Мими. Щербининъ со всѣми нами очень сдружился и принималъ участіе во всѣхъ нашихъ кутежахъ, а въ поѣздкахъ и походахъ отличался особой невоздержанностью.

Много весьма оригинальныхъ эпизодовъ изъ разгульной жизни Михаила Павловича на Кавказѣ можно было бы разсказать. Но хочу упомянуть только объ одномъ фактѣ, кажется имъ самимъ или княземъ Воронцовымъ мнѣ разсказаннымъ, въ доказательство способностей Щербинина.

Въ 1831 году, во время бунта моряковъ въ Севастополѣ, Государемъ былъ командированъ изъ Одессы кн. Воронцовъ для производства слѣдствія; съ нимъ былъ еще юный тогда Щербининъ. Разузнавъ подробно обо всемъ, князь какъ-то вечеромъ послалъ за Щербининымъ, который кутилъ съ моряками и въ почти безсознательномъ состояніи явился къ своему начальнику. Князь ничего не замѣтилъ; озабоченно шагая по комнатѣ, въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ онъ диктовалъ Щербинину рапортъ Государю и затѣмъ приказалъ ему прочесть написанное. Щербининъ не могъ выговорить ни слова; замѣтивъ его положеніе, князь взялъ бумагу, и каково было его изумленіе, когда онъ увидѣлъ нѣсколько листовъ, испещренныхъ только штрихами. При всей своей деликатности князь упрекнулъ Щербинина въ безчувственности и неблагодарности къ нему и велѣлъ не показываться на глаза. Михаилъ Павловичъ, вернувшись въ свою комнату, ужасно плакалъ и, совершенно отрезвѣвъ, просидѣлъ всю ночь, припоминая, что слышалъ отъ князя и почти слово въ слово написалъ набѣло весь рапортъ Государю. На другой день князь, придя въ кабинетъ, нашелъ бумагу на столѣ; подписавъ, князь послалъ за Щербининымъ, обнялъ его, и все было забыто. Какъ объяснить подобное проявленіе памяти и нервнаго возбужденія? Всѣ на Кавказѣ очень любили Щербинина за его привѣтливость, доброту и желаніе помочь всякому обращавшемуся къ нему по какому-либо дѣлу. Князь посвоему любилъ Щербинина или, лучше сказать, привыкъ къ нему,

но онъ не пользовался никакимъ вліяніемъ на князя и даже боялся его.

Баронъ Александръ Павловичъ Николаи пріѣхалъ съ княземъ изъ Одессы чиновникомъ особыхъ порученій и весьма еще молодымъ человѣкомъ. Я былъ съ нимъ весьма близокъ и доселѣ сохранились хорошія наши отношенія, но не могу не сознавать его важныхъ недостатковъ. Николаи обладалъ отличнымъ образованіемъ, умомъ и способностями, но всѣ эти качества поглощались необыкновеннымъ эгоизмомъ, вообще не свойственнымъ молодому человѣку. Недоступность, холодность, высокомѣріе въ обращеніи и полное равнодушіе ко всему, что не касалось его личности, были отличительными чертами его. Онъ недоступенъ былъ никакимъ увлеченіямъ, все основывалъ на разсчетѣ и на одномъ разсчетѣ. Николаи сдѣлалъ блестящую карьеру на Кавказѣ и давно уже въ самыхъ высшихъ чинахъ занимаетъ мѣсто главнаго начальника всего гражданскаго управленія на Кавказѣ.

Изъ военныхъ одесскихъ прибылъ съ княземъ полковникъ, князь Александръ Ивановичъ Гагаринъ; эту въ высшей степени симпатичную личность мы съ перваго раза всѣ полюбили. Безъ особенно выдающихся дарованій, Гагаринъ былъ рыцарь благородства и чести и отлично показалъ себя во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ на Кавказѣ и въ послѣдней кампаніи въ Азіатской Турціи, гдѣ тяжело былъ раненъ. Наконецъ, бывши военнымъ губернаторомъ въ Кутаисѣ, Гагаринъ былъ зарѣзанъ въ своемъ домѣ Суанетскимъ княземъ Дадешъ-Кильяномъ, оставивъ по себѣ самое сочувственное воспоминаніе во всѣхъ когда-либо знавшихъ этого достойнаго человѣка. Онъ въ Тифлисѣ женился вторымъ бракомъ на княгинѣ Наталіи Орбеліанъ, дочери извѣстной княгини Мананы.

Наконецъ, при князѣ былъ адъютантомъ, по званію Новороссійскаго генералъ-губернатора, нѣкто полковникъ, графъ Галатери, весьма оригинальный, умный и хитрый итальянецъ. Онъ былъ посланъ въ Петербургъ курьеромъ съ донесеніемъ, кажется, изъ Андіи, но ѣхалъ такъ медленно, снабжаясь на всѣхъ станціяхъ свидѣтельствами о препятствіяхъ пути, что прибылъ въ Петербургъ одновременно съ адъютантомъ князя Андрониковымъ, привезшимъ донесеніе о прибытіи нашемъ въ Герзель-аулъ. Изъ Петербурга

Галатери отправленъ былъ обратно въ Кисловодскъ къ графу Воронцову съ рескриптомъ о возведеніи его въ княжеское достоинство. Галатери, вмѣсто перекладныхъ, пріѣхалъ въ четырехмѣстной коляскѣ, привезя съ собою любовницу Кочубея Florence и огромную клѣтку съ попугаемъ; на всѣ наши насмѣшки онъ отвѣчалъ: „je ne suis pas un Feldjäyer et n'ai pas preté de me rompre les us en perehladnuy". Послѣ того князь, который очень, впрочемъ, благоволилъ къ Галатери, рѣдко давалъ ему порученія.

Галатери привезъ къ себѣ въ Тифлисъ мать свою, старую итальянку, и крайне скупо жилъ въ городскомъ предмѣстьи, гдѣ и умеръ въ генеральскомъ чинѣ.

Изъ бумагъ графа Ю. А. Головкина.

Документы о посольствѣ гр. Головкина въ Китай.

Въ 1805 году было отправлено русскимъ правительстомъ торжественное, особою пышностью окруженное, посольство въ Китай. Во главѣ посольства стоялъ сенаторъ, оберъ-церемоніймейстеръ, д. т. с., графъ Юрій Александровичъ Головкинъ, облеченный особыми полномочіями. Во время проѣзда по Россіи, особенно въ Сибири, онъ долженъ былъ подробно изучить администрацію и экономическое положеніе края и представить затѣмъ Государю совершенно откровенный докладъ; съ китайскимъ правительствомъ посолъ долженъ былъ установить прямыя и дружественныя сношенія, добиться нѣкоторыхъ немаловажныхъ льготъ для русской торговли, открыть русскому судоходству Амуръ и русскому вліянію область этой рѣки.

Выѣхавъ изъ Петербурга въ серединѣ іюля 1805 года, гр. Головкинъ 6 октября прибылъ въ Троицкосавскъ (Кяхту); сюда явилось китайское посольство и началось прежде всего опредѣленіе условій церемоніала; графу Головкину не удалось въ этихъ переговорахъ одержать верхъ надъ китайскими дипломатами; онъ началъ уступать и, достигнувъ соглашенія еще не по всѣмъ, а лишь по нѣкоторымъ пунктамъ, рѣшился ѣхать въ предѣлы Китая. 21 декабря 1805 года переступилъ онъ русскую границу, двигаясь вмѣстѣ съ посольствомъ китайскимъ. Но въ Ургѣ ему предъявлены были требованія церемоніала абсолютно непріемлемыя, очевидно,

на то и разсчитанныя, что посолъ ихъ отвергнетъ, а когда онъ такъ и поступилъ—поведеніе китайцевъ стало до такой степени неучтивымъ, что графу Головкину ничего не осталось, какъ вернуться въ русскіе предѣлы, куда онъ и прибылъ въ началѣ февраля 1806 года. Изъ Иркутска онъ отправилъ донесеніе въ Петербургъ; само собою разумѣется, что переговоры возобновлены не были; графъ Головкинъ вернулся въ Петербургъ въ концѣ 1806 года.

Событія несравненно важнѣйшія поглотили около этого времени вниманіе императора Александра и новыхъ попытокъ вступить въ сношенія съ Китаемъ онъ уже не дѣлалъ; другія событія Александровскаго царствованія интересовали преимущественно и тѣхъ, кто изучалъ исторію этой эпохи—и посольство гр. Головкина въ нашей ученой литературѣ остается извѣстнымъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Въ сочиненіи Морошкина „Іезуиты въ Россіи" разсказана (т. II, стр. 311 — 369) подготовка этого посольства, роль іезуитовъ въ его отправленіи и отчасти въ его исходѣ; въ запискахъ Вигеля (часть II) живо описана анекдотическая сторона этого посольства; нѣкоторымъ противовѣсомъ сарказмамъ Вигеля можетъ служить характеристика гр. Головкина, сдѣланная кн. И. М. Долгоруковымъ („Капище моего сердца"); наконецъ, въ „Чтеніяхъ Московскаго Общества Исторіи и Древностей" (1875, кн. IV, отд. V, 1—113) напечатанъ Баснинымъ подробный обзоръ, какъ бы опись, документовъ, касающихся этого посольства; Баснинъ ничего не говоритъ о томъ, гдѣ хранятся или откуда заимствованы обозрѣваемые документы, но текстъ Морошкина даетъ полное основаніе заключить, что это документы Московскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. Вотъ если не все, то главнѣйшее, что извѣстно въ печати о посольствѣ гр. Головкина; въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи царствованія Александра I, у Богдановича и у Шильдера, ничего нѣтъ объ этомъ посольствѣ; краткія замѣтки, составленныя по вышеуказаннымъ матеріаламъ, имѣются въ сочиненіяхъ И. В. Щеглова („Хронологическій перечень важнѣйшихъ данныхъ изъ исторіи Сибири", Иркутскъ, 1883) и В. К. Андріевича („Исторія Сибири", Спб. 1889); у М. Венюкова, въ его статьѣ „Очеркъ старыхъ и

новыхъ договоровъ Россіи съ Китаемъ" (Спб. 1861) о посольствѣ гр. Головкина сказано всего на 3—4 строкахъ. Но этотъ эпизодъ изъ исторіи царствованія Александра I заслуживаетъ гораздо большаго вниманія историковъ. Помимо того, что съ посольствомъ этимъ связаны серьезные успѣхи въ изученіи русской Азіи—къ составу его принадлежали не только чиновники, но и такіе ученые, какъ Клапротъ, Шубертъ, Сухтеленъ, гр. И. Потоцкій и др.,—посольство это любопытно и потому, что въ документахъ его живо и ярко рисуются и сильныя и слабыя стороны правительства Александра I: и недостаточное знаніе нѣкоторыхъ важныхъ вопросовъ азіатскихъ нашихъ отношеній, и фантастичность, мечтательность иныхъ проектовъ, и самый живой интересъ къ народному благу, и прямота и смѣлость, съ какими молодой Государь стремился узнать и улучшать порядки въ своемъ государствѣ. Эти черты присущи издаваемымъ ниже документамъ и, по нашему мнѣнію, даютъ имъ полное право на вниманіе серьезнаго читателя.

Печатаемые ниже документы заимствованы изъ сборника, принадлежащаго свѣтлѣйшей княжнѣ Е. А. Салтыковой-Головкиной, за сообщеніе котораго редакція „Старины и Новизны" приноситъ свою искреннюю благодарность владѣтельницѣ этихъ документовъ. Сборникъ этотъ представляетъ собою сброшюрованный томъ, въ листъ, въ синей обложкѣ, на которой написано: „№ 5. Rescrits de S. M. L'Empereur et dêpeches du Ministère". Мы печатаемъ изъ него 29 документовъ, именно всѣ рескрипты Государя, большинство изъ нихъ подлинные и лишь нѣкоторые въ копіяхъ, затѣмъ данныя гр. Головкину инструкціи, имѣющіяся тутъ въ копіяхъ, наконецъ, важнѣйшія письма министровъ — гр. В. П. Кочубея, кн. П. В. Лопухина, Д. Гурьева, бар. Будберга, кн. А. Чарторижскаго; опускаемъ мы только тѣ документы, которыя имѣютъ значеніе лишь препроводительныхъ бумагъ. Кромѣ бумагъ подобнаго содержанія въ сборникѣ этомъ имѣются документы, рисующіе матеріальную обстановку посольства — изъ нихъ мы заимствуемъ нѣкоторыя цифровыя данныя, которыя и помѣщаемъ въ концѣ.

Біографическія свѣдѣнія о гр. Ю. А. Головкинѣ приведены нами въ I книжкѣ „Старины и Новизны".

I.

Получено февраля 15-го дня.

Высочайшій рескриптъ д. т. с. графу Ю. А. Головкину.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Головкинъ. Положивъ на мѣрѣ отправить чрезвычайнаго и полномочнаго посла въ Китай, Я призналъ за благо возложить на васъ сіе качество, и съ тѣмъ вмѣстѣ облечь васъ полною властью войти вамъ въ сношенія съ Пекинскимъ Дворомъ по всѣмъ предметамъ, содержащимся въ инструкціи, которая вамъ дана будетъ. А какъ притомъ отдаленность края, куда вы отправляетесь, и склонный къ подозрѣніямъ нравъ китайцевъ требуютъ, чтобы во многолюдной свитѣ, которая сопровождать васъ будетъ, была сохранена наистрожайшая дисциплина, то сей предметъ поручается особенно бдительному вашему смотрѣнію и отвѣтственности; а потому самому, сверхъ власти, которую уже самое качество полномочнаго Моего посла вамъ даетъ, позволяю вамъ оставить на дорогѣ внутри предѣловъ Россіи, или, по въѣздѣ въ области Китайской Имперіи, выслать въ пограничный городъ Россіи того изъ составляющихъ свиту, какого бы чина онъ ни былъ, кто поведеніемъ своимъ заслужилъ таковую мѣру строгости. Усердіе ваше къ службѣ и многіе опыты сопряженной съ нужными познаніями дѣятельной ревности вашей суть вѣрнымъ для Меня залогомъ, что на семъ новомъ поприщѣ, представляемомъ служенію вашему, вы не оставите употребить всѣ старанія ваши къ наилучшему окончанію поручаемаго вамъ дѣла. Повелѣвъ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ тайному совѣтнику князю Чарторыскому, съ коимъ вы по всѣмъ дѣламъ, относящимся до предметовъ отправленія вашего въ Китай, имѣете состоять въ сношеніи, опредѣлить нынѣ вмѣстѣ съ вами число чиновниковъ, кои при свитѣ вашей быть должны, Я указалъ равномѣрно Государственной Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ выдать вамъ на подъемъ тридцать пять тысячъ рублей и двугодовое жалованье и столовое содержаніе, полагая всего по пятидесяти тысячъ рублей на годъ. Пребываю впрочемъ вамъ благосклонный

Александръ.

К. Адамъ Чарторыскій.

С.-Петербургъ.
февраля 16 дня.
1805-го года.

II.

Полученъ 25-го мая.

Высочайшій рескриптъ Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику, Сенатору Графу Головкину.

Настоящее ваше путешествіе чрезъ сибирскія губерніи представляетъ удобный случай обозрѣть порядокъ ихъ управленія въ главнѣйшихъ его отношеніяхъ. Отдаленность сего края и особыя мѣстныя его положенія дѣлаютъ весьма уважительными всѣ способы, кои могутъ представиться къ точнѣйшему познанію его нуждъ и къ лучшему его устройству. Изъ сего заключить вы можете, сколько полезны быть могутъ примѣчанія о сей странѣ, вами на мѣстѣ собранныя и сюда доставленныя.

Благоразуміе и познанія ваши опредѣлятъ вамъ подробнѣе тѣ предметы, на кои примѣчанія сіи предпочтительно должны быть обращены. Я считаю нужнымъ означить вамъ здѣсь одни только главныя черты, кои могутъ вамъ послужить руководствомъ.

Состояніе каждой губерніи въ разсужденіи порядка ея управленія можетъ быть разсматриваемо въ трехъ главныхъ отношеніяхъ: 1) въ порядкѣ судномъ, 2) въ устройствѣ полицейскомъ и 3) въ части хозяйственной.—Предметомъ настоящихъ примѣчаній будутъ двѣ сіи послѣднія части.

I. По части полицейской.

1) По существу дѣлъ полицейскихъ скорое отправленіе ихъ есть одинъ изъ первыхъ признаковъ добраго сей части устройства; посему вы не оставите обратить ваше вниманіе на теченіе сихъ дѣлъ въ губерніяхъ сибирскихъ.—Вѣдомости о дѣлахъ рѣшенныхъ

и нерѣшенныхъ, а паче личный вашъ осмотръ губернскихъ правленій, и, если гдѣ въ продолженіи пути вашего время вамъ то дозволитъ, взглядъ вашъ на земскіе суды и магистраты, откроютъ вамъ съ достовѣрностью настоящее ихъ положеніе.

2) Въ числѣ затрудненій, кои издавна встрѣчаемы были въ лучшемъ образованіи сибирскихъ губерній, одно изъ главнѣйшихъ состояло въ недостаткѣ тамъ способныхъ и надежныхъ чиновниковъ. Ябеда и корысть нижнихъ исполнителей нерѣдко испровергали тамъ лучшія начинанія начальства. Съ назначеніемъ туда настоящаго генералъ-губернатора даны ему были разныя средства къ истребленію сего зла. Вы не оставите примѣтить, до какой степени средства сіи подѣйствовали на перемѣну и лучшій выборъ чиновниковъ, и какія можно имѣть надежды въ дальнѣйшихъ къ тому успѣхахъ.

3) Пространство сибирскихъ губерній и малое населеніе дѣлало неудобнымъ раздробленіе ихъ на великое число уѣздовъ. Умноженіе судныхъ и другихъ мѣстъ, среди людей по большей части необразованныхъ, умножало только способы къ злоупотребленіямъ. Признано было нужнымъ въ новомъ раздѣленіи сихъ губерній сократить число уѣздовъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ признано было не менѣе нужнымъ каждый уѣздъ раздѣлить на нѣсколько отдѣленій или коммисарствъ, изъ коихъ въ каждомъ долженъ быть губернскимъ начальствомъ избранъ и поставленъ надежный смотритель. Должность его есть надзирать и отвѣтствовать въ подчиненныхъ ему волостяхъ за благоустройство и давать расправу въ спорахъ малозначущихъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ подробнѣйшія свѣдѣнія объ обязанностяхъ сего званія и о мѣстахъ, гдѣ смотрители сіи по донесенію сибирскаго генералъ-губернатора должны уже находиться. Вы не оставите обратить вниманіе ваше на выборъ сихъ смотрителей и на образъ ихъ поведенія, сообразить, соотвѣтствуетъ ли вообще учрежденіе сіе въ полной мѣрѣ тѣмъ предположеніямъ, кои при введеніи его здѣсь въ виду были.

4) Земскія повинности вездѣ составляютъ важную статью государственныхъ налоговъ. Но въ губерніяхъ сибирскихъ повинности сіи по мѣстному ихъ положенію болѣе еще ощутительны. Провожаніе колодниковъ, въ множествѣ туда стекающихся, починка дорогъ на столь великомъ пространствѣ, сборы на отопленіе и освѣщеніе казармъ и прочіе предметы повинностей составляютъ тамъ значущую для обывателей тяжесть. Но тяжесть сія можетъ увеличиться, когда она расположена будетъ неуравнительно, когда къ сборамъ, законами положеннымъ, присоединятся разныя злоупотребительныя притязанія низшихъ исполнителей, и когда къ государственнымъ нуждамъ присовокупятся еще и частныя прихоти. Долголѣтній опытъ доказалъ, что Сибирь всегда была симъ злоупотребленіямъ подвержена. Вы можете въ проѣздъ вашъ обратить на часть сію вниманіе ваше и о безпорядкахъ, кои вы усмотрите, Мнѣ донести. А дабы доставить вамъ въ семъ болѣе удобности, Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ подробныя свѣдѣнія о всѣхъ повинностяхъ, кои въ сихъ губерніяхъ законно существовать могутъ. Вы не оставите примѣтить образъ ихъ расположенія, уравнительно-ли онѣ исправляются и, подъ предлогомъ требованій закономъ положенныхъ, не скрываются ли какіе-либо частные поборы.

5) Вы не оставите, конечно, посѣтить въ губернскихъ городахъ приказы общественнаго призрѣнія, обозрѣть ихъ заведенія и особенно обратить вниманіе ваше на состояніе остроговъ и больницъ. Примѣчанія ваши могутъ послужить надежнымъ основаніемъ къ положенію на мѣрѣ нужныхъ въ сей части исправленій.

6) По связи съ состояніемъ больницъ медицинскаго управленія не безполезно бы было и на сію часть обратить примѣчаніе ваше. Охраненіе народнаго здравія, особенно въ странѣ толь мало населенной, составляетъ весьма уважительное обстоятельство. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ о предметахъ, кои наиболѣе въ семъ родѣ могутъ на себя привлечь ваше вниманіе по случаямъ и удобности, кои къ тому въ пути вамъ представиться могутъ.

II. По части хозяйственной.

7) По слабому состоянію земледѣлія въ сибирскихъ губерніяхъ нерѣдко продовольствіе тамъ подвергалось важнымъ затрудненіямъ. Сверхъ естественныхъ причинъ и худого урожая недостатокъ происходитъ иногда и отъ стѣснительныхъ мѣръ, принимаемыхъ мѣстнымъ начальствомъ. Хотя стѣсненія сіи вслѣд-

ствіе данныхъ отсель точныхъ повелѣній должны быть пресѣчены, о чемъ вы лично старайтесь удостовѣриться, но тѣмъ не менѣе нужно искать способовъ къ усиленію тамъ земледѣлія. Все, что по мѣстному вашему обозрѣнію примыслить къ сему будетъ можно, послужитъ важнымъ дополненіемъ къ тѣмъ мѣрамъ, кои мѣстное начальство принимать къ сему обязано. Примѣчанія ваши объ образѣ настоящаго тамъ заготовленія хлѣба для заводовъ, воинскихъ командъ и уѣздовъ не хлѣбородныхъ, о способахъ сообщенія и прочихъ обстоятельствахъ къ сему принадлежащихъ, могутъ быть основаніемъ къ распоряженіямъ, кои въ сей части принять должно, или къ усиленію тѣхъ, кои уже приняты.

8) Въ Тобольской губерніи нерѣдко затрудняемо было продовольствіе солью. По великому количеству соляныхъ тамъ промысловъ никогда недостатка въ соли быть бы не долженствовало; но отъ упущенія времени и другихъ обстоятельствъ нерѣдко къ перевозкѣ соли употребляемы были поселяне по нарядамъ съ великимъ для нихъ отягощеніемъ. Наряды сіи всегда строго были воспрещаемы по мѣрѣ, какъ они до свѣдѣнія сюда доходили. Въ инструкціи, данной настоящему генералъ-губернатору, подтверждено снова сіе запрещеніе. Вы не оставите обратить вниманіе ваше на сію важную часть народныхъ нуждъ и если усмотрите какія-либо предположенія къ усиленію заготовленія соли и къ удобнѣйшему ея доставленію, вы не оставите представить о нихъ для надлежащаго по тому соображенія.

9) Ввозъ вина въ ясашныя селенія давно уже былъ запрещенъ. По представленію настоящаго генералъ-губернатора запрещеніе снова подтверждено. Но если бы и за симъ злоупотребленіе сіе существовало и дошло до свѣдѣнія вашего, вы не оставите сообщить о томъ сибирскому генералъ-губернатору какъ для надлежащаго и скораго исправленія, такъ и преданія виновныхъ суду, и сюда донесете.

10) Вообще состояніе ясашныхъ народовъ заслуживаетъ особенное вниманіе. Примѣры притѣсненій, часто ненаказанно имъ наносимыхъ отъ мѣстныхъ расправъ и судовъ, неоднократно заставляли подтверждать, чтобъ въ спорныя ихъ дѣла между собою и въ раскладки повинностей низшіе земскіе исполнители наименѣе входили и оставляли бы сколько можно болѣе имъ свободы разбираться, по обычаямъ ихъ, улусными ихъ старшинами, ими самими избираемыми. Сіе подтверждено было и въ послѣднихъ инструкціяхъ, сибирскому генералъ-губернатору данныхъ. Вы не оставите навѣдываться о настоящемъ ихъ положеніи, объ образѣ ихъ внутренняго управленія и о притѣсненіяхъ, если бы какія по жалобамъ ихъ или по дѣламъ замѣчены были, и о всемъ томъ сообщать генералъ-губернатору, требуя отъ него надлежащаго въ безпорядкахъ сихъ исправленія и донося о всемъ сюда обстоятельно.

11) Наконецъ поселеніе за Байкаломъ составитъ также предметъ вашего вниманія. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ свѣдѣнія о томъ положеніи, въ какомъ заведеніе сіе находится по послѣднимъ о немъ извѣстіямъ. Изъ свѣдѣній сихъ усмотрите вы, что предпріятіе сіе, съ толикими затрудненіями и издержками сопряженное, доселѣ не получило еще твердаго и надежнаго образованія и, слѣдовательно, все, что къ совершенію его по мѣстному познанію представить вы можете, будетъ весьма уважительно.

Въ семъ состоятъ главные предметы, на кои желалъ Я обратить вниманіе ваше. Благоразуміе и дѣятельность ваша удостовѣряютъ Меня, что, слѣдуя сему общему назначенію, вы не упустите въ примѣчаніяхъ вашихъ ничего, что по времени и удобностямъ пути вашего можетъ представиться вамъ полезнымъ къ лучшему познанію и устройству сего края.

Въ Санктпетербургѣ. Маія 20 дня 1805 года.

Александръ.

Графъ В. Кочубей.

III.

Секретно.

Полученъ 25-го мая.

Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Головкину.

Въ дополненіе къ предписаніямъ, которыя вы вмѣстѣ съ симъ получите, Я нужнымъ признаю по той довѣренности, коею вы облечены, возложить на васъ особенно слѣдующее порученіе.

По разнымъ неудобствамъ и злоупотребленіямъ, отъ начальниковъ сибирскаго края происходившимъ, Я обратилъ на оный съ самаго начала все Мое вниманіе и, желая отвратить оныя, поручалъ сенатору Селифонтову осмотрѣть оный и наконецъ, снабдивъ его обстоятельною инструкціею, возложилъ на него главное управленіе сибирскихъ губерній съ властію, которая достаточна быть могла какъ къ прекращенію прежнихъ безпорядковъ, такъ и къ произведенію всего того, что̀ къ пользѣ края или дѣлъ относиться могло. Но къ крайнему удивленію Моему разныя свѣдѣнія, оттоль сюда доходящія, заставляютъ Меня опасаться, что не только вышеупомянутая цѣль не достигнута, но что новые безпорядки и злоупотребленія во многія части вкрались. Я потому желаю, чтобы вы обратили вниманіе ваше на всѣ дѣйствія тамошняго генералъ-губернатора, и всѣми способами, какіе удобнѣйшими вы признаете, старались вникнуть въ образъ управленія его, донося Мнѣ о всемъ томъ, что̀ вами по случаю сему будетъ открыто.

Я увѣренъ, что, чувствуя все пространство довѣренности, которую Я вамъ симъ показываю, вы, исполняя обязанность вашу, не сокроете отъ Меня ничего и поставите Меня такимъ образомъ въ возможность отвратить дальнія вредныя послѣдствія отъ края, который и потому особеннаго попеченія Моего требуетъ, что отдаленность онаго, при всей бдительности правительства, подвергаетъ его болѣе другихъ частей Имперіи таковымъ неудобствамъ.

Въ Санктпетербургѣ. Маія 20-го дня 1805 года.

Александръ.

Графъ В. Кочубей.

IV.

Полученъ 25-го майя.

Господину Дѣйствительному Тайному Совѣтнику Графу Головкину.

Сверхъ предписаній, данныхъ вамъ относительно сибирскихъ губерній, Я считаю нужнымъ поручить вамъ, чтобъ и по прочимъ губерніямъ, чрезъ кои путь вашъ продолжать вы будете, обратили вы, по мѣрѣ удобности, вниманіе ваше на разныя части внутренняго ихъ управленія. Дѣйствіе городской и земской полиціи, распорядокъ земскихъ повинностей, состояніе человѣколюбивыхъ заведеній, количество дѣлъ въ присутственныхъ мѣстахъ, дѣла колодничьи, состояніе остроговъ, образъ взысканія недоимокъ, продовольствіе народа солью, свобода и безпрепятственное теченіе разныхъ промысловъ, *вообще благосостояніе поселянъ* [1]) и прочія симъ подобныя статьи, къ губернскому управленію принадлежащія, будутъ предметомъ вниманія вашего по мѣрѣ случаевъ и удобностей, какіе вамъ представиться на пути вашемъ могутъ.

Вездѣ, гдѣ встрѣтите вы по симъ предметамъ упущеніе, злоупотребленіе, а наипаче безгласное каковое-либо притѣсненіе, вы не оставите, по званію сенатора, предлагать мѣстному начальству о исправленіи и преданіи виновныхъ суду, и въ то же время Мнѣ доносить.

Въ Санкт-Петербургѣ. Маія 20-го дня 1805 года.

Александръ.

Графъ В. Кочубей.

V.

Копія съ инструкціи, данной чрезвычайному и полномочному послу графу Юрію Александровичу Головкину въ С.-Петербургѣ Іюля 6-го дня 1805 года.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Головкинъ!

Желая распространить сколько можно болѣе торговлю Нашихъ подданныхъ, дабы доставить имъ сугубые способы къ благосостоянію и изобилію, Мы открыли ей многіе новые пути внутри государства и внѣ онаго и доставили разныя льготы и преимущества; торгъ съ китайцами обращаетъ нынѣ къ себѣ Наше вниманіе. Въ настоящемъ стѣсненномъ положеніи онъ доставляетъ уже Нашимъ подданнымъ нарочитыя выгоды, но можетъ сдѣлаться наиобильнѣйшимъ источникомъ промышленности, изобилія и богатства, если будетъ устроенъ на прочномъ основаніи, и если пре-

[1]) Слова, напечатанныя курсивомъ, собственноручно вписаны Государемъ между строкъ.

дѣлы его будутъ расширены. Для сего признали Мы полезнымъ отправить васъ въ Пекинъ въ качествѣ чрезвычайнаго и полномочнаго посла и снабдить васъ слѣдующимъ предписаніемъ.

Китайское правительство предварено уже о посольствѣ, къ нимъ назначаемомъ, и на принятіе онаго изъявило свое согласіе, но недовѣрчивость китайцевъ и удаленность отъ всего, что̀ имѣетъ видъ новости, были поводомъ, что сообщая имъ о томъ, постановленъ имъ былъ въ виду одинъ только предметъ сему отправленію и именно тотъ, чтобъ поздравить Богдыхана со вступленіемъ на престолъ его прародителей и извѣстить равномѣрно о восшествіи на престолъ Нашемъ. Вотъ предлогъ посольства въ Китай, Нами назначаемаго, но отъ благоразумія вашего и тѣхъ свѣдѣній, кои тамъ вы получите, зависѣть будетъ изысканіе средствъ къ наилучшему окончанію возлагаемыхъ на васъ порученій.

Отдаленность Китайской Имперіи, совершенно иной образъ производства дѣлъ, другіе нравы и неизвѣстность, въ коей мы находимся, о нуждахъ того края, о склонностяхъ и расположеніи управляющихъ, содѣлываютъ почти невозможнымъ опредѣлить здѣсь предварительно образъ поведенія, которому вамъ должно будетъ слѣдовать; товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ тайный совѣтникъ князь Чарторыскій сообщитъ вамъ всѣ свѣдѣнія, какія касательно сношеній нашихъ съ Китаемъ и до торговли съ государствомъ симъ въ разныхъ департаментахъ имѣются; изъ оныхъ вы съ большею удобностію почерпнуть можете нѣкоторыя правила въ руководство ваше, здѣсь же будутъ начертаны токмо главнѣйшія статьи, кои по соображенію кажутся долженствующими служить предметомъ стараній вашихъ въ Пекинѣ.

1-е.

Хотя при Пекинскомъ дворѣ строго наблюдается, чтобы въ пріемѣ и обхожденіи съ акредитованными особами отъ другихъ державъ, туда пріѣзжающими, не отступать отъ правилъ и образцовъ, издревле у нихъ поставленныхъ для подданныхъ Богдыхановыхъ, со всѣмъ тѣхъ разные чиновники, по времени отсюда туда посылаемые, успѣли отклонить нѣкоторые изъ сихъ обрядовъ, наиболѣе казавшіеся противными величеству Россійской Имперіи. Мы надѣемся, что и вы, слѣдуя тѣмъ примѣрамъ, не оставите употребить всѣ старанія, чтобъ пріемъ, который вамъ учиненъ быть имѣетъ, по колику возможно соотвѣтствовалъ знаменитому качеству, коимъ облечены вы, и достоинству Имперіи Нашей, а для сего и должно до въѣзда вашего въ Пекинъ или въ другое мѣсто пребыванія государя китайскаго условиться съ его министрами о образѣ, коимъ вы приняты и отпущены будете, и о этикетѣ, каковой при томъ соблюденъ быть долженъ, но въ семъ случаѣ, равно какъ и въ другихъ, не должно жертвовать выгодами, коихъ ожидаемъ Мы отъ отправленія вашего въ Пекинъ, обряду церемоніальному, если бы, паче чаянія, китайцы упорно настояли въ томъ, чтобы удержать оный въ первобытномъ положеніи.

2-е.

Торговля между Россіею и Китаемъ ограничена нынѣ въ одной только Кяхтѣ, гдѣ чинится размѣнъ товаровъ между обоюдныхъ подданныхъ, отдаленные же жители пространныхъ границъ нашихъ съ Китаемъ или вовсе лишаются плодовъ, кои отъ оной получить могли бы, или получаютъ только нужное и продаютъ свои избытки съ великими затрудненіями, а потому весьма было бы желательно склонить пекинскій дворъ на то, чтобъ торговый промыселъ производился по всей границѣ безпрепятственно; если жъ въ семъ встрѣтите непреоборимыя затрудненія, тогда достаточна будетъ и та выгода, чтобъ открыть новую дорогу торгу нашему установленіемъ размѣннаго мѣста сверхъ Кяхты еще у крѣпости Бухтармы, которая, кромѣ того что двумя тысячами верстами ближе къ Москвѣ, нежели Кяхта, представляетъ еще другія многія удобства какъ для нашихъ купцовъ, такъ и для китайскихъ.

3-е.

Камчатка и Сѣверо-Американскія селенія наши, представляющія толь обильные источники богатствъ, терпятъ величайшую нужду въ жизненныхъ и другихъ вещахъ, для нихъ необходимыхъ, потому что доставленіе оныхъ, въ разсужденіи существующихъ нынѣ путей, сопряжено съ большими издержками и крайне затруднительно; мѣста сіи остаются непаселенными и подданные

наши лишаются возможности умножить тамъ число мореходныхъ судовъ своихъ, не могутъ усилить торговлю нашу съ Японіею и съ самымъ Китаемъ чрезъ Кантонъ; одна рѣка Амуръ, начинающая свое теченіе близъ предѣловъ нашихъ и впадающая въ Охотское море напротивъ самой Камчатки, Намъ кажется способною водворить тамъ изобиліе; для сего на пути вашемъ въ Пекинъ и въ самомъ семъ городѣ употребите ваше стараніе развѣдать обстоятельно, могутъ ли по оной рѣкѣ проходить суда въ Охотское море и какія именно, мореходныя или токмо плоскодонныя, и буде узнаете положительно, что сія рѣка судоходная, то обратите къ сему предмету все ваше вниманіе и потщитесь всѣми средствами убѣдить китайское правительство, чтобы оное позволило проходить по рѣкѣ Амуру ежегодно хотя нѣсколькимъ судамъ нашимъ. Нужно однако же примѣтить вамъ, что ежели оною рѣкою могутъ проходить только суда мелкія или плоскодонныя, которыя въ море пускаться не могутъ, то въ такомъ случаѣ ваше домогательство должно будетъ имѣть въ виду еще другой предметъ: устроить на устьи рѣки Амура мѣсто для складки товаровъ нашихъ, гдѣ бы суда, идущія изъ Россіи, сгружались, и оттуда уже другія мореходныя суда, приходящія изъ Камчатки и изъ Сѣверо-Американскихъ селеній нашихъ, брали бы грузъ свой для доставленія куда слѣдуетъ.

Извѣстно, что китайцы имѣютъ обыкновеніе затрудняться во всемъ томъ, что имъ кажется для иностранцевъ выгоднымъ, и потому, если они, склоняясь на таковое предложеніе, пожелали бы, чтобы число судовъ нашихъ, коимъ позволятъ ходить по Амуру, было очень ограничено, и чтобъ они не торговали во время плаванія у береговъ той рѣки и у самаго устья оной, или стали бъ требовать, чтобы на тѣхъ судахъ не было оружія, то въ семъ случаѣ отнюдь не отрекайтесь отъ принятія условій ихъ. Впрочемъ, какимъ образомъ представить такое предложеніе Наше, буде вопреки пользы онаго ничего не откроете, и какія внушенія употребить для склоненія къ оному министровъ китайскихъ, предоставляется въ полной мѣрѣ благоразумію и искусству вашему.

4-е.

Вамъ извѣстно, что дѣйствительный камергеръ Резановъ имѣетъ повелѣніе отрядить въ Кантонъ для испытанія торга одно изъ судовъ, состоящихъ въ его вѣдѣніи; и хотя производить торговлю въ Кантонѣ позволено всѣмъ европейскимъ народамъ, но, дабы пришествіе туда судовъ нашихъ въ первой разъ не показалося подозрительнымъ, нужно будетъ, чтобы вы узнали по сему предмету образъ мыслей министерства китайскаго; вы можете между разговорами сказать имъ, что Россія, пользуясь правомъ, которое дано всѣмъ европейскимъ націямъ—пріѣзжать для торгу въ Кантонъ, отправила туда одно судно, и что мы намѣрены и впредь по временамъ чинить туда подобныя отправленія подъ руководствомъ всегда чиновника короннаго. Молчаніе китайцевъ, или отзывъ ихъ покажетъ вамъ нужду употребить ходатайство ваше, чтобъ доставить позволеніе судамъ нашимъ приходить въ Кантонъ, или считать существованіе таковаго позволенія никакому сомнѣнію не подверженнымъ.

5-е.

Сообразуясь съ расположеніями, въ коихъ найдете вы самаго государя китайскаго и министерство его, имѣете всячески стараться получить отъ нихъ согласіе на устроеніе сношеній между нами и Нанкиномъ; сношенія сіи удобно производить можно посредствомъ Желтаго моря, если успѣете убѣдить китайское правительство къ назначенію пристани, въ которую исключительно могли бы приходить одни токмо суда американской Нашей компаніи. Сосѣдство Желтаго моря съ Камчаткою и Америкою подаетъ легчайшіе способы нѣсколько разъ ежегодно повторить торговые обороты, а компанія американская, состоя подъ непосредственнымъ покровительствомъ Нашимъ, обезпечиваетъ китайцевъ совершенно на счетъ раздоровъ и неустройствъ, коимъ они всегда отъ европейскихъ купцовъ опасаются, и вслѣдствіе чего предпочтительнѣе любятъ имѣть дѣло съ привилегированными компаніями.

6-е.

Зная недовѣрчивость китайскаго правительства и старанія его отклонить и удалить подданныхъ своихъ отъ частыхъ сношеній съ иностранцами, хотя Мы и не увѣрены въ полномъ успѣхѣ по всѣмъ домогательствамъ, которыя учинить вамъ поручается, нужнымъ находимъ однако же поставить васъ въ извѣстность о всемъ томъ, что по предмету торговли нашей съ Китаемъ здѣсь признано за полезное, дабы вы, если всего достигнуть будете не въ силахъ, то по крайней мѣрѣ домогались нѣкоторыхъ преимуществъ, имѣя въ виду разныя выгоды, одна другую замѣнить могущія; таковою представляется Намъ свобода посылать караваны наши отъ имени правительства во всѣ внутренніе и пограничные города Китая, или ограниченно въ Пекинъ, въ Наунъ и въ станъ Кутухтинъ, куда въ прежнія времена ходъ онымъ былъ свободный; доставленіе сего права купцамъ россійскимъ поручается равномѣрно особенному старанію вашему какъ и то, чтобъ убѣдить китайцевъ на позволеніе проходить караванамъ нашимъ и миссіямъ, когда оныя въ Пекинъ отправляемы бываютъ, другою удобнѣйшею нынѣшней дорогою, которая, сколько извѣстно по словамъ даже самыхъ китайцевъ, существуетъ.

7-е.

Если успѣете склонить китайское правительство на распространеніе обоюдной торговли согласно съ желаніемъ Нашимъ, въ такомъ случаѣ необходимо должно будетъ имѣть намъ торговыхъ агентовъ отъ короны и именно одного на складочномъ мѣстѣ при устьѣ рѣки Амура, буде таковое мѣсто нужнымъ для насъ окажется, другого въ Кантонѣ, и дипломатическаго агента въ самомъ Пекинѣ; благовидными внушеніями и объясненіями, что для исправленія сихъ должностей будутъ избраны люди самые достойные, что при малѣйшемъ негодованіи мѣстнаго правительства они будутъ смѣняемы и тому подобное, Мы можемъ надѣяться, что вы склоните китайское министерство на податливость удовлетворить сему домогательству Нашему; если же они отъ того совершенно отклонятся, тогда выговорить по крайней мѣрѣ право россійскому архимандриту въ Пекинѣ сноситься съ правительствомъ по дѣламъ купцовъ нашихъ и быть ихъ ходатаемъ, при каковомъ случаѣ вы имѣете дать ему наставленія, сообразныя возлагаемому на него порученію, за подписаніемъ вашимъ.

8-е.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ вамъ отъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ, вы усмотрите, что границы имперіи Нашей съ китайскою подвержены спорамъ, и потому, если бы китайское министерство предложило вамъ учинить новое разграниченіе, то отзовитесь, что на сіе вы не уполномочены, но что, впрочемъ, зная правила, каковыми Мы руководствуемся, и твердое желаніе пребыть въ мирѣ и въ тѣсной дружбѣ и союзѣ съ китайскимъ правительствомъ и будучи притомъ увѣрены въ охотливости Нашей дѣлать угодное его богдыханову величеству при всякихъ случаяхъ, вы не сомнѣваетесь, что Мы подадимся на новое разграниченіе, если и китайское правительство снисхожденіемъ своимъ на домогательства ваши покажетъ взаимную охотливость сдѣлать и Намъ пріятное. Таковое отклоненіе разграниченія до другого удобнѣйшаго времени необходимо при нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствахъ въ Европѣ, которыя, воспрещая Намъ отдѣлить къ китайской границѣ хотя небольшой корпусъ войскъ, разграниченіе легко можетъ быть учинено къ крайнему вреду интересовъ Нашихъ и мы найдемся въ положеніи или прервать связи съ китайскою имперіею, толико для Нашихъ подданныхъ выгодныя, или утвердить границы, съ ущербомъ владѣній Нашихъ учиненныя, каковыхъ не преминутъ китайцы домогаться, видя слабость военныхъ силъ нашихъ въ томъ краѣ.

9-е.

Извѣстно вамъ, что въ Пекинѣ изъ давнихъ лѣтъ пребываетъ духовная наша миссія, но пользы отъ оной никакой по сіе время извлекаемо не было, отъ нерадѣнія ли самыхъ миссіонеровъ, или оттого, что по неимѣнію прямого понятія о томъ краѣ инструкціи, коими снабжали ихъ, были весьма недостаточны; а потому имѣете до отъѣзда вашего изъ Пекина снабдить архи-

мандрита, который туда отправляется, тѣми наставленіями, кои для пользы службы признаете вы нужными, сообразно съ мѣстными тамошними обстоятельствами; не оставьте также осмотрѣть церковь нашу, принадлежащее къ оной строеніе и всѣ заведенія духовенства нашего, предписавъ, кому разсудите, сдѣлать точнѣйшее всему описаніе и, въ какомъ именно положеніи все вами найдено будетъ, донесите Намъ о томъ по возвращеніи вашемъ сюда. Засимъ должно вамъ будетъ пещись, чтобъ исходатайствовать пребывающему въ Пекинѣ архимандриту нашему позволеніе присылать рапорты въ Иностранную Коллегію по крайней мѣрѣ четыре раза въ годъ. Вы можете объяснить министерству китайскому, что всякое благоустроенное государство обязано быть въ извѣстности о состояніи миссіи онаго, въ чужихъ краяхъ находящейся, что чрезъ сіе самое отвращены быть могутъ всякія злоупотребленія, ибо духовенство и ученики, зная, что начальникъ ихъ можетъ донести сюда о погрѣшностяхъ и упущеніяхъ ихъ, остерегаться будутъ, чтобъ не подать малѣйшую причину къ негодованію противу себя; а если кто либо изъ составляющихъ сію миссію содѣлался недостойнымъ оставаться въ Пекинѣ, таковаго позволить архимандриту высылать въ Россію для наказанія, съ тѣмъ чтобы на мѣсто его присылать отсюда другого.

10-е.

Политическіе виды пекинскаго двора, равно какъ и связи онаго или вражды со сопредѣльными ему владѣльцами и народами совершенно неизвѣстны намъ, а потому нужно употребить дѣятельныя старанія ваши, чтобъ развѣдать все, что касается до предметовъ сихъ, узнать также, какое понятіе имѣютъ они о Персіи, о военныхъ нашихъ дѣйствіяхъ въ томъ краѣ, и не подадутся ли они на принятіе какихъ либо согласныхъ съ Нами мѣръ къ обезпеченію обоюдныхъ предѣловъ Нашихъ отъ кочующихъ народовъ и отъ великой Бухаріи; не менѣе того подлежитъ вамъ извѣдать о склонности самаго богдыхана и вліятельнѣйшихъ министрахъ его, къ покою ли расположены они или къ завоеваніямъ, и къ которой сторонѣ болѣе стремиться можетъ цѣль распространенія оныхъ, какія къ тому находятся удобства, или представляются помѣшательства.

11-е.

Англія простреда (sic) завоеванія свои въ восточной Индіи къ самымъ границамъ китайскимъ, на что правительство сего государства не можетъ смотрѣть равнодушно; отъ благоразумія и искусства вашего зависѣть будетъ, узнавъ опасенія съ сей стороны китайцевъ, дать понять министерству ихъ, колико Россія по вліянію и могуществу своему въ Европѣ можетъ для нихъ быть полезною, и что вы увѣрены, что Мы не отклонимся при всякихъ недоразумѣніяхъ или неудовольствіяхъ между пекинскимъ дворомъ и Англіею принимать на себя посредничество, если первый того желать будетъ, къ окончанію миролюбнымъ образомъ встрѣчающихся дѣлъ.

12-е.

Не оставьте такъ же узнать подъ рукою о числѣ войскъ, кои при случаяхъ пекинскій дворъ набрать можетъ, о состояніи артиллеріи и степени искусства ихъ дѣйствовать оною, о добротѣ конницы и образѣ продовольствія въ отдаленныхъ провинціяхъ, и доносить Намъ о семъ обстоятельно, равно какъ и о изобиліи народномъ и о томъ, въ чемъ наиболѣе оный нуждается, о расположеніяхъ китайцевъ къ манжурцамъ и мунгальцамъ, какъ нижнихъ классовъ, такъ и высшихъ, о нравѣ нынѣшняго Далай-Ламы и Кутухты, о образѣ поведенія съ ними пекинскаго двора и до какой степени вліяніе ихъ надъ умами народа опасно двору сему.

13-е.

Желаніе распространить торговыя наши сношенія и въ самыхъ областяхъ Далай-Ламы было причиною, что при разныхъ калмыцкихъ поклонникахъ, кои къ сему первосвященнику отправлялись, назначался всегда одинъ чиновникъ въ видѣ пристава, дабы извѣдать о положеніи народовъ, во владѣніяхъ его обитающихъ, о произведеніи того края и о тѣхъ вещахъ, коими могли бы мы снабжать ихъ; но китайское правительство, пропуская поклонниковъ, чиновнику всегда воспрещало подъ разными предлогами входъ въ предѣлы свои, чрезъ которые лежитъ кратчайшая дорога въ области Далай-Ламы, а потому и поручается вамъ внушить китайскому

министерству, что по законамъ россійскимъ, издревле установленнымъ, кочующіе народы, Россіи подвластные, не могутъ посылать внѣ предѣловъ Имперіи кого бы то ни было изъ среды своего общества безъ короннаго пристава, что китайское правительство, воспрещая сему чиновнику сопровождать калмыкъ, лишаетъ ихъ средствъ удовлетворить ихъ надобности и спасительнымъ намѣреніямъ, и что Мы, зная человѣколюбивыя правила его богдыханова величества и министерства его, надѣемся, что подобнымъ поклонникамъ съ приставами ихъ не будетъ впредь чинимо никакое препятствіе проходить на поклоненіе къ Далай-Ламѣ.

14-е.

Хотя все то, о чемъ предполагается здѣсь домогаться вамъ въ Пекинѣ, основано на явной и обоюдной пользѣ какъ нашихъ, такъ и подданныхъ китайской имперіи, вѣроятно однако же, что министерство тамошнее почтетъ сіи предложенія выгодными только для Россіи исключительно, поелику требованія чинимы быть имѣютъ отъ васъ, а не отъ нихъ, а потому, сколько ни увѣрены Мы, что вы потщитесь вразумить имъ истинное о тѣхъ предметахъ понятіе, желаемъ, чтобъ вы въ то же время были въ возможности предложить имъ и съ нашей стороны какія либо выгоды; таковою представляется посредничество наше, о которомъ выше упомянуто, къ оному можно присоединить ограниченное позволеніе вывоза нѣкоторыхъ нынѣ запрещенныхъ товаровъ и тому подобное; для сего самаго при проѣздѣ вашемъ въ Китай имѣете обстоятельно развѣдать, въ чемъ именно могутъ состоять тѣ выгоды, кои можно даровать китайской торговлѣ безъ всякаго ущерба для нашей, и тогда касательно оныхъ при негоціяціяхъ вашихъ въ Пекинѣ позволяется вамъ сдѣлать постановленіе. Не менѣе сего надлежитъ вамъ стараться извѣдать на пути вашемъ и о существующихъ можетъ быть злоупотребленіяхъ при торговлѣ съ китайцами или съ нашей или съ ихъ стороны, и о разныхъ выгодахъ, кои можно бы торговлѣ сей доставить сверхъ выше уже начертанныхъ, что все принявъ въ соображеніе съ истинными пользами нашими, учинить предметами домогательствъ вашихъ въ Пекинѣ, по колику мѣстныя обстоятельства позволять вамъ будутъ, а о злоупотребленіяхъ, кои бы открылись въ предѣлахъ нашихъ, сообщить безъ отлагательства кому надлежитъ, для прекращенія оныхъ, донося и Намъ обо всемъ подробно.

15-е.

По повелѣнію Нашему отпущено вамъ двадцать пудъ серебра въ слиткахъ разнаго вѣса для чрезвычайныхъ издержекъ, кои могутъ встрѣтиться какъ на пути, такъ и въ самомъ Пекинѣ. Оныя имѣете вы употребить вездѣ, гдѣ польза службы требовать будетъ, а также и на отправленія курьеровъ, выдавая онымъ нужное только до Кяхты, ибо тамъ они будутъ снабжаемы прогонами отъ пограничнаго нашего начальства.

16-е.

Во время путешествія вашего до Пекина, въ самомъ семъ городѣ и на обратномъ пути должно вамъ имѣть тщательное попеченіе, чтобы не довести себя съ китайцами до непріятности какого бы рода ни было, и въ случаѣ крайности упреждать или отвращать оныя благоразумнымъ къ мѣсту и кстати снисхожденіемъ, дабы инако отъ постороннихъ причинъ не могло потерпѣть дѣло, на васъ возлагаемое, толико для насъ важное; всякое затрудненіе старайтесь отклонять изъясненіями дружественными, избѣгая благоразумнымъ образомъ все то, что могло бы раздражить высокомѣрный и надменный нравъ китайцевъ. Чиновникамъ же, свиту вашу составляющимъ, не оставите предписать наистрожайше имѣть съ китайцами поведеніе самое ласковое.

17-е.

Что касается до внутренняго управленія миссіи вашей, то главное дѣло состоитъ въ томъ, дабы каждый служеніе на него возложенное проходилъ съ усердіемъ и радѣніемъ, чтобъ вообще сохраненъ былъ наистрожайшій порядокъ, чтобъ непозволяемо было чинить никакихъ обидъ и озлобленій кому бы то ни было. Буде же на пути и въ Пекинѣ, паче всякаго чаянія, оказался кто не рачительнымъ къ своей должности и по начальническомъ вашемъ внушеніи не исправится, таковыхъ, состоящихъ въ 6-мъ классѣ

и выше, высылать въ Россію, а отъ 7-го и ниже наказывать арестомъ; если же и послѣ сего впадутъ они въ вину, тогда и ихъ по усмотрѣнію вашему высылать въ Россію, донеся Намъ о причинахъ, васъ къ тому побудившихъ; съ нижними же воинскими чинами поступать на основаніи военнаго устава и артикуловъ.

18-е.

Донесенія ваши вообще имѣете присылать къ товарищу министра иностранныхъ дѣлъ, на какомъ языкѣ удобнѣйшимъ для васъ будетъ.

19-е.

Извѣстно будучи, что по этикету пекинскаго двора не всегда можно вамъ имѣть конференцію лично съ китайскимъ министерствомъ, Мы уполномочиваемъ васъ назначить для сего съ качествомъ полномочнаго министра или только повѣреннаго въ дѣлахъ, кого способнѣйшимъ признаете изъ чиновниковъ миссію вашу составляющихъ.

Начертавъ вамъ все то, что по имѣющимся здѣсь свѣдѣніямъ представляется нужнѣйшимъ для подданныхъ нашихъ по торговлѣ ихъ съ Китаемъ, Мы увѣрены, что вы, движимы будучи всегдашнимъ усердіемъ вашимъ къ службѣ Нашей, и имѣя въ виду пользу отечества, признательность Нашу и благоволеніе, равномѣрно и славу, которую навсегда вы пріобрѣтете, потщитесь достигнуть совершеннаго успѣха по возложенному на васъ порученію.

Пребываемъ вамъ благосклонны.

На подлинномъ подписано: *Александръ.*

Контросигнировалъ К. Адамъ Чарторыскій.

VI.

Копія съ депеши товарища министра иностранныхъ дѣлъ, князя А. А. Чарторыскаго къ графу Ю. А. Головкину, изъ С.-Петербурга іюля 8-го дня 1805 года.

Извлекая возможнѣйшую пользу изъ отправленія вашего Сіятельства въ Пекинъ, встрѣчается при семъ случаѣ вся удобность

торговые виды наши познакомить [1]) въ самомъ Кабулѣ, распространивъ оные чрезъ Тибетъ, лежащій поперечною чертою отъ китайской имперіи мимо Индостана до Персіи.

Намѣренія Государя Петра Великаго всегда стремились водворить торгъ нашъ въ Индіи чрезъ Персію, но издавна внутренніе мятежи страны сей полагали въ томъ преграды. Въ 1717 году посольство Волынскаго къ тогдашнему шаху первыя положило основанія свободы россійской торговли въ Персіи, но въ 1721 году принужденъ уже былъ Государь перемѣнить торговые виды на военные и хотя около сего времени Россіяне по силѣ заключенныхъ договоровъ съ шахомъ Тохмасомъ получили опять право торговать въ Персіи свободно, хотя и имѣли дозволеніе проѣзжать въ самую Индію безопасно, но тутъ, какъ извѣстно, армяне вступили посредниками онаго, доколѣ Персія была спокойна, а потомъ возникшіе опять мятежи и торгъ уничтожили и армянъ разорили.

Постоянная тишина китайскаго государства и правила таможняго двора, къ таковому положенію способствующія, обѣщаютъ, кажется, лучшіе успѣхи въ достиженіи чрезъ Тибетъ до Индіи.

По симъ причинамъ должно внушить китайскому министерству, что Государь Императоръ при всей кротости правилъ своихъ будучи вынуждаемъ усмирить вѣроломнаго Бабахана войною, не можетъ даже и быть въ согласіи съ непостояннымъ симъ народомъ, что самая Грузія, Имеретія, Мингрелія и ханства Карабагское и Шекинское, избѣгая жестокости персидскихъ владѣльцевъ, покорились благодѣтельному правленію Россійскаго Монарха, что обстоятельства сіи заставляютъ Его Величество еще болѣе уважать и утвердить тѣснѣйшимъ союзомъ дружбу и доброе согласіе съ китайскимъ императоромъ и владѣтелемъ кабульскимъ. Но поелику сношенія наши съ послѣднимъ не могутъ быть производимы чрезъ Персію по причинѣ военныхъ дѣйствій, ни чрезъ степи, обитаемыя кочующими народами, или чрезъ великую Бухарію по испытанному вѣроломству сихъ народовъ, то Его Величество желаетъ, чтобы китайскій дворъ дозволилъ проѣхать безопасно въ Кабулъ нѣкоторымъ чиновникамъ отъ миссіи вашей для объясненія помянутому

[1]) Такъ въ рукописи.

владѣтелю миролюбивыхъ Его намѣреній, дозволивъ и впредь подданнымъ Россійскаго Монарха слѣдовать путемъ симъ невозбранно. При домогательствѣ сего рода замѣтить Китайцамъ должно, что 1714 году прародитель Его Императорскаго Величества благосклонно дозволилъ предку китайскаго императора отправить посольство чрезъ Россію къ Калмыцкому хану Аюки. Если китайское министерство на таковое требованіе согласится, тогда, избравъ двухъ или трехъ чиновниковъ изъ состоящихъ подъ начальствомъ вашимъ и придавъ имъ одного переводчика, имѣете снабдить нужными деньгами и нѣкоторыми пристойными подарками къ кабульскому владѣльцу и отправить ихъ къ нему съ письмомъ отъ себя въ соотвѣтственныхъ обстоятельству таковому израженіяхъ, давъ тѣмъ чиновникамъ сообразную предмету ихъ отправленія инструкцію и предписавъ имъ искать возвратиться въ Россію кратчайшею и безопаснѣйшею дорогою.

Хотя въ Высочайшей инструкціи сего числа [1]) Вашему Сіятельству данной и предписано вамъ стараться извлечь пользу для дѣлъ нашихъ изъ опасеній, кои могутъ имѣть китайцы со стороны Англіи, Его Величество повелѣть мнѣ соизволилъ вступить съ вами въ подробнѣйшія по сему предмету объясненія. Существующія связи между Россіею и лондонскимъ дворомъ не позволяютъ намъ принимать какія-либо гласныя обязательства съ китайцами противу послѣдняго, а потому Ваше Сіятельство имѣете токмо дать понять китайскому министерству силу и могущество Россіи и вліяніе ея въ Европѣ, которое подаетъ Государю Императору всѣ способы быть полезнымъ посредникомъ для китайской имперіи въ дѣлахъ ея съ Англіею; сверхъ сего нужно вразумить оному министерству, что географическое положеніе китайской имперіи и обширнѣйшія владѣнія Россіи въ Азіи требуютъ, чтобы обѣ сіи державы соединились тѣснѣйшимъ узломъ дружбы, согласія и откровенности, что не безполезно бы было положить на мѣрѣ генеральную систему, которая бы служила правиломъ для обоюдной безопасности и что для утвержденія сего и для состоянія во всегдашнемъ сношеніи и извѣстности о нуждахъ одной или другой имперіи долженъ бы на-

[1]) Инструкція помѣчена 6-мъ іюля.

ходиться при пекинскомъ дворѣ россійскій министръ. При семъ, узнавъ обстоятельно, какое понятіе имѣетъ китайское министерство о Персіи и о настоящемъ владѣтелѣ тамошнемъ, можете искуснѣйшимъ образомъ объяснить оному министерству, что Бабаханъ, благоволя всемѣрно англичанамъ, открываетъ имъ всѣ способы къ распространенію своей власти въ Азіи и что россійскаго и пекинскаго двора интересы требуютъ обуздать поколику возможно сего безпокойнаго владѣльца персидскаго, что Россія, гранича съ нимъ съ одной стороны, а китайская держава чрезъ Кабуль и Кандагаръ, имѣетъ (sic) къ тому всѣ удобства, но что нужно бы предварительно обоимъ императорскимъ дворамъ объясниться и опредѣлить поведеніе, коему слѣдовать надлежитъ. Говоря здѣсь о Кабулѣ и Кандагарѣ, я долженъ вамъ сказать, что мы истиннаго и прямаго понятія объ сихъ владѣніяхъ не имѣемъ, знаемъ только, да и то по словамъ, коимъ равномѣрно полную вѣру давать не можно, что они смежны съ землями, англинскимъ колоніямъ принадлежащими. О сихъ послѣднихъ необходимо нужно будетъ вамъ извѣдать вѣрнѣйшимъ образомъ, какъ далеко распространяются, какія силы имѣютъ тутъ англичане и коль много опасны оныя для китайскихъ предѣловъ; не менѣе того попеченію вашему надлежать будетъ узнать подробно все относящееся до положенія Кабула и Кандагара, до силъ сихъ владѣній и до вліянія, кои имѣютъ оныя на персидскія и другія азіатскія дѣла. Однимъ словомъ, нужно намъ имѣть здѣсь генеральное обозрѣніе всей Азіи; знатныя пріобрѣтенія, кои теперь учинила Россія въ сей части свѣта, содѣлываютъ то для насъ необходимымъ, дабы, зная о положеніи политическомъ, военномъ и торговомъ каждаго владѣнія азіатскаго, и кочующихъ народовъ связи, и враждованіе всѣхъ ихъ между собою, можно было извлечь изъ того возможныя выгоды и пользу для нашихъ азіатскихъ провинцій.

Если примѣтите, что употребленіемъ кстати нѣкоторыхъ денежныхъ суммъ можно будетъ вамъ удобнѣе убѣдить китайское министерство согласиться на разныя требованія наши, Ваше Сіятельство разрѣшены въ полной мѣрѣ воспользоваться симъ средствомъ; и буде экстраординарная сумма, вамъ отпущенная, не достанетъ на издержки, кои найдетесь вы принужденными чинить,

тогда, если время позволитъ, или отнеситесь сюда, дабы доставить вамъ безъ отлагательства потребное число денегъ, или употребите изъ своихъ собственныхъ, которыя по донесенію вашему немедленно выданы будутъ здѣсь тому, кому вы поручите оныя принять.

Сообщая по Высочайшему повелѣнію о всемъ семъ вамъ, милостивый государь, имѣю къ тому присовокупить, что Его Величеству угодно, дабы вы о всѣхъ тѣхъ свѣдѣніяхъ, кои относительно до дѣлъ нашихъ съ Китаемъ получите еще въ предѣлахъ Россіи, и о предполагаемомъ вами изъ оныхъ употребленіи, донесли съ границы сюда.

Имѣю честь быть и пр.

VII.

Замѣчанія по случаю намѣреваемаго отправленія въ Пекинъ (въ 1803-мъ г.) [1].

1) Нужно, чтобъ духовная свита, которой по трактату положено быть въ Пекинѣ, и которую, кажется, уже пора отправить туда на смѣну, составлена была изъ особъ просвѣщенныхъ, ученыхъ, и чтобъ благонравіе ихъ служило опроверженіемъ тому худому мнѣнію, которое, сколько извѣстно, имѣютъ китайцы о русскихъ.

2) Учениковъ надобно туда послать также по выбору, лѣтъ около 20-ти, съ природными дарованіями, похвальнаго поведенія, положившихъ хорошее основаніе въ наукахъ и языкахъ, то есть обучившихся по крайней мѣрѣ грамматикѣ своей и латинской или другого иностраннаго языка, риторикѣ, логикѣ, ариѳметикѣ, геометріи, географіи и исторіи. Съ такимъ предуготовленіемъ успѣютъ они скорѣе и болѣе въ предназначенной имъ цѣли. По распространяемому съ китайцами сношенію нашему нынѣшнее число учениковъ сихъ кажется недостаточнымъ, и для того слѣдовало бы употребить стараніе, чтобъ китайцы не препятствовали намъ имѣть

[1]) Рукою переписчика.

ихъ тамъ хотя человѣкъ шесть. А дабы ученики сіи могли удобнѣе учиться, и какъ они, такъ и помянутые духовные лучше содержать себя, нужно бы сдѣлать къ окладамъ ихъ соразмѣрную прибавку.

3) Не безполезно къ отправляющемуся посольству придать изъ здѣшнихъ іезуитовъ (кои возстановленіемъ и благоденствіемъ своимъ обязаны Двору Россійскому) человѣка искуснаго, котораго бы избралъ начальникъ ихъ и за котораго бы благонамѣренность и усердіе онъ отвѣчалъ. Посредствомъ таковаго іезуита удобнѣе имѣть сношеніе съ находящеюся въ Пекинѣ собратіею его, римскими миссіонерами, и получать отъ нихъ разныя извѣстія и услуги. Въ 1689 году на бывшемъ у Нерчинска съѣздѣ пословъ россійскихъ (Головина и Власова) съ китайскими, сіи послѣдніе, упрямствуя въ спорѣ о границѣ, перервали было переговоры, но находившіеся тутъ іезуиты Перейра и Гербеліонъ, получивъ подарки отъ россіянъ, убѣдили китайцевъ къ снисходительнѣйшимъ мѣрамъ, почему и состоялся 29-го августа того-жъ года извѣстный мирный договоръ. Да и кромѣ того, читавшимъ исторію и описаніе Китая извѣстно, что римскіе миссіонеры тамъ въ немалой довѣренности, и что они буде не всѣ, то конечно большею частію іезуиты, перемѣнившіе названіе сіе невольно по причинѣ уничтоженія ихъ ордена, слѣдовательно, еще къ нему привязанные. Пользуясь симъ пристрастіемъ ихъ, можно бы попытаться, не удастся ли присоединить ихъ къ здѣшней іезуитской конгрегаціи и привесть ихъ такимъ образомъ въ нѣкоторую отъ Россійскаго Двора зависимость. Привязанность іезуитовъ нашихъ къ ордену и честолюбіе Груберово намъ въ томъ помогутъ, а домогательство Государево у папы совершило-бъ сіе намѣреніе.

4) Касательно морской экспедиціи, отправленной подъ начальствомъ господина камергера Резанова, долженствующаго на 1805 годъ зимовать въ Камчаткѣ, а послѣ на возвратномъ пути зайти въ Кантонъ, для заведенія и установленія тамъ торговыхъ сношеній, имѣетъ министръ, въ Пекинъ ѣдущій, по прибытіи своемъ туда, предувѣдомить китайское правительство и домогаться, чтобъ вслѣдствіе существующаго между обоими дворами сосѣдственнаго добраго согласія и дружбы, г-нъ Резановъ принятъ былъ ласково и нашелъ въ порученномъ ему дѣлѣ всю нужную податливость и

пособіе, чтобъ и впредь невозбранно было судамъ россійскимъ приходить въ Кантонъ и производить торгъ со всѣми тѣми выгодами, каковыми пользуются тамъ другіе, наиболѣе благопріятствуемые народы; чтобъ въ поспѣшествованіе торговлѣ сей и для лучшаго исправленія разныхъ относящихся къ тому порученій позволено было имѣть тамъ со стороны нашей повѣреннаго, который бы состоялъ подъ особымъ покровительствомъ и защищеніемъ правительства китайскаго; и чтобъ для отвращенія всякаго о томъ недоразумѣнія заключенъ былъ формальный договоръ. Прежде могли англичане имѣть купеческія конторы свои и въ Нингъ-по и въ Шусанѣ, что въ провинціи Чекіанской, гдѣ чай и шелкъ дешевле, нежели въ Кантонѣ, но дворъ пекинскій, опасаясь, чтобъ допущеніе иностранцевъ во многіе порты не развратило нравовъ народныхъ, принудилъ англичанъ ограничиться однимъ портомъ кантонскимъ наравнѣ съ другими европейцами. Нынѣ-жъ въ Кохинхинѣ одержали они свободный торгъ („Гамбургскія Вѣдомости", № 144, 1803 года). Попытаемся и мы склонять китайцевъ, чтобъ съ морской стороны отверстъ намъ былъ не одинъ Кантонъ. Подавшіеся оттуда къ сѣверу порты для насъ сподручнѣе. Въ облегченіе негоціаціи можно удовольствоваться изъ нихъ однимъ, опредѣляя, чтобъ и судовъ нашихъ туда приходило ежегодно не болѣе двухъ.

5) Еслибъ здѣсь за благо признано было возстановить ходъ каравановъ нашихъ въ Пекинъ сообразно существующему съ китайцами договору и манифесту 31-го іюля 1762 года, то, поелику таковыхъ отправленій давно не бывало, нужно, чтобъ министръ, объявя о семъ намѣреніи правительству тамошнему, ходатайствовалъ, чтобъ съ караванами нашими поступаемо было дружественно, лучше прежняго; чтобъ могли они ходить не только черезъ три года, но и ежегодно хотя по однажды, и не въ одинъ Пекинъ, но также въ Наунъ (Чичигаръ) и въ станъ Кутухтинъ. До трактата, графомъ Владиславичемъ заключеннаго, въ оба сіи мѣста ходъ былъ свободный. А теперь въ такомъ распространеніи ежели-бъ китайскій дворъ и отказалъ, но предложеніе о возобновленіи торга въ станѣ Кутухтиномъ (сдѣлавшись гласнымъ) было-бъ мунгаламъ пріятно, и умножило-бъ ихъ на китайцевъ негодованіе; что при удобномъ случаѣ можетъ намъ быть полезно. Станъ Кутухты прежде бывалъ при рѣкѣ Эбенѣ въ Орхонъ впадающей, на нѣсколько дней отъ нашей границы. Но для войны съ калмыками и отъ опасенія, чтобъ сей главный жрецъ не поддался Россіи, китайцы въ 1732 году перевезли его оттуда со всѣми къ нему принадлежащими по ту сторону степи Гоби въ страну такъ называемыхъ Семи озеръ (Долапъ-Норъ).

6) Тщательнѣйшимъ образомъ развѣдывать и учредиться (sic) въ Пекинѣ о ближайшей и способнѣйшей туда дорогѣ, ибо извѣстно, что китайцы возятъ русскихъ не одною дорогою; чрезъ Мунгальскую степь она короче, а чрезъ Наунъ способнѣе. Караваны переѣзжали чрезъ песчаную степь Гоби, но не безъ великой нужды, потому что скудна травою и водою. Нерчинская караванная дорога гораздо удобнѣе. Въ 1721 году Измайлову отъ министровъ, съ нимъ трактовавшихъ, въ отвѣтъ на представленіе его о купечествѣ или торгѣ, сказано было между прочимъ, что когда о бѣглецахъ китайскихъ разыскано будетъ, тогда и о свободномъ купечествѣ договоръ постановится, и ежели изъ Россіи чрезъ Селенгинскъ ходить въ Пекинъ каравану покажется далеко, то они сыщутъ къ тому способъ чрезъ землю Контайши и будетъ свободнѣе ходить изъ Тобольска чрезъ Ямышевъ по Иртышу; а для купечества сдѣлаютъ на границѣ городъ; тогда же, говоря о заселенныхъ будто россіянами мѣстахъ и о построенныхъ послѣ мирнаго договора вновь городамъ Амунанѣ, Селенгинскѣ, Удинскѣ, Нерчинскѣ и крѣпостяхъ по Иртышу у Соленаго Озера, присовокупили, что какъ война у нихъ съ Контайшею приходитъ къ окончанію, то и они намѣрены на Иртышѣ построить крѣпость, наполнить оную войсками и свободное тамо учинить купечество, поелику чрезъ тѣ мѣста посламъ и караванамъ россійскимъ ходить по Иртышу до Пекина чрезъ Алтай очень будетъ способно. Да и бывшіе въ 1731 году въ Россіи послы китайскіе отзывались, что есть другая дорога въ Пекинъ вдвое ближе, нежели куда караваны ходятъ, то-есть, чрезъ Ямышевъ мимо города Труфана.

7) Трактовать теперь о границахъ не видится ни выгоды, ни удобности; чего ради и долженъ министръ въ случаѣ вызыва со стороны китайской отклонять всякія ихъ о томъ предложенія, отговари-

ваясь неимѣніемъ никакихъ по сему предмету наставленій и полномочія. Отклоненіе сіе нужно потому: a) что какъ договоромъ, съ пекинскимъ дворомъ заключеннымъ, предоставлено только условиться точнѣе о рѣкахъ и земляхъ между Удою и отдѣляющимъ въ той сторонѣ обоюдныя владѣнія хребтомъ горъ, то условіе сіе послужило бы только къ стѣсненію и безъ того тутъ весьма необширныхъ предѣловъ нашихъ; b) что теперь въ Удскомъ острогѣ и у дающихъ туда ясакъ тунгусовъ, сколько извѣстно, за границу почитается рѣка Тугуръ, протекающая между Амуромъ и порубежнымъ хребтомъ горъ; до Тугура живутъ удскіе тунгуры, а сей рѣки къ югу живущіе платятъ свою дань китайцамъ; c) что хотя оныя, за границу принятыя, горы прямымъ рубежемъ служить не могутъ, простираясь не до самаго Восточнаго Океана, но отклоняясь въ нѣкоторомъ разстояніи отъ морского берега къ сѣверовосточной сторонѣ и на послѣдокъ кончатся при Чукотскомъ Носѣ, произведя рѣки Уду, Охоту, Пелмину, Анадырь и др., но добровольно китайцы, конечно, не уступятъ намъ обратно прежней наилучшей границы—рѣки Амура. Даже нѣтъ надежды, чтобъ согласились отъ устья рѣки Селимды, впадающей въ рѣку Зею, провесть порубежную линію къ Тугуру и оставить намъ верхнюю сторону рѣки Зеи, гдѣ якуты и удскіе тунгуры имѣютъ наилучшій соболиный промыселъ. Настоятельнымъ же о сихъ предметахъ домогательствомъ могутъ китайцы побуждены быть къ той предосторожности, что лежащую по рѣкѣ Амуру страну больше заселятъ и заложатъ тамъ больше крѣпостей, или же къ самому прерванію кяхтинскаго торгу; d) что въ Сибири о границѣ новозавоеванныхъ у калмыковъ китайцами земель, о чемъ уже до сего завоеванія при жизни калмыцкаго хана Галдана Черина съ симъ владѣльцемъ происходило дѣло, новаго опредѣленія хотя еще не учинено (а генераломъ поручикомъ Веймарномъ сей край осматриванъ и положенъ на карту), но и тутъ нельзя намъ ласкать себя одержаніемъ выгоднаго рубежа, если не увидятъ китайцы съ нашей стороны такихъ мѣръ, по коимъ надменность и упрямство ихъ были-бъ напрасны. На учиненное нѣкогда китайцамъ напамятованіе, что бывшіе въ Москвѣ въ 1731 году послы ихъ предлагали уступить нѣсколько Зенгорской земли, которою они тогда овладѣть старались, отвѣтствовали, что предложеніе сіе учинено было въ надеждѣ и ожиданіи помощи россійской.

8) Не мѣшаетъ, однако, безъ усилія и дружески возобновить ходатайство здѣшнее 1756 года, учиненное сенатскимъ листомъ и чрезъ канцелярію совѣтника Братищева, о позволеніи судамъ нашимъ свободно проходить по рѣкѣ Амуру съ хлѣбомъ и другими припасами для гарнизоновъ и обывателей россійскихъ же подданныхъ, въ крѣпостяхъ и острогахъ по сѣверо-восточнымъ берегамъ находящихся. Пекинскій трибуналъ, отвѣтствуя на листъ сенатскій, отказалъ въ семъ требованіи для того, что въ трактатѣ о семъ не упомянуто и что при такомъ проѣздѣ отъ непотребныхъ людей легко повредиться можетъ мирное согласіе. Главною же причиною не были ль угрозы, съ нашей стороны употребленныя? Къ вящему убѣжденію и успокоенію осторожныхъ и подозрительныхъ китайцевъ можно обѣщать, что таковыхъ судовъ отправляться будетъ не болѣе двухъ, что суда сіи будутъ купеческія съ нужнымъ только для управленія ихъ небольшимъ числомъ людей. Въ случаѣ-жъ какого-либо заключаемому о томъ договору нарушенія могутъ китайцы дозволенный нынѣ пропускъ запретить.

Примѣчаніе. Вся рѣка Амуръ до самаго ея устья была прежде подъ Россіею, когда еще китайцы не имѣли о ней никакого извѣстія. Они прогнали оттуда россіянъ и потомъ полномочныхъ россійскихъ въ Нерчинскѣ принудили заключить договоръ съ уступкою имъ того края. Чрезвычайно бъ прибыточно намъ было возвратить сіе утраченное владѣніе, или по крайней мѣрѣ получить свободное нашимъ судамъ по Амуру плаваніе; ибо рѣка сія, проистекая изъ предѣловъ россійскихъ, впала въ океанъ прямо противъ Камчатки, по ней ходить могутъ довольно великія суда, а въ Нерчинскѣ легко можно заготовлять всякіе матеріалы къ кораблестроенію и къ такелажу съ довольнымъ числомъ съѣстныхъ припасовъ. Только посредствомъ ея можно будетъ имѣть настоящую пользу отъ Камчатки, распространять открытія по Сѣверо-восточному морю и въ Америкѣ, населять нежилые острова, присвоить себѣ въ тѣхъ странахъ бобровый и другихъ звѣрей промыселъ, производить торги съ Японіею, съ Восточною Индіею и съ самими китайцами удобнѣе прежняго.

9) Покойная Государыня Императрица Екатерина Вторая имѣла намѣреніе учредить по пространной границѣ китайской, кромѣ Кяхты и Цурухайту, одно торговое мѣсто на Бухтармѣ. Въ той сторонѣ учреждена теперь таможня. Если же бы признано было за полезное имѣть тамъ и торговое мѣсто по примѣру Кяхты и Цурухайту, долженъ будетъ министръ домогаться и условиться о томъ со дворомъ пекинскимъ.

10) Весьма желательно, чтобъ китайское правительство позволило намъ имѣть въ Пекинѣ агента или консула, который бы намъ былъ полезенъ не только по дѣламъ торговымъ, особливо если возстановится ходъ каравановъ, но и для доставленія сюда разныхъ нужныхъ извѣстій, чрезъ посылаемымъ отсюда или отъ иркутскаго губернскаго начальника нарочно, подъ разными предлогами, курьеровъ, на основаніи трактата. Поелику китайцы соглашались было оставить тамъ агента Ланга, о коемъ домогался посланникъ Измайловъ въ 1721 году, то, можетъ быть, нынѣ и болѣе они окажутъ податливости на подобное предложеніе, а для того не излишне бы въ запасъ отправить туда съ посольствомъ способнаго человѣка.

11) Спафарій хотѣлъ отправить изъ Пекина нарочныхъ въ Бухарію за покупкою ревеню, а въ самомъ дѣлѣ для провѣданія пути къ Астрахани. Китайцы и того не позволили. Но поелику время многое передѣлываетъ, нынѣшній богдыханъ на такую посылку, можетъ быть, согласится, особливо если и ея предметъ приличнымъ предлогомъ прикрытъ будетъ. Листъ китайскаго владѣтеля Канъ-хи въ 1686 году полученъ въ Москвѣ посредствомъ іезуитовъ чрезъ Гою, Испагань и Астрахань.

12) Отъ богдыхана въ граматахъ употребляются разныя величавыя выраженія, какъ-то: сверху на низъ и проч., присылаемые къ нему подарки называются данью. Столь невмѣстная противъ россійскаго Императорскаго Двора высокомѣрность есть причиною, что между государями нашимъ и китайскимъ личной переписки теперь нѣтъ. Можно, конечно, и совсѣмъ безъ нея обойтись, но для чего не попытаться, для чего безъ рѣшительнаго настоянія не предложить, а буде встрѣтится податливость — и не условиться о предпочтеніи пристойнѣйшихъ израженій, дабы взаимное сно-

шеніе граматами сообразно примѣру другихъ государей происходить могло.

13) Сколько извѣстно, въ Китаѣ промѣнъ или продажа на золото выгоднѣе, нежели на серебро. Симъ обстоятельствомъ можно бы намъ воспользоваться для бóльшаго полученія въ Россію перваго изъ сихъ металловъ. Посылаемый въ Китай министръ можетъ сдѣлать тому опытъ и (буде надобно по условію съ министерствомъ тамошнимъ) учинить нужное для переду распоряженіе. Для сего-то предмета особливо бы могъ быть полезенъ агентъ или консулъ тамъ оставляемый.

Впрочемъ мѣра домогательства по всѣмъ онымъ предметамъ, особливо же касательно Амура, должна зависѣть отъ благоразумія назначенной туда особы, дабы вмѣсто желаемаго успѣха не получить отказъ и не возбудить въ китайцахъ большей къ намъ холодности и недовѣрчивости. Нѣкоторое же настояніе развѣ тогда только можетъ употреблено быть съ пользою, когда по тщательнѣйшемъ освѣдомленіи правительство тамошнее окажется дѣйствительно въ заботѣ, отъ войны ли съ какою сосѣднею областью, или отъ внутреннихъ мятежей, о коихъ упоминалось въ иностранныхъ вѣдомостяхъ.

VIII.

Прибавленіе къ примѣчаніямъ по поводу предстоящаго отправленія посольства въ Китай [1]).

1) Изъ доставленнаго въ Коллегію господиномъ генераломъ губернаторомъ Селифонтовымъ въ 1804-мъ году письма кяхтинскаго таможеннаго директора къ опредѣленному тамъ къ пограничнымъ дѣламъ надворному совѣтнику Соколову, и изъ даннаго сему послѣднему наставленія (съ коего, равно какъ и съ онаго письма прилагаются здѣсь копіи) [2]) явствуетъ, что въ кяхтинскомъ

---

[1]) Тоже рукою переписчика.

[2]) *Копія съ отношенія директора Кяхтинской таможни г-на статскаго совѣтника и кавалера Ванифантьева къ надворному совѣтнику Соколову отъ 19-го числа марта.*

На ваше отъ 17 числа пущенное письмо, ничего другого само по себѣ изъяснять не остается, какъ только проговорить здѣсь выходящія въономъ сомни-

селеніи есть люди излишніе, кои, упражняясь въ промыслахъ не позволенныхъ, выносятъ съ здѣшней стороны вѣсти. О семъ обстоятельствѣ нужно, кажется, сообщить господину послу, который въ проѣздъ свой чрезъ Иркутскъ и Кяхту можетъ о сихъ людяхъ узнать точнѣе, и буде дѣйствительно настоитъ отъ нихъ какое неудобство, принять мѣры къ отвращенію онаго.

2) Въ 1791-мъ году было въ Коллегію иностранныхъ дѣлъ отъ генералъ-маіора Штрандмана изъ Омской крѣпости представленіе, что китайскіе анбани, пріѣхавъ осенью къ кочующимъ за

тельства. Вы изволите прояснять (sic), что не были приставлены къ осмотру китайцевъ казаки и полицейскій, но тутъ же упоминаете, что ефрейтеру и казаку приказывали за мелочниками китайскими осторожно замѣчать, не понесутъ ли сукна въ обыкновенныхъ оберткахъ, въ чемъ они носятъ съѣстные припасы, и когда замѣтятъ, о томъ бы васъ тѣ приставленные увѣдомили, сіи меня ваши изреченіи останавливаютъ и отъ совершеннаго понятія въ недоумѣніе приводятъ. Когда васъ увѣдомили бы о пронесеніи суконъ мелочникомъ, что вы тогда сдѣлать могли бы? Ежели его приставленные не остановятъ, то китаецъ въ то время, пока вамъ давать будутъ знать, совершенно дойдетъ до Маймачина; а за симъ всякій скажетъ, что мнимое то распоряженіе вами учинено, ибо по слѣду того китайца ничего вы узнать не могли бы, слѣдовательно и обнаруживается, что китаецъ долженъ тѣми вашими приставленными остановленъ быть до вашего обозрѣнія, что и оставляю вашей признательности (sic).—Вы изволите прояснять: что тѣ китайскіе мелочники будто въ вашей сторонѣ суконъ не вымѣниваютъ, но я напротивъ онаго вамъ къ совершенному познанію объявляю, что тѣ мелочники напредь сего и нынѣ нежели (sic) сукно но всякіе наши товары вымѣниваютъ по силамъ своихъ капиталовъ и нѣтъ въ томъ имъ со стороны правительства запрещенія.—Важно и нужно вамъ обмыслить и приступить къ дѣятельному исполненію по сходству данной вамъ изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ инструкціи о живущихъ нашихъ въ Кяхтѣ разныхъ подлыхъ людяхъ, кои только вредъ и всякое безчинство производятъ къ совершенной остудѣ, безславію и къ уничиженію нашей націи, въ чемъ и вы, милостивый государь мой, со мноюуповательно согласными себя найдете; признательно (sic) сказать, есть ли вы поубавите или и совсѣмъ такихъ вредныхъ и праздныхъ людей вышлете изъ той торговой слободы, то будетъ отъ того всеобщее спокойствіе и пресѣчены чрезъ то могутъ быть всякія теперь видимыя непріятности; тѣ люди не что другое изъ себя составляютъ, какъ лазутчиковъ и пересказчиковъ заграничнымъ о всѣхъ нашихъ дѣяніяхъ, а притомъ иногда внушаютъ совсѣмъ несбыточныя и нашей стороны вредныя разныя разглашенія, кои изъ единаго своего лакомства нелѣпицу выдумываютъ, получая за то отъ заграничныхъ самую малость себѣ въ награду, въ чемъ они по низкому своему состоянію довольными себя и находятъ. Сіе зло вамъ не безнужно по долгу вашего служенія вовсе прекратить и истребить, а когда оно оставаться будетъ въ своемъ нынѣшнемъ положеніи, то я вамъ чистосердечно и дружески скажу, что вы за такихъ людей, кои о себѣ мало мыслятъ, можете понести отъ своего главнаго начальства негодованіе и въ случаѣ какой непредвидимой непріятности тяжкаго и для васъ вреднаго обсуживанія (sic). Впрочемъ

линіей по рѣкамъ Семѣ и Песчаной подданнымъ нашимъ ясашнымъ калмыкамъ, находящимся отъ линіи около 200 верстъ, сживали ихъ съ тѣхъ мѣстъ, на которыхъ они издавна находятся, а тѣ мѣста, на коихъ калмыки прежде кочевье свое имѣли, стараются причислять къ китайскому владѣнію, почему нѣкоторая часть тѣхъ калмыковъ и приблизилась къ нашей линіи. По таковому представленію велѣно было китайцамъ внушить о непристойности и несправедливости ихъ предпріятія, встревоженныхъ

все оставляю на благоразсужденіе ваше и вѣрьте, что я нигдѣ не дамъ мѣста васъ несправедливо обносить, а кольми паче вредить, въ томъ изволите себя оставить въ душевномъ спокойствіи. На подлинномъ подписалъ Петръ Ванифантьевъ.

Засвидѣтельствовалъ совѣтникъ 7-го класса Иванъ Корюховъ.

Съ подлиннымъ вѣрно коллежскій совѣтникъ Архипъ Ивановъ.

Копія.

Въ 8-мъ пунктѣ наставленія, даннаго изъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ надворному совѣтнику Соколову, сказано слѣдующее:

Въ сообразность китайскому правленію, не терпящему, чтобъ на границѣ были ихъ подданные невоздержной жизни, смотрѣть и вамъ, чтобъ таковыхъ или излишнихъ и со здѣшней стороны въ Кяхтѣ не было, дабы не подать китайцамъ повода къ нареканію, къ коему они столь сродны, и для того, какъ въ кяхтинскомъ форпостѣ между купечествомъ тамъ находящимся составляютъ нѣкоторую часть селенія, а особливо за рѣчкою Кяхтою, разнаго званія люди и именно: отставные казаки, мѣщане, цеховые и иные новокрещенные съ ихъ семействами, которые, какъ и здѣсь извѣстно, большею частію не для чего иного тамъ жительствуютъ, какъ для выгодъ своихъ, причиняющихъ торговлѣ вообще не только затрудненіе, но и самый вредъ, когда многіе изъ сихъ жителей во время торга забираютъ отъ китайцевъ безъ платежа пошлинъ и тайнымъ образомъ мелочной товаръ и разныя вещи, которые и перепродаютъ другимъ, кому имъ разсуждается, а китайцы, охотно имъ уступая для своей корысти и получая равномѣрно отъ нихъ нужныя, а иногда и запрещенныя отъ здѣшняго правительства вещи, и по хитрости своей развѣдывая чрезъ нихъ же подъ видомъ дружбы о товарахъ россійскихъ, какіе есть въ Кяхтѣ въ какомъ количествѣ, откуда привезены, давно ли и чего на мѣстѣ стоили,—наконецъ получаютъ чрезъ нихъ всѣ тѣ свѣдѣнія, коихъ имъ имѣть не должно, и по коимъ сіи жители такъ съ ними связались, что когда по закрытіи торга надлежало китайцамъ ѣхать во-свояси, то не могли въ скорости получить съ нихъ уплаты, ругали ихъ поносными словами, укоряя нищетою и распутствомъ, дѣлали разныя притѣсненія и самыя насильства, входили въ домы ихъ, брали все, что въ руки попадалось, а иногда и на улицѣ встрѣчаясь тащили съ тѣхъ должниковъ платье, отъ чего и были слѣдствіемъ драки и жалобы, навлекавшія обоюднымъ правительствамъ напрасныя заботы и отягощенія, то и надлежитъ вамъ въ отвращеніе впредь таковаго зла и вообще предосужденій россійской торговлѣ, по обозрѣніи тѣхъ жителей и состоянія ихъ, по сношенію съ тамошнимъ военнымъ и гражданскимъ губернаторомъ унять ихъ отъ такого промысла и всячески отъ того отвращать, принимая надлежащія мѣры.

Съ подлиннымъ вѣрно. Коллежскій совѣтникъ Архипъ Ивановъ.

же калмыковъ успокоивать приличными обнадеживаніями, а въ случаѣ нужды и дѣйствительно защищать ихъ.

3) Въ 1794-мъ году генералъ-поручикъ Штрандманъ изъ Омска извѣщалъ генерала прокурора графа Самойлова, а генералъ поручикъ Пиль изъ Иркутска доносилъ Ея Императорскому Величеству о свиданіи, которое имѣли китайцы на пикетѣ близъ границы ихъ при рѣчкѣ Малой Нарымѣ лѣтомъ съ онымъ генералъ-поручикомъ Штрандманомъ, а въ сентябрѣ съ капитаномъ Лубяновымъ. Съ угрозою требовали они свести пикетъ сей на 50 верстъ, и оказывая желаніе, чтобы могущій быть въ томъ споръ рѣшенъ былъ въ Кяхтѣ, предъявляли принадлежность имъ земель отъ Бухтармы лежащихъ, не прекословя, однакожъ, относительно открытыхъ тамъ съ россійской стороны рудниковъ и поставленныхъ вблизи оныхъ другихъ пикетовъ. Вслѣдствіе сего генералъ-поручикъ Штрандманъ приказалъ снести вышеозначенный пикетъ по той же рѣкѣ вверхъ только версты на двѣ; но послѣ ни посѣщенія китайцевъ, ни подобнаго отъ нихъ требованія не было. Генералъ же поручикъ Пиль съ своей стороны для сохраненія на должайшее время съ китайцами мирнаго согласія, не считая за важное сдѣланную уступку въ переносѣ пикета на другое мѣсто, не оставилъ реченному генералъ-поручику предписать, буде бы и еще случились отъ нихъ подобныя требованія, не дѣлать имъ такихъ возраженій, которыя бы разорвать могли согласіе, а убѣждать ихъ съ пристойною скромностью, изъясняя о причинѣ, для чего сія стража поставлена, и если необходимость еще будетъ требовать отнести тотъ пикетъ нѣсколько, далъ ему въ томъ позволеніе.

Сіе предписаніе, сколько извѣстно, подтверждено съ позволеніемъ подвинуть помянутый пикетъ въ случаѣ только повторительнаго и крайняго съ китайской стороны настоянія и на такое разстояніе, какое по лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію самого генералъ-поручика Штрандмана можетъ быть оставлено безъ подверженія опасности рудниковъ нашихъ.

Еслибъ китайцы, пользуясь пребываніемъ россійскаго посла въ Пекинѣ, заблагоразсудили возобновить помянутыя домогательства, нужно и удобно ему будетъ отклонить оныя, отговариваясь

неимѣніемъ полномочія и наставленія по симъ предметамъ. Вызывы же ихъ о томъ обнаружили бы только болѣе пространство видовъ ихъ. Бывшій владѣлецъ завоеванной ими нынѣ Зенгоріи Галданъ Черенъ и преемникъ его въ 1750-хъ годахъ, присвоивая себѣ земли даже вверхъ по Иртышу и Оби лежащія, требовали уничтоженія крѣпостей тутъ построенныхъ.

IX.

Письмо министра внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубея къ гр. Ю. А. Головкину.

Получено 21-го іюня.

Милостивый государь мой, графъ Юрій Александровичъ!

По содержанію Высочайшихъ повелѣній за собственноручнымъ подписаніемъ Его Величества данныхъ Вашему Сіятельству о обозрѣніи разныхъ предметовъ, относящихся до управленія губерній на пути вашемъ лежащихъ, Государь Императоръ Высочайше предоставить вамъ соизволилъ требовать отъ губернскихъ начальниковъ и присутственныхъ мѣстъ всѣхъ тѣхъ свѣдѣній, вѣдомостей и показаній, какія только къ исполненію тѣхъ Высочайшихъ повелѣній вы признать изволите нужнымъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ и преданностію имѣю честь быть вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

графъ *В. Кочубей.*

№ 2748, 21-го іюня 1805 года.

Его с—ву гр. Ю. А. Головкину.

X.

Списокъ съ циркулярнаго отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ г. начальникамъ губерній отъ 3-го іюля 1805 г.

Г. дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Юрій Александровичъ Головкинъ при отправленіи его въ китайское посольство получилъ Именной Высочайшій Его Императорскаго Величества

указъ обозрѣть въ губерніяхъ, на пути его лежащихъ, разные предметы до образа управленія и устройства ихъ относящіеся и о состояніи ихъ донести Его Величеству.

По силѣ сего Высочайшаго повелѣнія, ваше превосходительство не оставите по первому сообщенію г. дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Головкина доставить ему всѣ свѣдѣнія и поясненія, какія онъ при обозрѣніи ввѣренной вамъ губерніи имѣть признаетъ нужнымъ.

Вѣрно: коллежскій совѣтникъ *Раковъ*.

XI.

Письмо товарища министра финансовъ Д. А. Гурьева къ гр. Ю. А. Головкину.

Милостивый государь мой, графъ Юрій Александровичъ!

Имѣю честь препроводить при семъ къ Вашему Сіятельству Высочайшій Его Императорскаго Величества рескриптъ, сего числа на имя ваше послѣдовавшій, въ разсужденіи замѣчаній, какія въ проѣздъ вашъ нынѣ по нѣкоторымъ губерніямъ препоручается сдѣлать вамъ по части министерства финансовъ, пребывая, впрочемъ, съ совершеннымъ почтеніемъ всегда

Вашего сіятельства покорнѣйшій слуга

Дмитрій Гурьевъ.

№ 1651, іюля 6-го дня, 1805 года.

Его сіятельству, графу Головкину.

XII.

Высочайшій рескриптъ д. т. с. гр. Ю. А. Головкину.

Получено іюня дня.

Господину дѣйствительному тайному совѣтнику, сенатору, графу Головкину! [1])

Въ правилахъ, предписанныхъ въ инструкціи, данной вамъ отъ 20-го числа прошедшаго мая мѣсяца, Я уже поставилъ вамъ

[1]) Такъ въ рукописи.

на видъ предметы по части министерства внутреннихъ дѣлъ, на кои во время предлежащаго вамъ нынѣ путешествія по отдаленнымъ имперіи мѣстамъ вниманіе и замѣчанія ваши обратить вамъ слѣдуетъ. А здѣсь нужнымъ нахожу указать нѣкоторые предметы, объемлемые кругъ [1]) министерства государственныхъ финансовъ, желая, чтобы вы и на оныхъ остановили вниманіе ваше, поколику то позволятъ вамъ удобности пути вашего и другіе способы, сопряженные съ званіемъ на васъ возложеннымъ, и замѣчанія ваши, какія вамъ по сей части правленія представиться могутъ, ко Мнѣ доставили для совокупнаго соображенія всего того, что токмо къ существенной пользѣ и благу народовъ, отъ Бога Мнѣ ввѣренныхъ, относиться будетъ, а именно:

Первое. Важнѣйшій и первый по сей части пунктъ есть теченіе государственныхъ доходовъ, удобность и не затруднительные способы платежа установленныхъ податей. Въ сибирскомъ краѣ по соображенію мѣстныхъ выгодъ, промысловъ и занятій тамошнихъ обитателей, раздѣлены онѣ на два рода: одна часть оныхъ по нѣкоторымъ мѣстамъ платится наличными деньгами, а другая вмѣсто этого звѣремъ, какой гдѣ промышленники достаютъ; и для того нужно вамъ будетъ, проѣзжая сибирскія губерніи, по разнымъ мѣстамъ удостовѣриться, поступаютъ ли въ казну въ постановленные сроки и въ подлежащей исправности государственныя подати того и другого рода, съ какою удобностью плательщики оныя взносятъ или, напротивъ того, не встрѣчаютъ ли они съ сей стороны какого-либо неудобства или отягощенія и отчего оныя происходятъ; особливо же ясашный сборъ заслуживаетъ особеннаго вашего вниманія, ибо, поступая не въ полномъ числѣ, скрываетъ въ себѣ разныя злоупотребленія, происходимыя отъ тѣхъ лицъ, кои доходъ сей собираютъ. Познаніе на мѣстѣ образа жизни людей, по великому Сибири пространству разсѣянныхъ, промыслы и иные способы, содержаніе [2]) ихъ, правильное могутъ подать заключеніе о тѣхъ причинахъ, по которымъ обязанные платить государственныя подати съ удобностью или затруднительно исправляютъ сіи повинности, и какія въ послѣднемъ случаѣ нужно принять мѣры къ

[1]) Такъ въ подлинникѣ.
[2]) Такъ въ подлинникѣ.

отвращенію встрѣчающихся неудобствъ и затрудненій. Освѣдомленія сіи, кои однако всегда путеводимы будутъ правиломъ извѣстнаго Мнѣ вашего благоразумія, тѣмъ болѣе точнѣйшими быть должны, чѣмъ далѣе вы поступать будете въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири.

Второе. Государственные расходы составить могутъ въ примѣчаніяхъ вашихъ другой пунктъ, и оные вообще суть двоякаго рода: одни выдаваемые и употребляемые на мѣстахъ, гдѣ доходы собираются, а для удовлетворенія другихъ суммы посылаются въ иныя мѣста, и то и другое не иначе, какъ по предписанному порядку и по точнымъ государственнаго казначея разассигнаціямъ. Естественно, что исправное и бездоимочное въ постановленные сроки вступленіе въ кассу государственныхъ доходовъ опредѣляетъ вѣрное и безостановочное удовлетвореніе всѣхъ ассигнуемыхъ расходовъ, какъ тѣхъ, кои на мѣстахъ производимы быть должны, такъ и тѣхъ, для исполненія которыхъ доходы по другимъ мѣстамъ разсылаются; за всѣмъ тѣмъ не безполезно бы было по нѣкоторымъ мѣстамъ вникнуть и въ сіе въ особенности дѣло и удостовѣриться, дѣйствительно ли исполняются расходы того и другого рода въ предписанные сроки, не сокрываются ли тутъ, а особливо въ мѣстахъ отдаленныхъ отъ надзора вышняго начальства, какія-либо со стороны нижнихъ исполнителей притязанія и разныя другія злоупотребленія, которыя корысть удобно и завсегда новыя изобрѣтать и выдумывать можетъ. Одинъ только взглядъ опытнаго въ дѣлахъ сего рода чиновника на книги и счеты казначея, которые у него во всякое время должны быть въ совершенной чистотѣ и исправности, и обозрѣніе состоянія въ одномъ или другомъ мѣстѣ кладовыхъ и наличной въ оныхъ денежной казны, обнаружить можетъ, съ какою исправностью и въ какомъ порядкѣ все сіе у него содержится, всѣ ли у него исполнены расходы, на которые дана ему ассигнація, и не задерживаются ли, и подъ какимъ именно предлогомъ, выдачи частныя или тѣ, которыя онъ долженъ посылать въ отсутственныя мѣста.

Третіе. Вообще о государственныхъ податяхъ судить по справедливости можно, что оныя отнюдь сами по себѣ не отяготительны и, конечно, усоразмѣрены выгодамъ и удобностямъ каждаго въ особенности края и каждой губерніи, слѣдовательно и вступленіе оныхъ въ казну должно бы быть бездоимочное. Опыты, однако, прошедшаго и настоящаго времени доказываютъ, что какъ всѣ прочія, такъ равномѣрно тому и сибирскія губерніи едва ли когда вполнѣ получаютъ свои доходы, но всегда оные изъ года въ годъ болѣе или менѣе переходятъ недоимкою. Нельзя, правда, оспаривать и того, что способы исправнаго и неисправнаго платежа податей зависятъ иногда отъ различныхъ по временамъ встрѣчающихся обстоятельствъ для одного края болѣе, а для другого менѣе выгодныхъ, отъ ежегодной почти перемѣны въ состояніи земледѣлія и другихъ общественныхъ промыслахъ и изворотахъ; за всѣмъ, однако, тѣмъ должно согласиться и на то, что недоимки въ податяхъ и разныя другія частныя по разнымъ частныхъ людей съ казною связямъ взысканія, платежемъ въ казну отдаляются единственно для того, что губернскія начальства и земская полиція, обязанныя пещись о взысканіи оныхъ, не употребляютъ тутъ надлежащей заботы и дѣятельности, не говоря о томъ, что и здѣсь иногда могутъ вмѣшиваться корыстолюбивые виды нижнихъ исполнителей; а для того не безполезно бы было въ проѣздъ вашъ чрезъ сибирскія наипаче губерніи и въ разсужденіи сего пункта казенныхъ доходовъ удостовѣриться разысканіемъ на мѣстахъ, отчего гдѣ недоимки накопляются и какая употребляется со стороны губернскаго и земскаго начальства дѣятельность и попеченіе о взысканіи оныхъ. Мѣру и точное количество таковыхъ недоимокъ и другого рода взысканій, такъ какъ и состояніе людей, на которыхъ оныя числятся, тотчасъ могутъ показать не только казенныя палаты въ губернскихъ городахъ, но даже по уѣздамъ уѣздные казначеи, гдѣ токмо вы того потребовать за благо признаете.

Четвертое. Устройство казенной по государству части, не менѣе того какъ и другихъ, зависитъ отъ скораго и безостановочнаго теченія дѣлъ по оной и отъ сохраненія во всей точности установленнаго порядка. Истребовавъ по губерніямъ сибирскимъ вѣдомости о дѣлахъ рѣшенныхъ и нерѣшенныхъ по губернскимъ правленіямъ, можете таковыя же истребовать и отъ казенныхъ палатъ, а личный вашъ осмотръ внутренняго порядка и теченія дѣлъ по казеннымъ палатамъ и по уѣзднымъ казначействамъ, если то

позволитъ вамъ время, удостовѣрить васъ можетъ, съ какою гдѣ точностью соблюдается установленный порядокъ.

Пятое. Не маловажную часть доходовъ государственныхъ составляютъ казенныя оброчныя статьи, мельницы, рыбныя ловли, земли за надѣленіемъ крестьянъ остающіяся и тому подобное. Не безполезно было бы по удобности мѣстъ и о сихъ статьяхъ какъ въ сибирскихъ, такъ не менѣе того и по другимъ ближайшимъ губерніямъ понавѣдаться, вездѣ ли оныя розданы въ оброкъ съ казенною пользою и не упадаетъ ли по сей части финансовъ доходъ казенный; особливо не терпятъ ли гдѣ какого-либо съ сей стороны притѣсненія поселяне казеннаго вѣдомства, преимущественною отдачею оброчныхъ статей не имъ, а помѣщикамъ или и другого званія людямъ.

Шестое. Поселяне сибирскихъ губерній, безъ сомнѣнія, въ землѣ не нуждаются, исключая токмо нѣкоторыхъ, кои не слишкомъ избыточны землями, но другія внутреннія губерніи по мѣрѣ народнаго въ оныхъ населенія болѣе или менѣе недостатокъ въ томъ претерпѣваютъ. Правительство, назадъ тому нѣсколько уже лѣтъ, основало правила въ разсужденіи уравнительнаго надѣленія землями казенныхъ поселянъ. Въ проѣздъ вашъ черезъ внутреннія губерніи вы можете поразвѣдать, приводятся ли въ исполненіе таковыя правительства предположенія въ разсужденіи надѣленія землями, и буде дѣло сіе гдѣ либо остановилось, то какія наиболѣе причины и обстоятельства оное задерживаютъ.

Седьмое. Въ прекращеніе различныхъ злоупотребленій доселѣ на иныхъ мѣстахъ открывавшихся по части Лѣсного Департамента, и чтобъ съ одной стороны лѣса по государству предохранить отъ непомѣрнаго оныхъ истребленія, а съ другой доставить избыточные способы нужнаго оныхъ употребленія на всѣ по государству потребности, положено раздѣлить оныя на лѣсосѣки и дать извѣстные участки казеннымъ селеніямъ; но съ какимъ успѣхомъ и точностью дѣло сіе на мѣстахъ приводится въ исполненіе и соотвѣтствуетъ ли оное предположенной цѣли и намѣренію правительства, лучше всего показать то могутъ мѣстныя наблюденія, и замѣчанія ваши, какія вы по сей части собрать можете, надежнѣйшій подадутъ способъ дѣло сіе къ окончанію по предпринятымъ правиламъ и намѣреніямъ правительства. Особливо нужно въ возможной точности узнать, не истребляются ли гдѣ либо такіе лѣса, кои для корабельныхъ строеній пригодны, и нѣтъ ли другихъ по сей части злоупотребленій отъ людей и чиновниковъ, наблюденію коихъ на мѣстахъ часть сія поручена. Такового рода злоупотребленія, если бы гдѣ оныя вкрасться могли, требуютъ скораго и точнаго на мѣстахъ изслѣдованія; а въ разсужденіи того, буде что подобное гдѣ либо до свѣдѣнія вашего дойдетъ, вы не упустите тамъ же на мѣстѣ дать о томъ знать губернскому начальству и Мнѣ донесете.

Восьмое. Вообще казенныя подати со всякаго состоянія людей установленныя извѣстны и ограничены такъ, что никакая власть, кромѣ Императорскаго Величества, и никакое начальство ни убавить изъ того, ниже что либо къ тому прибавить не могутъ. Но корыстолюбіе въ нижней степени исполнительныхъ властей и здѣсь иногда вкрадывается разнообразными путями. Злоупотребленія сего рода наиболѣе гнѣздиться могутъ въ мѣстахъ отдаленныхъ и между народами, коимъ по ограниченности познаній ихъ и понятій даже собственныя ихъ права и черта обязанностей ихъ и отношеній къ постановленнымъ властямъ въ надлежащей точности можетъ быть еще неизвѣстны; слѣдовательно, наблюденія и примѣчанія на мѣстахъ, внушаемыя благоразуміемъ, наилучшимъ и благонадежнѣйшимъ средствомъ послужить могутъ не только къ открытію, но и къ совершенному искорененію всего такого и тому подобнаго зла, если бы оное гдѣ либо существовать могло. Злоупотребленія сего рода, коль скоро гдѣ оныя обнаружены или примѣчены будутъ, вы можете доводить до свѣдѣнія губернскаго начальства, чтобъ тотчасъ подвержены были строгому изслѣдованію и суду, и въ то же время Мнѣ о томъ давать знать.

Девятое. Иногда доходятъ сюда слухи о нѣкоторыхъ по мѣстамъ злоупотребленіяхъ по части питейной и при продажѣ изъ казенныхъ магазейновъ соли. Не излишне будетъ и на сіи части какъ въ самыхъ близкихъ, такъ тѣмъ болѣе въ отдаленныхъ губерніяхъ обратить вниманіе и развѣдать, въ надлежащей ли добротѣ содержатся въ питейныхъ домахъ позволенныя питья, со-

храняется ли узаконенная мѣра вину, а вѣсъ соли, и цѣна сей послѣдней, или нѣтъ ли тутъ другихъ какихъ злоупотребленій.

Десятое. Въ проѣздъ вашъ чрезъ сибирскія губерніи встрѣтятся вамъ на пути или не въ дальнемъ отъ онаго разстояніи, винокуренные заводы казеннаго вѣдомства. Если время и обстоятельства пути вашего вамъ позволятъ, желательно бы Мнѣ было, чтобъ и сіи заведенія въ одномъ или по удобности и другомъ мѣстѣ осмотрѣны вами были, содержатся ли оныя въ надлежащей исправности, съ соблюденіемъ ли хозяйственныхъ правилъ производятъ заготовленія и закупки различныхъ припасовъ и матеріаловъ, нѣтъ ли каковыхъ либо притѣсненій людямъ для работъ по заводамъ употребляемымъ и получаютъ ли они то, что имъ слѣдуетъ и положено.

Одиннадцатое. Предполагая, что по сибирскимъ губерніямъ равномѣрно тому встрѣтятся вамъ на пути или по близости онаго горные заводы, состоящіе въ казенномъ вѣдѣніи и управленіи, желаю и на сихъ заведеніяхъ, составляющихъ важную часть государственнаго хозяйства и доходовъ, остановить ваше вниманіе. Нѣтъ нужды указывать вамъ на предметы, кои наибольшее по симъ мѣстамъ вниманіе и соображеніе заслуживать должны. Добрый вообще порядокъ, хозяйство и успѣхъ производимаго на оныхъ дѣла доказывать могутъ благоустройство сихъ заведеній. Особливо однакоже нужно разсмотрѣть способъ и мѣру работъ, возлагаемыхъ на людей къ заводамъ принадлежащихъ, не отягощаются ли пристрастіемъ или и самымъ корыстолюбіемъ мѣстнаго начальства одни предъ другими, получаютъ ли въ полной мѣрѣ и въ свое время опредѣленную имъ плату и другого рода положенное содержаніе. Вообще для людей на заводахъ и при заводахъ работающихъ горное начальство заготовляетъ провіантъ, то вездѣ ли оный есть въ готовности въ соразмѣрномъ количествѣ числу работниковъ, не терпятъ ли оные отъ мѣстныхъ начальниковъ и надзирателей съ сей или другой какой стороны обидъ и иного рода притѣсненій. При сихъ заведеніяхъ, отъ которыхъ изливаются богатства и великолѣпіе, есть еще родъ людей, учининившихся на всю жизнь свою, по роду содѣянныхъ ими преступленій, несчастными жертвами труда и купно пищеты. Желая и сіе состоя-

ніе, колико возможно, приблизить къ лучшей и выгоднѣйшей жизни, и (sic) для того хочу видѣть оное въ настоящемъ его положеніи собственными вашими глазами; но если время и удобность пути сего не позволитъ, по меньшей мѣрѣ собрать ближайшія свѣдѣнія о настоящемъ положеніи сихъ людей. Всякое предположеніе ваше хотя о нѣкоторыхъ способахъ, кои вы къ облегченію судьбы несчастныхъ по замѣчаніямъ вашимъ наиболѣе удобными и возможными найдете, коль скоро оное до меня Меня дойдетъ, составитъ и для Моего сердца пріятнѣйшую заботу.

Изъяснивъ главнѣйшіе предметы, на кои хотѣлъ обратить вниманіе ваше, увѣренъ Я, что по благоразумію и дѣятельности вашей, вы не упустите изъ виду всего, что только можетъ относиться на пользу по сей части, поколику время и удобности пути вамъ то позволить могутъ.

Въ Санктпетербургѣ, іюля 6 дня 1805 года.

Александръ.

Товарищъ Министра Финансовъ Дмитрій Гурьевъ.

XIII.

Письмо министра юстиціи кн. П. В. Лопухина къ гр. Ю. А. Головкину.

Получено 23-го сентября.

Милостивый государь мой, графъ Юрій Александровичъ!

Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщилъ мнѣ, что Государь Императоръ, поручивъ Вашему Сіятельству обозрѣть лежащія на пути въ Китай губерніи, особенно же сибирскія, и вслѣдствіе того снабдивъ васъ по части, отъ министерства внутреннихъ дѣлъ зависящей, инструкціею, Высочайше повелѣть соизволилъ снабдить васъ таковою же и по части министерства юстиціи.

Какъ Его Императорскому Величеству благоугодно было предназначить таковой осмотръ чрезъ господъ сенаторовъ по всѣмъ губерніямъ, и на сей конецъ сочинена въ Правительствующемъ Сенатѣ общая инструкція, которая въ 1-й день сего мѣсяца удостоена Высочайшей конфирмаціей, и какъ самая сія инструкція

должна служить руководствомъ и Вашему Сіятельству при осмотрѣ лежащихъ на пути вашемъ губерній, сколько время и Высочайше данныя вамъ повелѣнія дозволить оное могутъ, то я и счелъ приличнымъ препроводить къ вамъ точную съ оной копію, которую у сего прилагая, имѣю честь быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію, милостивый государь мой, вашего сіятельства

покорнѣйшій слуга

К. Лопухинъ.

№ 4841, 8-го августа 1805 года.

Его сіятельству графу Головкину.

XIV.

Инструкція господамъ сенаторамъ, предназначаемымъ для осмотра губерній.

На подлинной инструкціи собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано: *Быть по сему: Александръ.*

Августа 1-го дня 1805 года. Въ С.-Петербургѣ.

1) Истребовавъ отъ всѣхъ мѣстъ вѣдомости о рѣшенныхъ и не рѣшенныхъ дѣлахъ, разсмотрѣть, въ числѣ послѣднихъ нѣтъ ли такихъ, въ коихъ тяжущіеся напрасною волокитою угнетаются и правый не достигаетъ законнаго удовлетворенія.

2) Чинится ли дѣйствительное исполненіе по именнымъ и сенатскимъ указамъ, и если гдѣ найдутся оные неисполненными, то по какимъ причинамъ?

3) Всѣ ли мѣста для управленія установленныя въ дѣйствіи находятся, или же которыя не учреждены, и для чего?

4) Всѣ ли они наполнены опредѣленнымъ числомъ присутствующихъ и снабжены потребными канцелярскими служителями, и о причинахъ недостатка, если оный гдѣ либо окажется. Также наблюдается ли установленный законами для производства дѣлъ надлежащій порядокъ?

5) Наблюдаются ли сроки засѣданія, и всѣ ли дѣла отъ одного до другого срока очищаются?

6) О числѣ дѣлъ не рѣшеныхъ уголовныхъ и о количествѣ колодниковъ взять списки, съ показаніемъ ихъ преступленій, когда вступили дѣла и зачѣмъ гдѣ продолжаются безъ рѣшенія? А притомъ освидѣтельствовать и самыя мѣста ихъ содержанія, какъ и способы продовольствія оныхъ.

7) Существуетъ ли вездѣ должное спокойствіе, безопасность и порядокъ, зависящій отъ городской и земской полиціи?

8) Взять свѣдѣніе отъ казенной палаты: какіе по губерніи состоятъ сборы, и разсмотрѣть, на точномъ ли основаніи законныхъ предписаній оные производятся? освѣдомляясь тщательно, нѣтъ ли отъ кого при взысканіи установленныхъ поборовъ какихъ либо излишествъ, злоупотребленій и лихоимства?

9) Въ опредѣленные ли сроки вступаютъ въ казну доходы и въ свое ли время оные по ассигнаціямъ разсылаются куда надлежитъ? Причемъ въ казначействахъ, губернскомъ и уѣздныхъ, освидѣтельствовать и самую наличную казну.

10) Равнымъ образомъ взять обстоятельныя свѣдѣнія о казенныхъ недоимкахъ и войти въ разсмотрѣніе о причинахъ ихъ запущенія и о средствахъ, какія употребляются къ успѣшнѣйшему оныхъ взысканію.

11) О дѣлахъ въ приказѣ общественнаго призрѣнія, о его упражненіяхъ, о капиталахъ онаго и ихъ употребленіи, также въ какомъ состояніи его заведенія, которыя лично освидѣтельствовать.

12) О дворянскихъ опекахъ и сиротскихъ судахъ, въ дѣйствіи ли они находятся? Точно ли исполняютъ по законамъ на нихъ возложенное и нѣтъ ли какого злоупотребленія?

13) Освѣдомиться отъ кого надлежитъ о нуждахъ, недостаткахъ и пользахъ общихъ.

14) Сенаторы, посылаемые въ губерніи, сверхъ присутственныхъ мѣстъ въ губернскихъ городахъ находящихся могутъ осматривать оныя и въ уѣздныхъ городахъ на пути лежащихъ, а сверхъ того и въ сторонѣ находящіяся, если по обстоятельствамъ быть въ оныхъ за нужное признаютъ; равномѣрно всѣ мѣста и части, ввѣренныя управленію министровъ по губерніямъ, какъ-то: по лѣсному департаменту, по оброчнымъ статьямъ, по полиціямъ, по земледѣлію и населенію, о городскихъ повинностяхъ, по таможнямъ и прочее, сенаторы имѣютъ долгъ осматривать и въ какомъ со-

стояніи каждая изъ нихъ найдена будетъ увѣдомлять министровъ, отъ коихъ тѣ части зависятъ, и доносить Сенату.

15) Сенаторамъ имѣть особенное наблюденіе, нѣтъ ли какихъ либо отъ мѣстныхъ губернскихъ начальствъ народу притѣсненій, безгласныхъ налоговъ, также жестокостей въ употребленіи власти и тому подобныхъ обстоятельствъ.

16) Буде сенаторы при вышесказанномъ осмотрѣ найдутъ гдѣ какіе безпорядки или злоупотребленія отъ мѣстъ присутственныхъ и чиновъ къ должностямъ употребленныхъ, въ таковомъ случаѣ, исправляя возможное тамъ же на мѣстѣ, о виновныхъ, подлежащихъ суду, предлагаютъ губернскому правленію, дабы поступки ихъ безъ должнаго разсмотрѣнія и надлежащаго взысканія оставлены не были по всей строгости законовъ. Въ разбирательство же дѣлъ между частными людьми сенаторы не вступаютъ; ибо они посылаются не яко судіи, но какъ инспекторы.

17) По окончаніи въ каждой губерніи повелѣннаго осмотра доносить Его Императорскому Величеству о томъ, что найдется достойнымъ Высочайшаго свѣдѣнія и вниманія, а о дальнѣйшихъ подробностяхъ Правительствующему Сенату. Но ежели и въ самое продолженіе осмотра встрѣтится какое обстоятельство, отлагательства не терпящее, объ ономъ донесенія дѣлать и не ожидая окончанія осмотра всей губерніи.

18) За всѣмъ тѣмъ еслибы чего въ сихъ пунктахъ именно и не означено было, а сенаторы усмотрятъ и разсудятъ что либо за достойное уваженія, какъ по интересамъ и пользамъ государственнымъ, такъ и по добру общему,—въ таковыхъ обстоятельствахъ не долженствуютъ они оставлять того безъ вниманія, руководствуяся во всемъ важностью своей присяги, достоинствомъ ихъ званія и правилами чести.

Подлинную подписали: графъ Николай Румянцовъ, Петръ Свистуновъ, графъ Викторъ Кочубей, баронъ Федоръ Колокольцовъ, Федоръ Голубцовъ, оберъ секретарь Іосифъ Коржевскій. Съ подлинною вѣрно: оберъ-секретарь Александръ Павловъ.

XV.

Copie de la dépêche de M-r le Prince Chartorysky à M-r le Comte de Golowkin, en date du 9 Mars 1806, reçue à Jakoutsk le 2 Avril par le courrier Korjetsky.

Les difficultés constantes de la Cour de Pékin d'admettre la moindre innovation dans la manière dont les nations Européennes traitent avec elle, ont forcé le ministère à Vous envoyer en double les dépêches, que Vous trouverez ci-jointes. Si par un bonheur auquel nous ne pouvons guère nous attendre, elle vous est parvenue à Pékin, nous sommes persuadés que V. E. en aura déjà fait l'usage convenable. Mais si les Chinois fidèles à leurs principes n'ont pas jugé à propos de Vous faire passer les ordres dont Vous recevez ici les duplicata, Vous êtes autorisé, Monsieur le Comte, si Vous jugiez que cela puisse avoir quelque utilité, à adresser une lettre à l'Amban d'Ourga, dans la quelle Vous feriez mention des directions que le ministère avoit désiré vous faire parvenir à Pékin. Vous présenteriez cette démarche comme un dernier acte de la commission dont la Cour vous avoit chargé et vous engageriez cet officier à en donner connoissance au Tribunal, qui ensuite pourroit faire parvenir au Sénat la réponse qu'il jugeroit à propos de donner à cette communication. Mais si les relations, que vous aurez établies à la Chine, sont de nature à Vous faire espérer quelque succès de Vos démarches auprès de l'Amban d'Ourga, alors si même vous deviez prolonger à cet effet votre séjour à Kiaghta de quelques semaines, ce ne seroit qu'un titre de plus pour V. E. à la bienveillance particulière de S. M. J. et à la reconnoissance du ministère.

Переводъ.

Постоянныя затрудненія со стороны пекинскаго двора допустить малѣйшее нововведеніе въ способѣ, какимъ сносятся съ нимъ европейскія націи, заставили министерство послать къ вамъ въ двухъ экземплярахъ депеши, которыя вы здѣсь найдете. Если по счастливому случаю, на который мы почти не можемъ разсчиты-

вать, онѣ дошли бы до васъ въ Пекинѣ, мы увѣрены, что в. с. сдѣлаете изъ нихъ приличное употребленіе. Но если китайцы, вѣрные своимъ принципамъ, не нашли нужнымъ доставить вамъ тѣ предписанія, которыхъ дубликаты вы здѣсь получаете, вамъ разрѣшено, графъ, если вы найдете, что это можетъ быть сколько-нибудь полезно, адресоваться къ ургинскому амбану съ письмомъ, въ которомъ вы упомянете объ указаніяхъ, какія министерство желало доставить вамъ въ Пекинъ. Вы представите этотъ поступокъ какъ послѣдній шагъ миссіи, какою вы облечены, и пригласите этого чиновника извѣстить объ этомъ трибуналъ, который можетъ послать въ Сенатъ отвѣтъ, какой онъ найдетъ подходящимъ дать на это сообщеніе. Но если отношенія, которыя вы установите въ Китаѣ, будутъ таковы, что дадутъ вамъ надежду на какой-нибудь успѣхъ вашихъ представителей предъ ургинскимъ амбаномъ, то, если бы вы даже должны были для этого продлить ваше пребываніе въ Кяхтѣ на нѣсколько недѣль, это будетъ лишь новымъ основаніемъ для в. с. заслужить особое благоволеніе Е. В. и благодарность министерства.

XVI.

Copie d'une dépêche à l'ambassadeur Comte Golowkin en date du 9 Mars 1806.

[1]) J'ai mis sous les yeux de S. M. l'Empereur les différentes dépêches et mémoires que V. E. m'a fait passer jusqu'à son entrée en Chine. Les développements dans lesquels vous entrez, M-r le Comte, sur l'objet confié à vos soins, ont mérité l'attention particulière de S. M.

Il m'est bien agréable, M-r le Comte, de Vous dire combien tous les arrangements que Vous avez faits pour aplanir les difficultés que vous avez rencontrées depuis votre arrivée à Kiaghta ont mérité la haute approbation de S. M. l'Empereur.

Après avoir satisfait aux ordres suprêmes de S. M. l'Empereur notre Auguste Maître, le ministère se fait un devoir de Vous dire

[1]) На полѣ: En clair.

qu'il n'a trouvé rien à objecter à vos observations, qui ne peuvent partir que d'une personne qui sait aussi bien que Vous se rendre raison de l'importance des suites et de l'effet de chaque démarche, à l'égard d'une nation dont la sagesse et les lumières font l'admiration de l'univers.

[1]) Les dispositions de V. E. pour utiliser les personnes attachées à votre suite, que la loi des circonstances vous a obligé de laisser, ont été approuvées par S. M. l'Empereur. Les tracasseries inséparables de toutes les négociations avec une nation aussi peu habituée á observer les convenances, loin de ralentir votre zèle, paroissent lui avoir donné plus d'élan. Les deux points principaux sur lesquels V. E. a paru desirer connaître la volonté prononcée de S. M. I. sont: 1-o. Si l'Empereur agréera l'envoi d'une ambassade Chinoise en réciprocité de la nôtre. 2-o La démarcation à proposer au Gouvernement Chinois dans la partie septentrionale en deçà de l'Ouda jusqu'à la Gorbitza sur une étendue de 2500 verstes, qui resta indécise par le traité de Nertchinsk. A l'égard du premier article, il nous est permis, M-r le Comte, d'assurer les Chinois que S. M. I. recevra avec satisfaction les représentants d'un Souverain, dont l'amitié lui est précieuse, mais que, vu la distance immense entre les deux capitales, S. M. I. desire en être préalablement instruite afin de pouvoir donner les ordres nécessaires pour la réception des ambassadeurs Chinois, convenablement à l'étendue des sentiments d'amitié et de bonne harmonie, qui subsistent entre les deux états. Quant au 2-e point, l'Empereur Vous autorise provisoirement à déclarer au ministère Chinois, si vos négociations ont quelque succès, que S. M. sera prête d'accéder à la démarcation des frontières restées indécises et d'y apporter des facilités en mesure de celles que vous aurez rencontrées dans vos demandes. A la suite des ouvertures qui vous auront été faites à Pékin, on pourroit en temps et lieu procéder à l'érection d'un congrès sur la frontière, pour traiter sur cet objet par la voie des plénipotentiaires respectifs des deux Empires. Vous pourrez même insinuer que les ambassadeurs Chinois pourraient être chargés par leur Cour d'entamer cette

[1]) На полѣ: En encre simpathique.

affaire, vu le peu de probabilité de terminer une discussion aussi litigieuse pendant votre séjour à Pèkin. Pour ce qui est du principe qui pourrait être suivi dans cette démarcation et jusqu'à quelle ligne l'on serait disposé à faire rétrograder nos frontières avouées de ce côté, c'est un point sur le quel je ne puis encore rien vous mander de positif, S. M. ayant ordonné que cet objet fût discuté dans le comité des ministres. Aussi tôt qu'il aura émis une opinion à cet égard, je Vous en ferai parvenir le résultat. En attendant je n'ai pas voulu retenir le présent courrier, qui vous porte les ordres les plus préssants de S. M.

S. M. l'Empereur a bien voulu également agréer l'idée de V. E. d'organiser une petite expédition de découvertes sur l'Amour, avec la restriction toutefois que cette entreprise n'apportera aucun préjudice à l'état de chose actuel entre la Russie et la Chine et c'est ce dont vous serez à même de juger avec connoissance de cause, à la suite des négociations que vous aurez terminées à Pékin.

L'établissement d'un nouvel entrepôt de Commerce à la Bouchtarma et la libre navigation sur l'Amour sont considérés ici comme des points très importans et qui doivent faire l'objet de vos plus vives sollicitudes. Relativement aux autres articles exposés et discutés par V. E., le ministère se borne pour le moment à la satisfaction de vous dire, qu'ils ont mérité pleinement la haute approbation de S. M. et particulièrement ce qui regarde les gradations, qui vous comptez suivre dans le cours de vos négociations, et la manière, dont vous êtes intentionné de présenter chaque objet.

Quant aux agences diplomatiques et commerciales, S. M. I. vous enjoint de munir à votre départ de Pékin le Chef de la mission ecclésiastique non seulement d'instructions convenables, mais de lui laisser en même temps les fonds restants de la somme extraordinaire, affectée à votre ambassade et à défaut de possibillité de constituer un fond extraordinaire de 15,000 roubles en argent, ou son équivalent en lingots. V. E. est autorisée à le faire de ses propres deniers, qui vous seront remboursés par le Gouvernement. L'ordre qui vous jugerez à propos d'établir pour la comptabilité du chef de la mission ecclésiastique, ne doit cependant pas l'entraver dans l'emploi des moyens, qui lui sont offertes pour appro-

fondir l'étude, qui lui sera prescrite par Vous. Enfin le ministère pense qu'il seroit essentiel d'obtenir le consentement du Gouvernement Chinois sur l'envoi de quelques cadeaux de temps à autre, sans les faire accompagner d'aucune ambassade sinon d'un préposé avec le titre de Courrier.

Переводъ.

Я повергъ на благовоззрѣніе Е. И. В. разные депеши и мемуары, которые в. с. доставили мнѣ до вступленія вашего въ Китай. Разсужденія, въ какія вы входите, графъ, о предметѣ, ввѣренномъ вашему попеченію, удостоились особаго вниманія Е. В.

Мнѣ очень пріятно, графъ, сказать вамъ, насколько заслужили высокаго одобренія Е. В. всѣ мѣры, принятыя вами, для того, чтобы уладить затрудненія, которыя вы встрѣтили со времени прибытія вашего въ Кяхту.

Исполнивъ высочайшія повелѣнія Е. В. Государя, нашего августѣйшаго монарха, министерство поставляетъ себѣ въ обязанность сказать вамъ, что оно не находитъ ничего возразить на ваши замѣчанія, которыя только и могли исходить отъ лица, такъ хорошо, какъ вы, отдающаго себѣ отчетъ въ значеніи, послѣдствіяхъ и дѣйствіи каждаго шага по отношенію къ націи, коей мудрость и просвѣщенность составляютъ предметъ удивленія для всего міра.

Распоряженія в. с. объ употребленіи лицъ, прикомандированныхъ къ вашей свитѣ, какія сила обстоятельствъ заставила васъ сдѣлать, одобрены Е. В-мъ. Придирки, неразлучныя со всякими переговорами съ націей, такъ мало привыкшей соблюдать общепринятыя формы, нисколько не ослабили вашего рвенія, но, кажется, еще его возбудили.

Два главные предмета, относительно которыхъ в. с. желали бы точно знать волю Е. И. В., суть:

1) приметъ ли Государь Императоръ китайское посольство, отвѣтное на наше, и

2) разграниченіе, какое предлагать китайскому правительству въ сѣверной области по сю сторону Уды до Горбицы, на протяженіи 2500 в., которое осталось невыясненнымъ Нерчинскимъ трактатомъ.

Относительно перваго пункта, графъ, можно увѣрить китайцевъ, что Е. И. В. съ удовольствіемъ приметъ представителей государя, котораго дружба ему драгоцѣнна, но что, въ виду громаднаго разстоянія между двумя столицами, Е. И. В. желаетъ быть извѣщеннымъ предварительно, чтобы быть въ состояніи дать необходимыя приказанія, для принятія китайскихъ пословъ сообразно размѣрамъ чувствъ дружбы и добраго согласія, которыя существуютъ между обоими государствами.

Что касается второго пункта, то Государь Императоръ уполномочиваетъ васъ предварительно—объявить китайскому министерству, если ваши переговоры будутъ имѣть какой-нибудь успѣхъ, что Е. В. будетъ готовъ приступить къ установленію границы, остававшейся не установленною, и допустить при этомъ уступки, по мѣрѣ тѣхъ, какія вы встрѣтите въ вашихъ требованіяхъ. Сообразно съ сообщеніями, какія будутъ сдѣланы вамъ въ Пекинѣ, можно будетъ въ свое время и въ своемъ мѣстѣ приступить къ созванію на границѣ конгресса, чтобы трактовать объ этомъ дѣлѣ чрезъ уполномоченныхъ отъ обѣихъ имперій. Вы можете внушить, что китайскіе послы могутъ быть уполномочены своимъ дворомъ поднять это дѣло, въ виду малой вѣроятности, чтобы вопросъ столь спорный окончился во время пребыванія вашего въ Пекинѣ. Относительно того, какого принципа держаться при этомъ разграниченіи и до какой черты будутъ склонны отодвинуть наши признанныя границы, это—пунктъ, относительно котораго я еще не могу вамъ сказать ничего положительнаго, такъ какъ Е. В. повелѣлъ обсудить этотъ предметъ въ кабинетѣ министровъ. Какъ только будетъ принято на этотъ счетъ рѣшеніе, я вамъ сообщу результатъ. Въ ожиданіи же его я не хотѣлъ задерживать того курьера, который везетъ къ вамъ болѣе важныя повелѣнія Е. В.

Е. В. соблаговолилъ равнымъ образомъ принять мысль в. с-ства объ организаціи небольшой экспедиціи для развѣдокъ по Амуру съ тѣмъ условіемъ, во всякомъ случаѣ, чтобъ это предпріятіе не причинило никакого предосужденія въ настоящемъ положеніи дѣлъ между Россіей и Китаемъ, о чемъ вы будете въ состояніи судить по вашему знанію дѣлъ, сообразно съ переговорами, какіе вы закончите въ Пекинѣ.

Устройство новаго торговаго пункта въ Бухтармѣ и свободное плаваніе по Амуру разсматриваются здѣсь какъ два пункта очень важные и которые должны составить предметъ вашихъ внимательнѣйшихъ заботъ. Относительно другихъ пунктовъ, изложенныхъ и обсужденныхъ в. с-омъ, министерство довольствуется въ настоящее время заявленіемъ вамъ, что они вполнѣ заслужили высокое одобреніе Е. В. и въ особенности то, что̀ касается постепенности, какой думаете вы слѣдовать въ теченіе вашихъ переговоровъ, и способа, какимъ думаете вы представлять каждый вопросъ.

Что касается дипломатической и коммерческой миссіи, то Е. И. В. повелѣваетъ вамъ при вашемъ отъѣздѣ изъ Пекина снабдить начальника духовной миссіи не только приличными инструкціями, но передать ему вмѣстѣ съ тѣмъ и фондъ, остающійся отъ экстраординарной суммы, назначенной на ваше посольство, а при недостаткѣ ея для того, чтобы составить экстраординарный фондъ въ 15.000 р. монетою или въ слиткахъ, в. с. уполномочены употребить на это ваши собственныя деньги, которыя будутъ вамъ возвращены изъ казны. Порядокъ отчетности, какой признаете вы нужнымъ предписать начальнику миссіи, не долженъ мѣшать ему въ употребленіи средствъ, какія будутъ ему представлены для достиженія цѣли, которая будетъ ему вами указана.

Наконецъ, министерство полагаетъ, что было бы важно получить согласіе китайскаго правительсва на отправку, время отъ времени, подарковъ безъ специальныхъ посланниковъ, а развѣ только просто съ курьеромъ.

XVII.

Copie d'une dépêche à l'Ambassadeur Comte Golowkin, en date du 9 Mars 1806.

[1]) Dans le mémoire annexé aux relations de V. E. sous le titre: *plan de négociation avec le ministère chinois*, V. E. fait mention de la nécessité de présenter à ce ministère un aperçu des événements principaux de l'Europe et particulièrement de ceux qui ont

---

[1]) На полѣ: En encre simpatgique.

intéressé la Russie. Comme après votre départ la guerre a amené de nouveaux événements, qui peuvent parvenir à la connaissance de la Chine par de faux bulletins, le ministère s'empresse de Vous instruire, M-r le Comte, de l'état actuel de l'Europe.

Après votre départ de S.-Pétersbourg S. M. l'Empereur notre Auguste Maître a crû devoir venir au secours de la maison d'Autriche menacée d'une invasion de la part de la France. Guidé par ce sentiment de désintéressement et de magnanimité, qui le caratérise constamment, S. M. I. a fait mouvoir plusieurs corps sous les ordres des généraux Koutousoff, Bouxhoevden, Beningsen, Tolstoy et Lasey [1]). Le courage et l'activité des troupes Russes n'ont pas eu l'effet désiré. A l'arrivée de l'avant-garde des Russes pour opérer sa jonction avec les troupes alliées, il n'existait plus de l'armée Autrichienne, que quelques débris découragés sans aucune confiance pour leurs chefs. C'est dans cet état critique, et la capitale de notre allié au pouvoir de l'ennemi, que les troupes Russes combinées avec les troupes Autrichiennes livrèrent aux Français une bataille sous Austerlitz, dans laquelle les avantages furent longtemps balancés; mais la conduite peu louable des Autrichiens força l'armée Russe de céder au nombre de l'ennemi qui outre cela avoit encore pour lui l'avantage de la position. Immédiatement après cette bataille sanglante, qui coûta à l'ennemi l'élite de son armée, S. M. l'Empereur des Romains fut contraint de conclure un armistice, qui fut suivi de près de la conclusion de la paix de Pressburg, transactions auxquelles notre Auguste Maître ne prit aucune part.

Le manque de provisions, le dénûment absolu de fourrages et surtout l'abattement général qui régnait dans tous les conseils de la Cour de Vienne, nécessitèrent la retraite de notre armée, qui vient de rentrer dans ses frontières.

La paix de Presbourg est très onéreuse à la maison d'Autriche et l'Italie se trouve totalement à la discrétion de l'ennemi.

Les Anglais plus heureux sur mer ont anéanti une flotte combinée Espagnole et Française de 36 vaisseaux de ligne à la hauteur

---

[1]) Кн. Чарторыскій имѣетъ въ виду, очевидно, генерала Бор. Петр. Ласси или Лэзи, бывшаго впослѣдствіи литовскимъ генералъ-губернаторомъ, ум. въ 1820 г.

de Trafalgar. Ils poursuivent la guerre; le premier ministre Pitt est mort sur ces entrefaites et le vainqueur de Trafalgar Nelson a péri au sein de la victoire.

Ce léger aperçu vous suffira, M-r l'Ambassadeur pour, vous engager à peindre avec les couleurs convenables, l'ennemi commun de l'Europe. Il faut présenter la nation française de manière à lui interdire à jamais l'introduction en Chine, en quoi l'assistance des Jésuites pourra vous être d'une grande utilité. Le moyen le plus simple seroit sans doute celui de dire ou d'insinuer aux Chinois, par la voie que vous jugerez la plus convenable, que tous les dogmes de la nouvelle dynastie, qui a usurpé le trône de France, ne tendent qu'au renversement des trônes, au soulèvement des sujets contre leurs légitimes souverains, en un mot V. E. n'a qu'à peindre les jacobins revêtus des formes actuelles.

Il est superflu de Vous dire, M-r le C-te, que l'emploi que vous jugerez à propos de faire de ces communications doit dépendre essentiellement de la position dans laquelle vous vous trouverez vis à vis de la Cour de Pékin et du dégré d'utilité que vous croirez pouvoir en retirer. Les connoissances, que vous aurez acquises sur les lieux, Vous indiqueront mieux les formes dont il sera convenable d'envelopper les susdites communications, et vos lumières sont un garant du choix qui V. E. en fera.

Переводъ.

Въ мемуарѣ, приложенномъ къ реляціямъ в. с. подъ названіемъ Plan etc., в. с. упоминаете о необходимости представить этому министерству очеркъ главныхъ событій въ Европѣ, и особенно тѣхъ, которыя касаются Россіи. Такъ какъ послѣ вашего отъѣзда война принесла новыя происшествіи, которыя могутъ сдѣлаться извѣстными въ Китаѣ изъ лживыхъ сообщеній, то министерство спѣшитъ освѣдомить васъ, графъ, о настоящемъ положеніи Европы.

Послѣ вашего отъѣзда изъ Петербурга, Е. И. В., нашъ августѣйшій государь, счелъ долгомъ придти на помощь австрійскому дому, угрожаемому вторженіемъ со стороны Франціи. Руково-

димый тѣмъ чувствомъ безкорыстія и великодушія, которое его отличаетъ постоянно, Е. И. В. двинулъ нѣсколько корпусовъ подъ командою генераловъ Кутузова, Буксгевдена, Беннигсена, Толстого и Лэзи. Но храбрость и энергія русскихъ войскъ не имѣли желаннаго результата. Во время прибытія русскаго авангарда, имѣвшаго дѣйствовать въ соединеніи съ союзными войсками, отъ австрійской арміи осталось уже только нѣсколько обломковъ, обезкураженныхъ и недовѣряющихъ своимъ начальникамъ. Въ этомъ критическомъ положеніи, когда и столица нашего союзника была во власти врага, русскія войска, въ соединеніи съ австрійскими, дали непріятелю битву при Аустерлицѣ, въ которой долго успѣхъ былъ нерѣшителенъ; но далеко не безупречное поведеніе австрійцевъ принудило русскую армію уступить численному перевѣсу врага, который, кромѣ того, имѣлъ еще преимущество и въ позиціи. Непосредственно послѣ этой кровопролитной битвы, которая стоила врагу лучшей части его войска, Е. В. императоръ римскій былъ вынужденъ заключить перемиріе, за которымъ вскорѣ послѣдовалъ миръ въ Пресбургѣ, въ переговорахъ о чемъ нашъ августѣйшій государь не принималъ никакого участія.

Недостатокъ провизіи, полное отсутствіе фуража и общее уныніе, которое господствовало во всѣхъ рѣшеніяхъ вѣнскаго двора, вынудили отступленіе нашей арміи, которая только что вступила въ свои границы.

Пресбургскій миръ очень тяжелъ для Австріи и вся Италія находится во власти врага.

Англичане, болѣе счастливые на морѣ, уничтожили у Трафальгара соединенный франко-испанскій флотъ въ 36 линейныхъ кораблей. Они продолжаютъ войну; среди этихъ событій внезапно умеръ первый министръ Питтъ, а побѣдитель при Трафальгарѣ Нельсонъ убитъ въ этомъ сраженіи.

Этотъ общій очеркъ будетъ вамъ достаточенъ, г. посолъ, чтобы побудить васъ изображать въ надлежащемъ свѣтѣ общаго врага Европы. Нужно выставить французскую націю такъ, чтобы ей навсегда былъ пресѣченъ доступъ въ Китай—въ чемъ присутствіе іезуитовъ можетъ быть вамъ очень полезно. Самое простое средство для этого, конечно, въ томъ, чтобы сказать китайцамъ, или внушить путемъ, какой вы признаете наиболѣе подходящимъ, что всѣ правила новой династіи, захватившей тронъ во Франціи, направлены только къ ниспроверженію престоловъ, къ возмущенію подданныхъ противъ ихъ законныхъ государей—однимъ словомъ, в. с-ву слѣдуетъ только изображать якобинцевъ въ ихъ новой формѣ.

Излишнее мнѣ говорить вамъ, графъ, что употребленіе какое вы признаете удобнымъ сдѣлать изъ этихъ сообщеній, должно зависѣть главнымъ образомъ отъ положенія, какое вы займете относительно пекинскаго двора, и степени пользы, какую вы признаете возможнымъ извлечь изъ этого. Свѣдѣнія, пріобрѣтенныя вами на мѣстѣ, вамъ укажутъ лучше всего форму, въ которую будетъ удобно облечь вышеизложенныя сообщенія, и ваша опытность ручается за выборъ, какой в. с. сдѣлаете.

XVIII.

Письмо кн. А. А. Чарторыскаго графу Ю. А. Головкину [1]).

Particulière 2-e Avril.

Monsieur le Comte.

L'absence de l'Empereur de Sa capitale m'a empeché d'écrire plus tôt à Votre Excellence; diverses circonstances qu'il seroit difficile d'énumérer ici ont retardé l'expédition de ces lettres, jusqu'à ce moment, à mon grand regret, car je prévois que vous serez impatient de recevoir de nos nouvelles. Je ferai du contenu de Votre lettre particulière l'usage qui me paroitra le plus convenable, et qui me sera dicté par mon desir de répondre à la confiance que vous voulez bien me témoigner et par mon empressement bien vif de concourir autant qu'il peut dépendre de moi, à tout ce que peut vous être agréable. Nous attendons de vos nouvelles avec anxiété; Votre conduite sage et mesurée a obtenu l'approbation de S. M. I. et chaque pas que vous allez faire, deviendra, j'en suis certain, un nouveau titre à Sa bienveillance et Sa satisfaction.

---

[1]) Все собственноручно.

Veuillez recevoir l'expression des sentimens de la haute considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. Czartoryski.

St. Pétersbourg le 9 Mars v. st.

Переводъ.

Ваше Сіятельство.

Отсутствіе Государя Императора изъ столицы помѣшало мнѣ ранѣе писать в. с.; разныя обстоятельства, которыя затруднительно перечислять, замедлили отправленіе этихъ писемъ до настоящаго момента, къ большому моему сожалѣнію, такъ какъ я предвижу, что вы съ нетерпѣніемъ ожидаете новостей отсюда. Я сдѣлаю изъ вашего частнаго письма употребленіе, которое представится мнѣ наиболѣе приличнымъ и которое будетъ подсказано мнѣ моимъ желаніемъ отвѣчать на довѣренность, какую вы мнѣ оказываете, и моимъ живѣйшимъ стремленіемъ содѣйствовать, сколько это отъ меня можетъ зависѣть, всему, что можетъ быть вамъ пріятно. Мы ожидаемъ извѣстій отъ васъ съ тревогою. Ваше благоразумное и умѣренное поведеніе заслужило одобреніе Е. И. В., и я увѣренъ, что всякій новый шагъ, какой вы сдѣлаете, будетъ новымъ основаніемъ къ его благосклонности и удовольствію. Примите и пр.

XIX.

Копія депеши князя Чарторыскаго къ послу графу Головкину отъ 26-го марта 1806 года, полученной 26-го маія.

Депеши Вашего Сіятельства, отправленныя изъ Троицко-Савской крѣпости съ камеръ-юнкеромъ Байковымъ, получены здѣсь исправно; я имѣлъ счастіе представить оныя Высочайшему возрѣнію Государя Императора, и коль скоро узнаю Высочайшую волю Его Величества, не умедлю сообщить оную Вашему Сіятельству. Нынѣ же, пользуясь отправляющимся курьеромъ отъ поприща министра юстиціи, поспѣшаю увѣдомить Ваше Сіятельство о прибытіи сюда г-на Байкова; и что непріятныя происшествія, встрѣтившія посольство въ Ургѣ, и препятствія, которыя заставили оное возвратиться въ Россію, приняты были въ особенное вниманіе Его Величества. Я не сомнѣваюсь, что по прочтеніи всѣхъ доставленныхъ вами свѣдѣній, Государь Императоръ соизволитъ удостовѣриться, что правила, на коихъ основано было ваше поведеніе, извлечены были изъ благоразумнѣйшихъ поводовъ, и что едва ли можно было поступить иначе въ затруднительныхъ предложеніяхъ вамъ учиненныхъ отъ ургинскихъ вана и амбана. Я надѣюсь въ скоромъ времени доставить къ Вашему Сіятельству Высочайшія разрѣшенія чрезъ нарочнаго курьера.

XX.

Письмо министра внутреннихъ дѣлъ гр. В. П. Кочубея графу Ю. А. Головкину.

25-го іюня съ К. Ю. Байковымъ.

Милостивый Государь мой графъ Юрій Александровичъ!

Изъ препровождаемаго при семъ Высочайшаго рескрипта, въ 8 день текущаго маія на имя Вашего Сіятельства состоявшагося, вы, милостивый государь мой, усмотрѣть изволите, что донесенія ваши касательно обозрѣнія вами губерній въ проѣздъ вашъ къ мѣсту назначенія вашего, приняты Его Величествомъ съ особливымъ благоволѣніемъ. Въ дополненіе къ сему я честь имѣю извѣстить Ваше Сіятельство въ подробности о слѣдующихъ, по разнымъ представленнымъ отъ васъ статьямъ, Высочайшихъ распоряженіяхъ:

1) *О устроеніи дома для погорѣвшихъ инвалидовъ въ Муромѣ.* По полученіи отъ г. владимірскаго гражданскаго губернатора смѣтъ сему построенію, отпущены въ распоряженіе его изъ казны нужныя на то деньги.

2) *О исправленіи заведеній нижегородскаго приказа общественнаго призрѣнія.* Истребованы отъ мѣстнаго начальства дальнѣйшія по предмету сему объясненія, и вслѣдствіе оныхъ пред-

писано употребить на исправленіе означенныхъ заведеній четыре тысячи рублей изъ суммъ приказа.

3) *О макарьевскомъ гостиномъ дворѣ.* Предположенія о постройкѣ его соображаемы были съ особливымъ вниманіемъ и не иначе приступлено было къ учиненію тѣхъ распоряженій, кои нынѣ приводятся въ дѣйствіе, какъ по предварительному осмотру на мѣстѣ посыланнаго въ Макарьевъ отъ инженернаго департамента инженеръ-маіора Ракузы, коего представленія по предмету сему одобрены также и г-мъ инженеромъ-генераломъ фонъ-Сухтеленомъ.

4) *О устроеніи для макарьевской ярмонки моста чрезъ рѣку Волгу.* О семъ дѣлаются подробныя соображенія, по окончаніи коихъ приступлено будетъ къ самому дѣлу.

5) *О намѣреніи дворянства казанскаго распространить госпиталь собственнымъ иждивеніемъ.* Государь Императоръ принять сіе изволилъ съ отличнымъ удовольствіемъ и вслѣдствіе того объявлено дворянству Высочайшимъ рескриптомъ, на имя г. губернатора Мансурова даннымъ, монаршее благоволѣніе.

6) *О исправленіи тюрьмы въ Казани.* По составленіи здѣсь плановъ и смѣтъ, ассигнована какъ на оную, такъ и на тюрьмы въ уѣздныхъ городахъ, потребная сумма.

7) *О награжденіи рекомендованныхъ чиновниковъ.* Его Величество, уваживъ засвидѣтельствованіе ваше о ревностномъ служеніи гг. губернаторовъ владимірскаго и казанскаго, Высочайше указать соизволилъ прибавить имъ къ настоящимъ ихъ окладамъ по двѣсти рублей на мѣсяцъ столовыхъ денегъ, пермскому жъ и вятскому генералъ-губернатору Модераху, также нижегородскому гражданскому губернатору Руновскому, по уваженію награжденій, недавно ими полученныхъ, изъявить въ рескриптахъ Высочайшее благоволѣніе; титулярнаго совѣтника Измайлова, въ Троицкосавской пограничной канцеляріи находящагося, произвести въ коллежскіе ассесоры; купцамъ: шадринскому Фетисову, иркутскимъ Чупалову и Дудоровскому, и верхнеудинскому Шевелеву, оказавшимъ разныя на пользу общую пожертвованія, послать медали: первымъ тремъ золотыя, а послѣднему серебряную, верхотурскому жъ купцу Попову, получившему уже прежде золотую медаль на голубой лентѣ, изъявить благоволѣніе. Что принадлежитъ до награжденія прочихъ чиновниковъ, Вашимъ Сіятельствомъ рекомендованныхъ, оное, по недавному ихъ въ настоящихъ чинахъ нахожденію, отложено до нѣкотораго времени.

8) *О несогласіи между владимірскимъ губернаторомъ и вице-губернаторомъ.* По причинамъ, отъ васъ, Милостивый Государь мой, представленнымъ, г. вице-губернаторъ Колокольцовъ переведенъ въ Казанскую губернію.

9) *О нерадѣніи нѣкоторыхъ чиновниковъ.* Небреженіе о должности членовъ нижегородской врачебной управы не оставлено безъ надлежащаго замѣчанія. Совѣтникъ тамошняго губернскаго правленія Пичъ удаленъ отъ мѣста; а поступокъ чиновниковъ тверской губерніи, по поставкѣ соли упущеніе сдѣлавшихъ, поставленъ въ виду тамошняго г. губернатора.

10) *О ябедѣ въ Казанской губерніи усилившейся.* Какое по сему случаю состоялось общее по всѣмъ губерніямъ постановленіе, оное изволите Ваше Сіятельство усмотрѣть изъ прилагаемаго при семъ въ спискѣ отношенія моего о томъ къ г-ну министру юстиціи.

11) *О дурной водѣ въ Казани.* Къ поправленію качества оной возобновленіемъ, согласно предложенію Вашего Сіятельства, плотины, бывшей во время татарскаго правленія на озерѣ Кабани, требуются свѣдѣнія отъ гражданскаго губернатора.

12) *О деньгахъ, на поѣздку въ Санктпетербургъ землемѣра Донскаго и подпоручика Таракановскаго издержанныхъ.* Деньги сіи, заимствованныя изъ суммы, ежегодно на содержаніе по Томской губерніи колодниковъ ассигнуемой, и составляющія всего тысячу рублей, возвращены по Высочайшему повелѣнію изъ Кабинета.

13) *О Бійской и Кузнецкой линіи.* По сношенію о семъ съ г-мъ инженеръ-генераломъ фонъ-Сухтеленомъ, Его Величество соизволяетъ, дабы вы, милостивый государь мой, вошли съ нимъ отъ себя непосредственно въ дальнѣйшее соображеніе и согласно общему заключенію вашему сдѣлали на предметъ сей окончательное постановленіе, о чемъ сообщено отъ меня и г-ну инженеръ-генералу фонъ-Сухтелену; для лучшаго жъ усмотрѣнія Вашего Сіятельства подробностей, къ дѣлу сему прикосновенныхъ, я честь

имѣю препроводить къ вамъ, милостивый государь мой, у сего въ копіи отзывъ его ко мнѣ относительно означенной линіи [1]).

14) *О медленномъ теченіи дѣлъ въ губерніяхъ Томской и Иркутской.* Предметъ сей, по Высочайшей волѣ, предоставленъ уваженію г. министра юстиціи.

15) *О преобразованіи Селенгинскаго полка въ ландмилицію, о переводѣ въ Томской и Иркутской губерніи казенныхъ винокуренныхъ заводовъ, о ввозѣ къ ясашнымъ народамъ крѣпкихъ напитковъ, о тягости почтовой въ Сибири повинности и о взиманіи съ ясашныхъ вмѣсто ясака деньгами.* Первое изъ сихъ обстоятельствъ сообщено мною, вслѣдствіе Монаршей воли, г. министру военныхъ сухопутныхъ силъ; второе и третье г. министру финансовъ; четвертое, объ отягощеніи въ Сибири жителей почтовою повинностію, г. главному директору почтъ; а послѣднее, то-есть, объ отмѣнѣ ясашной подати, управляющему Кабинетомъ, г. дѣйствительному тайному совѣтнику Гурьеву, съ тѣмъ, чтобъ они вошли въ надлежащее по всѣмъ статьямъ симъ соображеніе.

16) *О ламѣ Чутумѣ Сытеловѣ, изъявившемъ желаніе обучаться медицинѣ.* Согласно предположенію Вашего Сіятельства предписано, кому слѣдовало, выдать означенному ламѣ съ товарищемъ на проѣздѣ ихъ изъ Сибири сюда прогонныя деньги и опредѣлить ихъ въ Медикохирургическую Академію.

Въ семъ состоятъ Высочайшія разрѣшенія, по разнымъ донесеніямъ Вашего Сіятельства послѣдовавшія. Что принадлежитъ до представленій вашихъ объ отягощеніи градского иркутскаго общества поставкою дровъ для отопленія казенныхъ домовъ, о капиталахъ тамошняго приказа общественнаго призрѣнія, къ отдачѣ въ здѣшній банкъ назначенныхъ, о стѣсненномъ положеніи вдовъ служившихъ въ Иркутской губерніи чиновниковъ, объ учрежденіи въ Казани и Нижнемъ Новѣ-Городѣ надворныхъ судовъ или о прибавкѣ по уѣзднымъ судамъ людей и суммы; о тяжести провожанія колодниковъ; объ учрежденіи въ Казани магометанскаго духовнаго правленія; о тайномъ привозѣ изъ Казанской губерніи лѣсу;

[1]) Въ отзывѣ этомъ фонъ Сухтеленъ говоритъ — по изложеніи нѣкоторыхъ соображеній, что „неблагоразсуждено ли будетъ оныя столь давно существующія линіи „до полученія нѣкоторыхъ свѣдѣній“ „оставить въ прежнемъ ихъ положеніи“.

о злоупотребленіяхъ въ Пермской губерніи отъ свободы башкирцевъ продавать свои земли; о распространеніи на тамошнихъ вогуловъ права платить ясакъ одинакимъ образомъ съ прочими ясашными народами и о неисправностяхъ въ Екатеринбургской больницѣ, горному заводу принадлежащей: то по нѣкоторымъ изъ сихъ предметовъ требуется, отъ кого слѣдуетъ, надлежащія свѣдѣнія; по другимъ же Государю Императору угодно было поручить мнѣ сдѣлать разсмотрѣніе обще съ господами министрами, до части коихъ что относиться будетъ.

Съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть Вашего Сіятельства покорнѣйшій слуга

графъ *В. Кочубей.*

№ 72
12 мая 1806 года.

XXI.

Копія съ отношенія министра внутреннихъ дѣлъ къ министру юстиціи отъ 25-го марта 1806 года.

Г-нъ тайный совѣтникъ Вейдемейеръ доставилъ ко мнѣ выписку изъ положенія Государственнаго Совѣта Государемъ Императоромъ утвержденнаго относительно ябедниковъ въ Казанской губерніи проживающихъ и, по донесенію сенатора графа Головкина, чинящихъ тамъ разныя злоупотребленія. Въ семъ положеніи Государственнаго Совѣта, вмѣстѣ съ мѣрою пріемлемою по Казанской губерніи, постановляется и общее правило, чтобы всякаго рода прошенія по дѣламъ въ судебныя мѣста и къ лицамъ подаваемыя, писаны были впредь на гербовой бумагѣ, а какъ постановленіе сіе, по связи его съ производствомъ дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ, принадлежитъ болѣе къ министерству юстиціи, примѣчанія же графа Головкина по Казани отъ меня по Высочайшему повелѣнію въ Совѣтъ внесенныя были только поводомъ къ установленію сего общаго правила: то и счелъ я нужнымъ сіе положеніе Государственнаго Совѣта, съ бумагами къ нему принадлежащими, препроводить къ Вашей Свѣтлости для зависящаго отъ васъ, милостивый государь мой, по оному распоряженія.

Съ отпускомъ вѣрно. *Коллежскій совѣтникъ Карловичъ.*

XXII.

Высочайшій рескриптъ на имя д. т. с. гр. Ю. А. Головкина.

25-го іюня съ к.-ю. Байковымъ.

Графъ Юрій Александровичъ! Получивъ въ свое время донесенія ваши по обозрѣнію губерній на пути вашемъ лежащихъ и особенно сибирскихъ, съ удовольствіемъ изъ нихъ Я видѣлъ дѣятельное усердіе, съ коимъ вникали вы на мѣстѣ въ разныя части губернскаго управленія, сколько краткость времени вамъ дозволяла. Находя для себя пріятнымъ отдать вамъ сію справедливость, Я принялъ въ надлежащее уваженіе виды, вами представленные, по разнымъ отдѣленіямъ губернскаго благоустройства. На чиновниковъ, вами одобренныхъ, обращено особенное вниманіе. Къ пресѣченію злоупотребленій, вами замѣченныхъ, постановлены нужныя мѣры. Министръ внутреннихъ дѣлъ сообщитъ вамъ подробнѣе о сдѣланныхъ по сему распоряженіяхъ. Возобновляю признательность Мою за отличное усердіе и труды по сей части вами понесенные, пребывая вамъ всегда благосклонный

Александръ.
Графъ В. Кочубей.

Въ С.-Петербургѣ, мая 8, 1806 г.

XXIII.

Копія съ Высочайшаго рескрипта на имя посла графа Головкина отъ 8-го мая, полученнаго 25-го іюня 1806 г. съ к.-ю. Байковымъ.

Донесенія ваши, посланныя чрезъ камеръ-юнкера Байкова, камеръ-юнкера Гурьева и фельдъегеря Лосева, представлены Мнѣ были чрезъ товарища министра иностранныхъ дѣлъ князя Чарторыжскаго.

Свѣдѣнія, въ разныя времена вами сюда доставленныя, доказываютъ дѣятельность вашу и усердіе къ службѣ отечественной, а потому обращаютъ на себя Мое благоволеніе, которое чрезъ сіе Я вамъ изъявляю. Поручаю вамъ равномѣрно объявить оное всѣмъ тѣмъ чиновникамъ посольства, которые были употребляемы вами по особеннымъ препорученіямъ, и которые вообще заслуживаютъ ваше вниманіе.

Находя основательными причины, представленныя вами о нуждѣ перемѣнить настоящій образъ политическихъ сношеній съ китайскимъ правительствомъ и стараться поставить оныя въ положеніе, достоинству Имперіи Россійской приличное, Я далъ повелѣніе товарищу министра иностранныхъ дѣлъ объяснить вамъ во всемъ пространствѣ намѣренія Мои, касательно сего предмета. Для удобнѣйшаго выполненія онаго Я призналъ за нужное оставить васъ въ Сибири на нѣкоторое время, въ званіи полномочнаго и чрезвычайнаго посла. Министръ внутреннихъ дѣлъ и министръ военныхъ сухопутныхъ силъ получили также повелѣніе учинить нужныя распоряженія, могущія вамъ доставить сугубые способы достигнуть предполагаемой цѣли, которая впредь до дальнѣйшихъ повелѣній нынѣ состоитъ въ слѣдующихъ предметахъ, имѣющихъ быть главнѣйшею для васъ обязанностію. 1-ое. Употребить въ пользу пребываніе ваше въ Сибири собираніемъ полныхъ свѣдѣній о удобностяхъ внутреннихъ и пограничныхъ тамошняго края, и доставить оныя сюда въ свое время, не приводя оныя въ исполненіе. 2-ое. Всевозможно удаляться въ перепискѣ и въ рѣчахъ отъ оказательствъ, могущихъ произвесть всякое охлажденіе между двумя Имперіями, слѣдствіемъ коего будетъ преждевременное прекращеніе торговли на Кяхтѣ; и вообще стараться сохранить доброе согласіе и дружественныя сношенія съ китайцами.

Извѣстное Мнѣ ваше усердіе къ службѣ и отличныя ваши дарованія ручательствуютъ въ томъ, что вы исполните съ успѣхомъ возлагаемое на васъ препорученіе, которое по важности своей долженствуетъ обратить на себя всю вашу прозорливость. Впрочемъ пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Е. И. В. рукою

Александръ.

Контросигнировалъ К. Адамъ Чарторыскій.

XXIV.

Копія депеши князя Чарторыскаго къ послу графу Головкину отъ 14-го мая 1806 года, полученной іюля 25-го.

Я имѣлъ честь увѣдомить Ваше Сіятельство съ послѣднимъ курьеромъ, обратно отправленнымъ въ Иркутскъ марта 26-го дня текущаго года, о полученіи депешей вашихъ, писанныхъ отъ 19-го февраля съ камеръ-юнкеромъ Байковымъ; въ слѣдъ за сими получены здѣсь депеши, отправленныя отъ Вашего Сіятельства съ камеръ-юнкеромъ Гурьевымъ, а вскорѣ потомъ и съ фельдъ-егеремъ Лосевымъ, и всѣ таковыя представлены были Высочайшему возрѣнію Его Величества. Государь Императоръ указать соизволилъ препроводить оныя въ чрезвычайный министерскій комитетъ на разсмотрѣніе. На сихъ дняхъ мнѣніе комитета удостоено Высочайшаго одобренія Его Величества и я поспѣшаю сообщить Вашему Сіятельству всѣ статьи онаго, съ нѣкоторыми распространеніями, которыя признаны нужными для лучшаго поясненія.

Принявъ въ уваженіе всѣ свѣдѣнія и разсужденія, помѣщенныя въ депешахъ Вашего Сіятельства, представляется два предмета къ разрѣшенію. 1-й. Спасеніе россійскихъ кораблей, арестованныхъ въ Кантонѣ. Здѣсь признано за нужное по сему первому предмету отправить немедленно въ пекинскій трибуналъ изъ Правительствующаго Сената листъ, который у сего прилагается подъ открытою печатью, съ тѣмъ, чтобы по учиненіи манжурскаго перевода, Ваше Сіятельство изволили отправить оный обыкновеннымъ путемъ чрезъ иркутскаго губернатора, равно какъ и другой листъ въ тотъ же трибуналъ, здѣсь прилагаемый [1]), дабы избѣгнуть противорѣчій, могущихъ воспослѣдовать отъ китайскаго правительства, которое, какъ извѣстно, чуждается всякихъ новостей. Иркутскому же губернатору предписано будетъ сообщать всѣ получаемыя имъ бумаги Вашему Сіятельству для отправленія оныхъ сюда при вашихъ депешахъ.

Въ случаѣ упорства китайскаго двора на освобожденіе сихъ кораблей, хотя оное не кажется быть вѣроятнымъ, какъ скоро получится изъ пекинскаго трибунала неудовлетворительный отвѣтъ, здѣсь положено приступить къ дѣятельнымъ мѣрамъ, то-есть произвесть на границахъ демонстрацію и даже репрезаль, о коей въ свое время воспослѣдуетъ Высочайшее разрѣшеніе, дабы чрезъ сіе имѣть въ рукахъ нашихъ достаточный залогъ, могущій замѣнить оскорбленіе, учиненное арестованіемъ россійскихъ кораблей, буде сіи слухи подтвердятся вѣрными извѣстіями.

[1]) Въ рукописи ни того, ни другого нѣтъ.

2-ой предметъ есть возвращеніе россійскаго посольства, недостигшаго своей цѣли. Нужно было разрѣшить, въ какомъ видѣ сіе происшествіе принять должно.

Вникая въ нравы азіатскихъ народовъ, вообще явствуетъ, что неприличные поступки ургинскихъ пограничныхъ начальниковъ вана и амбаня не заслуживаютъ такого уваженія, какое въ равномъ случаѣ могло бы имѣть мѣсто между европейскими державами. Извѣстно, что грубые и закоренѣлые обычаи китайцевъ въ разсужденіи посланниковъ почитаются у нихъ за основаніе государственной политики. Впрочемъ затрудненія, встрѣтившіяся нашему посольству, основаны были на совершенной взаимности, и несогласіе Вашего Сіятельства съ ургинскимъ ваномъ доказало равномѣрно китайскому правительству, что предметъ посольства нестолько былъ важенъ для Россіи, какъ можетъ быть они воображали. И потому заключено, что хотя нѣтъ достаточныхъ причинъ возвращеніе посольства почитать за дѣйствительную обиду; но не менѣе нужно стараться воспользоваться симъ случаемъ и прекратить то невыгодное положеніе, до коего россійскій дворъ можетъ быть дошелъ дѣйствительно чрезъ противную систему своего обхожденія съ китайцами.

Получивъ право требовать удовлетвореніе, остается теперь удостовѣриться, есть ли возможность употребить сей случай съ пользою и устроить на приличнѣйшемъ основаніи пограничныя дѣла наши съ Китаемъ.

Въ запискѣ подъ титуломъ: Mémoire sur la situation actuelle des relations entre l'Empire de Russie et la Chine, Ваше Сіятельство указываете сію возможность, но не имѣя по сему предмету еще полныхъ свѣдѣній, обѣщаете собрать оныя и доставить сюда на разсмотрѣніе.

Дабы воспользоваться таковымъ стеченіемъ обстоятельствъ и приготовиться на всякій случай противу коварства и тайныхъ замысловъ китайскаго правительства, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ оставить Ваше Сіятельство въ Сибири въ званіи полномочнаго и чрезвычайнаго посла, до тѣхъ поръ, пока не приведена будетъ къ окончанію переписка россійскаго двора съ китайскимъ, по предмету возвращенія посольства и арестованія россійскихъ кораблей въ Кантонѣ. Изъ прилагаемыхъ здѣсь Высочайшаго рескрипта, на имя ваше состоявшагося, и изъ листа въ пекинскій трибуналъ отправляемаго, въ коемъ требуются объясненія о причинахъ возвращенія нашего посольства, Ваше Сіятельство изволите усмотрѣть опредѣлительно Высочайшую волю Его Величества; я почитаю за излишнее распространяться о всѣхъ тѣхъ мѣрахъ осторожности, каковыя долженствуютъ быть слѣдствіемъ правилъ, Высочайше вамъ предписанныхъ, и которыя зависѣть будутъ съ одной стороны отъ мѣстныхъ обстоятельствъ, съ другой отъ извѣстной опытности и благоразумія Вашего Сіятельства.

Въ дополненіе способовъ, находящихся уже въ рукахъ Вашего Сіятельства, Его Величество Высочайше указать соизволилъ министру внутреннихъ дѣлъ дать предписаніе Сибирскому генералъ-губернатору Пестелю, дабы по прибытіи его на мѣсто онъ оказывалъ съ своей стороны Вашему Сіятельству возможныя пособія для успѣшнѣйшаго выполненія возложенныхъ на васъ препорученій, а въ теперешнее отсутствіе помянутаго генералъ-губернатора, дать такое же предписаніе гражданскому иркутскому губернатору Корнилову. Въ томъ же смыслѣ предписано быть имѣетъ отъ министра сухопутныхъ военныхъ силъ сибирскому инспектору генералъ-маіору Лаврову.

По полученіи полныхъ свѣдѣній, которыя отъ Вашего Сіятельства здѣсь ожидаются, и отвѣтовъ отъ пекинскаго трибунала на посылаемые нынѣ листы, съ вящщею точностію и основаніемъ приступить можно будетъ къ разрѣшенію вопроса: въ чемъ долженствуетъ состоять требуемое дворомъ россійскимъ удовлетвореніе? А между тѣмъ ожидать должно, что китайское правительство удостовѣрится въ томъ, что поведеніе Вашего Сіятельства заслужило Высочайшее одобреніе, и что напротивъ того неприличные поступки

ургинскаго вана требуютъ съ ихъ стороны строгаго взысканія. Я разумѣю, что ежели китайскій дворъ и не будетъ убѣжденъ внутренно въ семъ послѣднемъ заключеніи касательно вана, то по крайней мѣрѣ съ вѣроятностію думать можно, что сохранитъ наружный видъ взысканія, дабы прекратить дальнѣйшія непріятности, каковыя при настоятельномъ требованіи двора нашего могутъ показаться для нихъ уважительными. Впрочемъ Ваше Сіятельство по многимъ правдоподобіямъ заключать изволите, что китайцы сами опасаются разрыва съ Россіею, какъ и дѣйствительно явствуетъ изъ слога и оборота всѣхъ ихъ листовъ, изъ отзыва и худого пріема въ Пекинѣ ургинскаго вана, и изъ другихъ извѣстій, до васъ дошедшихъ.

Слѣдовательно, остается теперь Вашему Сіятельству, пользуясь таковымъ расположеніемъ китайскаго правительства къ миролюбивому пребыванію съ Россіею, объяснить во всемъ пространствѣ тѣ выгоды, кои можно извлечь изъ сего положенія, и способы, вами упоминаемые, дабы улучшить пограничныя и коммерческія сношенія двора россійскаго съ китайскимъ.

Государь Императоръ Высочайше соизволяетъ, чтобы Ваше Сіятельство, сходно съ представленіемъ вашимъ, давали увольненіе въ Россію тѣмъ изъ чиновниковъ посольства, кои не могутъ быть употреблены съ пользою въ теперешнихъ вашихъ занятіяхъ, и чтобы, оставляя при себѣ токмо самонужнѣйшее количество чиновниковъ, остальныхъ отправляли бы мало-по-малу куда слѣдуетъ обратно.

Въ заключеніе сего, пріятною обязанностію почитаю извѣстить васъ, милостивый государь мой, что Его Величество находится въ полномъ убѣжденіи о успѣхѣ возлагаемаго на васъ порученія, зная чрезмѣрную дѣятельность и отличное усердіе Вашего Сіятельства къ службѣ отечественной. Но при томъ долгомъ поставляю сообщить вамъ, милостивый государь мой, что образъ мыслей Его Величества, довольно извѣстный цѣлой Европѣ, касательно святости договоровъ, не можетъ и въ семъ случаѣ получить ни малѣйшаго измѣненія, развѣ бы явное нарушеніе трактата со стороны китайцевъ къ тому подало поводъ. Въ семъ послѣднемъ предположеніи и даже въ случаѣ, если бы китайцы заперли торгъ

на Кяхтѣ и стали оказывать непріязненное къ намъ расположеніе, нужно будетъ стараться выиграть время и продолжать переговоры до тѣхъ поръ, пока границы наши не приведутся въ почтительное состояніе. Безполезно было бы объяснять Вашему Сіятельству, что предпріятіе сего рода требуетъ времени для приготовленія всего того, что можетъ обнадежить въ успѣхѣ. А первый шагъ къ помянутымъ приготовленіямъ долженствуетъ состоять въ полныхъ и подробныхъ свѣдѣніяхъ, каковыя ожидаются отъ васъ съ нетерпѣніемъ. Вслѣдствіе сего Его Величество ожидаетъ отъ благоразумія Вашего Сіятельства, что вы приложите неусыпное попеченіе къ тому, чтобы сохранить доброе согласіе китайцевъ, предупредить всякіе преждевременные ложные слухи, могущіе распространиться въ Сибири и за границею, коихъ вредное дѣйствіе уже ощутительно для нашей торговли, и что чиновники, отъ васъ употребляемые въ разныхъ пунктахъ и при васъ находящіеся, ограничиваясь отправленіемъ возложенныхъ на нихъ препорученій, будутъ соблюдать приличную скромность, въ сходство предписаній, отъ Вашего Сіятельства чаятельно имъ данныхъ, и которыя при семъ случаѣ не безполезно будетъ повторить имъ съ строжайшимъ подтвержденіемъ.

Государь Императоръ соизволяетъ также, чтобы подарки, назначенные богдыхану, Ваше Сіятельство оставили въ приличномъ мѣстѣ въ Иркутскѣ, впредь до Высочайшаго повелѣнія.

XXV.

Высочайшій рескриптъ д. т. с. графу Ю. А. Головкину.

25 Juin, avec le g.-de la ch. Baykoff.

Monsieur le Comte de Golowkin. J'ai trouvé avec plaisir dans votre lettre du 9 Mars l'expression des sentiments de zèle et de dévouement dont vous avez toujours fait preuve à Mon service, et qui Vous ont acquis une part réelle à Ma bienveillance. Persuade que Vous n'avez point cessé de la mériter dans l'occasion présente, quel qu'ait été le résultat de Vos efforts, Je me fais un plaisir de Vous assurer que ce n'est point par l'évènement que Vous serez jugé dans mon opinion. Votre zèle et vos qualités Me sont assez connus. Cette assurance doit faire cesser les inquiétudes que Vous m'exprimez et auxquelles J'ai reconnu avec satisfaction l'attachement pour Ma personne et pour le bien de la Patrie qui Vous a toujours distingué. Je suis, Monsieur le Comte de Golowkin,

Votre affectionné

Alexandre.

St. Pétersbourg le 15 Mai 1806.

Переводъ.

Господинъ графъ Головкинъ.

Я съ удовольствіемъ нашелъ въ вашемъ письмѣ отъ 9 марта выраженіе усердія и преданности, каковыя вы всегда обнаруживали къ Моей службѣ и которыя дали вамъ существенное право на Мое благоволеніе. Убѣжденный, что вы не перестанете заслуживать его въ настоящемъ случаѣ, каковы бы ни были результаты вашихъ усилій, Я съ удовольствіемъ удостовѣряю васъ, что не по результатамъ будете вы судимы въ Моемъ мнѣніи. Ваше усердіе и ваши достоинства давно Мнѣ извѣстны. Увѣренность въ этомъ должна устранить тѣ безпокойства, какія вы Мнѣ выражаете и въ какихъ Я съ удовольствіемъ вижу преданность вашу Моей особѣ и благу отечества, которая васъ всегда отличала. Пребываю и пр.

XXVI.

Письмо кн. А. А. Чарторыскаго къ гр. Ю. А. Головкину [1]).

Particulière, 25 Juin.

Monsieur le Comte.

M-r de Baykoff étant chargé de Vous porter la présente expédition, je l'ai prié de Vous exprimer de bouche divers détails et explications qui autrement auroient du entrer dans cette lettre particulière.

J'ai causé longuement et à plusieurs reprises avec M-r de Baykoff, il m'a paru parfaitement pénétré des motifs qui ont en-

[1]) Все собственноручно.

gagé Notre Auguste Maître de prendre le parti auquel Il s'est arrêté à l'égard de nos rapports actuels avec la Chine. Je sens bien, Monsieur le Comte, que Vous ne serez pas entièrement satisfait de notre expédition, et que ce n'est pas ce que vous proposiez, surtout dans vos dépêches apportées par le jeune Gourief.

Cependant je prie Votre Excellence de considérer que si même Sa Majesté Impériale avait l'intention de menacer la Chine d'une rupture, ce ne pouvoit être dans ce moment, où, d'après votre avis même, nous ne sommes pas en état de faire une levée de boucliers en Sybérie. Aussi quelque pensée qu'on ait pour l'avenir, il fut décidé ici qu'il falloit se garder de rien precipiter, qu'au contraire dans tous les cas nous devions chercher de tenir la chose en suspens, et prolonger les pourparlers du Sénat avec le Tribunal de Pékin, jusqu'à ce que l'Empereur n'eût reçu de Votre Excellence un plan détaillé sur les mesures à prendre pour mettre la Sybérie dans un pied respectable militaire, et que Sa Majesté eût pu juger du temps qu'il faudrait pour réaliser ces mesures. Quant à des secours des autres parties de l'Empire, les circonstances du moment ne permettent pas de dégarnir aucun autre point pour augmenter les forces de la Sybérie. Il faudroit donc que cette province puisse suffire à elle même pour le moment, ainsi que Vous le proposiez dans Votre excellent mémoire à ce sujet.

Avant que de finir, je dois vous assurer, Monsieur le Comte, que S. M. l'Empereur est toujours dans les mêmes dispositions à votre égard; et que le retour de l'Ambassade ne les a pas fait varier; je suis persuadé qu'à la première occasion Sa Majesté se plaira à Vous en donner des preuves ostensibles.

Je remercie Votre Excellence pour la permission qu'elle a bien voulu accorder au comte Jean Potocky de revenir ici; comme il en a écrit égalemeut à l'Empereur, Sa Majesté a bien voulu confirmer cette permission. Veuilles croire que j'appuie et que je partage sincèrement tous les peines, les inquiétudes, les ennuis, que Vous avez du éprouver, Monsieur le Comte, et qui Vous assaillent encore dans cet instaut; mais Votre attachement à la personne de notre Souverain, Votre zèle pour Son service, et Votre caractère Vous les feront encore surmonter; et peut-être que tant (sic) travaux désagréables seront pour Vous la source de satisfaction et de contentement, et que Votre Excellence s'applaudira encore d'y avoir mis tout de patience et de dévouement pour les désirs de Notre Maître. Tels sont du moins les voeux, que je forme; veuillez, Monsieur le Comte, en recevoir l'expression et croire aux sentimens d'attachement et de toute considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

P-ce *A. Czartoryski.*

Ce 15 Mai 1806.

Переводъ.

Байкову поручено отвезти къ вамъ эти бумаги, а я прошу его устно сообщить вамъ разныя детали и объясненія, которыя иначе должны были бы войти въ это письмо.

Я нѣсколько разъ и подолгу говорилъ съ г. Байковымъ; мнѣ кажется, что онъ вполнѣ усвоилъ соображенія, которыя побудили нашего всемилостивѣйшаго государя принять то рѣшеніе, на которомъ онъ остановился, касательно нашихъ настоящихъ отношеній къ Китаю. Я отлично понимаю, графъ, что вы не удовлетворены этими бумагами и что это не то, чтò предлагали вы, особенно въ письмахъ, доставленныхъ молодымъ Гурьевымъ.

Однако, я прошу в. с. разсудить, что—даже если бы Е. И. В. имѣлъ намѣреніе угрожать Китаю разрывомъ — это не могло бы осуществиться въ данный моментъ, когда—даже по вашему мнѣнію—мы не въ состояніи выставить военную силу въ Сибири. Чтò бы ни имѣть въ виду въ будущемъ, здѣсь рѣшено, что должно остерегаться что-либо предпринять необдуманно, и что, напротивъ, мы во всякомъ случаѣ должны стараться держать дѣло въ нерѣшительномъ положеніи и тянуть переговоры Сената съ пекинскимъ трибуналомъ, пока Государь Императоръ не получитъ отъ в. с. подробнаго изложенія мѣръ, какія надо принять, чтобы произвести въ Сибири вооруженія, и чтобы Е. В. могъ судить обо всемъ, что нужно для того, чтобы осуществить эти мѣры. Что касается подкрѣпленій изъ другихъ частей Имперіи, то обстоятельства настоя-

щаго момента не позволяютъ обнажить никакого другого пункта, чтобы увеличивать силы въ Сибири. Нужно, чтобы эта провинція могла теперь обойтись своими собственными средствами — какъ и вы предлагаете въ вашемъ прекрасномъ мемуарѣ по этому поводу.

Прежде чѣмъ кончить письмо, я долженъ увѣрить васъ, графъ, что Е. И. В. постоянно попрежнему относится къ вамъ и что возвращеніе посольства не измѣнило его чувствъ; я убѣжденъ, что при первомъ же случаѣ Е. В. будетъ благоугодно дать этому очевидное доказательство.

Благодарю в. с. за дозволеніе вернуться, данное гр. И. Потоцкому; такъ какъ онъ писалъ равнымъ образомъ и Государю Императору, то Е. В. соблаговолилъ утвердить ваше дозволеніе. Будьте увѣрены, что я отлично понимаю и искренно раздѣляю всѣ труды, безпокойства и досады, какіе вы должны были испытывать, графъ, и которые васъ теперь тѣснятъ. Но ваша преданность нашему Государю, ваша равность къ его службѣ и вашъ характеръ ихъ преувеличиваютъ; и можетъ быть, что такая масса непріятной работы будетъ для васъ источникомъ удовлетворенія и успокоенія и что в. с. будете рады приложить тутъ все свое терпѣніе и всю преданность видамъ нашего Государя. Таковы, по крайней мѣрѣ, мои упованія. Примите и пр.

XXVII.

Письмо барона А. Я. Будберга къ гр. Ю. А. Головкину.

18 VII-bre. Chass. Michailoff.

Monsieur le Comte!

Je ne doute nullement que le rappel de l'Ambassade ne soit parfaitement conforme aux désirs de Votre Excellence. Les sentimens d'affection particulière, que j'ai professés toujours pour votre persone, me font entrevoir avec plaisir le moment de Votre retour dans cette capitale, sous tous les rapports.

Outre les renseignemens très intéressans sur toutes les contrées éloignées, que nous attendons ici avec assurance de l'activité et des lumières de Votre Excellence, je Vous avouerai, Monsieur le Comte, qu'en mon particulier je suis impatient de m'aboucher avec Vous, sur les affaires de la Chine, pour acquérir là dessus des notions plus précises. Toutes ces considérations me font désirer le plaisir de Vous embrasser à St.-Petersbourg le plus tôt qu'il est possible, afin de Vous réitérer les sentimens de considération la plus distinguée et du plus parfait dévouement avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant Serviteur

A. de Boudberg.

St. Pétersbourg. Ce 21 Aout. 1806.

Переводъ.

Я нимало не сомнѣваюсь, что отозваніе посольства вполнѣ согласуется съ желаніями вашего сіятельства. Чувства особеннаго уваженія, которыя я всегда питалъ къ вамъ, заставляютъ меня, во всякомъ случаѣ, ожидать съ удовольствіемъ возращенія вашего въ столицу.

Кромѣ того, что мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ здѣсь отъ дѣятельности и просвѣщеннаго вниманія вашего сіятельства весьма интересныхъ сообщеній объ отдаленныхъ странахъ, я признаюсь вамъ, графъ, что я особенно нетерпѣливо жду случая поговорить съ вами о китайскихъ дѣлахъ, чтобы получить о нихъ совершенно точныя понятія. Всѣ эти соображенія заставляютъ меня желать удовольствія обнять васъ въ Петербургѣ какъ можно скорѣе и повторить вамъ чувства и пр.

XXVIII.

Копія съ Высочайшаго рескрипта на имя посла графа Головкина отъ 20-го августа 1806 года полученнаго въ Иркутскѣ 18-го сентября 1806 года.

Господинъ дѣйствительный тайный совѣтникъ графъ Головкинъ!

Оставляя васъ въ Сибири въ званіи чрезвычайнаго и полномочнаго посла, Я имѣлъ двоякую цѣль: 1) употребить въ пользу

пребываніе ваше въ Сибири чрезъ пріобрѣтеніе полныхъ свѣдѣній о удобностяхъ внутреннихъ и пограничныхъ тамошняго края; 2) по дошедшихъ слухамъ о недоброжелательствѣ китайскаго двора къ Россійской имперіи, нужно было-бы обратить вниманіе на пограничныя китайскія движенія.

Изъ послѣднихъ донесеній вашихъ отъ 19-го іюня сего года съ удовольствіемъ усмотрѣлъ Я, что труды ваши по части внутренняго обозрѣнія Сибири приведены уже къ окончанію, и что вы ожидаете токмо возвращенія полковника Овре, чтобы представить Мнѣ тотъ планъ, о коемъ упоминали въ прежнихъ депешахъ.

Касательно же бывшаго сомнѣнія о недоброжелательствѣ китайскаго правительства, Я удостовѣрился изъ собственныхъ вашихъ донесеній, что напротивъ того китайцы не токмо не желаютъ разрыва, но и сами опасаются съ нашей стороны. Сіи миролюбивыя распоряженія китайскаго двора подтверждаются тѣмъ паче чрезъ возвращеніе въ здѣшній портъ кораблей Невы и благополучное Надежды, коихъ начальники доставили мнѣ пріятное извѣстіе о благосклонномъ пріемѣ, которымъ они пользовались въ Кантонѣ.

А потому, не находя болѣе причинъ, по коимъ прежде сего было нужно присутствіе ваше въ Сибири, и желая употребить васъ къ другимъ дѣламъ, сходно съ вашими расположеніями, Я повелѣваю вамъ возвратиться въ С.-Петербургъ со всѣми чиновниками составляющими свиту посольства, назначеннаго въ Китай.

Впрочемъ пребываю къ вамъ благосклонный.

На подлинномъ подписано собственною Его Императорскаго Величества рукою тако:

Александръ.

XXIX.

Письмо барона А. Я. Будберга къ гр. Ю. А. Головкину.

Monsieur le Comte.

Je me suis empressé de mettre sous les yeux de l'Empereur la lettre que Votre Excellence m'a fait l'honneur de m'écrire le 13 février. Appréciant parfaitement les motifs qui Vous l'ont dictée,

Sa Majesté Impériale Vous autorise avec plaisir, Monsieur le Comte, à porter à Sa connoissance les noms des individus relègués en Sibérie que Vous avez jugés dignes de l'indulgence ou du pardon de Sa Majesté Impériale et Vous voudrez bien y ajouter tous les détails que Votre Excellence aura pu recueillir tant sur les fautes qu'ils ont commises, que sur leur conduite et la durée de leur exil. En Vous faisant connoitre les intentions de l'Empereur à cet égard, je saisis avec plaisir cette occasion pour Vous renouveler l'assurance de la considération très distinguée avec laquelle j'ai l'honneur d'être,

Monsieur le Comte, de Votre Excellence le très humble et très obéissant serviteur

A. de Boudberg.

à St. Pétersbourg le 16 février 1807.

Переводъ.

Ваше Сіятельство.

Я поспѣшилъ представить Государю Императору письмо, коимъ в. с. меня почтили отъ 13 февраля. Понимая вполнѣ побужденія, которыя вамъ его диктовали, Е. И. В. съ удовольствіемъ разрѣшаетъ вамъ, графъ, сообщить Ему имена сосланныхъ въ Сибирь, которыхъ вы считаете достойными снисхожденія или помилованія Его Величествомъ; присоедините, пожалуйста, всѣ подробности, какія в. с. будете въ состояніи собрать какъ о проступкахъ, какіе они совершили, такъ и о ихъ поведеніи и продолжительности ихъ ссылки. Сообщая вамъ волю Государя Императора въ этомъ отношеніи, я пользуюсь съ удовольствіемъ этимъ случаемъ, чтобы и т. д.

Свѣдѣнія о хозяйственной и финансовой организаціи посольства гр. Ю. А. Головкина.

По Высочайше утвержденному въ мартѣ 1805 г. штату посольства, отправляемаго въ Китай, было назначено:

Состоявшимъ по дипломатической части:

	Жалованья.	На подъемъ.
Первому секретарю посольства (кам.-юн. Байкову)	1 500	1.000
Второму и третьему секретарямъ, вмѣстѣ	3.000	2.000
Переводчику Владыкину	1.000	300
Исторіографу фонъ-Сухтелену	2.000	1.000
Четыремъ кавалерамъ посольства, вмѣстѣ	3.000	2.800
Тремъ юнкерамъ посольства, вмѣстѣ	1.500	600
Четыремъ юнкерамъ посольства, вмѣстѣ	1.600	800
Казначею	800	600
Двумъ фельдъегерямъ и ѣздовому, вмѣстѣ	700	

Состоявшимъ по ученой части:

Управляющему ученою частью, гр. И. Потоцкому	10.000	7.000
Двумъ инженернымъ офицерамъ, вмѣстѣ	1.200	1.200
Офицеру по квартирмейстерской части	1.000	600
Морскому конструктору	600	600
Астроному, с. с. Шуберту	3.000	1.500
Его помощнику	600	600
Профессору зоологіи Адамсу	1.000	1.000
Профессору Клапроту	1.000	500
Натуралисту Панцнеру	750	800
Физику, доктору, лекарю, аптекарю, вмѣстѣ	4.500	2.600
Двумъ воспитанникамъ Академіи Художествъ, вмѣстѣ	800	800

Служителямъ:

Придворному тафельдеку и тремъ другимъ, вмѣстѣ	2.600	950
Комиссару при всей свитѣ и его помощнику, вмѣстѣ	1.700	900

Всего деньгами—на первый годъ—72.000 р., на второй—44.450. Сверхъ того, прогоновъ полагалось на все дипломатическое отдѣленіе на 10.976 р., на ученое—11.564; на служителей и подъ багажъ—30.184 р.

Весь расходъ на личный составъ посольства составлялъ такимъ образомъ—въ первый годъ, съ жалованьемъ, подъемными и прогонами въ одну сторону—116.450 р., во второй—жалованье и прогоны обратно—105.448 р.

Послу было назначено: жалованье 20.000 р. въ годъ, столовыхъ по 30.000 р. въ годъ и на подъемъ 35.000 р.—всего на 2 года 135.000 р.

Подъ поѣздъ самого посла было нужно 212 лошадей, за которыхъ надо было уплатить 40.948 р. прогонныхъ денегъ; съ посломъ шли, кромѣ его дормеза и четверомѣстной коляски еще 10 экипажей, а обозъ его составляли еще 2 фуры и 40 телѣгъ съ провизіей; затѣмъ 77 лошадей были заняты возами съ подарками и разными инструментами.

Свита посла стала выѣзжать раньше его, эшелонами, занимая приблизительно по 30 лошадей, первый эшелонъ двинулся 12 мая, слѣдующій 16, затѣмъ 20 и т. д.

ВОСПОМИНАНІЯ

о 1812 годѣ и вечернихъ бесѣдахъ у графа Ѳедора Васильевича Ростопчина.

А. Я. Булгакова.

(Сообщилъ С. О. Долговъ).

Я воспользуюсь случаемъ, чтобы поговорить о пріятныхъ вечерахъ, которые мы проводили у графа Ѳедора Васильевича Ростопчина, и разскажу кое-что о навѣщавшихъ его тогда собесѣдникахъ. Въ это время, то есть въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ 1812 года, глаза цѣлой Европы обращены были на Наполеона, вторгнувшагося въ отечество наше съ полмилліономъ отборнѣйшаго войска. Россія не могла полагаться ни на какую помощь; она не имѣла ни одного союзника, потому что всѣ Европейскія державы вынуждены были угрозами, обманами и разными обольщеніями присоединять вспомогательные корпусы къ главной французской арміи, лично Наполеономъ предводительствуемой.

Различны были сужденія, надежды и опасенія Московскихъ жителей. Много собиралось ежедневно къ графу Ростопчину посѣтителей и короткихъ знакомыхъ, жаждущихъ узнавать, что происходило въ арміяхъ и С.-Петербургѣ достойнаго вниманія. Между ними много было весьма оригинальныхъ лицъ. Постоянная забава графа Ростопчина была заводить между ними разные споры, которые очень его веселили и оживляли бесѣду нашу. Разумѣется,

что чаще всего разговоръ обращался на предстоявшую войну,— предметъ довольно важный, а вмѣстѣ и горестный для всякаго русскаго, но Ростопчинъ острыми своими шутками такъ развеселялъ всѣхъ гостей, что они разъѣзжались, забывая, что французы были уже подъ стѣнами Смоленска. Графъ сохранялъ въ глубинѣ души горесть свою и обнаруживалъ ее только въ корреспонденціи своей съ Государемъ, или передъ людьми, пользовавшимися особенною его довѣренностію.

Никто не станетъ опровергать острый умъ, твердость характера, преданность своимъ Государямъ и любовь къ отечеству графа Ростопчина, но онъ не былъ уже Ростопчинымъ временъ Императора Павла Петровича, имѣвшаго къ нему довѣріе неограниченное. Руки его были связаны. Онъ долженъ былъ брать многое на свою отвѣтственность и дѣйствовать по собственнымъ своимъ убѣжденіямъ и догадкамъ. Онъ не получалъ нужныхъ инструкцій, предположенія правительства были ему неизвѣстны и часто измѣнялись отъ неожиданныхъ и непредвидимыхъ случаевъ. У Государя, конечно, не могла быть, какъ одна и постоянная цѣль, но мѣры и средства, имъ избираемыя для достиженія цѣли этой, были тайною для Ростопчина.

Императоръ былъ тогда за границею. Впрочемъ, Александръ Павловичъ не благоволилъ къ Ростопчину уже потому, что не самъ избралъ его въ преемники фельдмаршала, графа Гудовича, въ 1811 году. Согласіе на это назначеніе было у него почти вынуждено принцессою Ольденбургскою, великою княгинею Екатериною Павловною. Она очень любила острый умъ и пріятную бесѣду графа Ростопчина. Онъ часто ѣздилъ въ Тверь навѣщать Ея Высочество. Государь, не имѣя основательныхъ причинъ къ отказу, настоянія своей сестры отклонялъ только тѣмъ, что Ростопчинъ, состоя по званію оберъ-камергера въ гражданской службѣ, не можетъ занять мѣсто, требующее военный мундиръ. Великую княгиню очень забавляла отговорка Государя и она отвѣчала ему, засмѣявшись: „On dirait, qu'il s'agit d'un obstacle insurmontable! Mais c'est l'affaire du tailleur: il peut dans quelques heures trancher cette grande difficulté!“ (Да развѣ это важное затрудненіе нельзя преодолѣть? Это просто дѣло портного, онъ можетъ въ

нѣсколько часовъ разрѣшить этотъ важный вопросъ). И подлинно, послѣ одной изъ частыхъ своихъ поѣздокъ въ Тверь [1]), графъ Ростопчинъ былъ переименованъ въ генерала отъ инфантеріи и назначенъ главнокомандующимъ въ Москву.

Императоръ Александръ Павловичъ, какъ сказано уже выше, не очень благоволилъ къ графу Ростопчину. Государю не нравился рѣзкій его нравъ [2]) и смѣлость, съ которою онъ обсуживалъ многія его дѣйствія. Конфиденціальныя, партикулярныя свои донесенія на Высочайшее лицо графъ писалъ всегда прямо на бѣло, какъ будто были они ему кѣмъ-нибудь диктованы, и обыкновенно на французскомъ языкѣ. По приказанію графа, бралъ я съ нихъ копіи, которыя оставались у него, и онъ запиралъ ихъ подъ ключъ въ особенный ящикъ. Не одинъ разъ дрогнула у меня рука, списывая то, что Ростопчинъ говорилъ Государю: то возставалъ онъ на нѣкоторыя предпринимаемыя у насъ мѣры, то дѣлалъ онъ смѣлыя замѣчанія насчетъ людей, избираемыхъ на важныя мѣста по одному только фавѣру, или проискамъ царедворцевъ, окружающихъ престолъ царскій, отчего важнѣйшія мѣста дѣлались недоступными для людей способныхъ, достойныхъ и отечеству своему преданныхъ. Графъ Ростопчинъ не одобрялъ, напримѣръ, пожалованіе извѣстному демократу и воспитателю Его Величества Лагарпу ордена св. Андрея Первозваннаго.

Графъ Ростопчинъ въ перепискѣ своей съ императоромъ Александромъ Павловичемъ продолжалъ постоянно гоненіе, объявленное покойною императрицею Екатериною II такъ называемымъ мартинистамъ. Онъ почиталъ ихъ опаснѣйшими врагами алтаря, престола царскаго и общаго спокойствія. Раздраженіе его противъ мартинистовъ было столь велико, что, не имѣя Высочайшаго на то приказанія, онъ не поколебался ни мало отрѣшить самовластно тайнаго совѣтника Ключарева отъ занимаемаго имъ мѣста Московскаго почтдиректора и выслать его изъ Москвы. Ключаревъ былъ

[1]) Принцъ Ольденбургскій былъ главнымъ начальникомъ водяныхъ коммуникацій въ Россіи и городъ Тверь былъ постояннымъ его мѣстопребываніемъ.

[2]) Императоръ Павелъ Петровичъ въ размолвкѣ, которую имѣлъ онъ однажды съ гр. Ростопчинымъ, сказалъ ему: „надобно признаться, что ты прямъ, да упрямъ!“ Ростопчинъ избралъ себѣ тотчасъ девизомъ царскія слова и вырѣзалъ ихъ на одной изъ печатей своихъ карманныхъ часовъ.

однимъ изъ самыхъ ревностнѣйшихъ членовъ вышеупоминаемаго общества и, по мнѣнію графа, опаснѣйшимъ для правительства человѣкомъ, особенно при смутныхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ находилось тогда отечество.

Опасенія графа Ростопчина насчетъ предпринятой противъ насъ Наполеономъ войны были столь велики, что онъ въ одномъ изъ писемъ своихъ къ Государю позволилъ себѣ слѣдующія размышленія: „Si la providence divine et les ferventes prières de Vos fidèles sujets Vous maintiendront sur le trône de Russie, Vous aurez, sire, acquis la conviction, que je n'ai jamais hésité à dire la verité à Votre Majèsté Impériale, au risque—d'avoir le malheur de Vous deplaire“. (Ежели Провидѣніе Божіе, внемля теплымъ молитвамъ вѣрныхъ Вашихъ подданныхъ, сохранитъ Васъ на престолѣ всероссійскомъ, то вы убѣдитесь, Государь, въ томъ, что я не боялся никогда говорить правду Вашему Императорскому Величеству, даже подъ опасеніемъ лишиться милостей Вашихъ).

Желчь, накоплявшаяся въ сердцѣ графа Ростопчина въ продолженіе рокового 1812 года, находила пищу первоначально въ самомъ Наполеонѣ, а потомъ въ лукавыхъ съ нимъ сношеніяхъ князя Кутузова, въ неблагопріятномъ оборотѣ, который принимали дѣла и, наконецъ, послѣ изгнанія непріятеля изъ древней столицы, въ ругательствахъ, неблагодарности и несправедливыхъ жалобахъ Московскихъ жителей. Предводителемъ недовольныхъ былъ въ то время дѣйств. тайный совѣтникъ, начальникъ кремлевской экспедиціи, Петръ Степановичъ Валуевъ, котораго онъ только что въ глаза не ругалъ. Все эти обстоятельства способствовали къ особенному его раздраженію. Оно было замѣтно въ его рѣчахъ и письменныхъ отзывахъ. Одной дамѣ, которая начала ему говорить довольно двусмысленно о Московскомъ пожарѣ и о понесенномъ ею и многими другими раззореніи, онъ отвѣчалъ насмѣшливо: „Откуда берете вы, сударыня, эти вѣсти? Вѣрно отъ Валуева! Да скажите ему одинъ разъ навсегда, что вѣсти, сообщаемыя ему Наполеномъ, ложны. Я сжегъ Вороново, потому что это моя собственность: я не хотѣлъ, чтобы мое мирное, любимое жилище было осквернено присутствіемъ французовъ. Я сожалѣю о вашихъ потеряхъ, но не сожалѣлъ бы ни мало, узнавши, что домъ Валуева

сгорѣлъ, что въ Московскомъ пожарѣ самъ Валуевъ изжарился, или былъ повѣшенъ!"

Этотъ разговоръ можетъ дать понятіе о раздражительности, въ которой находился тогда графъ Ростопчинъ, но несправедливо было бы, основываясь на подобныхъ рѣчахъ, дѣлать неблагопріятныя заключенія насчетъ душевныхъ его качествъ. Это были однѣ только вспышки, и болѣе ничего. Въ важныхъ случаяхъ онъ думалъ, говорилъ и дѣйствовалъ иначе и умѣлъ сохранять должное хладнокровіе.

Я удалился нечувствительно отъ главнаго моего предмета, что всегда со мною случается, когда говорю о графѣ Ростопчинѣ. Въ августѣ мѣсяцѣ 1812 г. во всѣхъ мелочныхъ лавочкахъ выставлены были портреты Наполеона. Товаръ этотъ сбывался весьма непоспѣшно, потому что цѣна ему была одна копѣйка мѣдью. Дешевизна эта заставляла всякаго приходящаго покупать изображеніе проклинаемаго всѣми завоевателя. Въ то время носилась по городу молва, что портретики были сдѣланы по приказанію графа Ростопчина въ числѣ 10 т. экземпляровъ, что назначена столь ничтожная цѣна для того, чтобы умноживъ число покупателей, ознакомливать весь православный народъ съ чертами Наполеона; также разсказывали на Московскихъ площадяхъ, будто обѣщается Ростопчинымъ 10 т. цѣлковыхъ тому, кто убьетъ этого врага рода человѣческаго.

Я, накупивъ тотчасъ нѣсколько экземпляровъ этихъ портретиковъ, принесъ одинъ графу, сообщивъ ему городскіе толки. „Чего не выдумаютъ на этого бѣднаго Ростопчина",—сказалъ на это графъ, сложа руки и обращая комически глаза къ небу: „вѣдь право похоже, и цѣна сходная; впрочемъ, рожа эта не стоитъ болѣе копѣйки. Но отчего не сказано тутъ ничего въ честь великаго этого мужа?" прибавилъ графъ.

— „Значитъ, что надобно вамъ что-нибудь тутъ приписать"— отвѣчалъ я ему.

Графъ, взявши карандашъ, на подаренномъ ему мною экземплярѣ, пририсовалъ Наполеону усы, которыхъ онъ никогда не носилъ, и сдѣлалъ слѣдующую надпись:

„Ну, право, дешево и мило—покупайте
„И харью этой свою .... подтирайте!"

Кстати упомяну я здѣсь о другомъ подобномъ этому обстоятельствѣ, доказывающемъ, что графъ не былъ разборчивъ, не церемонился въ выраженіяхъ и дѣйствіяхъ, когда доходило дѣло до тогдашняго французскаго императора. Короткимъ знакомымъ графа Федора Васильевича извѣстно, что возлѣ его кабинета, въ маленькой темной комнаткѣ, куда, по извѣстной французской поговоркѣ, „и самъ король ходитъ пѣшкомъ", стоялъ прекрасный бронзовый бюстъ Наполеона. На императорской маковкѣ былъ безжалостно вдолбленъ гвоздь для прикрѣпленія дощечки, на которой, вмѣсто императорской короны, поставленъ былъ фарфоровый сосудъ, необходимый для всѣхъ приходящихъ за законною нуждою. Ежели не ошибаюсь, я уже упоминалъ въ запискахъ моихъ объ этой странной фантазіи графа Ростопчина. Бюстъ этотъ далъ одинъ разъ поводъ къ довольно смѣшной размолвкѣ между мужемъ и женою. Графиня, узнавши о жалкой участи Наполеонова бюста, старалась освободить бѣднаго императора отъ неблагорастворennaго его заключенія, представляя неприличіе поносить лицо, признаваемое нами императоромъ и коронованное самимъ папою, но графъ, обыкновенно охотно выполнявшій желанія своей жены, которую очень любилъ, не уважилъ на этотъ разъ дѣлаемыхъ ею замѣчаній, и Наполеонъ остался въ избранной для него резиденціи. Графиня, какъ бы шутя, пыталась заговарить опять о бюстѣ; не важное требовалось пожертвованіе и все, вѣрно бы, уладилось, но, къ несчастью, замѣшались тутъ и императоръ Наполеонъ и глава католической церкви. Бонапартъ и папа все дѣло испортили. На шутливое напоминаніе жены своей графъ Ростопчинъ отвѣчалъ также шутя: „Je ne comprends pas, pourquoi cela vous chipotte tant, que j'aie transformé en piédestal le buste de Bonaparte; je lui ai alligné une destination digne de lui. D'ailleurs, je ne l'ai donc pas établi sur la place du Kreml; je puis faire dans l'interieur de mes appartements ce que bien me semble. Si je fais mal, j'en suis seul puni, car, grâce au grand homme, quand j'entre dans mon petit cabinet de retraite, j'y trouve deux puanteur au lieu d'une" (Я не понимаю, отчего это такъ тебя тревожитъ, что я преобразовалъ бюстъ

Наполеона въ пьедесталъ. Я далъ ему самое лестное назначеніе. Да развѣ я поставилъ его на Кремлевской площади? Во внутреннихъ моихъ комнатахъ могу я дѣлать все, что мнѣ угодно, а ежели дѣлаю я дурно, то я одинъ за то и наказанъ, потому что когда вхожу въ мой чуланчикъ, то, по милости великаго Наполеона, вмѣсто одной вони нахожу двѣ).

Графиня невольно разсмѣялась, а графъ, по обыкновенію своему, предался громкому смѣху.

Всѣмъ извѣстно, что графиня Ростопчина оставила свое вѣроисповѣданіе и сдѣлалась усердною католичкою, стараясь неусыпно обращать въ ту же вѣру всѣхъ своихъ родныхъ и знакомыхъ. Графъ Федоръ Васильевичъ скончался ночью 18 января 1826 года. Я былъ тогда одинъ у его постели и закрылъ ему глаза. Я уже два дня сряду ночевалъ у него, узнавши отъ доктора Рамиха, что кончина графа скоро должна послѣдовать. Графиня приходила по временамъ читать надъ головою умирающаго французскія молитвы. За два дня уже предъ этимъ были больнымъ выполнены христіанскія обязанности. Онъ въ свѣжей памяти и бодрый духомъ исповѣдался и причастился Св. Хр. Таинъ. Послѣ совершенія долга сего, занялся онъ раздачею дѣтямъ своимъ, роднымъ и приближеннымъ разныхъ вещей, ему принадлежащихъ. Мнѣ оставилъ онъ на память прекрасный Брегетовъ хронометръ, который всегда носилъ на себѣ. Онъ призывалъ къ себѣ дѣтей своихъ, благословлялъ ихъ и твердымъ голосомъ давалъ сыну своему Андрею разные совѣты и наставленія.

Въ то время, когда пришла къ нему въ послѣдній разъ предъ кончиною его графиня Екатерина Петровна, онъ былъ какъ будто въ усыпленіи и, вслушавшись въ читаемыя ею французскія молитвы, онъ открылъ глаза, перекрестился и произнесъ громко: „Отче нашъ, иже еси на небеси...“, когда дошелъ до словъ, „да будетъ воля твоя“, то, поднявъ глаза къ небесамъ, опять перекрестился. . Силы, а можетъ быть и память, ему измѣнили, онъ не могъ продолжать, голова его опустилась на подушку и онъ впалъ опять въ прежнее безпамятство, изъ котораго ужъ и не выходилъ.

Отпаденіе графини Ростопчиной отъ отечественнаго вѣроисповѣданія было очень непріятно мужу ея, но онъ неудовольствія

своего не показывалъ, или очень рѣдко, скрывая оное въ глубинѣ сердца. Вотъ размышленія, которыя онъ дѣлалъ, разговаривая одинъ разъ со мною объ этомъ предметѣ. Я постараюсь передать здѣсь точныя его слова, потому что они объясняютъ религіозныя его мнѣнія:

„Il parait, que le catholicisme fait tourner les têtes de nos dames. Il fut un temps, où l'on briguait d'être martiniste. Que voulez-vous? les modes changent et personne n'aime autant que les femmes à suivre les modes et même à les outrer, et pour la prospérité de cette mode là il y a l'appui des Messieurs les abbés, qui savent se fourrer partout, et de madame Swetchine; qui fait comprendre à nos dames, que les abbés français sont beacoup plus aimables et instruits que les prêtres russes... Je ne comprends pas, comment on ne pense pas à cela sérieusement: nous avons un grand nombre d'établissements d'éducation, et cependant nos grands seigneurs (c'est aussi une mode) s'empressent de confier l'éducation de leurs enfants à des abbés, qui se font payer très cher, s'emparent de l'esprit de leurs éléves, détruisent dans les garçons tout amour pour leur patrie qu'ils leur representent comme croupissante dans les ténèbres et la barbarie; enfin, la jeune génération est insensiblement préparée au changement de réligion, comme si nous autres, pauvres, soi-dissant schismatiques, nous n'étions pas des chrétiens comme les catholiques? Croyez-en Dieu, adorez le, aimez votre prochain, marchez dans le sentier de la vertu: voilà je pense ce que doit être la base de toutes les religions. Ce que je déteste dans les catholiques, c'est leur fanatisme et leur intolérance; c'est ce qui a engendré les luthériens, les protestans, les calvinistes et les différents schismes dans la chrétièneté. Je pense, que Dieu s'embarasse fort peu de nos croyances religieuses et regarde de plus près à nos actions. Il y aura des turcs, des arabes, des sauvages dans le paradis et des catholiques dans l'enfer. Tachons de nous rencontrer, Vous et moi, dans le séjour des bienheureux, et cela sans recourir à la protection du Pape“.

(Какъ кажется, католичество вскружило головы нашихъ барынь. Было время, что всякій хотѣлъ быть мартинистомъ. Что же дѣлать? Моды перемѣняются, а кто болѣе женщинъ любитъ слѣ-

цовать модамъ, даже ихъ преувеличивать? А для распространенія моды этой служатъ подпорою господа аббаты, которые умѣютъ вездѣ втираться, а имъ подмога Свѣчина [1]); она напѣваетъ нашимъ дамамъ, что французскіе аббаты гораздо любезнѣе и умнѣе русскихъ поповъ. Не понимаю, какъ не подумаютъ объ этомъ серьезно. У насъ много учебныхъ заведеній, а несмотря на это наши знатные вельможи (и это также мода!) ввѣряютъ воспитаніе дѣтей своихъ аббатамъ и платятъ имъ большія деньги для того, чтобы, владѣя умомъ своихъ воспитанниковъ, они истребляли въ нихъ всякую любовь къ отечеству, представляя имъ Россію какъ бы удрученною мракомъ невѣжества; такимъ то образомъ молодое наше поколѣніе пріуготовляется нечувствительно къ перемѣнѣ своей вѣры. Какъ будто мы, православные греко-россіяне, не такіе же христіане, какъ католики? Вѣруй въ Бога, молись ему, люби ближняго, какъ себя, живи честно: вотъ, по моему, что должно служить основаніемъ всѣхъ религій. Я всегда ненавидѣлъ гоненія и нетерпимость католиковъ. Отъ этого возродились лютеране, протестанты, кальвинисты и всѣ расколы, которые мы видимъ въ христіанствѣ. Мнѣ кажется, что Всевышній не озабочивается нашими вѣроисповѣданіями, а болѣе разбираетъ жизнь нашу и дѣянія. Будутъ и турки въ раю, и католики въ аду. Дай Богъ вамъ и мнѣ встрѣтиться въ царствѣ небесномъ и вникнуть туда безъ протекціи папы римскаго).

Я удалился нечувствительно отъ главнаго моего предмета, но малѣйшія подробности, касающіяся до человѣка, столь знаменитаго, каковъ былъ графъ Ростопчинъ, достойны быть сохраненными. Возвращаюсь къ портрету Наполеона съ написанными подъ онымъ стишками. Кто могъ бы угадать, что они сочинены графомъ Ростопчинымъ, соблюдавшимъ всегда въ своемъ обхожденіи правила совершеннаго *джентельмэна*. Онъ, бывало, вставалъ всегда съ мѣста, имъ занимаемаго, чтобы отдавать поклонъ всякому входящему въ

---

[1]) Всякому смертному, какого бы ни былъ онъ вѣроисповѣданія, открыты двери царства небеснаго, а потому не въ правѣ никто порицать религіозныя правила Софьи Петровны Свѣчиной (урожденной Сойменовой), которая, не довольствуясь слѣдовать своимъ убѣжденіямъ, усердно занималась обращеніемъ русскихъ дамъ въ католическую вѣру. Свѣчина была, впрочемъ, женщина благодѣтельная, умная и любезная. Она скончалась въ Парижѣ въ 1859 году и французскіе журналы наполнены похвальными о ней статьями.

комнату, даже когда лицо это было незначущаго чина, или вовсе ему незнакомо. Онъ не требовалъ никогда особенныхъ почестей и первенствомъ своимъ въ обществахъ обязанъ былъ не высокому мѣсту, имъ занимаемому, но высокому своему уму, неисчерпаемой любезности и острымъ шуткамъ, коими разговоръ его красился и безпрестанно оживлялся. Графъ Ростопчинъ могъ служить образцомъ учтиваго и ласковаго вельможи, но какъ скоро доходила рѣчь до людей, ему ненавистныхъ и, особенно, до Наполеона, онъ предавался какому то неистовому цинизму, употребляя выраженія не только грубыя, но даже неприличныя. Лучшимъ тому доказательствомъ могутъ служить сочиненные имъ къ портрету Бонапарта стишки, не отличающіеся ни тонкою аллегоріею, ни аттическою солью, ни благоуханіемъ. Тутъ все высказано грубо и безъ всякой церемоніи. Хотя казалось, что авторъ стишкамъ своимъ радовался, однако же онъ спросилъ у Муромцева: „Что это, Николай Селиверстовичъ, вы, какъ будто, недовольны произведеніемъ моей лиры въ честь великаго мужа?“—„Не то, что недоволенъ“, отвѣчалъ Муромцевъ: „стишки то хороши, да жаль, что нельзя читать ихъ всѣмъ вслухъ“.

— „Что же мнѣ дѣлать“, возразилъ Ростопчинъ съ чистосердечною откровенностью: „это всегда со мною случается... Не могу! ну, никакъ не могу... Какъ скоро стану только прославлять этого мошенника Наполеона, такъ уже всегда пересолю, да нѐ хотя—навоняю!“—вдругъ серьезная его мина замѣнилась громкимъ смѣхомъ. Переходы эти были у него очень быстры и часто повторялись, а когда графъ Ростопчинъ начиналъ смѣяться, то нельзя было, глядя на него, не предаваться смѣху.

На этомъ шумъ нашъ (это было въ воскресенье) отворяется дверь графскаго кабинета и къ намъ входитъ нѣкто Николай Богдановичъ Приклонскій, екатерининскій отставной полковникъ, человѣкъ лѣтъ уже шестидесяти и большой чудакъ. Онъ былъ коротко знакомъ съ покойнымъ моимъ отцомъ еще въ Варшавѣ, а когда онъ въ 1796 году поселился въ Москвѣ, то Приклонскій часто ѣзжалъ къ намъ обѣдать въ нѣмецкую слободу. Графъ Ростопчинъ любилъ его за всегдашнее его расположеніе къ веселію и шуточкамъ, а еще болѣе за то, что онъ ненавидѣлъ Наполеона.

Присутствіе Приклонскаго возбуждало всегда въ графѣ Федорѣ Васильевичѣ хорошее расположеніе духа: все приходило въ движеніе, шутки и смѣхъ не прерывались. Разумѣется, что обыкновенный предметъ всѣхъ разговоровъ былъ Наполеонъ; и теперь первыя слова графа Ростопчина вошедшему къ намъ гостю были: „Ба! ба! ба! Здравствуйте, Николай Богдановичъ! Все ли вы въ добромъ здоровьѣ? Были ли вы у обѣдни и молились ли вы о здравіи и благоденствіи его величества, императора Наполеона?“

— „Какже... разумѣется... Да ужъ вы шутите себѣ тамъ, какъ хотите. Дѣло въ томъ“, отвѣчалъ Приклонскій, — „что въ Европѣ только одна Англія — да я, мы одни не признаемъ этого мерзавца Бонапарта французскимъ императоромъ. Да что мнѣ вамъ напѣвать старую мою пѣсенку. Нѣтъ, скажите ка мнѣ лучше, чему вы такъ радовались и смѣялись, когда я сюда входилъ?“ И не дождавшись отвѣта, онъ прибавилъ: „A propos... я пришелъ разсказать вамъ новость и показать вамъ прекраснѣйшій портретикъ“.

— „Что такое?“ — спросилъ графъ, поглядывая на меня и какъ бы угадывая, о чемъ идетъ рѣчь.

— „А вотъ что“, отвѣчалъ Приклонскій: „разсказываютъ по Москвѣ, что вы оцѣнили во сто тысячъ цѣлковыхъ голову одну, которая, по моему, и гроша не стоитъ, что вы, будто, разослали повсюду примѣты Бонапарта и его портреты, которые продаются теперь на всѣхъ улицахъ по одной мѣдной копѣйкѣ... Я принесъ вамъ даже одинъ экземпляръ этой скверной рожи“...

— „Опоздали вы, опоздали, Николай Богдановичъ“ — вскрикнулъ графъ, засмѣявшись: „Александръ Яковлевичъ пожаловалъ уже мнѣ сейчасъ драгоцѣнное это изображеніе“.

— „Но отчего“, спросилъ Приклонскій, — „не сдѣлано никакой особенной, приличной надписи подъ портретомъ, не объявлено, что за птица этотъ Наполеонъ Бонапарте, не прибавлена во славу его какая нибудь отмѣтка?“

— „Все сказано, все сдѣлано по желанію вашему, почтеннѣйшій Николай Богдановичъ... Внемлите и читайте“ — отвѣчалъ графъ Ростопчинъ съ радостнымъ смѣхомъ, подавая Приклонскому принесенный мною портретъ.

Приклонскій, надѣвъ свои очки, началъ читать. Можно себѣ представить, какъ стишки были одобрены и какая поднялась хохотня.

— „Вмѣсто того, чтобы украшать Бонапарта усами, вы лучше“, сказалъ Приклонскій, „нарисовали бы ему рога“.

— „Да такъ бы и было“, отвѣчалъ Ростопчинъ, „да нельзя: злодѣй представленъ со шляпою на головѣ. Не одна эта бѣда: я могъ бы и хвостъ пририсовать императору французовъ, да опять нельзя — портретъ, по несчастью, поясной, а не во весь ростъ“.

Графъ Федоръ Васильевичъ былъ въ тотъ день очень веселъ. Послѣ разныхъ шутокъ на счетъ Наполеонова портретика, вставъ со своего мѣста и указывая на билліардную комнату, онъ сказалъ мнѣ: „Allons! allons! au champ d'honneur la gloire guide nos pas“.

Между нами существовало упорное соревнованіе. У графа былъ отличный билліардъ. Сраженія наши были особенно забавны, когда присутствовалъ тутъ Приклонскій. Онъ самъ играть не умѣлъ, но любилъ дѣлать свои замѣчанія и давать совѣты, то и другое всегда невпопадъ. Онъ парировалъ обыкновенно со мною 10 копѣекъ серебромъ за графа, который на всѣ его замѣчанія отвѣчалъ безконечными шутками, напримѣръ:

— „Не такъ вы сыграли, графъ: вамъ слѣдовало желтую замаскировать и уйтить въ квартеру“.

— „Возьмите терпѣніе, Николай Богдановичъ, дайте масляницѣ придти, — не только желтую, бѣлую и обѣ красныя, но даже и Авдотью Селиверстовну Небольсину [1]) замаскирую!“

— „Отчего вы желтаго не дублировали? Боже мой! Да вамъ слѣдовало желтаго дублировать!“

— „Помилуйте, Николай Богдановичъ, да развѣ вамъ неизвѣстно, что кто въ билліардъ и банкъ дублируетъ, тотъ бѣды не минуетъ“.

Независимо отъ безпрестанныхъ замѣчаній и совѣтовъ, у Приклонскаго была еще странная привычка, которая также всегда смѣшила графа Ростопчина. Послѣ всякаго удара кіемъ Приклонскій провожалъ шары глазами и дѣлалъ разныя смѣшныя тѣлодвиженія, какъ бы приглашая шары падать въ лузы, причемъ

[1]) Ав. С. Небольсина, сестра Н. С. Муромцева, была старая почтенная дама, которую графъ Ростопчинъ очень любилъ.

повторялъ безпрестанно: „цыпъ! цыпъ! цыпъ!.. вотъ изволите видѣть... вотъ упади шаръ этотъ,—такъ и партія наша! А то что это за игра? Я давно вамъ, графъ, твержу, что Александра Яковлевича надобно озадачивать смѣлостью, неожиданными ударами“.

— „А! вы требуете смѣлости отъ меня“, возражалъ графъ, немного съ досадою и немного со смѣхомъ, послѣ чего предпринималъ какое-нибудь отчаянное невозможное *круазе,* отъ котораго проигрывалъ партію; а Приклонскій начиналъ опять ворчать и замѣчать, что слѣдовало оставлять непріятельскій шаръ прикованнымъ въ кале, а что, вмѣсто того, онъ самъ теперь очутился въ Кале. Для графа былъ это прекрасный случай отвѣчать Приклонскому: „бѣда не велика, Николай Богдановичъ, не вѣчно же буду я въ Кале. Вотъ сейчасъ снимусь съ якоря, распущу паруса и отправлюсь изъ *Кале* въ *Дувръ,* для того, чтобы уговорить англійское правительство признать Наполеона императоромъ“.

— „Нѣтъ! Ужъ объ этомъ напрасно будете хлопотать, ваше сіятельство. Англичане на это не подадутся, а ежели и сдѣлаютъ огромную эту глупость, то я все-таки останусь одинъ въ цѣлой вселенной при своемъ мнѣніи и правилахъ и никогда не соглашусь признавать такого злодѣя, каковъ Наполеонъ, императоромъ“.

Вотъ такъ то, среди смѣха и шутокъ, проходило время, когда сражались мы въ билліардъ. Побѣда въ этотъ день одержана была мною, и самая блистательная. Я отбилъ у Приклонскаго шесть пушекъ, т.-е. шесть гривенниковъ. Съ графомъ дѣло не шло у насъ на деньги. Мы сражались единственно изъ одной славы. Приклонскій, выплачивая мнѣ свою дань, ворчалъ, выговаривалъ графу за то, что онъ не слушается его совѣтовъ. „Да что же прикажете мнѣ дѣлать?“—вопрошалъ графъ Ростопчинъ.

— „А вотъ что“, отвѣчалъ Приклонскій: „не пренебрегайте вашимъ соперникомъ. Да къ тому же вы забываете все, что насъ здѣсь только трое въ комнатѣ, а вы все блеснуть хотите вашею игрою, какъ будто вся Европа на васъ смотритъ“.

— „Браво, Николай Богдановичъ! Прекрасно! Остро! Колко!“ возразилъ графъ Федоръ Васильевичъ: „какой даете вы жестокій щелчокъ моему самолюбію. Но что же мнѣ дѣлать... Не умѣю поступать иначе. Вы, какъ замѣчаю я, большой сребролюбецъ: вамъ все бы гривенники вытаскивать изъ кармана бѣднаго Александра Яковлевича“. Потомъ, принявъ вдругъ какую то важную театральную позу, графъ прибавилъ:

„Не ищу фортуны я слѣпой,
„Гонюсь за славой лишь одной!“

Графа Ростопчина навѣщали по утрамъ преосвященный Августинъ, Ник. Мих. Карамзинъ, князь Николай Борисовичъ Юсуповъ, Юрій Алекс. Нелединскій-Мелецкій, всѣ пріѣзжавшіе изъ С.-Петербурга, изъ арміи и изъ разныхъ губерній генералы и гражданскіе чиновники. Послѣ занятій въ продолженіе цѣлаго утра дѣлами важными, а часто и весьма непріятными, вечера, проводимые въ обществѣ самыхъ короткихъ знакомыхъ, были для незабвеннаго московскаго градоначальника совершеннымъ отдохновеніемъ и отрадою. Тогда забывалъ онъ всѣ заботы и думалъ только объ одномъ: какъ бы время провести повеселѣе, заводя между собесѣдниками своими разные споры, вооружая одного противъ другого. Умъ его имѣлъ какую то особенную наклонность къ шуткамъ. Разговаривая о дѣлахъ самыхъ важныхъ, онъ умѣлъ всегда находить во всемъ смѣшную сторону, прикрашивая оную самыми острыми и забавными замѣчаніями. Онъ былъ мастеръ этого дѣла. Достаточно было одного его присутствія, чтобы оживлять всякую бесѣду. Онъ какъ будто говорилъ и за себя и за другихъ. Понятно, что когда соловей поетъ, то другимъ нечего дѣлать, какъ слушать и наслаждаться.

Описывая вечера графа Ростопчина, можно бы составить порядочное собраніе смѣшныхъ анекдотовъ. Прежде, нежели приступить къ этому дѣлу и дабы ознакомить читателей моихъ съ обыкновенными собесѣдниками гр. Ростопчина, которыхъ они, вѣроятно, или вовсе не знали, или только по наслышкѣ, я ихъ поименую и прибавлю ко всякому лицу краткую о немъ отмѣтку.

Николай Богдановичъ Приклонскій.

То, что́ бы уже мною разсказано, можетъ служить доказательствомъ, что онъ не былъ послѣднимъ между чудаками, навѣ-

щавшими графа Ростопчина. Мнѣ остается прибавить, что Приклонскій сдѣлался жертвою разныхъ печальныхъ приключеній послѣ занятія Москвы французами. До самаго злополучнаго 1-го сентября онъ не переставалъ предаваться разнымъ утѣшительнымъ надеждамъ и мечтамъ, напѣвая все тѣ же слова: „Нечего бояться! Ну, осмѣлится ли Бонапарте вступить въ Москву? Онъ гробъ свой въ ней найдетъ!... Кутузовъ клянется своими сѣдинами, что Москва не будетъ отдана... Да мы шапками закидаемъ этого корсиканца! Французская армія ляжетъ и подъ стѣнами Москвы истребится".

Между тѣмъ бѣдный Приклонскій, не пріуготованный къ печальной участи древней нашей столицы, выходилъ изъ оной поспѣшно въ Троицкую заставу, тогда какъ французскія передовыя войска показывались уже на Поклонной горѣ. Приклонскій, всѣми оставленный, какъ упрямый спорщикъ, бѣжалъ одинъ, пѣшкомъ, навьючивъ себѣ на спину узелокъ съ самонужнѣйшимъ платьемъ и бѣльемъ. Онъ имѣлъ однако же отраду пережить бѣдствія общаго отечества и собственныя свои несчастія. Онъ возвратился невредимъ въ Москву и опять часто навѣщалъ графа Ростопчина. Начиная новую совершенно жизнь, онъ любилъ съ самодовольною улыбкою повторять при всякомъ случаѣ: „Да не спорьте, пожалуйста. Мало ли что вы повторяли во время оно! Наслышался я всего! Чего ни предсказывали, какъ заняли французы Москву? Да не то предопредѣлено было Всевышнимъ! Я, по глупости своей, всегда утверждалъ, что этому мошеннику Бонапарте не сдобровать, что будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! И теперь вамъ то же твержу. Помните мои слова: отольются волку лютому слезы наши! Онъ въ Москвѣ не славу, а гробъ свой найдетъ. Мы отплатимъ ему визитъ: *будемъ въ Парижѣ!* Освободимъ Европу отъ этого мерзкаго Бонапартовскаго порабощенія".

Подобныя размышленія могли бы казаться воздушными замками, будучи выражаемы и не Приклонскимъ, а какимъ-нибудь Меттернихомъ, Штейномъ или Веллингтономъ, а потому можно себѣ представить, какъ пророчество непримиримаго Наполеонова врага было нами принято и какъ оно насъ всѣхъ позабавило,—но намъ было весьма хладнокровно сказано въ отвѣтъ на смѣхъ нашъ: „Да, ужъ вы смѣйтесь себѣ тамъ, какъ хотите... и прежде вы

смѣялись, а вышло все по моимъ словамъ, и теперь что говорю, то сбудется" [1]).

Князь Дмитрій Евсеевичъ Циціановъ.

Кто изъ современниковъ тогдашнихъ не былъ знакомъ съ княземъ Циціановымъ или не зналъ его по наслышкѣ? Онъ былъ человѣкъ добрый, большой хлѣбосолъ и отлично кормилъ своихъ гостей, но былъ еще болѣе извѣстенъ, съ самыхъ временъ Екатерины, по пріобрѣтенной имъ славѣ пріятнаго и неистощимаго лгуна. Слабость эту прощалъ ему всякій весьма охотно, потому что она не была никогда обращена ко вреду ближняго. Циціанова лжи никого не оскорбляли, а только всѣхъ смѣшили. У него были всегда и на всѣ случаи готовы анекдоты, и когда кто-нибудь изъ присутствующихъ оканчивалъ странный или любопытный разсказъ, то Циціановъ спѣшилъ сказать: „Да это что? Нѣтъ, я вамъ разскажу, что со мною случилось"... И тогда начиналась какая-нибудь исторія или басенка, въ которыхъ были обыкновенно замѣшаны знаменитые люди царствованія Екатерины II: князь Потемкинъ, Орловы, Разумовскіе, Нарышкины, Суворовъ, Безбородко, фавориты Екатерининскіе и даже сама Императрица. Графъ Ростопчинъ увѣрялъ, что извѣстная брошюрка подъ заглавіемъ: „Не любо—не слушай, а лгать не мѣшай"—сочинена княземъ Циціановымъ, но что онъ не хотѣлъ выставить своего имени.

Я могъ бы сообщить здѣсь множество фактовъ въ доказательство, что ложь Циціанова была забавна, но вмѣстѣ съ этимъ всегда безвредна, но ограничусь разсказомъ двухъ анекдотовъ. Первый пріобрѣлъ большую извѣстность въ высшихъ Петербургскихъ обществахъ. Я постараюсь передать разсказъ, какъ слышалъ оный изъ устъ самаго князя Циціанова, у котораго было свое особенное краснорѣчіе. Вотъ какъ онъ это разсказывалъ одинъ разъ у князя Василья Алексѣевича Хованскаго (тестя моего), гдѣ

---

[1]) Сбылись пророческія слова человѣка, который не былъ ни знаменитымъ генераломъ, ни тонкимъ дипломатомъ и, вообще, не отличался обширными знаніями и просвѣщеніемъ.

онъ часто проводилъ свои вечера. Я буду стараться передать точныя слова Циціанова. Теперь говорить будетъ уже онъ, а не я.

„Князь Потемкинъ меня любилъ именно за то, что я никогда ни о чемъ его не просилъ и ничего не искалъ [1]). Я былъ съ нимъ на довольно короткой ногѣ. Случилось одинъ разъ, что князь, разговаривая (не помню, у кого это было, ну да все равно) о шубахъ, сказалъ, что онъ предпочитаетъ медвѣжьи, но что онѣ слишкомъ тяжелы, жалуясь, что не можетъ найти себѣ шубы по вкусу.

„—А что бы вамъ давно мнѣ это сказать, свѣтлѣйшій князь: вотъ такая же точно страсть была у моего покойнаго отца и я сохраняю его шубу, въ которой нѣтъ, конечно, *трехъ фунтовъ вѣсу*". (Всѣ слушатели громко разсмѣялись). „Да чему вы такъ обрадовались?"—возразилъ Циціановъ: „будетъ вамъ еще чему посмѣяться, погодите, да слушайте меня до конца. И князь Потемкинъ тоже разсмѣялся, принимая слова мои за басенку. „Ну, а какъ представлю я вашей свѣтлости, продолжалъ Циціановъ, шубу эту?". „Приму ее отъ тебя, какъ драгоцѣнный подарокъ", отвѣчалъ мнѣ Таврическій. Увидя меня нѣсколько времени спустя, онъ спросилъ меня тотчасъ: „Ну что, какъ поживаетъ трехфунтовая медвѣжья шуба?"—„Я не забылъ даннаго вамъ, свѣтлѣйшій князь, обѣщанія и писалъ въ деревню, чтобы прислали мнѣ отцовскую шубу".—Скоро явилась и шуба. Я послалъ за первымъ въ городѣ скорнякомъ, велѣлъ ее при себѣ вычистить и сдѣлать заново, потому что этакую рѣдкость могли бы у меня украсть или подмѣнить. Ну, слушайте, не то еще будетъ: вотъ завертываю я шубу въ свой носовой шелковый платокъ и отправляюсь къ свѣтлѣйшему князю. Это было довольно рано; меня тамъ всѣ знали.—„Позвольте, ваше сіятельство", говоритъ мнѣ камердинеръ: „пойду только посмотрѣть, вышелъ ли князь въ кабинетъ, или еще въ спальной Онъ не хорошо изволилъ ночь проводить". Возвращается камердинеръ и говоритъ мнѣ. „Пожалуйте!"—Я вошелъ, гляжу: князь стоитъ передъ окномъ, смотритъ въ садъ; одна рука была во рту (свѣтлѣйшій изволилъ грызть себѣ ногти), а другою рукою

[1]) А, вѣроятно, еще болѣе за то, что Циціановъ забавлялъ его свѣтлость своими басенками.

чесалъ онъ... не могу сказать что́, угадывайте! Онъ въ такихъ былъ размышленіяхъ или разсѣянности, что не догадался, какъ я къ нему подошелъ и накинулъ ему на плеча шубу. Князь, освободивъ правую свою руку, началъ по стеклу наигрывать пальцами какія-то фантазіи. Я все молчу и гляжу на этого всемогущаго баловня, думая себѣ: „Чѣмъ онъ такъ занятъ, что не чувствуетъ даже, что̀ около него происходитъ, и чѣмъ-то дѣло это кончится?" Прошло довольно времени—князь ничего мнѣ не говоритъ и, вѣроятно, забылъ даже, что я тутъ. Вотъ я рѣшился начать разговоръ, подхожу къ нему и говорю: „Свѣтлѣйшій князь!" Онъ, не оборачиваясь ко мнѣ, но узнавши голосъ мой, сказалъ: „Ба! Это ты, Циціановъ! А что́ дѣлаетъ шуба?".

„— Какая шуба?"

„— Вотъ хорошо!? Шуба, которую ты мнѣ обѣщалъ!"

„— Да шуба у вашей свѣтлости".

„— У меня? Что ты мнѣ тутъ разсказываешь?"

„— У васъ... Да она и теперь на вашихъ плечахъ!"

Можете себѣ представить удивленіе князя, увидѣвшаго, что на немъ была подлинно шуба. Онъ вѣрить не хотѣлъ, что я давно накинулъ ему шубу на плечи.

„— То-то не понималъ я, отчего мнѣ такъ жарко было; мнѣ казалось, что я нездоровъ, что у меня жаръ,—повторялъ князь.—Да это просто сокровище, а не шуба. Гдѣ ты ее выкопалъ?"

„— Да я вашей свѣтлости уже докладывалъ, что шуба эта досталась мнѣ послѣ моего отца".

„— Диковинная!.. Однако посмотри: она мнѣ только по колѣно".

„— Чему тутъ дивиться. Я ростомъ не великъ, а отецъ мой былъ хоть и сильный мужчина, но головою ниже меня. Вы забываете, что у вашей свѣтлости ростъ геркулесовъ: что для всѣхъ людей шуба, то для васъ куртка".

Князя очень это позабавило, онъ смѣялся и хотѣлъ непремѣнно узнать, какими судьбами досталась шуба эта моему отцу. Я разсказалъ ему всю исторію: какъ шуба эта была послана изъ Сибири, какъ рѣдкость, графу Разумовскому въ царствованіе императрицы Елизаветы Петровны, какъ дорогою была украдена

разбойниками и продана Шаху Персидскому, который подарилъ ее моему отцу.

Князь удивлялся, что нѣтъ теперь такихъ шубъ, но я ему объяснилъ, что былъ въ Сибири мужикъ, который умѣлъ обдѣлывать такъ искусно медвѣжьи мѣха, что они дѣлались нѣжнѣе и легче соболиныхъ, но мужикъ этотъ умеръ, не открывъ никому своего секрета".

Чтобы пополнить характеристику князя Циціанова, я разскажу теперь другой, также до него касающійся анекдотъ: случилось, что въ одномъ обществѣ какой-то помѣщикъ, слывшій большимъ хозяиномъ, разсказывалъ объ огромномъ доходѣ, получаемомъ имъ отъ пчеловодства, такъ что доходъ этотъ превышалъ оброкъ, платимый ему всѣми крестьянами, коихъ было слишкомъ сто въ той деревнѣ.

„— Очень вамъ вѣрю", возразилъ Циціановъ: „но смѣю васъ увѣрить, что такого пчеловодства, какъ у насъ въ Грузіи, нѣтъ нигдѣ въ мірѣ".

„— Почему такъ, ваше сіятельство?"

„— А вотъ почему"—отвѣчалъ Циціановъ:—„да и быть не можетъ иначе; у насъ цвѣты, заключающіе въ себѣ медовые соки, растутъ, какъ здѣсь крапива, да къ тому же пчелы у насъ величиною почти съ воробья; замѣчательно, что когда онѣ летаютъ по воздуху, то не жужжатъ, а поютъ, какъ птицы".

„— Какіе же у васъ ульи, ваше сіятельство?"—спросилъ удивленный пчеловодъ.

„— Ульи? Да ульи,—отвѣчалъ Циціановъ,—такіе же, какъ вездѣ".

„— Какъ же могутъ столь огромныя пчелы влетать въ обыкновенные ульи?".

Тутъ Циціановъ догадался, что, басенку свою пересоля, онъ приготовилъ себѣ самъ ловушку, изъ которой выпутаться ему трудно; однако же онъ нимало не задумался: „Здѣсь объ нашемъ краѣ", продолжалъ Циціановъ,—„не имѣютъ никакого понятія... Вы думаете, что вездѣ такъ, какъ въ Россіи? Нѣтъ, батюшка! У насъ въ Грузіи отговорокъ нѣтъ: *хоть тресни, да полѣзай*! Это служитъ правиломъ и для людей и для пчелъ?"...

Циціановъ любилъ также выхвалять талантъ дочери своей въ живописи, жалуясь всегда на то, что княжна на произведеніяхъ отличной своей кисти имѣла привычку выставлять имя свое, а когда спрашивали его, почему такъ, то онъ съ видомъ довольнымъ отвѣчалъ: „потому, что картины моей дочери могли бы слыть за Рафаэлевы, тѣмъ болѣе, что княжна любила преимущественно писать Богородицъ и давала ей и маленькому Спасителю мастерскія позы".

Два вышеупоминаемые анекдота довольно всѣмъ извѣстны и слова: „*Циціановская шуба*" и „*хоть тресни, да полѣзай*" были приговорками или пословицами тогдашняго времени.

Николай Селиверстовичъ Муромцевъ.

(Отставной генералъ-лейтенантъ).

Онъ имѣлъ, при перезрѣлыхъ уже лѣтахъ, весьма некрасивую наружность и когда онъ долженъ былъ показываться въ мундирѣ, то нельзя было безъ смѣха на него смотрѣть, потому что, получа при отставкѣ своей въ царствованіе императора Павла I всемилостивѣйшее позволеніе носить драгунскій мундиръ своего полка, Муромцевъ наблюдалъ свято предписанную военную форму. Можно представить себѣ, какъ при нововведенной императоромъ Александромъ Павловичемъ щегольской одеждѣ арміи, Муромцевъ былъ миловиденъ въ мундирѣ своемъ бирюзоваго цвѣта съ розовымъ воротникомъ и обшлагами, имѣя вмѣсто сапожковъ огромныя ботфорты выше колѣнъ, перчатки съ раструбами, доходившими до локтей; для довершенія туалета надобно прибавить, что голова плѣнительнаго генерала была набѣло припудрена и надъ всякимъ ухомъ красовались двѣ огромныя букли, а въ рукѣ его превосходительства была палка, которая для всякаго офицера признавалась столь же нужною, какъ и шпага или сабля.

Я имѣлъ нѣсколько разъ удовольствіе видѣть Муромцева въ этомъ живописномъ нарядѣ, который въ то время могъ именоваться маскараднымъ [1]), и сознаюсь, что трудно было на него смотрѣть и не разсмѣяться.

[1]) Когда было привезено въ Москву тѣло покойнаго императора Александра Павловича, Муромцевъ участвовалъ въ парадной церемоніи, сопровождавшей

„— Отчего вы не поволочитесь за А. П. К.?“ —спросилъ его одинъ разъ графъ Ростопчинъ.—„Да она, конечно, премиленькая бабёнка“, отвѣчалъ Муромцевъ,—„и, какъ говорятъ французы, une femme galante, но это все не то, все пустяки!“.

„— Какъ пустяки?—возразилъ графъ,—когда я знаю навѣрное, что она въ ладахъ съ молодымъ Г...“.

„Не вѣрьте, графъ, всѣмъ этимъ враньямъ... Мало ли что разсказываетъ Москва? Я болѣе года за К... ухаживалъ, да изъ этого ничего не вышло; она всѣхъ только за носъ водитъ, и мажетъ, и мажетъ по губамъ“. Графа Ростопчина очень веселилъ этотъ эпизодъ Муромцевскихъ любовныхъ похожденій, и онъ любилъ разсказывать оный при всякомъ удобномъ случаѣ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

Лишнимъ почитаю дѣлать какую-нибудь объ немъ отмѣтку: онъ въ свѣжей еще у всѣхъ памяти. Кто не слыхалъ о всѣхъ проказахъ и смѣлыхъ подвигахъ храбраго партизана, столь прославившагося въ 1812 году? Всѣмъ извѣстенъ острый его умъ, разливавшійся въ его рѣчахъ и стихотвореніяхъ. Давыдовъ всегда готовъ былъ и со своими покутить, и съ французами подраться.

Дмитрій Марковичъ Полторацкій.

Онъ былъ человѣкъ чрезвычайно живой, вспыльчивый, большой спорщикъ,—качества, которыя онъ передалъ, какъ кажется, сыну своему, хорошему нашему пріятелю, Сергію Дмитріевичу. Дмитрій Марковичъ, равно какъ и графъ Ростопчинъ, были страстные охотники до лошадей. Оба имѣли прекрасные конные заводы, оба много занимались сельскимъ хозяйствомъ, что давало поводъ къ соревнованію и большимъ спорамъ между ними. Полторацкій бодро отгрызался отъ шутокъ Ростопчина, а часто и помогалъ ему въ оныхъ.

гробъ царскій отъ заставы до Успенскаго собора. Муромцевъ несъ подушку съ однимъ изъ иностранныхъ орденовъ Государя.—Всѣ стоявшіе на улицахъ спрашивали, указывая на Муромцева: „А это кто?“.

Павелъ Никитичъ Каверинъ.

Не изъ послѣднихъ былъ онъ говоруновъ. О чемъ рѣчь бы ни была, онъ, какъ князь Циціановъ, имѣлъ всегда въ готовности какой-нибудь анекдотъ. Онъ былъ московскимъ оберъ-полицмейстеромъ въ царствованіе императора Павла Петровича, столь обильное происшествіями необыкновенными. Послѣ того Каверинъ былъ калужскимъ губернаторомъ и, наконецъ, сенаторомъ. Въ такое время, когда общее вниманіе было обращено единственно на тяжкое положеніе Россіи, одно было у всѣхъ помышленіе: спасеніе отечества и гибель Наполеона. Всякій понималъ это по своему. Довольно покажется любопытно читателямъ моимъ знать, какъ понималъ это Каверинъ.

Пришедъ одинъ разъ, по обыкновенію моему, къ графу Федору Васильевичу поутру, я сталъ извиняться, что позволилъ себѣ, можетъ быть, нескромность.

„— Какую, напримѣръ?“ —спросилъ меня графъ съ удивленіемъ.

„— Я встрѣтилъ давеча Каверина, который спросилъ меня, будете ли вы сегодня вечеромъ дома“.

„— Вы отвѣчали, что буду дома: такъ ли? И хорошо сдѣлали. Каверинъ два раза ко мнѣ заѣзжалъ, и все меня не заставалъ дома. Видно имѣетъ какую-нибудь до меня нужду или важный секретъ къ сообщенію“. Слова графа были причиною, что я въ тотъ вечеръ къ нему не явился, чтобы не быть лишнимъ въ просимомъ Каверинымъ свиданіи. Я пришелъ, но гораздо позднѣе, такъ что на лѣстницѣ встрѣтилъ уѣзжавшаго уже Каверина. „Какъ жаль“, сказалъ мнѣ графъ, — „что вы не пришли ранѣе: вы бы услышали прекурьезный проектъ, предложенный мнѣ Каверинымъ къ спасенію отечества. Подите къ графинѣ, я покуда одѣнусь,—поѣдемте вмѣстѣ, ежели вы свободны, къ графинѣ Бобринской на вечеръ; я вамъ дорогою все разскажу“. Какъ сказано, такъ и сдѣлано. Только что сѣли мы въ фаворитный графскій busibu, онъ началъ разсказъ свой слѣдующими словами: „Какъ бы вы думали, какое придумалъ Каверинъ средство къ сокрушенію

Наполеона? Онъ началъ тѣмъ, что никому мысли своей не сообщалъ, но долгомъ считаетъ не таить ее отъ меня. Вы знаете, какъ онъ любитъ говорить, и едва стало моихъ двухъ ушей, чтобы его слушать. Долго онъ толковалъ о теперешнемъ положеніи дѣлъ вообще, что никому неизвѣстно, что можетъ послѣдовать, и подвергнется ли Москва участи Смоленска, что благоразуміе требуетъ заблаговременно ко всему пріуготовиться, что дѣло арміи спасать отечество, а ежели (чему я однако же не вѣрю, говорилъ Каверинъ) этотъ счастливый и дерзкій Наполеонъ ворвется въ Москву, надобно подумать, какія взять тогда мѣры.

„— Какія же, Павелъ Никитичъ?"—спросилъ я его.

„— Вы знаете, графъ,—продолжалъ Каверинъ,—что Наполеонъ, покоряя столицы побѣжденныхъ имъ государей, занимаетъ всегда ихъ дворцы, угощаетъ и принимаетъ въ ихъ залахъ и гостинныхъ, работаетъ въ ихъ кабинетахъ, а ночью отдыхаетъ въ ихъ спальняхъ".

„— Такъ что же?"—спросилъ я его.

„— А вотъ что,—отвѣчалъ Каверинъ:—конечно этому не бывать, но ежели должно уже послѣдовать такое несчастіе, и Москва будетъ покорена Наполеономъ, онъ займетъ непремѣнно Кремлевскій дворецъ... Надо бы заранѣе приготовить потаенный ходъ, который велъ бы къ самой кровати, на которой онъ будетъ спать, потомъ спрятать подъ поломъ бодраго, рѣшительнаго человѣка; его дѣло будетъ явиться вдругъ ночью изъ подъ паркета и однимъ ударомъ топора раздробить Наполеону черепъ". Каверинъ, продолжалъ графъ, такъ серьезно и обстоятельно объяснялъ мнѣ способы и возможность выполненія своего проекта, что я не могъ принимать это за шутку, тѣмъ болѣе, что онъ заключилъ сими словами:

„— Право, графъ, не худо бы вамъ подумать хорошенько, какъ бы привести это въ исполненіе".

„— Не знаю, какъ я удержался отъ смѣха",—говорилъ графъ,—но у меня тотчасъ родилась другая мысль и я удовольствовался отвѣчать, что подумаю объ этомъ, и назначилъ ему свиданіе завтра въ девять часовъ утра и я приглашаю васъ, Александръ Яковлевичъ, быть непремѣнно на этомъ совѣщаніи, чтобы слышать, какую я дамъ Каверину резолюцію на предлагаемый имъ проектъ". Можно понять, что я съ величайшею исправностію явился къ назначенному часу. Я начиналъ было разговоръ о Каверинѣ, но графъ избѣгалъ всякое объясненіе и, улыбаясь, сказалъ мнѣ только: „prenez-patience: vous ne serez pas faché d'avoir attendu, laissez arriver le sauveur de la cara patria". (Возьмите терпѣніе; вы будете вознаграждены за подожданіе, дайте только пріѣхать спасителю любимаго отечества).

Скоро послѣ этого отворяется дверь графскаго кабинета и къ намъ входитъ Каверинъ. „Милости просимъ садиться, Павелъ Никитичъ!"—сказалъ ему графъ. „Поговоримте-ка объ нашемъ важномъ дѣлѣ, покуда мы одни и никто намъ не мѣшаетъ. Я не имѣю секретовъ отъ Александра Яковлевича", прибавилъ графъ, посматривая на меня, понюхивая табакъ и переходя пальцемъ очень медленно изъ одной ноздри въ другую, какъ всегда съ нимъ случалось, когда задумывалъ онъ какую-нибудь шутку или готовился сказать что-нибудь острое.

„— Я проэктъ вашъ,—продолжалъ Ростопчинъ,—довелъ до свѣдѣнія Государя и сообщилъ Его Императорскому Величеству, что, по преданности вашей къ нему и любви къ очетечеству, вы сами охотно вызываетесь скрыться подъ поломъ Наполеоновой спальни, чтобы выполнить геройскій подвигъ, вами же замышленный, и избавить вселенную отъ несноснаго ига Наполеона". Слова сіи имѣли дѣйствіе громового удара: испуганный Каверинъ вскочилъ съ своего мѣста: „Помилуйте, графъ, сказалъ онъ жалкимъ голосомъ: что вы надѣлали! Я сообщилъ вамъ одинъ только мой проектъ, но у меня не было никогда и въ помышленіи привести его самому въ исполненіе... Зачѣмъ было вамъ даже писать объ этомъ Государю: такія мѣры не предписываются и не одобряются... а выполни,—такъ всѣ скажутъ спасибо... Я мысли свои сообщилъ вамъ только одному, и то конфиденціально, по неограниченной моей къ вамъ довѣренности... Ахъ, графъ, что́ вы надѣлали! И себѣ, и мнѣ хлопоты. Вы меня поставили въ самое затруднительное положеніе! Могу ли я быть убійцею? А съ другой стороны, могу ли я изобличать васъ въ неправдѣ въ глазахъ Государя? Помилуйте, графъ, что́ вы это надѣлали! Это сдѣлается une

fable de la ville... Въ Петербургѣ не будетъ другого разговора... Вы меня заживо въ землю зарыли!".

Каверинъ былъ въ ужаснѣйшемъ волненіи. Графъ Ростопчинъ долго крѣпился, но не могъ болѣе выдерживать положенія своего и предался громкому смѣху, объявивъ, что это была только одна выдуманная имъ шутка. Каверинъ отъ чрезмѣрнаго испуга перешелъ также къ смѣху, упрекая себя, однако же, что тотчасъ не догадался, что графъ хотѣлъ только пошутить надъ нимъ. „Я оплошалъ", говорилъ мнѣ послѣ графъ Федоръ Васильевичъ,— „не выдержалъ характера — разсмѣялся; но Каверинъ показался мнѣ такимъ жалкимъ, что я не рѣшился продолжать шутку свою. Я могъ бы помучить его порядочно еще нѣсколько дней".

Итальянецъ Тончи.

И этотъ молодецъ принадлежалъ къ числу оригиналовъ, посѣщавшихъ гр. Ростопчина. Онъ былъ, несмотря на свои не молодыя уже лѣта, вѣтренъ, легковѣренъ, имѣлъ высокое о себѣ мнѣніе, сохранялъ всегда память о прежней своей красотѣ; какъ всѣ итальянцы, онъ любилъ поболтать, побуфонить. Тончи былъ все, что вамъ угодно: философъ, поэтъ, импровизаторъ, музыкантъ, медикъ, богословъ и живописецъ. Прекрасно имъ написанный портретъ гр. Ростопчина былъ выгравированъ славнымъ Клауберомъ. Графъ любилъ начинать съ нимъ безпрестанные споры. По веселому и снисходительному своему нраву, Тончи не оскорблялся никогда шутками, которыя другіе позволяли себѣ надъ нимъ, но зато и мы не затыкали себѣ ушей, когда онъ начиналъ самъ превозносить всѣ свои таланты и преимущества. Сохраняя еще остатки прежней своей красоты, онъ любилъ оную при всякомъ случаѣ выхвалять.

„Savez-vous, mon cher Tonce", сказалъ ему одинъ разъ графъ Ростопчинъ,—„que vous avez du avoir été un bien beau garçon, dans votre jeunesse". (Вы были, я думаю, большимъ красавцемъ въ молодость вашу, любезный Тончи)". Нимало не думая и не принимая слова графа за шутку, Тончи отвѣчалъ: „Me voilà! Quand j'étais enfant, les dames m'appelaient *l'amorino*, plus tard,

quand les artistes me rencontraient à Rome, ils s'écriaient: *ecco l'Apollo di Belvedere*, et si je n'ai pas sa taille, qui etait plus élevée que la mienne,—regardez: j'ai absolument ses traits et surtout son profil. Maintenant observez bien ma tête, ma chevelure abondante, naturellement bouclée, — je n'aurais qu'à laisser croitre ma barbe, et vous aurez devant vous le Giove Capitolino, le Jupiter tonnant que dites-vous? N'est-ce-pas?" — „Je dis, ce n'est pas!" Возразилъ тотчасъ же графъ Ростопчинъ. Словамъ этимъ засмѣялись не только мы всѣ, но и самъ Юпитеръ. „Au reste", прибавилъ графъ: „comme je n'ai jamais eu l'honneur de me rencontrer avec monsieur Apollon ou monsieur Jupiter, je ne puis pas être juge competent dans cette affaire".

(Вотъ въ чемъ дѣло: когда я былъ ребенкомъ, то дамы называли меня *купидончикомъ*; позже артисты, встрѣчавшіе меня въ Римѣ, восклицали: *вотъ Аполлонъ Бельведерскій*! И ежели недостаетъ у меня высокаго его роста,—зато, посмотрите, я имѣю всѣ его черты, а въ особенности его профиль... Теперь посмотрите со вниманіемъ на мою голову, на густые мои, природно вьющіеся, волосы: стоитъ мнѣ только отпустить бороду,—вы будете имѣть передъ вами совершенное изображеніе Юпитера Капитолійскаго — Громовержца... Что скажете? Не правда ли?" — „Не правда!"—возразилъ тотчасъ графъ Ростопчинъ. Словамъ этимъ засмѣялись не только мы всѣ, но и самъ грозный Юпитеръ. „Впрочемъ", прибавилъ графъ: „такъ какъ не имѣлъ я никогда чести встрѣчаться съ господами Аполлономъ и Юпитеромъ, то и не могу быть судьею въ этомъ дѣлѣ").

Тончи былъ съ маленькимъ чиномъ принятъ въ нашу службу и причисленъ къ кремлевской экспедиціи по живописной части. Онъ женился потомъ на дочери князя Ивана Сергѣевича Гагарина, княжнѣ Натальѣ Ивановнѣ, барышнѣ весьма эксцентрической, но уже не молодой и не миловидной. Вторженіе французовъ въ Москву ужасно поразило бѣднаго Тончи. Онъ впалъ въ какую-то меланхолію. Его преслѣдовала несчастная мысль, что, подозрѣваемый въ шпіонствѣ, предательствѣ и неблагорасположеніи къ французамъ, онъ сдѣлается первою жертвою Наполеона. Ему пришла вдругъ несчастная мысль, при занятіи непріятелемъ Москвы,

бѣжать изъ города и сокрыться въ Сокольничій лѣсъ. Человѣкъ, посланный для его отысканія, началъ въ лѣсу кричать: „Мусье! Ау!“ Тончи еще болѣе перепугался отъ этихъ криковъ, приписывая ихъ злодѣямъ, посланнымъ для его отысканія и преданія мучительной смерти. Одержимый страхомъ, разными странными и нелѣпыми мыслями и страшась истязаній, представлявшихся воображенію его, Тончи рѣшился упредить своихъ убійцъ и, вынувъ изъ записной своей книжки перочинный ножикъ, рѣшился перерѣзать себѣ горло, но не умѣлъ или не смогъ довершить роковое свое намѣреніе. Человѣкъ, посланный для его отысканія, нашелъ его окровавленнымъ и лежащимъ безъ чувствъ подъ деревомъ. Рана была залѣчена, и Тончи остался живъ.

Графъ Ростопчинъ заставлялъ не одинъ разъ московскаго Юпитера разсказывать странный этотъ эпизодъ, но никто изъ насъ не могъ никогда понять, что̀ могло послужить поводомъ къ такой отчаянной рѣшимости. Тончи заключалъ обыкновенно темный свой разсказъ сими словами: „Peut-être, que la Providence a voulu me fournir le sujet d'un beau poëme épique. Je me trouvais en effet dans une position tout-à-fait extraordinaire: je me voyais entre la vie, la mort et l'éternité. Je tenais dans ma main cette veine et ce faible canif, qui devait mettre une fin à mes souffrances et mes malheurs... je voyais le moment, où ces trois gouttes: la vie, la mort et l'éternité allaient se confondre. (Можетъ быть, Провидѣніе хотѣло доставить мнѣ случай написать прекрасную эпическую поэму. И дѣйствительно, я видѣлъ себя тогда въ положеніи совершенно необыкновенномъ: я находился между жизнью, смертью и вѣчностью; я держалъ въ рукѣ моей горловую жилу и слабый ножикъ, который долженъ былъ прекратить всѣ мои страданія и бѣдствія; я видѣлъ минуту, въ которую должны были слиться эти три капли: жизнь, смерть и вѣчность!“).

Отчаянное покушеніе Тончи должно, вѣроятнѣе, приписывать минутному отсутствію ума, произведенному отъ ужаснаго страха, въ которомъ находился бѣдный московскій Юпитеръ, по мѣрѣ приближенія къ Бѣлокаменной парижскаго Громовержца [1]).

[1]) Замѣтно было, что послѣ возвращенія нашего въ освобожденную отъ непріятеля Москву, Тончи былъ уже не тѣмъ любезнымъ итальянцемъ, который такъ одушевлялъ бесѣду нашу.

Графъ Федоръ Васильевичъ разливалъ обыкновенно самъ при концѣ обѣда какое-нибудь сладкое вино. Обращаясь одинъ разъ къ Тончи, онъ сказалъ ему: „Permettez moi, immortel philosophe, de vous proposer de confondre dans votre verre les trois fameuses gouttes, lesquelles dans un certain temps d'éxécrable mémoire, avaient menacé les jours d'un des plus grands hommes des temps modernes!“ (Позвольте мнѣ, безсмертный философъ, сдѣлать вамъ предложеніе смѣшать въ рюмкѣ вашей тѣ безсмертныя три капли, которыя въ злосчастное нѣкогда время угрожали прекратить жизнь одного изъ величайшихъ мужей новѣйшихъ временъ!)

Тончи прежде всѣхъ началъ смѣяться шуткѣ графа Ростопчина: „Ah! les trois gouttes“, повторялъ Тончи: „Vous n'avez pas oublié, Monsieur le Comte, cette singulière épisode de ma vie? Le moment, où je voyais la mort arriver, le moment, où ces trois gouttes: la vie, la mort et l'éternité allaient se confondre!“.. („Да, памятны мнѣ три капли“, повторялъ Тончи: „вы не забыли, графъ, этотъ странный эпизодъ жизни моей... Минута эта, въ которую видѣлъ я приближающуюся смерть; минута, въ которую должны были слиться въ одну три капли: жизнь, смерть и вѣчность!“).

Графъ Федоръ Васильевичъ любилъ также разсказывать слѣдующій анекдотъ: Тончи принесъ одинъ разъ показать графу написанный имъ очень удачно портретъ тестя своего, князя Ивана Сергѣевича Гагарина. Онъ былъ представленъ держащимъ въ одной рукѣ гамбургскую нѣмецкую газету, а въ другой курительную трубку. Графъ Ростопчинъ былъ очень знакомъ съ княземъ Гагаринымъ, но любя шутить, онъ сказалъ: „Знаете-ли, мой любезный Ванъ-Дикъ II, что гамбургская газета и курительная трубка сходства поразительнаго, но скажите мнѣ, чей это портретъ“.

Тончи понялъ тотчасъ насмѣшку, не показался нимало оною оскорбленнымъ и отвѣчалъ: „Какъ, графъ, ужели вы не узнаете? Это портретъ того умнаго, любезнаго вельможи, который любитъ такъ подшучивать надо всѣми и издѣваться надъ славнѣйшими живописцами—однимъ словомъ, это портретъ извѣстнаго графа Ростопчина“.

Случилось, что разговаривали одинъ разъ у графа Ростопчина о смерти. Тончи по обыкновенію дѣлалъ свои странныя и не-

лѣпыя разсужденія. Графъ не дѣлалъ никакихъ возраженій, взялъ перо и началъ писать. „Volete sumettere... ho indovinato questo, che scrive il Conte“—сказалъ мнѣ Тончи. И подлинно, онъ угадалъ, потому что графъ, подавая двѣ записки, сказалъ ему: „Afin, que votre mort ne nous prenne pas au depourvu, je viens de composer deux épitaphes pour vous: choisissez celle, qu'il faudra mettre sur votre tombe“.

1.

Ci git l'homme de génie,
Qui passa toute sa vie
A démontrer fort bien,
Que tout ce qui est, n'est rien!

2.

Ci git reduit en poussière
Le génie de la lumière
Qui pour éxpliquer l'apocalypse
Dans un char volant
Crut monter au firmament
Et après avoir été versé
Se trova sur sa chaise—percée.

Сергѣй Николаевичъ Глинка.

Издатель „Русскаго Вѣстника“, котораго графъ именовалъ первымъ ратникомъ московскаго ополченія. Государь Александръ Павловичъ, по прибытіи своемъ въ Москву, въ іюлѣ мѣсяцѣ пожаловалъ Глинкѣ орденъ Св. Владиміра 4-ой степени. Глинка очень дорожилъ онымъ уже потому, что рескриптъ былъ написанъ рукою ст. секретаря Шишкова. Глинка не участвовалъ въ вечернихъ нашихъ бесѣдахъ. Онъ приходилъ къ графу Ростопчину обыкновенно по утрамъ и читалъ ему выходившіе №№ „Русскаго Вѣстника“. Онъ любилъ ораторствовать на московскихъ площадяхъ и разсказывалъ графу, что̀ происходило между простымъ народомъ.

Егоръ Павловичъ Метакса.

Отставной флота капитанъ-лейтенантъ. (Имѣлъ крестъ Св. Георгія 4 степени). Грекъ, воспитывавшійся въ учрежденномъ императрицею Екатериною II корпусѣ чужестранныхъ единовѣрцевъ.

Онъ былъ человѣкъ умный, хитрый и пронырливый. Тончи говаривалъ объ немъ: „Greco italianisato, turco incarnato!“ Графъ Ростопчинъ забавлялся его разсказами и имѣлъ въ виду дать ему мѣсто полицмейстера въ Москвѣ, но первая ваканція обѣщана была графомъ Адаму Ѳомичу Брокеру, который и былъ на оную помѣщенъ, когда полицмейстеръ Дурасовъ заступилъ мѣсто московскаго вице-губернатора. Въ одномъ изъ разъѣздовъ своихъ по Средиземному морю Метакса имѣлъ случай научиться приготовлять весьма искусно такъ называемые *risi veneziani*. Мы не одинъ разъ ими лакомились за графскимъ столомъ и у меня. Никогда не забуду я смѣхъ, который поднялся, когда въ назначенный на таковый обѣдъ день, въ четыре часа безъ десяти минутъ, Метакса вошелъ къ графу Ростопчину въ кабинетъ въ бѣлой холстинной курткѣ съ кухмистерскимъ на головѣ колпакомъ и сказалъ, стоя у дверей: „Eccellentissimo Signore, i risi sono pronti (рисъ готовъ). Не извольте мѣшкать, ваше сіятельство, пушки заряжены, пора приниматься стрѣлять, а то порохъ отсырѣетъ, или пересохнетъ“. Послѣ Метакса оставилъ записки, въ которыхъ описываются подвиги россійскаго флота въ Черномъ и Средиземномъ моряхъ и покореніе Іоническихъ острововъ, занятыхъ въ то время французскою республикою. Записки сіи были мною пополнены и переправлены, потому что Метакса нехорошо писалъ по-русски. Я напечаталъ въ „Сынѣ Отечества“ нѣкоторыя отдѣльныя любопытныя статьи, но, къ сожалѣнію моему, полное сочиненіе въ свѣтъ еще не вышло, по причинамъ отъ меня не зависящимъ и о которыхъ не мѣсто здѣсь разсказывать. Я давалъ читать означенныя записки адмиралу Литке и онъ находилъ ихъ достойными посвященія его Высочеству, Великому Князю Константину Николаевичу, какъ генералъ-адмиралу россійскаго флота.

Князь Андрей Александровичъ Кольцовъ-Мосальскій.

Маленькій, худенькій, блѣдненькій сенаторъ, страстный охотникъ до картинъ и новостей и который, какъ говаривалъ гр. Ростопчинъ, всему на свѣтѣ вѣрилъ и всего на свѣтѣ боялся.

Князь Кириллъ Александровичъ Багратіонъ.

Также сенаторъ, и когда эти два сенатора съѣзжались у графа Ростопчина, то можно было предугадывать, что вечеръ будетъ шумный и веселый. Образованіе князя Багратіона было весьма посредственное, но онъ имѣлъ много природнаго ума и хитрости, которыми, подъ личиною простяка, умѣлъ снискивать благорасположеніе людей, въ которыхъ имѣлъ нужду. Онъ усердно помогалъ графу Ростопчину въ изобрѣтеніи разныхъ шутокъ, особенно, когда онѣ имѣли цѣлію тревожить князя Мосальскаго, всегда готоваго впадать въ приуготовляемыя ему сѣти.

Князь Василій Алексѣевичъ Хованскій.

Графъ Ростопчинъ ѣздилъ часто къ нему по вечерамъ. Князь жилъ открытымъ домомъ, имѣлъ отличный столъ. Къ нему съѣзжалось лучшее московское общество, петербургская молодежь, пріѣзжавшая въ Москву повеселиться, всѣ знаменитые путешественники, пѣвицы, пѣвцы, музыканты и артисты, объѣзжавшіе Европу для показанія своего искусства. На этихъ вечерахъ князя Хованскаго были различнаго рода увеселенія и занятія для всякаго: музыка, карты, билліардъ, пріятная бесѣда и отличный ужинъ. Старшая дочь князя Василія Алексѣевича, княжна Наталья (жена моя) славилась въ Москвѣ отличнымъ своимъ пѣньемъ и любезностію; обѣ ея сестры: Софья Васильевна Соковнина и Прасковья Васильевна (вышедшая впослѣдствіи замужъ за Василья Александровича Обрезкова) помогали отцу въ угощеніи многочисленнаго общества. Князь Хованскій былъ человѣкъ очень добрый, пріятнѣйшаго обхожденія и большой хлѣбосолъ. Несмотря на ближнее наше родство, я не скрою, что онъ имѣлъ привычку все преувеличивать и любилъ подчасъ похвастать, но эти двѣ безвредныя слабости имѣли свою хорошую сторону: ими оживлялся какъ-то больше общій разговоръ.

Кромѣ поименованныхъ здѣсь мною особъ, бывали также у графа Ростопчина: Федоръ и Дмитрій Ивановичи Киселевы, Иванъ Николаевичъ Римскій-Корсаковъ (игравшій роль при Екатеринѣ II),

Апол. Алекс. Майковъ, Фед. Фед. Кокошкинъ, Ив. Петр. Архаровъ, Алек. Андр. Кикинъ, Е. М. Кашкинъ, Гр. Гр. Спиридовъ и многіе другіе.

Теперь остается мнѣ досказать, какъ кончилась вторая часть вечера, который начался для меня билліардною побѣдою надъ графомъ Ростопчинымъ и выигрышемъ шести гривенниковъ у Приклонскаго. Къ восьми часамъ начали съѣзжаться гости. Иные останавливались въ билліардной смотрѣть на нашу игру, другіе уходили къ графинѣ въ гостиную. При появленіи Багратіона, Мосальскаго, Муромцова, Давыдова, графъ сказалъ мнѣ, улыбаясь: „Сходятся наши ратники: падобно будетъ заварить кашу и кровопролитную войну между сенаторами“.

Въ то же время, какъ проходила мимо насъ графиня Екатерина Петровна, ѣхавшая со двора, графъ пригласилъ насъ и гостей, ее провожавшихъ, въ его кабинетъ. „Я жду, господа“, говорилъ онъ, „утѣшенія отъ васъ; меня Булгаковъ сегодня въ пухъ разбилъ, и хорошо еще, что я не слушался премудрыхъ совѣтовъ Николая Богдановича, а то было бы намъ еще хуже“. Кабинетъ графскій помѣщался въ маленькой комнаткѣ съ двумя окнами на задній дворъ. Кабинетъ этотъ былъ наполненъ изображеніями людей, близкихъ сердцу гр. Ростопчина и которыхъ онъ уважалъ. Тутъ смѣшивались безъ чиновъ портреты его отца, брата, жены и дѣтей съ портретами Императора Павла Петровича, Екатерины II, графа Ник. Ник. Головина, Суворова, графа Сем. Роман. Воронцова, князя Павла Дмитр.Циціанова, гр. Ал. Андр. Безбородка, Д. А. Новосильцова, гр. Протасовой и др. Не одинъ разъ замѣчалъ я, что когда рѣчь доходила до какихъ-нибудь важныхъ дѣлъ или случаевъ, то Ростопчинъ, обращаясь къ портретамъ, говаривалъ: „Они знали бы, что дѣлать! Да гдѣ взять этихъ людей? Ихъ нѣтъ!“

Мы переселились, по сдѣланному приглашенію, въ кабинетъ. Графъ усѣлся, по обыкновенію своему, въ маленькія свои, обитыя зеленымъ сафьяномъ, Вольтеровскія кресла, на которыхъ теперь, сидя, пишу и которыя сохраняю я, какъ драгоцѣнный памятникъ прошедшихъ временъ. Всѣ расположились около любезнаго хозяина.

— „Ба, какъ кстати вы пожаловали, Дмитрій Марковичъ!“ — сказалъ графъ входившему въ ту минуту Полторацкому. „Я все хотѣлъ у васъ спросить, правда ли (какъ увѣряли меня), что вы отправили въ Калужскую вашу деревню конюховъ и коноваловъ, съ приказаніемъ англизировать тамъ всѣхъ крестьянскихъ лошадей?“

Полторацкій, принимая слова графа Ростопчина за то, чѣмъ они были, и желая продолжать шутку, отвѣчалъ: „Чего не выдумаетъ Москва? Шуточка-то забавная... А какъ вы думаете, графъ? Дѣло, право, возможное... Я вамъ скажу, что у моихъ мужиковъ нѣтъ лошади, которая не годилась бы любому кавалерійскому офицеру нашему подъ сѣдло... Да, я точно украсилъ бы крестьянскихъ своихъ лошадей, отрубивъ имъ хвосты, да вотъ бѣда: чѣмъ стали бы бѣдныя лошади обороняться отъ мухъ и слѣпней?“ На это замѣчаніе графъ тотчасъ возразилъ: „Да этому горю можно пособить!“

— „Чѣмъ же, графъ? Развѣ для времени полевыхъ работъ привязывать лошадямъ фальшивые хвосты?“

„Нѣтъ, совсѣмъ не то — отвѣчалъ Ростопчинъ, засмѣявшись: у васъ въ Калугѣ не безъ молодежи, — стоитъ только дать приказъ старостѣ, что, когда будутъ пахать землю, то чтобы наряжалъ онъ ко всякой сохѣ по мальчику или дѣвочкѣ, которые обмахивали бы лошадей и вѣточкою защищали ихъ отъ нападенія мухъ и слѣпней“. Можно представить себѣ, съ какою благодарностію былъ принятъ Полторацкимъ полезный этотъ совѣтъ, и какъ онъ насъ всѣхъ позабавилъ.

„Итакъ“, сказалъ вдругъ графъ Федоръ Васильевичъ, перемѣняя разговоръ, „выходитъ, что все, что разсказываютъ въ городѣ о кургузыхъ лошадяхъ и экономическихъ планахъ Дмитрія Марковича, что все это — сущій вздоръ... Пуфъ! Нѣтъ! Шутки въ сторону... (прибавилъ графъ). Что происходитъ на бѣломъ свѣтѣ достовѣрнаго, и о чемъ толкуетъ теперь Москва? Князь Андрей Александровичъ, вы что-то не веселы сегодня? сообщите же намъ какія-нибудь новости!“

„— Да что вамъ сказать, графъ? Вы лучше насъ все это знаете“ — отвѣчалъ Мосальскій, озабоченный нашедшею на Россію тучею и воображавшій, что французы стучатъ уже въ ворота Мясницкаго его дома. „Я вамъ признаюсь, что не вижу ничего утѣшительнаго, и мнѣ кажется, что на всякій случай всего благоразумнѣе было бы заблаговременно отправляться въ дальнія деревни, забравъ съ собою, что всякій имѣетъ въ домѣ своемъ драгоцѣннаго“.

— „Можно-ли, князь, — возражалъ на это Давыдовъ, — имѣть такія мрачныя мысли? Чего вы боитесь? Да мы не подрались еще порядочно ни разу“.

— „Да когда же будемъ мы драться? А между тѣмъ Бонапарте въ Смоленскѣ“ — говорилъ Мосальскій.

„Да развѣ не было у насъ нашествія татаръ, — возражалъ Давыдовъ, — да мы, однако-же ихъ уходили! Война только что еще разыгрывается; мы все сосредоточиваемся. Наполеонъ лѣзетъ впередъ, то-есть все ближе къ намъ, далѣе отъ Франціи. Конечно, лучше бы было разбить непріятеля на границѣ нашей, не впуская его въ предѣлы Россіи, но надобно принять въ уваженіе, что мы, отступая отъ польскихъ провинцій, для насъ во всякомъ случаѣ ненадежныхъ, углубляемся въ нашу православную Русь, а Наполеонъ, напирая на насъ, все болѣе и болѣе удаляется отъ своихъ ресурсовъ; между нимъ и Парижемъ ненавидящая его Германія, да какъ ручаться, чтобы и французамъ не надоѣла эта война, что они будутъ продолжать спокойно жертвовать своею кровью и сокровищами алчности Наполеона?“

Разсужденія эти имѣли, конечно, благоразумную свою сторону, и хотя графъ Ростопчинъ вполнѣ ихъ раздѣлялъ, но чтобы еще болѣе встревожить князя Мосальскаго, онъ отвѣчалъ Давыдову: „Оно все такъ, Денисъ Васильевичъ! Вы судите, какъ храбрый воинъ, но какъ-то еще вѣтеръ подуетъ? Намъ памятенъ еще Аустерлицъ. Одно сраженіе можетъ все поколебать и все рѣшить“. Такъ-то подшучивалъ въ пріятельскомъ кругу графъ Ростопчинъ, но въ большихъ обществахъ и при важныхъ случаяхъ онъ разсуждалъ, писалъ и дѣйствовалъ иначе.

Сенаторъ князь Кириллъ Александровичъ Багратіонъ былъ человѣкъ (какъ сказано уже выше) не высокаго образованія, но хитрый, какъ всѣ грузинцы, и большой балагуръ. Не желая всту-

пать въ серьезный разговоръ и имѣя только въ виду смѣшить графа Ростопчина, онъ взглянулъ на него, мигнулъ глазомъ и обратился къ Давыдову съ слѣдующими словами: „Мы не можемъ не сознаться, что замѣчанія ваши, конечно, основательны; это все хорошо говорить вамъ, военнымъ, но мы съ княземъ Мосальскимъ народъ мирный и шпагу носимъ только для формы, для красы... а все таки находимся въ весьма критическомъ положеніи", и на вопросъ Давыдова: „Почему такъ?"—Багратіонъ отвѣчалъ: „А вотъ почему: вы, можетъ быть, этого не знаете, Денисъ Васильевичъ, но я могу васъ увѣрить съ достовѣрностію, что Бонапартъ болѣе озлобленъ на насъ, сенаторовъ, нежели на вашу братію, военныхъ. Онъ увѣренъ, что война послѣдовала по настоянію и внушенію не англичанъ, а насъ, сенаторовъ. Что прикажете дѣлать? Вдолбилъ себѣ въ голову этотъ *Сенатъ дирижанъ*, да и полно!"

Графъ Ростопчинъ молчалъ и улыбался, входя въ мысль Багратіона, но князь Мосальскій не вытерпѣлъ, перебилъ рѣчь своего товарища и воскликнулъ съ рѣшимостью: „Какой вздоръ! Вы хотите сказать Sénat dirigeant... Какой тутъ Sénat dirigeant? Всякому извѣстно, да вотъ и графъ Федоръ Васильевичъ вамъ подтвердитъ, что это только такъ говорится Sénat dirigeant, но ни война, ни миръ, не дѣло Сената, — это рѣшаетъ не Сенатъ, а одинъ Государь и министры, которые пользуются его довѣренностью". Мосальскій какъ будто старался оправдываться въ глазахъ Наполеона и ограждать себя отъ его гнѣва. Багратіонъ, видя, какъ споръ этотъ забавлялъ графа Ростопчина, все таки налегалъ на князя Мосальскаго: „Да вы ужъ", продолжалъ онъ, „толкуйте себѣ дѣло это, какъ вамъ угодно, а Бонапарте ужасно озлобленъ на насъ. Въ день перехода своего черезъ Нѣманъ онъ публично объявилъ, что только тогда будетъ доволенъ, когда повѣситъ перваго русскаго сенатора, который попадется ему въ руки. Вамъ-то это ничего",—продолжалъ Багратіонъ, обращаясь къ князю Мосальскому,—„Бонапарте, я чаю, и не знаетъ, что это за птица князь Мосальскій, а имя Багратіона, по несчастію, очень ему извѣстно; попадись я ему только въ руки, онъ предастъ меня пыткамъ и жестокой смерти, онъ будетъ на мнѣ мстить за брата, князя Петра Ивановича, который умѣлъ отъ него ускользнуть съ

ввѣреннымъ ему корпусомъ и соединиться съ главною нашею арміею".

Можно представить себѣ, какъ эта сцена всѣхъ насъ веселила, а въ особенности графа Ростопчина. Онъ во все время хохоталъ, а князь Багратіонъ съ притворно жалкимъ лицомъ и слабымъ голосомъ спрашивалъ у него: „Да помилуйте, графъ, я право не знаю, что находите вы тутъ такъ забавнаго и чему вы такъ радуетесь и смѣетесь?"

Кн. Мосальскій былъ смущенъ и углубленъ въ печальныя размышленія. Лицо его только тогда нѣсколько прояснилось, какъ графъ Ростопчинъ, опровергая какъ-будто серьезно слова Багратіона, сказалъ ему: „Помилуйте, князь, неужели вы этимъ бреднямъ даете вѣру? Все это ничто иное, какъ пустыя выдумки".

— „Пустыя выдумки! пустыя выдумки!"—повторялъ съ торжествомъ князь Мосальскій. Онъ вскочилъ съ своихъ креселъ, началъ ходить по комнатѣ, повторяя: „Какой тутъ Sénat dirigeant? И кто слышалъ сказанныя Наполеономъ слова и угрозы? Какъ это можно? Это все выдумки неблагонамѣренныхъ людей, чтобы тревожить и возмущать русскій народъ! Осмѣлится ли Наполеонъ?"

— „Осмѣлится ли Наполеонъ? Вотъ прекрасно",—отвѣчалъ Багратіонъ,—„да вѣдь онъ осмѣлился же шагнуть черезъ Рейнъ, вторгнуться въ чужое государство, съ которымъ былъ въ мирныхъ отношеніяхъ, захватить и разстрѣлять не нашего уже брата, сенатора, а принца крови, герцога Ангенскаго".

Мосальскій начиналъ было успокаиваться замѣчаніями, которыя дѣлались около него: одинъ говорилъ, что въ несчастной судьбѣ герцога замѣшалась политика; другой, — что Наполеонъ жертвою этою хотѣлъ дать Франціи залогъ вѣчной вражды и непримиримости своей съ бурбонами и т. д. И самъ Мосальскій, наконецъ, сознавался, что хотя злодѣйство это не можетъ быть ничѣмъ оправдано, но тутъ былъ поводъ политической особенной важности, а въ этихъ случаяхъ такой злодѣй, какъ Наполеонъ, не колебался ни минуты. Это въ примѣръ ставить нельзя: тамъ была рѣчь о Франціи, а здѣсь о Россіи.

Багратіонъ какъ-будто не могъ видѣть Мосальскаго иначе, какъ въ тревожномъ положеніи духа; посмотря на графа Ростоп-

чина, отвѣчалъ на замѣчанія князя: „Вы говорите, князь, что это въ примѣръ не идетъ... Ну, хорошо, положимъ, что Наполеонъ видѣлъ въ герцогѣ Ангенскомъ опаснаго соперника; я очень люблю, что вы говорите: это не идетъ въ примѣръ... Да развѣ нашъ Чернышевъ имѣлъ какіе-нибудь виды на французскій престолъ? А вамъ, я полагаю, очень извѣстно, что Чернышевъ, подкупивъ въ Парижѣ чиновника главнаго штаба, который доставилъ ему подробные списки французской арміи, удралъ въ Петербургъ орлинымъ полетомъ. Хорошо, что опоздали и что телеграфическая депеша, отправленная для его арестованія, не настигла его въ предѣлахъ Франціи, а то,—какъ вы думаете?—не посмотрѣлъ бы Наполеонъ на прекрасные глаза, отличный станъ императора Александра Павловича и на 800-тысячную нашу армію: Чернышевъ былъ бы разстрѣлянъ вмѣстѣ съ французскимъ чиновникомъ, котораго онъ подкупилъ".

— „Да, нѣтъ въ томъ сомнѣнія, какъ же вы хотите",—возразилъ Приклонскій, обращаясь къ графу Ростопчину,—„чтобы Англія и я, мы признали императоромъ такого мерзавца, каковъ Наполеонъ? Да вы это только такъ говорите, шутите, а думаете также, какъ и всѣ благоразумные и благонамѣренные люди... А каковы стишки, написанные подъ портретомъ Бонапарта! А позвольте спросить у вашего сіятельства, кто ихъ сочинилъ?"

Переходя вдругъ отъ громкаго смѣха въ глубокую задумчивость, графъ Ростопчинъ отвѣчалъ: „Нечего таить, — я ихъ сочинилъ; гдѣ рука, тутъ и голова, но я прошу васъ, Николай Богдановичъ, молчать и меня не выдавать. Я знаю, что его величество, императоръ французовъ, безъ того меня не жалуетъ,—чего добраго, станетъ добираться до имени того, который осмѣлился такъ его поносить, да еще письменно!"

Оживленная, веселая эта вечеринка долго бы еще продолжалась, но графиня, возвратившаяся домой, прислала къ намъ своего Андрюшу сказать, что ожидаетъ насъ къ себѣ на чай.

Часто повторялись у графа Федора Васильевича подобные вечера, но по мѣрѣ, что тучи накоплялись надъ золотыми маковками бѣлокаменной Москвы, большая часть означенныхъ собесѣдниковъ начинала разъѣзжаться въ разныя стороны. Графъ

Ростопчинъ, остававшійся только съ тѣми, которыхъ удерживали въ Москвѣ занимаемыя ими по службѣ должности, долженъ былъ довольствоваться бесѣдами съ Москвою посредствомъ своихъ бюллетеней или, такъ называемыхъ, въ то время афишъ, которыя столь алчно всѣми тогда читались.

Онѣ были написаны языкомъ убѣдительнымъ и для всякаго званія людей понятнымъ, отличались не пышными фразами, не умствованіями, а простотою своею. Слова графа Ростопчина поддерживали духъ и бодрость московскихъ жителей и укрѣпляли ихъ еще болѣе въ любви къ отечеству. Русскій народъ переносилъ терпѣливо всѣ бѣдствія войны и раззоренія, причиняемыя ему непріятельскимъ нашествіемъ, но наглые поступки французовъ противъ православной нашей вѣры, оскверненіе храмовъ христіанскихъ, превращеніе ихъ въ конюшни, возбуждали въ русскомъ народѣ всеобщее негодованіе и ненависть къ безбожному непріятелю.

Можно утвердительно сказать, что развратъ французскаго войска родилъ въ русскомъ народѣ ту непримиримую ненависть и вражду, которыя сдѣлали войну 1812 года столь жестокою и много способствовали къ изгнанію непріятельскихъ полчищъ изъ предѣловъ Россіи.

Воспоминанія В. Н. Воейковой.

Въ изслѣдованіи М. П. Погодина (на основаніи книги М. А. Корфа) о Сперанскомъ встрѣчается лишь одно слово о Воейковѣ: „отъ графа Закревскаго я слышалъ однажды, что въ одно время съ Сперанскимъ, Магницкимъ и Бологовскимъ былъ сосланъ *нѣкто* Воейковъ". Печатая статью Погодина въ „Русскомъ Архивѣ", П. И. Бартеневъ сдѣлалъ такое примѣчаніе: „флигель-адъютантъ, состоявшій при военномъ министрѣ Барклаѣ, Алексѣй Васильевичъ Воейковъ. Ему, какъ слышно по преданію, Государь поручилъ съѣздить къ Сперанскому и взять отъ него обратно планъ будущей кампаніи противъ Наполеона. Подробности намъ неизвѣстны. Преданіе объ участіи Воейкова можетъ быть разъяснено его потомками".

Въ концѣ того же года (1871) въ „Русскомъ Архивѣ" появилась записка Я. К. Грота: „Къ исторіи ссылки Сперанскаго". Въ ней почтенный покойный академикъ свидѣтельствуетъ о своихъ сношеніяхъ съ вдовою Воейкова, племянницею Державина, которой онъ обязанъ былъ многими біографическими свѣдѣніями для VI тома своего академическаго изданія сочиненій нашего лирика. На основаніи разсказовъ Вѣры Николаевны, Я. К. Гротъ сообщаетъ обстоятельства удаленія Воейкова изъ Петербурга и говоритъ о подвигахъ его при командованіи бригадой подъ начальствомъ Невѣровскаго въ 1812 году.

„Кутузовъ отдавалъ ему полную справедливость, тѣмъ болѣе, что считалъ себя ему обязаннымъ". „Главнымъ подвигомъ Вое-

кова,—говоритъ Я. К. Гротъ,—была защита Шевардинскаго редута при Бородинѣ, когда изъ двухъ полковъ, которыми онъ командовалъ, осталось всего 400 человѣкъ; ядра и пули свистѣли вокругъ него, истребляя цѣлые ряды, и только по какому-то чуду ни самъ онъ, ни лошадь его не были ранены.... Чинъ генерала и двѣ шпаги за храбрость, полученныя Воейковымъ во время этой и послѣдующей кампаній за границею, а также и милостивое обращеніе съ нимъ Государя въ Силезіи, не могли примирить Воейкова съ мыслью, что онъ пострадалъ невинно. Какъ скоро походъ окончился взятіемъ Парижа, онъ, даже не побывавъ въ этой такъ называемой всемірной столицѣ, поспѣшилъ въ Россію, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ. Получивъ высшее образованіе, изучая постоянно военное дѣло, онъ теперь стремился въ сельское уединеніе, чтобы посвятить себя практической дѣятельности мыслящаго землевладѣльца".

Передавъ вкратцѣ разсказъ Вѣры Николаевны Воейковой о свиданіи ея мужа съ Сперанскимъ въ Новгородской деревнѣ Великопольѣ въ 1816 году, Я. К. Гротъ такъ заключаетъ свою замѣтку:

„Въ 1824 году Императоръ Александръ былъ мимоѣздомъ въ Тамбовѣ. Воейковъ поспѣшилъ туда, чтобы представиться Государю. Александръ, проходя мимо него, произнесъ только слова: „Что, весело жить въ деревнѣ?" и не пригласилъ его, въ числѣ другихъ высшихъ чиновъ, къ столу своему.—Воейковъ зналъ о тайномъ распоряженіи относительно престолонаслѣдія, и думалъ снова поступить на службу въ царствованіе Николая, но умеръ въ іюнѣ 1825 года, въ с. Расказовѣ, близъ Тамбова, на пути въ свое имѣніе Ольшанку".

Такимъ образомъ Я. К. Гротъ разъяснилъ, кто былъ этотъ *нѣкто* Воейковъ.

У Русскаго царя въ чертогахъ есть палата:
Она не золотомъ, не бархатомъ богата,
Не въ ней алмазъ вѣнца хранится за стекломъ;
Но сверху до низу, во всю длину, кругомъ,
Своею кистію свободной и широкой,
Её разрисовалъ художникъ быстроокій.

Толпою тѣсною художникъ помѣстилъ
Сюда начальниковъ народныхъ нашихъ силъ,

Покрытыхъ славою чудеснаго похода
И вѣчной памятью двѣнадцатаго года.
Нерѣдко медленно межъ ними я брожу,
И на знакомые ихъ образы гляжу,
И, мнится, слышу ихъ воинственные клики.
Изъ нихъ ужъ многихъ нѣтъ; другіе, коихъ лики
Еще такъ молоды на яркомъ полотнѣ,
Уже состарѣлись и никнутъ въ тишинѣ
Главой лавровою.

Такъ воспѣлъ Пушкинъ военную галлерею Зимняго Дворца, гдѣ кистью Дау изображенъ среди другихъ и этотъ *нѣкто* Воейковъ, какъ назвалъ его графъ Закревскій и какъ грубо повторилъ это Погодинъ, хотя ему, какъ историку, подобало знать снабженное портретами увѣнчанныхъ лаврами генераловъ изданіе ген.-лейт. Михайловскаго-Данилевскаго: *Императоръ Александръ I и Его сподвижники въ 1812, 1813, 1814, 1815 годахъ*. Въ этой книгѣ находится на четырехъ страницахъ большого формата (in 4-о) краткая біографія и подробно описаны заслуги и военные подвиги *Алексѣя Васильевича Воейкова*. Въ своей превосходной патріотической статьѣ — „Война и миръ" Авраамъ Сергѣевичъ Норовъ поминаетъ въ геройской фалангѣ генераловъ 1812 года и Воейкова [1]).

Прошедшимъ лѣтомъ я имѣлъ досугъ погрузиться въ семейный Воейковскій-Полѣновскій архивъ. Вслѣдъ за Дарьей Алексѣевной Державиной [2]) передо мною ожилъ Воейковъ. Нашлась его любопытнѣйшая записка о Витгенштейнѣ, его письма съ театра войны, новыя данныя для его біографіи и, что интереснѣе всего, — написанная его вдовою цѣлая статья объ его увольненіи и отношеніи его къ Сперанскому. Этою статьею, здѣсь помѣщаемою, исполняется предреченіе П. И. Бартенева: *„Преданіе объ участіи Воейкова (въ дѣлѣ Сперанскаго) можетъ быть разъяснено его потомками*, или, другими словами, семьею его".

Ив. Хрущовъ.

---

[1]) „Война и миръ (1805—1812 г.) съ исторической точки зрѣнія и по воспоминаніямъ современника". XI вып. изданій Общ. ревнит. рус. ист. просвѣщенія въ память Императора Александра III. Стр. 65.

[2]) „Милена, вторая жена Державина" напечатана въ „Рус. Вѣстн." февр. 1903 г.

Изъ біографіи Алексѣя Васильевича Воейкова.

О Михаилѣ Михаиловичѣ Сперанскомъ.

Теперь много пишутъ и печатаютъ о М. М. Сперанскомъ и, говоря о времени его ссылки, упоминаютъ имя мужа моего, Алексѣя Васильевича Воейкова.

Онъ точно былъ по занятіямъ службы своей, когда работалъ надъ военнымъ уставомъ, близокъ съ М. М. Сперанскимъ, который всегда оказывалъ ему свое расположеніе.

Изъ разсказовъ Алексѣя Васильевича я особенно живо помню, во-первыхъ, о томъ, какъ были сосланы Сперанскій и Магницкій, и, во-вторыхъ, поясненія самого Сперанскаго моему мужу о событіяхъ его ссылки. Въ 1816 г. Сперанскій жилъ въ своей деревнѣ близъ Новгорода, по возвращеніи изъ ссылки и до полученія дозволенія пріѣхать въ Петербургъ. Мужъ мой былъ у него въ деревнѣ проѣздомъ черезъ Новгородъ, гдѣ я оставалась. Возвратясь отъ Сперанскаго, онъ подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ передалъ мнѣ все, что разсказалъ ему Сперанскій, а я сохранила это въ памяти совершенно точно. Но такъ какъ теперь въ печати появляются несовсѣмъ вѣрныя свѣдѣнія объ этомъ происшествіи (ссылкѣ Сперанскаго), а равно неточныя подробности о моемъ мужѣ, то я, сохранившая въ памяти всѣ разсказы его съ точностью, считаю священнымъ для себя долгомъ, въ честь его памяти, написать то, что знаю изъ прямого источника. Постараюсь, насколько съумѣю, передать истину этой таинственной ссылки Сперанскаго и горькую моему сердцу несправедливость той клеветы, которую во время ссылки Сперанскаго распространили о мужѣ моемъ, Алексѣѣ Васильевичѣ Воейковѣ.

Начну съ того, какъ узнали мы о ссылкѣ Сперанскаго. Я была тогда помолвлена за Алексѣя Васильевича Воейкова, и отъ него перваго узнали мы на другое же утро, что отправка Сперанскаго изъ Петербурга состоялась въ минувшую ночь.

Въ февралѣ 1812 года я была помолвлена за Алексѣя Васильевича Воейкова, который былъ тогда флигель-адъютантомъ и

состоялъ при военномъ министрѣ, Михаилѣ Богдановичѣ Барклай-де-Толли, правителемъ секретной военной канцеляріи. Я жила тогда съ моими братьями и сестрами, послѣ кончины матери моей Маріи Алексѣевны Львовой, урожденной Дьяковой, у тетки нашей Дарьи Алексѣевны Державиной, родной сестры моей матери. Мужъ ея Гавріилъ Романовичъ Державинъ, давнишній другъ моего покойнаго отца, былъ нашимъ опекуномъ, и оба они замѣняли намъ отца и мать.

Въ мартѣ мѣсяцѣ женихъ мой, прощаясь вечеромъ съ дядею Гавріиломъ Романовичемъ, говоритъ ему, что онъ приглашенъ на слѣдующій день обѣдать къ Михаилу Леонтьевичу Магницкому, которому прислали дикую козу, и что на этотъ обѣдъ приглашенъ также и Сперанскій. Но я не поѣду — продолжалъ Воейковъ; съ тѣхъ поръ, какъ я женихомъ, я всякій день обѣдаю у васъ съ моей невѣстой, и мнѣ бы не хотѣлось этому измѣнить. На это Гавріилъ Романовичъ сказалъ ему: „зачѣмъ же оставлять своихъ друзей?“ и уговорилъ его ѣхать на обѣдъ. Мы простились съ женихомъ моимъ до послѣзавтрашняго обѣда, такъ какъ Воейковъ, занятый по службѣ у Барклая до трехъ часовъ, къ намъ обыкновенно по утрамъ не пріѣзжалъ. Но на другой день, около часу пополудни, мы очень удивились, когда увидѣли изъ окна кабинета дядюшки, что карета Воейкова быстро подъѣхала къ нашему крыльцу, и онъ вбѣжалъ въ комнату очень разстроенный и объявилъ намъ, что въ эту ночь Сперанскій и Магницкій оба увезены изъ Петербурга съ фельдъ-егерями неизвѣстно куда.

„Я это сейчасъ узналъ отъ Барклая,—продолжалъ Воейковъ,— и сказалъ ему, что теперь же поѣду къ женѣ Магницкаго — Не совѣтую вамъ это дѣлать,—прервалъ меня Барклай, но я ему возразилъ, что не могу поступить по его совѣту и оставить жену моего хорошаго знакомаго, не провѣдать ее въ такую тяжелую для нея минуту. Тотчасъ же я къ ней и поѣхалъ. Она, увидя меня, вскрикнула отъ удивленія: Какъ, вы здѣсь? А мнѣ мужъ мой сказалъ, что и васъ тоже увезли“.....

„Отъ нея прямо я пріѣхалъ къ вамъ, но долженъ тотчасъ же ѣхать къ Барклаю, чтобъ узнать, что̀ значатъ слова, сказанныя мнѣ Магницкою; ими я столько же встревоженъ, сколько и удивленъ“. Тогда мой женихъ простился со мною съ большою грустью, не зная, что̀ ему предстоитъ, и поѣхалъ къ Барклаю. Барклай ѣхалъ съ докладомъ къ Государю. Воейковъ просилъ его принять участіе въ этомъ дѣлѣ и узнать что могло подать поводъ къ слуху о томъ, что и онъ, Воейковъ, сосланъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ и Магницкимъ? Дождавшись возвращенія Барклая отъ Государя, Воейковъ узналъ отъ военнаго министра, что, съ сохраненіемъ званія флигель-адъютанта, онъ назначенъ командовать бригадою 27 дивизіи, которая, подъ начальствомъ Невѣровскаго, находилась въ окрестностяхъ Москвы, и удаленъ отъ занимаемой имъ теперь должности. Оскорбленный этимъ удаленіемъ, Воейковъ спросилъ у Барклая: „почему же такая ко мнѣ немилость отъ Государя?“ „Его Величество,—сказалъ Барклай,—спросилъ у меня: доволенъ ли я вами по службѣ? Я отвѣчалъ, что съ тѣхъ поръ, какъ вы женихомъ, то стали менѣе заниматься дѣлами. Слѣдовательно,—возразилъ на это Государь,—надобно его удалить!“—„А вы за меня не вступились?“—спросилъ Воейковъ у Барклая. „Если бы я заступился за васъ — отвѣчалъ Барклай, — то, можетъ быть, и я лишился бы своего мѣста. Впрочемъ—продолжалъ Барклай—никто изъ полковниковъ не командуетъ бригадою. Ваше назначеніе есть награда“. „Я не просилъ этой награды—сказалъ Воейковъ—и вижу ясно въ удаленіи отъ занимаемой мною должности немилость и то, что я лишился довѣрія Государя“.

Работая, по порученію Барклая, надъ составленіемъ военнаго устава, Воейковъ часто видался съ Сперанскимъ, къ которому Барклай посылалъ его съ разными порученіями. Сперанскій цѣнилъ Воейкова, уважалъ его дарованія и говорилъ, что у него славная военная голова—и однажды передалъ Воейкову, что Государь, говоря о военномъ уставѣ, въ присутствіи Сперанскаго, сказалъ про Воейкова, обращаясь къ Аракчееву: „это нашъ будущій военный министръ“. Вмѣстѣ съ Воейковымъ надъ этимъ же военнымъ уставомъ работалъ Магницкій; поэтому общія занятія сблизили Воейкова съ Магницкимъ, съ которымъ онъ послѣ университетскаго пансіона не видался. Такъ какъ по занятіямъ службы Воейковъ и Магницкій работали вмѣстѣ, и оба часто видали Сперанскаго, то стали говорить, что Воейковъ съ ними за одно.

Перемѣна по службѣ была предметомъ многихъ толковъ и клеветъ. Отвѣтъ Барклая Государю былъ для Воейкова совершенно загадоченъ, потому что, несмотря на свою помолвку, онъ продолжалъ попрежнему свои занятія по службѣ съ тѣмъ же усердіемъ. Онъ замѣчалъ однако и даже говорилъ мнѣ вскорѣ послѣ нашей помолвки, что съ тѣхъ поръ, какъ онъ женихомъ, Барклай сталъ съ нимъ холоднѣе. Воейковъ приписывалъ это тому, что жена Барклая намѣревалась выдать за него замужъ одну изъ своихъ племянницъ, которая къ нему была неравнодушна. Узнавъ, что онъ уже помолвленъ съ другою, Елена Ивановна спросила у него холодно: „а ваша невѣста богата?" Онъ отвѣчалъ, что нѣтъ. „Какъ же вы мнѣ всегда говорили, что, желая продолжать службу, вы иначе не можете жениться, какъ на богатой?"

Искренно уважая Барклая и зная его хорошее къ себѣ расположеніе, Воейковъ никакъ не хотѣлъ думать, что семейныя отношенія повредятъ ему по службѣ. При этихъ же обстоятельствахъ неожиданность холодности Барклая къ нему и совершенное незнаніе, почему Барклай такъ о немъ отозвался Государю, поразили Воейкова до такой степени, что, чувствуя себя совершенно правымъ, онъ уже не могъ служить съ тѣмъ рвеніемъ, какъ прежде, и охладѣлъ не только къ своему начальнику, но даже къ военной службѣ. А военную службу онъ любилъ и всегда говаривалъ мнѣ: „я уже военную службу никогда не оставлю, развѣ она меня оставитъ, когда состарѣюсь". Утративъ довѣріе Государя, который былъ къ нему прежде такъ милостивъ, и признавая въ паденіи Сперанскаго торжество злобы и клеветы, Воейковъ рѣшительно задумалъ выйти въ отставку. Въ это время уже готовилась война съ французами, и любовь къ отечеству взяла верхъ надъ чувствомъ оскорбленнаго самолюбія. Воейковъ рѣшился продолжать службу, признавая безчестнымъ въ военное время выдти въ отставку.

Откланявшись Государю, который ничего не сказалъ ему милостиваго при прощаньѣ, Воейковъ поѣхалъ въ Москву, въ окрестностяхъ которой стояла дивизія Невѣровскаго и та бригада, которою онъ назначенъ былъ командовать. Отецъ его жилъ тогда въ Москвѣ. Не имѣя отъ сына прямыхъ извѣстій, и слыша все то, что о немъ говорили, старикъ при свиданіи съ сыномъ

вскрикнулъ: „какъ, ты возвращенъ? что съ тобой было?" Послѣ отъѣзда Воейкова изъ Петербурга слухи о его удаленіи и немилости къ нему Государя не прекращались вмѣстѣ съ клеветой.

Разсказывали, что будто бы Воейковъ передалъ планъ расположенія нашего войска и другія значительныя и тайныя бумаги изъ военной канцеляріи въ руки непріятеля черезъ французскаго посланника.

Тетушка моя Державина, смущенная всѣми этими слухами, просила Гавріила Романовича (своего мужа) узнать, что значатъ всѣ эти толки, и такъ какъ ея племянница—невѣста Воейкова, то можетъ ли она отдать ее замужъ за человѣка, который не въ милости у Государя. Въ это время Балашевъ былъ въ большой силѣ, и Гавріилъ Романовичъ обратился къ нему съ просьбой доложить Государю, что племянница его жены—невѣста Воейкова, о которомъ говорятъ столько дурного, почему онъ желалъ бы знать, точно ли Воейковъ находится подъ гнѣвомъ Царя, и можетъ ли онъ рѣшиться выдать за него замужъ племянницу.

Нѣсколько дней спустя Балашевъ сообщилъ Гавріилу Романовичу отвѣтъ Государя, что онъ не входитъ въ семейныя дѣла, но что, давъ Воейкову бригаду, когда онъ еще въ чинѣ полковника, Государь оказалъ ему отличіе, потому что бригадою командуютъ только генералы.

Этотъ отвѣтъ Государя совершенно успокоилъ тетушку; онъ доказывалъ, что Государь не признавалъ Воейкова виновнымъ. Меня также въ тяжелой разлукѣ съ моимъ женихомъ много утѣшило то, что будущая судьба моя перестала тревожить моихъ близкихъ. Тутъ насталъ памятный 12-й годъ. Я пропускаю всѣ событія этой войны, въ которой съ такимъ отличіемъ и такъ дѣятельно участвовалъ мой мужъ... Теперь желаю только передать все то, что слышала отъ мужа моего касательно удаленія Сперанскаго. Поэтому перехожу прямо къ тому времени, когда Наполеонъ и французы уже были выгнаны изъ Россіи и когда Воейковъ въ первый разъ свидѣлся съ Сперанскимъ, по возвращеніи сего послѣдняго изъ ссылки.

Мы ѣхали, мужъ мой и я, въ наше Тамбовское имѣніе. Это было въ сентябрѣ 1816 года. Сперанскій жилъ тогда въ своемъ

Новгородскомъ имѣніи Великопольѣ и не имѣлъ еще права въѣхать въ Петербургъ. Мы остановились въ Новгородѣ только для того, что мужъ мой желалъ повидаться съ Сперанскимъ. Я осталась въ Новгородѣ, а онъ немедленно поѣхалъ къ нему въ Великополье. Мнѣ было пріятно видѣть всю откровенность и дружбу Сперанскаго къ моему мужу. Тоже и я оцѣнила его вниманіе, когда онъ мнѣ прислалъ свѣжей малины (въ чашкѣ) изъ своего сада, которую онъ самъ собралъ, и при томъ сказалъ: „передайте эти ягоды вашей женѣ". Въ сентябрѣ очень рѣдко можно имѣть свѣжую малину.—Послѣ радостной встрѣчи, Воейковъ прежде всего спросилъ у Сперанскаго, какъ могъ онъ быть удовлетворенъ словами, сказанными въ рескриптѣ, а именно: „что, по пересмотрѣ поступковъ Сперанскаго, къ подозрѣніямъ не найдено убѣдительныхъ причинъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ему дается способъ усердною службою вполнѣ очистить себя". Этимъ рескриптомъ Сперанскій назначался Пензенскимъ губернаторомъ. „Я бы на вашемъ мѣстѣ—продолжалъ Воейковъ—чувствуя себя совершенно правымъ, спросилъ: въ чемъ же усердною службою долженъ я себя оправдать, когда я ни въ чемъ не виноватъ?"—„А я точно виноватъ передъ Государемъ—сказалъ Сперанскій—и разскажу вамъ подробно всѣ обстоятельства этого событія. Въ концѣ октября 1811 года ко мнѣ нѣсколько разъ сряду пріѣзжалъ Магницкій упрашивать меня позволить Балашеву вмѣстѣ съ Армфельдомъ пріѣхать ко мнѣ, хоть на самое короткое время, прося при этомъ назначить день, когда я могу ихъ принять. Всякій разъ, какъ мнѣ говорилъ объ этомъ Магницкій, я отказывалъ ему наотрѣзъ, не находя никакой нужды принимать у себя этихъ господъ. — Но послѣ многихъ моихъ отказовъ Магницкій, наконецъ, упросилъ меня принять ихъ. „Избавь ты меня—говорилъ мнѣ Магницкій—отъ ежедневныхъ посѣщеній Балашева и Армфельда. Ну, что тебѣ стоитъ принятъ ихъ, хоть на самое короткое время, и этимъ отдѣлаться отъ нихъ навсегда". Я имѣлъ неосторожность согласиться на это свиданіе. Въ назначенный мною день и часъ оба они ко мнѣ пріѣхали и тутъ пояснили мнѣ, по какой причинѣ такъ желали меня видѣть. „Всѣ доклады идутъ Государю черезъ васъ, сказалъ мнѣ Балашевъ, но дѣла, которыя касаются до вѣдомства, мнѣ ввѣреннаго, равно какъ

вѣдомства графа, намъ самимъ болѣе извѣстны, чѣмъ вамъ. И вотъ мы желали-бы имѣть отъ васъ позволеніе пріѣзжать къ вамъ до каждаго доклада Государю, чтобъ обсудить дѣло предварительно, и тогда вы могли бы его доложить Государю уже въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его обсудимъ". „Перестаньте, что вы говорите! сказалъ я Балашеву. Оставьте все это; вы не знаете Государя. Прошу васъ, чтобы этотъ разговоръ канулъ въ воду на вѣкъ, чтобы не было объ этомъ помину ни отъ васъ, ни отъ меня. Ручаюсь съ своей стороны, что я забылъ все сказанное вами". На этомъ мы разстались.

— „Когда пріѣхалъ ко мнѣ Магницкій, и я передалъ ему все то, что мнѣ сказалъ Балашевъ, онъ рѣшительно совѣтовалъ мнѣ немедленно доложить объ этомъ предложеніи Государю. И, какой вздоръ! возразилъ я ему—стану ли я передавать Государю такія пустыя вещи; это была бы съ моей стороны подлая интрига".

— „Я продолжалъ заниматься съ Государемъ по прежнему, и часто по окончаніи доклада Государь оставлялъ меня въ своемъ кабинетѣ, долго разговаривая со мной о вещахъ постороннихъ, а иногда и о дѣлахъ, — всегда съ особеннымъ милостивымъ ко мнѣ расположеніемъ".

„Повтореніе особаго милостиваго обращенія при каждомъ докладѣ иногда даже удивляло меня. Но во всемъ этомъ я ничего другого не видѣлъ, какъ только знакъ довѣрія Государя. До марта мѣсяца дѣла шли своихъ обычнымъ порядкомъ. Одинъ разъ, около половины марта мѣсяца, послѣ окончанія доклада, Государь обратился ко мнѣ съ такимъ вопросомъ: „Скажи мнѣ, почему ты вздумалъ сдѣлать предложеніе Балашеву и Армфельду пріѣзжать къ тебѣ прежде каждаго доклада и уже по обсужденіи доводить дѣло до моего свѣдѣнія?"—О, какая неправда, и какая низость и клевета! вскричалъ я. Они, Государь предлагали мнѣ это. Я съ негодованіемъ отвергъ ихъ предложеніе, и отослалъ ихъ отъ себя.—„Вѣрю—сказалъ Государь — положимъ, что это такъ и было, но какъ же въ то самое время ты меня не предупредилъ и не разсказалъ мнѣ о ихъ намѣреніяхъ?" Я находилъ, Государь, что это была бы подлая интрига съ моей стороны утруждать васъ такимъ без-

смысленнымъ дѣломъ; я ихъ прогналъ и сказалъ имъ, чтобы объ этомъ никогда и рѣчи не было“.

— „Но мнѣ ты долженъ былъ все это тотчасъ же передать. Вѣдь это былъ бы тріумвиратъ—прибавилъ Государь, — и въ то самое время, когда я думаю ѣхать въ армію и оставляю дѣла на твое попеченіе!“—„Я съ октября мѣсяца—продолжалъ Государь—ожидаю отъ тебя откровеннаго разсказа объ этомъ событіи. Послѣ каждаго доклада я долго оставлялъ тебя бесѣдовать со мною, полагая, что ты самъ начнешь говорить объ этомъ. И вотъ болѣе четырехъ мѣсяцевъ, что ты мнѣ ни одного слова не сказалъ. Какъ могъ ты это сдѣлать?—продолжалъ Государь съ горестью. „Ты знаешь, какое я къ тебѣ имѣлъ полное довѣріе, какъ я тебя любилъ. Какъ могъ ты не передать мнѣ столь важное обстоятельство; я этого отъ тебя никакъ не ожидалъ“. Виноватъ, Государь!—сказалъ я, тронутый его словами. „И виноватъ безъ оправданія—продолжалъ Государь.—Грустно мнѣ и тяжело, что я въ тебѣ ошибся. Теперь не могу болѣе имѣть къ тебѣ никакого довѣрія“. — Безъ вашего довѣрія, Государь — спросилъ я — могу ли продолжать служить? „Ты удаленъ—отвѣчалъ Государь—я уже сдѣлалъ мои распоряженія“.—Что же будетъ съ моею дочерью?—воскликнулъ я съ горестнымъ чувствомъ.—„Я о ней подумалъ,—возразилъ Государь;—ты можешь быть спокоенъ, я ее не оставлю“.—Тутъ Государь всталъ, обнялъ меня, чтобы со мной проститься и, обнимая, сказалъ со слезами: „Какъ ты меня огорчилъ! какъ тяжело мнѣ видѣть не то, чего я отъ тебя ожидалъ. Я такъ былъ увѣренъ въ твоей преданности!“

— „Тутъ онъ опять обнялъ меня, поцѣловалъ, и я чувствовалъ его слезы.—Я самъ былъ тронутъ до глубины души. Тяжело мнѣ было видѣть, какъ сильно я разстроилъ и огорчилъ Государя, который, удаляя меня, все-таки оказывалъ мнѣ милостивое вниманіе“.

— „Я пріѣхалъ домой отъ Государя уже поздно вечеромъ и нашелъ у себя Балашева, который въ моемъ кабинетѣ опечатывалъ всѣ мои бумаги. Онъ тутъ объявилъ мнѣ, что я сосланъ и долженъ выѣхать черезъ два часа изъ Петербурга по именному повелѣнію. Я спросилъ у него, не можетъ ли онъ еще на нѣсколько часовъ отложить мой отъѣздъ? На это онъ отвѣчалъ, что никакъ не можетъ это разрѣшить мнѣ. Тогда я рѣшился написать Государю, прося у него этой послѣдней милости, чтобы имѣть время хотя что-нибудь устроить для моей дочери и приготовить ее къ нашей разлукѣ. Государь прислалъ позволеніе“.

— „Прощанье мое съ дочерью было ужасно для насъ обоихъ. Она спала, когда я пріѣхалъ домой отъ Государя; ее разбудили, и она всѣ послѣдніе часы ночи пробыла со мной“.

— „Когда я поѣхалъ, я не зналъ, куда меня везутъ. При мнѣ былъ частный приставъ, который только на дорогѣ сказалъ мнѣ, что я сосланъ въ Нижній-Новгородъ. Узналъ я, уже гораздо позже, что Государь не забылъ моей дочери и назначилъ ей на содержаніе и воспитаніе по 12/т. въ годъ“.

Таковъ былъ разсказъ М. М. Сперанскаго, и мужъ мой, возвратясь изъ его деревни ко мнѣ, въ Новгородъ, подъ первымъ сильнымъ впечатлѣніемъ того, что слышалъ, передалъ мнѣ подробно все, что я и написала. Все происшествіе это было близко моему сердцу; въ него былъ замѣшанъ мужъ мой, и разсказъ Сперанскаго, переданный мнѣ тогда, на вѣкъ сохранился въ моей памяти. Этотъ дружескій и откровенный разсказъ самого Сперанскаго о его ссылкѣ многое пояснилъ моему мужу изъ того, что было для него такъ непонятно при его удаленіи изъ Петербурга. „Вотъ почему“—сказалъ мнѣ тогда же Алексѣй Васильевичъ,—„Барклай такъ испугался при ссылкѣ Сперанскаго и не защитилъ меня передъ Государемъ; онъ самъ часто посылалъ меня къ Сперанскому съ разными порученіями по дѣламъ службы и потому побоялся и для себя клеветы со стороны Балашева“.

Изъ разсказа Сперанскаго ясно, что Магницкій пострадалъ вмѣстѣ со Сперанскимъ потому именно, что Балашевъ и Армфельдтъ не черезъ кого другого, а черезъ него, Магницкаго, устроили свое свиданіе со Сперанскимъ. Доложивъ Государю свою клевету на Сперанскаго, Балашовъ и Армфельдтъ назвали Магницкаго и обвинили его въ томъ, что онъ нѣсколько разъ пріѣзжалъ къ нимъ отъ Сперанскаго, чтобы уговорить ихъ устроить свиданіе съ нимъ и назначить самый день совѣщанія. Я помню: мужъ говорилъ мнѣ: „Я удивляюсь, отчего именно пострадалъ одинъ Магницкій? многіе были еще и ближе къ Сперанскому, чѣмъ онъ—напримѣръ Жерве.

А меня тутъ примѣшали къ Магницкому только потому, что я вмѣстѣ съ нимъ работалъ надъ военнымъ уставомъ у Сперанскаго".

Много лѣтъ спустя, послѣ кончины моего мужа, въ 1854 году, я встрѣтилась у моего двоюроднаго брата, Ивана Васильевича Капниста, съ Десангленомъ, который, узнавъ, что я Воейкова и вдова, именно того, кто былъ флигель-адъютантомъ при Государѣ Александрѣ Павловичѣ, заговорилъ со мною о времени ссылки Сперанскаго, при чемъ сказалъ, что именно онъ былъ посланъ Балашевымъ, при которомъ служилъ, къ Магницкому, чтобъ опечатать его кабинетъ и бумаги, тогда такъ для этого дѣянія Балашевъ поѣхалъ самъ къ Сперанскому. Десангленъ тутъ же узналъ, что и Воейковъ замѣшанъ Балашевымъ въ эту исторію. Я поняла тогда, почему жена Магницкаго, увидавъ Алексѣя Васильевича на другой день ссылки ея мужа, такъ удивилась, что онъ оставленъ въ Петербургѣ.

Десангленъ мнѣ подтвердилъ, что паденіе Сперанскаго было слѣдствіемъ интриги Балашева.

„— Когда я, запечатавъ кабинетъ Магницкаго, говорилъ Десангленъ, — пріѣхалъ къ Сперанскому, то въ его кабинетѣ еще засталъ Балашева, который видимо былъ смущенъ тѣмъ, что Государь и въ эти послѣднія минуты былъ милостивъ къ Сперанскому, хотя его и удалялъ.

„— Вашъ мужъ былъ тоже замѣшанъ въ исторію Сперанскаго рѣшительно Балашевымъ,—повторялъ мнѣ Десангленъ. — Вотъ что̀ я знаю объ этомъ: Балашевъ распустилъ слухъ, что будто бы флигель-адъютантъ Воейковъ послалъ изъ военной секретной канцеляріи бумаги и планы, относящіеся до расположенія нашихъ войскъ, къ Елизаветѣ Михайловнѣ Хитровой (дочери Кутузова), у которой онъ часто бывалъ, чтобы она передала ихъ по дружбѣ Наполеоновскому французскому посланнику. Балашевъ разсказывалъ, что узнавъ объ этомъ заранѣе, онъ послалъ перехватить бумаги у того казака, который везъ отъ Воейкова къ Хитровой, и что это было исполнено, и бумаги были привезены къ Балашеву".— Но все это былъ чистый вымыселъ Балашева. У Воейкова никакихъ изъ канцеляріи бумагъ не пропадало, а Балашевъ самъ послалъ казака—съ какими бумагами неизвѣстно,— и велѣлъ эти бумаги перехватить и къ себѣ привезти; а потомъ самъ распространилъ молву въ обществѣ, конечно съ разными прибавленіями, о томъ, что у Воейкова пропали важныя бумаги и планъ изъ военной канцеляріи. Этими словами Десангленъ пояснилъ мнѣ ту молву, которую въ то время слышалъ и мой мужъ. Я помню, что онъ мнѣ сказалъ: „Вообрази, говорятъ, что я получилъ милліонъ отъ Наполеона, передавъ ему какой-то планъ".—Вымыселъ Балашева и самую ненависть его къ Воейкову я могу себѣ объяснить только тѣмъ, что точно Государь былъ необыкновенно милостивъ къ своему флигель-адъютанту, и что Сперанскій, видя, по работѣ Воейкова, его даровитость, часто выставлялъ его трудъ передъ Государемъ. Балашевъ воспользовался опалой Сперанскаго, чтобы и Воейкова отдалить отъ Государя.

Послѣ всего, что разсказалъ мнѣ Десангленъ, я передала ему разговоръ Сперанскаго съ моимъ мужемъ въ Новгородской деревнѣ въ 1816 году. Это было совершенно ново для Десанглена, который слушалъ меня съ большимъ вниманіемъ и, какъ видно, впослѣдствіи передалъ эти свѣдѣнія М. П. Погодину. Но такъ какъ и мой разсказъ Десанглену не былъ такъ подробенъ, какъ то, что теперь я пишу, и къ тому же былъ переданъ Погодину позднѣе, то и вкрались неточности, и неточности эти и вошли въ статью „Сперанскій", посвященную барону Модесту Андреевичу Корфу (Русскій архивъ 1871 года № 7 и № 8).

То, что̀ я разсказала Десанглену, было для него совершенно ново, а его разсказъ доказалъ мнѣ, что въ откровенномъ разговорѣ М. М. Сперанскаго съ моимъ мужемъ была самая истина. Десангленъ, заставъ еще Балашева въ кабинетѣ Сперанскаго, нашелъ, что Балашевъ былъ чрезвычайно смущенъ тѣмъ (думалъ Десангленъ), что Государь, позволяя Сперанскому отсрочить отъѣздъ, показалъ ему свое милостивое вниманіе. — Я же полагаю, что смущеніе Балашева происходило отъ другой причины. Балашевъ узналъ, что Сперанскій имѣлъ свиданіе съ Государемъ и боялся, что Сперанскій выяснилъ все дѣло Государю. Доказательствомъ моему предположенію служитъ то, что съ этого времени Балашевъ не былъ уже въ такой милости у Государя и впослѣдствіи изъ Петербурга, изъ должности министра полиціи и генерала губер-

натора удаленъ былъ въ Рязань съ назначеніемъ тамъ генералъ-губернаторомъ. Пояснилъ мнѣ Десангленъ и всю интригу Балашева противъ моего мужа. Особенно ново было для меня слышать отъ чиновника, служившаго у Балашева, что онъ навѣрное зналъ, что казакъ былъ посланъ Балашевымъ съ мнимымъ планомъ къ Хитровой, большой пріятельницѣ французскаго посланника, и что самъ Балашевъ приказалъ перехватить этотъ планъ, а затѣмъ распустилъ объ этомъ событіи молву. Балашеву было удобно это сдѣлать, говорилъ мнѣ Десангленъ, такъ какъ самъ онъ привелъ все это въ дѣйствіе и къ нему же обратно все это и вернулось.

Молву же таинственную и неясную онъ распространилъ между людьми близкими тогда къ Государю.

Но по слѣдствіямъ видно, что Государь всей этой интригѣ Балашева не повѣрилъ.

Погодинъ приводитъ слова Государя, сказанныя князю Голицыну на другой день ссылки Сперанскаго („Русскій Архивъ 1871 г., № 7 и 8, страница 1157). „У меня отняли правую руку", говорилъ Государь о Сперанскомъ. „Я принесъ жертву; онъ не измѣнникъ". Это доказываетъ всю справедливость словъ Сперанскаго въ разсказѣ моему мужу о прощаніи съ Государемъ. Самъ Сперанскій былъ глубоко тронутъ при прощаніи съ Государемъ и рѣшился сказать, что онъ виноватъ въ томъ, что такъ огорчилъ Государя.

Погодинъ упоминаетъ еще въ „Русскомъ Архивѣ" (1871 г., № 7 и 8, страница 1159), что онъ слышалъ отъ графа Закревскаго, что вмѣстѣ съ Сперанскимъ былъ сосланъ Воейковъ. Это уже совершенная неправда.

Воейковъ Алексѣй Васильевичъ, флигель-адъютантъ Государя Александра Павловича, никогда не былъ сосланъ. Ему въ это время была дана бригада въ дивизіи Невѣровскаго, къ которой Воейковъ изъ Петербурга и отправился въ Москву до Пасхи 1812 года.

Тутъ надобно помѣстить то, что́ сказалъ П. И. Бартеневъ въ своемъ примѣчаніи въ статьѣ Погодина („Русскій Архивъ" 1871 года, № 7 и 8, страница 1159). Дѣлая поясненіе о Воейковѣ, Бартеневъ прибавилъ: „подробности намъ неизвѣстны; онѣ можетъ быть разъяснятся потомками Воейкова".

Эти послѣднія слова даютъ мнѣ право разсказать все, что́ я знаю объ этомъ дѣлѣ, которое такъ подробно было мнѣ извѣстно. Никогда никакого плана Государь не поручалъ Воейкову взять обратно у Сперанскаго. Эти слухи, которые передаетъ П. И. Бартеневъ, подтверждаютъ лишь клевету про Воейкова, которую Балашевъ пустилъ въ ходъ о планѣ и бумагахъ изъ военной канцеляріи. Надобно также пояснить, почему графъ Закревскій такую неправду разсказалъ Погодину о ссылкѣ Воейкова. Закревскій сохранилъ чувство непріязни и мести къ Воейкову съ давняго времени. Переношусь къ 1809 году, когда Воейковъ былъ посланъ Государемъ Александромъ Павловичемъ въ Молдавію къ умирающему графу Каменскому, главнокомандующему арміею.

Закревскій былъ тогда адъютантомъ графа Каменскаго и управлялъ всѣмъ его домомъ.

Государь, посылая Воейкова къ графу Каменскому, сказалъ ему, что послѣднія извѣстія о графѣ Каменскомъ очень горестны.

— „Если ты его уже не застанешь въ живыхъ—Боже мой, какая потеря будетъ для Россіи, — тутъ закрылъ глаза, полные слезъ,—тогда надобно будетъ назначить ему преемника. Узнай, къ кому графъ имѣлъ наиболѣе довѣрія, и кого бы онъ самъ выбралъ: Ланжерона или Кутузова? Узнай это все, какъ можно обстоятельнѣе. Если же онъ живъ и въ состояніи, хотя въ слабости, съ тобой говорить объ дѣлахъ, то постарайся узнать отъ него самого, къ кому онъ болѣе расположенъ".

— „Вотъ бланкъ, мною подписанный. Послѣ всѣхъ собранныхъ свѣдѣній, въ случаѣ кончины графа Каменскаго, ты долженъ назначить того главнокомандующимъ арміей, кто будетъ болѣе достоинъ по мысли Каменскаго".

Съ такимъ порученіемъ Воейковъ пріѣхалъ въ Молдавскую армію, засталъ Каменскаго еще въ живыхъ, но не могъ быть принятъ графомъ, который находился безъ сознанія.

Былъ консиліумъ, и доктора сказали, что еще есть средство возвратить его къ жизни, а именно, сдѣлать ему ванну съ мадерой, но что это средство рискованное, и ежели будутъ дурныя послѣдствія, то скажутъ, что они его этой ванной уморили. Они говорили по-нѣмецки.

Услыхавъ это сужденіе, Воейковъ подошелъ къ докторамъ. „Вы мнѣ говорили, что на жизнь графа нѣтъ болѣе никакой надежды,—сказалъ онъ,—теперь вы находите, что есть еще средство продлить его жизнь. Не медлите его употребить. Что же могутъ объ васъ сказать? Господа,—прибавилъ онъ, обращаясь къ толпѣ военныхъ, которые находились тутъ,—доктора совѣтуютъ сдѣлать для больного ванну съ мадерой; надобно немедленно выполнить предписаніе докторовъ". Тутъ надобно было видѣть, съ какою поспѣшностью и любовью всѣ бросились исполнять приказанія докторовъ. Ванна, вода холодная и горячая, мадера—все было принесено въ скоромъ времени. На простыняхъ спустили въ ванну больного, и минутъ черезъ десять онъ пришелъ въ полное сознаніе. Дайте мнѣ чаю,—сказалъ графъ Каменскій, и когда его вынули изъ ванны, то онъ выпилъ чаю.

Воейковъ еще боялся подойти къ больному и просилъ, чтобы его приготовили къ тому, что пріѣхалъ отъ Государя флигель-адъютантъ и привезъ ему знаки отличія.

Когда графъ Каменскій самъ пожелалъ его видѣть, то Воейковъ явился къ нему и сказалъ, что онъ сейчасъ писалъ Государю, что графу стало гораздо лучше — и тутъ же поднесъ ему отъ Государя знаки ордена I-ой степени Св. Георгія (какъ мнѣ помнится).

Послѣ этого Воейковъ поспѣшилъ удалиться, чтобы оставить больного въ полномъ спокойствіи. Графъ Каменскій скоро спокойно заснулъ и проснулся съ большими силами. Тогда доктора потребовали, чтобы онъ переѣхалъ изъ Бухареста, какъ мнѣ помнится, въ другой городъ, гдѣ мѣстность была здоровѣе. Но этотъ переѣздъ сильно утомилъ Каменскаго, и онъ почувствовалъ, что умираетъ— и вскорѣ скончался.

Тогда Воейковъ употребилъ всѣ средства, чтобы узнать, къ кому изъ двухъ назначенныхъ Государемъ генераловъ Каменскій имѣлъ наиболѣе довѣрія.

Собравъ также общіе отзывы, которые всѣ были въ пользу Кутузова, Воейковъ передалъ ему подписанное Государемъ назначеніе его, по смерти Каменскаго, главнокомандующимъ Молдавскою арміею.

Во все время болѣзни и по смерти графа Каменскаго, всѣми хозяйственными дѣлами распоряжался въ его домѣ Закревскій, бывшій его адъютантомъ. Онъ сильно заискивалъ вниманія Воейкова и, по кончинѣ графа, передъ отъѣздомъ въ Петербургъ Воейкова, даже просилъ его ходатайствовать за него передъ Государемъ, разсказать, какъ онъ былъ любимъ покойнымъ графомъ и съ какою преданностью онъ ему служилъ. „Я надѣюсь, продолжалъ Закревскій, что послѣ того, что вы здѣсь видѣли и что передадите Государю, онъ удостоитъ меня быть его флигель-адъютантомъ. Прошу васъ исходатайствовать мнѣ эту милость".

— „Я все, что видѣлъ, передамъ Государю и также разскажу, что графъ Каменскій, передъ смертію, высказалъ при всѣхъ насъ желаніе свое, чтобъ его родной братъ передалъ вамъ изъ родового имѣнія принадлежащія ему 200 душъ".

„Изъ этого Государь, конечно, увидитъ, какъ графъ вамъ благоволилъ".

Вслѣдъ за Воейковымъ пріѣхалъ и Закревскій въ Петербургъ, но не былъ назначенъ флигель-адъютантомъ. Съ тѣхъ поръ онъ возненавидѣлъ Воейкова, полагая, что онъ не довольно лестный представилъ о немъ отзывъ Государю и съ тѣхъ поръ старался при всякомъ случаѣ мстить Воейкову. Поэтому Закревскій, желая его очернить, и сказалъ Погодину, что Воейковъ вмѣстѣ съ Сперанскимъ былъ сосланъ.

Но этого никогда не было и есть сущая выдумка.

Другой случай мести Закревскаго былъ еще при жизни моего мужа, когда онъ уже былъ въ отставкѣ и мы жили въ тамбовскомъ нашемъ имѣніи, въ селѣ Ольшанкѣ. Закревскій по службѣ занималъ значительное мѣсто въ Петербургѣ, какъ мнѣ помнится, дежурнаго генерала Главнаго Штаба.

Неожиданно въ деревню къ намъ пріѣзжаетъ тамбовскій губернаторъ Александръ Мих. Безобразовъ. Онъ былъ родственникъ моего мужа. Съ озабоченнымъ видомъ онъ беретъ Алексѣя Васильевича въ сторону и говоритъ ему: „я нарочно пріѣхалъ самъ, чтобы сообщить тебѣ бумагу, полученную мною изъ Главнаго Штаба отъ Закревскаго; она очень непріятнаго содержанія и надобно вмѣстѣ подумать, что тутъ дѣлать". Алексѣй Васильевичъ взялъ

бумагу, прочиталъ ее и засмѣялся. „Это до меня не касается. Я никогда не командовалъ Капорскимъ полкомъ. Закревскій долженъ бы прежде посмотрѣть мой формулярный списокъ, который у него въ штабѣ находится—тамъ онъ увидѣлъ бы, гдѣ я проходилъ службу и узналъ бы, гдѣ находится мое имѣніе. А какъ онъ такъ обстоятельно узналъ имѣніе моей жены, въ которомъ я теперь живу, это удивительно".

— „Успокойся,—сказалъ онъ Безобразову,—это болѣе ничего не значитъ, какъ то, что Закревскій, не разсмотрѣвъ обстоятельно, обрадовался, что имѣетъ случай сдѣлать мнѣ зло. Онъ вѣроятно узналъ со стороны о мѣстѣ моего жительства".

Въ бумагѣ же, которая такъ встревожила Безобразова, было написано, что Воейковъ, командуя Капорскимъ полкомъ, уѣхалъ безъ сдачи полка, оставя оный 15-го числа іюня 1812 года,—и что на Воейковѣ состоитъ взысканіе въ 17,721; вслѣдствіе чего приказано означенныя деньги взыскать безъ всякихъ отговорокъ и доставить ихъ въ департаментъ главнаго штаба для отсылки по принадлежности въ Капорскій полкъ. А жительство генералъ-маіора Воейкова означено было въ бумагѣ: Тамбовской губерніи, Борисоглѣбскаго уѣзда въ сельцѣ Ольшанкѣ, подпись: С.-Петербургъ, 1-го сентября 1817 года, и подписано: дежурный генералъ Закревскій. Воейковъ немедленно отвѣчалъ на эту бумагу и пояснилъ Закревскому недоразумѣніе и его ошибку, чѣмъ дѣло и кончилось. Безобразовъ уѣхалъ совершенно спокойнымъ.

Я объ этомъ обстоятельствѣ оттого упоминаю, что прочитавъ въ статьѣ Погодина (Русскій Архивъ 1871 года № 7 и 8 страница 1159) то, что онъ слышалъ отъ Закревскаго о Воейковѣ, я хотѣла пояснить причину, почему онъ, Закревскій, повторялъ завѣдомую неправду.

Яковъ Карловичъ Гротъ (въ томъ же Архивѣ 1871 года, № 12), по поводу изслѣдованія М. П. Погодина о Сперанскомъ, передалъ, съ моихъ же словъ, все то, что было сказано самимъ Сперанскимъ моему мужу, когда онъ былъ у него въ новгородскомъ имѣніи, въ Великопольѣ, въ сентябрѣ 1816 года. Но теперь я излагаю гораздо подробнѣе и обстоятельнѣе то, что на словахъ передала Якову Карловичу Гроту. Черезъ словесный пере-

сказъ и въ составленную имъ впослѣдствіи запись вкрались нѣкоторыя неточности. Вотъ онѣ: Воейковъ съ Магницкимъ были не въ Московскомъ Университетскомъ Пансіонѣ.

Воейковъ не черезъ Магницкаго познакомился съ Сперанскимъ, какъ сказано у Грота, но по службѣ. Барклай часто посылалъ его къ Сперанскому, особенно, когда Воейкову было поручено писать военный уставъ [1]).

Өедоръ Петровичъ Львовъ, женатый на сестрѣ моей Елисаветѣ Николаевнѣ Львовой же, былъ мнѣ зять, а не дядя, какъ сказано у Грота. Когда онъ пригласилъ къ себѣ обѣдать Сперанскаго, то, желая имѣть у себя людей, пріятныхъ гостю, онъ нарочно поѣхалъ къ Воейкову и пригласилъ его на тотъ же обѣдъ. Не при Бородинѣ французскій уланъ повисъ у Воейкова на вороту и, умирая, разорвалъ ему сюртукъ. Это было у Краснаго, 2 августа, при отступленіи къ Смоленску и прежде Бородинскаго сраженія. Дивизія Невѣровскаго была окружена корпусомъ Мюрата, и не было возможности пройти иначе, какъ пробиваясь сквозь непріятельскіе ряды. Невѣровскій, имѣя большое довѣріе къ Воейкову, который былъ бригаднымъ начальникомъ въ его дивизіи, обратился къ нему за совѣтомъ, что слѣдуетъ дѣлать въ такомъ опасномъ положеніи?

— „Пробиваться черезъ непріятеля къ Смоленску во чтобы то ни стало", отвѣчалъ Воейковъ.—„Это и мое мнѣніе!"—вскрикнулъ Невѣровскій и при этомъ обнялъ съ горячностью Воейкова. „Соберите совѣтъ", прибавилъ Невѣровскій, и военный совѣтъ былъ собранъ. Младшій изъ офицеровъ долженъ былъ первый подать голосъ; случилось такъ, что этотъ офицеръ былъ изъ бригады Воейкова и первый сказалъ, что слѣдуетъ пробиваться. Этотъ отзывъ молодого офицера его бригады былъ очень пріятенъ моему мужу.

Тутъ на совѣтѣ былъ и другой бригадный командиръ, Ставицкій, который сказалъ Невѣровскому: „какое имѣемъ мы право жертвовать 4-мя тысячью человѣкъ войска, сознавая, что они всѣ должны погибнуть, пробиваясь черезъ цѣлый непріятельскій корпусъ,

---

[1]) Эти двѣ поправки были сдѣланы Я. К. Гротомъ во второй его замѣткѣ.

и при томъ безъ пользы?" — „Съ пользою,—сказалъ Невѣровскій, — это уже мы обдумали. Сдаться—мы лишаемъ отечество 4000 человѣкъ безъ всякой пользы, а пробиваясь, мы останавливаемъ цѣлый корпусъ и этимъ даемъ время Багратіону соединиться съ Барклаемъ".

На совѣтѣ значительнымъ большинствомъ голосовъ положено было не сдаваться, а идти на проломъ. — По обѣимъ сторонамъ большой дороги былъ расположенъ корпусъ Мюрата.

27 дивизія Невѣровскаго пробивалась, идя по большой дорогѣ и отступая къ Смоленску. Воейкову было поручено Невѣровскимъ самое трудное мѣсто при отступленіи. Подъ выстрѣлами окружающихъ французовъ, онъ выводилъ арріергардъ изъ опаснаго положенія; защитою для русскихъ была дорога, обсаженная березами; а корпусъ Мюрата былъ кавалерійскій корпусъ, ровъ же и деревья затрудняли въѣздъ непріятельскихъ лошадей на дорогу съ боку. Русскіе шли самымъ скорымъ шагомъ, отбиваясь отъ непріятеля. Тутъ-то французскій уланъ схватилъ Воейкова за воротникъ его сюртука и уже занесъ надъ нимъ палашъ, но въ эту минуту былъ убитъ выстрѣлившимъ въ него русскимъ солдатомъ. Падая, уланъ оторвалъ болѣе половины сюртука.—Такъ былъ спасенъ Воейковъ—и этотъ сюртукъ съ оторванной половиной онъ мнѣ привезъ, какъ знакъ къ нему милосердія Божія.

Модестъ Андреевичъ Корфъ, какъ передаетъ въ томъ же „Русскомъ Архивѣ" (1871 года, № 12, страница 2121) Яковъ Карловичъ Гротъ, всѣ свѣдѣнія о Воейковѣ получилъ отъ сына моего, Алексѣя Алексѣевича Воейкова и отъ моего зятя, К. М. Бороздина. Но всѣ эти свѣдѣнія были сообщены исключительно мною. Сыну моему не было 4-хъ лѣтъ въ то время, когда скончался его отецъ, а зять мой (мужъ сестры Прасковьи Николаевны) Константинъ Матвѣевичъ, не знавъ подробностей, касающихся моего мужа, всегда обращался ко мнѣ за свѣдѣніями, которыя желалъ имѣть. Модестъ Андреевичъ Корфъ имѣлъ въ рукахъ нѣкоторые письменные источники касательно моего мужа, и потому въ его разсказѣ есть много справедливаго, хотя и переданнаго вкратцѣ.

ВЫПИСКИ

изъ писемъ
Ивана Сергѣевича Мальцова
къ
Сергѣю Александровичу Соболевскому.

Въ Михайловскомъ Архивѣ Графа Сергія Дмитріевича Шереметева хранятся бумаги друга Пушкина, Сергѣя Александровича Соболевскаго.

Въ этомъ собраніи, среди источниковъ Исторіи Русской Литературы, обращаютъ на себя вниманіе письма Ивана Сергѣевича Мальцова къ Соболевскому.

Въ спискѣ *архивныхъ юношей*, служившихъ въ Московскомъ Архивѣ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ и составлявшихъ цвѣтъ Московскаго Общества, мы встрѣчаемъ слѣдующія имена: братьевъ Веневитиновыхъ, Ѳедора Степановича Хомякова, Николая Александровича Мильгунова, Владиміра Павловича Титова, братьевъ Кирѣевскихъ, князя Владиміра Ѳедоровича Одоевскаго, Александра Ивановича Кошелева, Степана Петровича Шевырева и мн. др.

Въ этомъ же спискѣ мы встрѣчаемъ Мальцова и Соболевскаго. Юношей этихъ воспѣлъ Пушкинъ въ своемъ *Евгеніи Онѣгинѣ*:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядятъ.
И про нее между собою
Неблагосклонно говорятъ.

Замѣчательно, что самое выраженіе *архивные юноши*, по свидѣтельству Пушкина, принадлежитъ не ему, а „пріятелю“ его „Соболевскому“.

Но *архивные юноши*, какъ питомцы приснопамятнаго Московскаго Университетскаго Благороднаго Пансіона, были вмѣстѣ съ тѣмъ проникнуты любовію къ Русской Литературѣ.

Въ 1826 году, Погодинъ съ Д. В. Веневитиновымъ составилъ планъ изданія Литературнаго Сборника, посвященнаго переводамъ изъ классическихъ писателей древнихъ и новыхъ, подъ заглавіемъ *Гермесъ*. Это предпріятіе дало поводъ къ частымъ и оживленнымъ собраніямъ архивныхъ юношей.

Въ бумагахъ Погодина уцѣлѣло оглавленіе, написанное Шевыревымъ, изъ какихъ авторовъ и кому надо переводить отрывки для помѣщенія въ *Гермесъ*. На долю Мальцова выпалъ жребій переводить изъ Ансильона и Шиллера.

Въ то время, когда Погодинъ и его друзья архивные юноши были, такъ сказать, въ попыхахъ, рвались работать, думали о журналѣ, программы смѣнялись программами,—8 Сентября 1826 года, въ Москву является Пушкинъ, вызванный изъ своего Михайловскаго заточенія самимъ Императоромъ Николаемъ I-мъ.

Толки о журналѣ, начатые еще въ 1824 году въ Обществѣ Раича, вслѣдствіе сближенія съ Пушкинымъ Погодина и архивныхъ юношей, усилились. Множество дѣятелей молодыхъ, ретивыхъ, такъ сказать, на лицо. „Помолясь“, Погодинъ отправился къ Пушкину. „Журналъ благословляетъ“, восклицаетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ*. Послѣ многихъ переговоровъ, Погодинъ былъ назначенъ редакторомъ, въ помощники ему былъ избранъ Рожалинъ. Много толковъ было о заглавіи. Рѣшено: *Московскій Вѣстникъ*. Рожалинъ собственноручно написалъ ultimatum: „Я (т.-е. Погодинъ) нижеподписавшійся, принимая на себя редакцію журнала, обязуюсь: Помѣщать статьи съ одобренія главныхъ сотрудниковъ: Шевырева, Титова, Веневитинова, Рожалина, *Мальцова* и *Соболевскаго*... Платить съ проданныхъ тысяча двухъ сотъ экземпляровъ десять тысячъ А. С. Пушкину“.....

Въ годъ основанія *Московскаго Вѣстника*, Погодинъ въ день своихъ имянинъ, 8 Ноября, угостилъ своихъ друзей ужиномъ, который ему обошелся въ двѣсти рублей. У него пировали: Калайдовичъ, Строевъ, Троицкій, Норовъ, Андросовъ, Шевыревъ, Титовъ, Оболенскій, Раичъ, Ознобишинъ, Томашевскій, Бычковъ, Кубаревъ, Андрей Муравьевъ, *Мальцовъ*, Рожалинъ, *Соболевскій*.

Наканунѣ Николина дня, „по неотступному требованію“ Веневитинова, Погодинъ отправился на ужинъ къ Соболевскому. Въ *Дневникѣ* своемъ Погодинъ отмѣтилъ: „Скотина Мальцовъ и оскотинившійся на ту минуту Веневитиновъ пристали съ ножомъ къ горлу—пей, и я насилу уѣхалъ отъ нихъ, ушибенный весьма больно Веневитиновымъ. Что за вакханалія! Передъ людьми совѣстно“. На другой день Погодинъ отправился къ Веневитинову. Тамъ встрѣтилъ Мальцова и Соболевскаго, которые стали на него кричать, и это „при людяхъ“.

Но не взирая на „крикъ и шумъ, завтраки и ужины“, И. С. Мальцовъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ *Московскаго Вѣстника*. Онъ дѣйствовалъ тамъ не только перомъ, но и карандашомъ, и первый нумеръ *Московскаго Вѣстника* 1827 года украшенъ его работы портретомъ Гете, а пятый—портретомъ Вальтеръ-Скотта. Мальцовъ же первый познакомилъ чрезъ *Московскій Вѣстникъ* Русскихъ читателей въ вышедшимъ въ 1827 году произведеніемъ Вальтеръ-Скотта *Жизнь Наполеона*. Книга эта имѣла громадный успѣхъ въ Европѣ, но въ Россіи оставалась подъ строгимъ запрещеніемъ. Несмотря на это, Мальцовъ доставилъ въ *Московскій Вѣстникъ* сначала статью: *Нѣсколько словъ объ Исторіи Наполеона Бонапарта, сочиненной Вальтеръ-Скоттомъ*, а затѣмъ сталъ печатать тамъ же и отрывки изъ этой книги. Въ этомъ дѣлѣ принималъ участіе и Титовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ письмо его изъ Петербурга, отъ 18 Іюля 1827 года: „Вотъ вамъ еще горячій блинъ, любезные мои друзья-издатели. Бога ради, Погодинъ, не обожгись имъ и не сойди съ ума, получа отрывки изъ Вальтеръ Скотта. Дѣло серьезное; этотъ случай покажетъ Журнальной Собратіи, что мы ближе ихъ къ источникамъ и умѣемъ ими пользоваться. Дорога каждая недѣля; потому требую, чтобъ сіи отрывки были помѣщены, по колику то возможно, наипоспѣшнѣе. Этому щеголеватому выраженію научился я въ Департаментѣ. Постараюсь уломать Мальцова окончить Вальтеръ-Скотта къ шестнадцатому нумеру“.

12 Марта 1827 года Мальцовъ былъ перемѣщенъ изъ Московскаго Архива въ Петербургъ „къ дѣламъ Коллегіи“ Иностранныхъ Дѣлъ.

Ровно черезъ годъ послѣ этого перемѣщенія, а именно 25 Апрѣля 1828 года, Авторъ *Горе отъ Ума* получилъ постъ нашего полномочнаго Министра при Дворѣ Персидскомъ, а старшимъ секретаремъ при немъ былъ назначенъ И. С. Мальцовъ.

Вскорѣ Мальцову выпалъ скорбный жребій быть свидѣтелемъ въ Тегеранѣ мученической кончины Грибоѣдова.

О дѣятельности Мальцова, по убіеніи Грибоѣдова, формуляръ его гласитъ:

9 Мая 1829 года „Высочайшимъ указомъ, во вниманіе къ примѣрному усердію и благоразумію, оказаннымъ (Мальцовымъ) во время возмущенія въ Тегеранѣ, пожалованъ кавалеромъ ордена Св. Владиміра 4-й степени“.

29 Октября 1829 года „получилъ (Мальцовъ) Высочайшее разрѣшеніе носить пожалованный ему Персидскій Орденъ Льва и Солнца 2-й степени“.

20 Марта 1830 года „отозванъ (Мальцовъ) въ Россію для употребленія въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ“.

10 Ноября 1830 года, „во вниманіе къ благоразумію, оказанному (Мальцовымъ) какъ послѣ убійства Статскаго Совѣтника Грибоѣдова во время возмущенія въ Тегеранѣ, такъ и при отправленіи должности генеральнаго консула, Всемилостивѣйше пожалованъ, по засвидѣтельствованію Генералъ-фельдмаршала Графа Паскевича Эриванскаго, кавалеромъ ордена Св. Анны 2-й степени“.

Въ 1831 году Погодину пришла мысль ѣхать съ своею трагедіею *Петръ I* въ Петербургъ и искать тамъ счастія. По обычаю, онъ предавался мечтамъ. „Можетъ быть“, записываетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „Государю будетъ утѣшительно теперь прочесть объ опасностяхъ Петра“. Можетъ быть, „Государь сдѣлаетъ меня статсъ-секретаремъ по Министерству Иностранныхъ Дѣлъ. Что же, буду переписываться съ Гизо, слушать мнѣнія въ Государственномъ Совѣтѣ“. Отъ радужныхъ надеждъ Погодинъ быстро переходилъ почти въ отчаяніе. Но „если нельзя будетъ, по теперешнимъ обстоятельствамъ, довести *Петра* до Государя! Скажутъ, не до васъ. О Господи! Да когда же кончатся мои неудачи... И за труды такіе никакого возмездія. И въ какихъ тѣсныхъ обстоятельствахъ. Надежда одна на *Петра,* который долженъ выручить меня изъ бѣды, какъ Голикова“.

Какъ бы то ни было, въ Сентябрѣ 1831 года, Погодинъ отправился въ Петербургъ, и тамъ остановился у Веневитиновыхъ. Трагедію свою Погодинъ читалъ: у Одоевскаго, у Жуковскаго и Пушкина, у графини Лаваль, у князя Н. Н. Оболенскаго и у многихъ другихъ. Знаменитый Крыловъ просилъ Погодина дать ему прочесть Петра. Черезъ нѣсколько дней Погодинъ, зайдя къ Крылову, засталъ его за чтеніемъ своей трагедіи, которую онъ дочелъ и очень хвалитъ. Но особенное удовольствіе доставило Погодину чтеніе своей трагедіи у знаменитаго актера Каратыгина. „Въ восхищеніи“, записываетъ Погодинъ въ своемъ *Дневникѣ,* „Александра Михайловна нашла случай сказать мнѣ много пріятнаго. Семейственная картина. Она въ неглиже, онъ съ трубкою, дитя, бабушка. Все чисто, опрятно. Чтеніе, и всѣ въ восхищеніи, *даже Мефистофель Мальцовъ.* Каратыгинъ три раза плакалъ. Я читалъ съ удовольствіемъ“.

Зажившись въ Петербургѣ, Погодинъ совершенно обезденéжилъ. „А гдѣ я возьму денегъ“, спрашиваетъ онъ въ своемъ *Дневникѣ*, „вѣдь надо скоро ѣхать?“ И онъ обратился за ссудою къ И. С. Мальцову. Но тутъ вышло забавное недоразумѣніе. „Вчера“, писалъ къ Погодину Мальцовъ, „взглянувъ мелькомъ на твою записку, я не разглядѣлъ въ ней третьяго нуля и полагалъ, что дѣло идетъ о 200 р., почему и отвѣчалъ: *ладно.* Этотъ третій Океновскій нуль, хотя ни мало не измѣняетъ желанія служить тебѣ, чѣмъ Богъ послалъ, измѣняетъ однакоже возможность *вполнѣ* выполнить твое желаніе. Двумя тысячами теперь располагать не могу; а 500 р. готовы къ твоимъ услугамъ. Если эта бездѣлица можетъ тебѣ пригодиться, то потрудись черкнуть слово: *да.* Веневитинову мой поклонъ“. Отвѣтъ Погодина былъ, разумѣется, *да.*

Возвратясь, въ концѣ 1831 года, изъ Петербурга, Погодинъ получилъ слѣдующую резолюцію Императора Николая I-го.

Лицо Императора Петра Великаго должно быть для каж-

даго Русскаго предметомъ благоговѣнія и любви; выводить оное на сцену было бы почти нарушеніемъ святыни, и по сему совершенно не прилично. Не дозволять печатать. Манускриптъ возвращу въ непродолжительное время.

Такимъ образомъ, всѣ „лестныя надежды" Погодина на *Петра* рушились. Между тѣмъ В. А. Каратыгинъ, мнившій себя похожимъ на Петра I, очень желалъ „сыграть" эту трагедію и онъ, по свидѣтельству Погодина, „осмѣливался сказать это раза два Императору Николаю I, когда тому случалось заходить на сцену. Государь въ оба раза отвѣчалъ улыбаясь: *Хорошо, но надо подождать*".

Между тѣмъ, служебная карьера Мальцова шла своимъ чередомъ. По свидѣтельству формуляра его, 25 Іюня 1834 года, онъ пожалованъ въ званіе каммергера; а 30-го Мая 1835 года назначенъ членомъ Общаго Присутствія Азіатскаго Департамента. Въ томъ же 1835 году, Мальцовъ находился при Вице-Канцлерѣ, во время пребыванія Императора Николая І-го въ Прагѣ.

13-го Августа того же 1835 года Мальцовъ писалъ Соболевскому:

„Я не писалъ къ тебѣ доселѣ, потому что не былъ увѣренъ, что письмо мое застанетъ тебя въ Петербургѣ; — даже и сіе настоящее посланіе отправляю на удачу къ Колошину. Не пишу ничего къ тебѣ о моемъ путешествіи, ибо страны, гдѣ я теперь убиваю время, тебѣ лучше извѣстны, чѣмъ мнѣ: ты ѣлъ тотъ скверный нѣмецкій супъ, который подаютъ мнѣ за обѣдомъ, и вѣрно пилъ то же кислое вино, коимъ я теперь утоляю свою жажду. Мнѣ только остается изложить тебѣ отчетъ о разныхъ *дирекціяхъ* моего странствованія. Изъ Карлсбада отправился я чрезъ Прагу въ *Будвейсъ*, гдѣ видѣлъ желѣзную дорогу, ведущую въ *Линцъ*; но какъ здѣсь по желѣзной дорогѣ ѣдетъ нѣмецкій почтальонъ, то путешественникъ съ одинакою же быстротою пріѣзжаетъ въ Линцъ по обыкновенному шоссе съ фурманомъ. Осмотрѣвъ Богемскія хрустальныя фабрики, которыя очень *мизерны*, я возвратился въ Карлсбадъ, а оттуда чрезъ Регенсбургъ, Мюнхенъ, Стутгартъ и Карлсруэ прибылъ въ Баденъ Баденъ, гдѣ уже обрѣтаюсь цѣлые 10 дней. Черезъ недѣлю, вслѣдъ за Вице-канцлеромъ,

ѣду въ Франъ-Фуртъ, а оттуда въ Теплицъ; будущее извѣстно Богу. При досугѣ пиши ко мнѣ, твои письма служатъ мнѣ истиннымъ утѣшеніемъ. Братъ занятъ ученостію, и такъ мнѣ ожидать отъ него вѣстей нечего, развѣ ты черкнешь объ немъ слово другое".

Другъ же Мальцова, Соболевскій, по смерти матери своей, въ 1828 году, уѣхалъ въ чужіе края, и изъ вышеприведеннаго письма Мальцова видимъ, что въ 1835 году Соболевскій былъ уже въ Россіи. Въ чужихъ краяхъ, свидѣтельствуетъ П. И. Бартеневъ, Соболевскій „обогащалъ себя запасомъ наблюденій, знакомствъ съ замѣчательными людьми вѣка, свѣдѣніями по разнообразнымъ отраслямъ наукъ и искусствъ. Тамъ же положилъ онъ основаніе своей отборной и обширной библіотекѣ. Чтеніе было ему ежедневною, необходимою пищею. Про него, какъ про покойнаго А. Д. Черткова, можно сказать, что имъ не только собрана, но и прочитана замѣчательная библіотека. Имя его было извѣстно въ Европейскихъ столицахъ. Путешествіе долго было его страстію, и сочиненіями по этому отдѣлу знаній особенно богато его книгохранилище".

По возвращеніи въ Петербургъ, оба пріятеля, нѣкогда *архивные юноши*, соединились не для какого-нибудь литературнаго предпріятія; нѣтъ, они соединились для милліоннаго торговаго предпріятія. Путешествуя по Европѣ, Соболевскій также „обозрѣвалъ и изучалъ бумагопрядильное производство".

1 Ноября 1837 года, Мальцовъ, изъ своего Гуся, писалъ Соболевскому: „Благодарю тебя, любезный Соболевскій, за твои письма, которыя извѣщали меня о постепенномъ ходѣ общаго нашего предпріятія. Самъ я такъ давно не писалъ къ тебѣ по нижеслѣдующей причинѣ. Я совсѣмъ было собрался ѣхать въ Питеръ, какъ вдругъ пришло въ голову сдѣлать тебѣ сюрпризъ; этимъ сюрпризомъ я занялся такъ плотно, что было уже не до письма. А въ чемъ, спросишь ты, состоитъ *сей* или *оный* сюрпризъ? Въ томъ, что доселѣ товарищество состояло изъ трехъ лицъ *гладкихъ*, а впредь будетъ состоять изъ двухъ лицъ *гладкихъ* и одного *рябаго*, принадлежащаго покорнѣйшему твоему слугѣ. Проклятая натуральная оспа порядочно меня помучила, хотя бы по силѣ медицинскихъ узаконеній, и не подобало имѣть ей касательства къ

лицамъ заблаговременно обезпечившимся отъ ея притязаній прививкою коровьей оспы. Теперь все прошло, но прежде двухъ недѣль не могу пуститься въ путь, чтобы не застудить драгоцѣнной своей персоны; а иначе, по увѣренію медиковъ, въ суплементъ къ оспѣ могу получить и водяную болѣзнь, что почитаю для себя совершенно излишнимъ, ибо такъ какъ мы бумагопрядильну свою приводимъ въ дѣйствіе посредствомъ паровой машины, а не гидравлическимъ колесомъ, то и не предстоитъ никакой надобности товариществу имѣть въ туловищѣ одного изъ своихъ членовъ запасъ водяной силы".

Въ бумагахъ Соболевскаго сохранился актъ, въ которомъ читаемъ:

„13 Мая 1838 года, Коллежскій Совѣтникъ Двора Его Императорскаго Величества Камергеръ Иванъ Сергѣевъ Мальцовъ, дворянинъ Сергѣй Александровъ Соболевскій и, на основаніи довѣренности отъ Магистра Дерптскаго Университета Сергѣя Сергѣева Мальцова, дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Петръ Ивановъ, сынъ Колошинъ, согласясь между собою, составили отъ сего числа впредь на пятнадцать лѣтъ товарищество для заведенія бумагопрядильной мануфактуры, въ С.-Петербургѣ, и для отличія отъ прочихъ уже существующихъ будетъ называться Сампсоніевскою бумагопрядильною мануфактурою".

Для характеристики И. С. Мальцова позволяемъ себѣ привести позднѣйшее письмо его, когда онъ уже состоялъ непремѣннымъ членомъ Совѣта Министра Иностранныхъ Дѣлъ, къ Директору Азіатскаго Департамента П. Н. Стремоухову, въ которомъ Мальцовъ, по вопросу о судьбахъ Россійской Американской Компаніи, снова является намъ, какъ живой общественный дѣятель, не лишенный глубокаго пониманія государственныхъ вопросовъ.

Приводимъ это письмо въ его подлинномъ видѣ:

Секретно.

Любезнѣйшій Петръ Николаевичъ!

Отвѣтствуя на письмо Ваше, я прежде всего долженъ заявить, что я акціонеръ Россійской Американской Компаніи, хотя и весьма незначительный, ибо имѣю всего 20 акцій этой Компаніи. Какъ не ничтожно это число, тѣмъ не менѣе я *акціонеръ*, и посему въ домогательствѣ Компаніи собственно *судіею* быть не могу. Но такъ какъ Князю Александру Михаиловичу [1]) угодно, чтобы я изложилъ мнѣніе по сему предмеду, то, по сдѣланномъ мною заявленіи, приступаю къ исполненію приказанія Его Сіятельства, съ желаніемъ быть безпристрастнымъ, не смотря на мои 20 акцій, представляющія, по нынѣшнимъ цѣнамъ, сумму какихъ-нибудь 2.500 руб.

Если гражданственность, народное образованіе, экономическій бытъ и промышленность не достигли высокой степени развитія въ нашихъ Американскихъ колоніяхъ, тѣмъ не менѣе все то, что въ этомъ отношеніи тамъ сдѣлано, существованіемъ своимъ обязано однакоже Компаніи, и безъ ея иниціативы и дѣятельности, этотъ край, вѣроятно, находился бы по нынѣ въ первобытномъ дикомъ состояніи. Самъ *Комитетъ* сознается, что, съ уничтоженіемъ Компаніи, край потеряетъ *своего единственнаго промышленнаго дѣятеля.* Пусть порицатели Компанейскаго управленія сравнятъ только колоніи съ Камчаткою, находящеюся подъ непосредственною администраціею Правительственныхъ властей и скажутъ безпристрастно, въ которомъ изъ сихъ краевъ, лежащихъ одинъ супротивъ другаго, находящихся въ одинаковыхъ географическихъ и физическихъ условіяхъ, гражданственность, просвѣщеніе, торговое и промышленное развитіе достигли высшаго уровня. Контрастъ такъ разителенъ, что, кажется, никакъ нельзя желать приведенія колоній въ то дикое состояніе, въ которомъ находится Камчатка.

Какъ давній акціонеръ, слѣдившій за ходомъ дѣлъ Компаніи, я твердо убѣжденъ, что разныя предполагаемыя ограниченія правъ и привиллегій, коими она пользовалась, не говоря уже о радикальной отмѣнѣ жизненныхъ условій ея существованія, согласно съ заключеніемъ Министерства Государственныхъ Имуществъ, но даже гораздо болѣе умѣренныя ограниченія, предполагаемыя Министерствомъ Финансовъ, поставили бы Компанію въ необходимость передать Колоніи въ непосредственное распоряженіе Правительства, и приступить къ ликвидаціи; по крайней мѣрѣ я, съ своей стороны,

---

[1]) Горчакову. *Н. Б.*

подалъ бы голосъ за ликвидацію въ общемъ собраніи акціонеровъ. Не вхожу въ подробное изложеніе причинъ, которыя содѣлали бы принятіе сей мѣры необходимымъ для Компаніи; потому что мнѣ пришлось бы въ сущности только парафразировать возраженія Главнаго Правленія оной.—За симъ я полагаю, что Правительство, дабы имѣть возможность ближе слѣдить за ходомъ Компанейскаго управленія и могущими быть мѣстными злоупотребленіями, достигло бы сей цѣли назначеніемъ въ Колоніи *Комиссара* или *Прокурора*, который замѣчанія свои заявлялъ бы Правителю Колоній, безъ права однако же останавливать или отмѣнять его распоряженія. Въ случаѣ непринятія въ уваженіе его замѣчаній Правителемъ Колоній, Комиссаръ или Прокуроръ доносилъ бы о семъ Правительству, которое, по полученіи донесенія и учиненіи запроса по оному Главному Правленію Компаніи, разсмотрѣло бы объясненія онаго, и объявило бы свое рѣшеніе къ непремѣнному исполненію. Такимъ образомъ, Правительство имѣло бы постоянный контроль за ходомъ дѣлъ въ Колоніяхъ, и могло бы направлять мѣстную администрацію согласно своимъ видамъ.

Искренно преданный Вамъ

И. Мальцовъ.

Середа, 21 Апрѣля [1]).

Сообщая это письмо, баронъ Ѳедоръ Романовичъ Остенъ-Сакенъ, спеціально занимающійся этими вопросами и чтущій память И. С. Мальцова, писалъ мнѣ: „Интересуясь промышленными предпріятіями самаго разнообразнаго свойства, И. С. Мальцовъ отнюдь не увлекался при этомъ однѣми личными матеріальными выгодами; онъ смотрѣлъ выше и дальше, и мы часто замѣчаемъ въ немъ признаки ума государственнаго, радѣющаго о пользѣ своего Отечества. Въ этомъ отношеніи любопытно прочесть вышеприведенное, характеризующее Мальцова, письмо его къ директору Азіатскаго Департамента П. Н. Стремоухову, въ отвѣтъ на предложенный ему вопросъ по дѣламъ Россійско-Американской Компаніи. Письмо, относящееся къ 1865 году,

[1]) Письмо это печатается, съ разрѣшенія Министра Иностранныхъ Дѣлъ, съ подлинника, хранящагося въ дѣлахъ С.-Петербургскаго Главнаго Архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ. *Н. Б.*

написано въ самый разгаръ возникшей въ правительственныхъ сферахъ полемики по поводу возобновленія привилегій Компаніи. Великій Князь Константинъ Николаевичъ, со свойственною ему страстностью, стоялъ во главѣ противниковъ Компаніи; Министерство Иностранныхъ Дѣлъ, въ лицѣ его представителей, склонялось на ту же сторону. Это не помѣшало однако Ивану Сергѣевичу Мальцову заявить свой независимый взглядъ на вопросъ. Оговоривъ, съ должною осторожностью, свою причастность къ дѣламъ Компаніи, онъ высказываетъ замѣчательно вѣрныя мысли относительно истиннаго значенія этого „промышленнаго дѣятеля“ и предостерегаетъ отъ поспѣшныхъ рѣшеній, которыя могли бы поставить Компанію въ невозможность осуществлять свои задачи. Въ письмѣ встрѣчается весьма мѣткое сопоставленіе положенія нашихъ Американскихъ колоній, какъ оно создано было Компаніей, съ плачевнымъ положеніемъ Камчатки послѣ полуторавѣковой Правительственной опеки надъ этою страною. — Увы, уже въ то время созрѣвало совершенно иное рѣшеніе спорнаго вопроса; а въ декабрѣ 1866 года секретный Комитетъ въ Зимнемъ Дворцѣ безповоротно постановилъ продать Русскую Америку!“

Николай Барсуковъ.

15 іюня 1903 г.
С.-Петербургъ.

I.

22 іюня 1838. Парижъ.

Не могу выразить тебѣ, любезный другъ, какъ поразило меня извѣстіе о кончинѣ брата [1]). Я все надѣялся, что здоровье его мало-по-малу возстановится, что проведу съ нимъ нѣсколько времени въ Пиренеяхъ, потомъ отвезу его въ Италію: теперь всѣ надежды рушились не возвратно. Грусть, какъ свинецъ, лежитъ на сердцѣ; съ кончиною брата, какъ будто расторглось послѣднее звено, привязывавшее меня къ жизни; чувство одиночества подавляетъ меня, разочаровываетъ будущность. Жить безъ надеждъ, безъ желаній, Богъ знаетъ для чего: это несносно! Особенно несносенъ мнѣ Парижъ: нигдѣ не чувствовалъ я себя столь одино-

кимъ, какъ среди этой толпы шумной, суетящейся толпы людей мнѣ вовсе чуждыхъ, съ которыми не имѣю ничего общаго, предъ которыми не могу излить чувствованій, наполняющихъ душу.

Не отставай отъ князя Мещерскаго [2]), пока онъ не исходатайствуетъ разрѣшенія на привозъ тѣла въ Россію, и похлопочи, чтобы объ этомъ разрѣшеніи немедленно сообщено было нашему посольству въ Парижѣ. Съ своей стороны извѣсти объ этомъ Турнейзена [3]), ибо я ему поручилъ отправленіе тѣла въ Россію. Самому нѣтъ силъ и терпѣнія оставаться въ Парижѣ. Ѣду, куда?—Не знаю. Къ осени возвращусь на Выборгскую сторону.

Твой *И. Мальцовъ.*

II.

2 октября 1838. Москва.

Любезный Соболевскій! Я отвезъ письмо твое къ С. А. Мертваго, и при семъ случаѣ познакомился съ мужемъ ея [4]) и видѣлъ выстроенную имъ бумаго-прядильную фабрику. Машины у него всѣ сдѣланы дома; меня удивило не изящество ихъ, а удивило, какъ человѣкъ съ *сотнею* тысячью рублей капитала выстроилъ фабрику въ 5 т. шпинделей, пустилъ фабрику въ ходъ, прядетъ, выстроилъ прекрасный домикъ для себя, всѣ строенія, нужныя для помѣщенія работниковъ, наконецъ купилъ 500 душъ, которыя работаютъ на фабрикѣ. Все это, по словамъ Мертваго, стоитъ ему около 300,000 р., въ томъ числѣ и прожитокъ его за два года. Хлопка купилъ онъ здѣсь по 32 р. асс. въ шестимѣсячный срокъ, да подмѣшиваетъ въ нихъ хивинку или очески.

О состояніи торговли бумагою скажу тебѣ, что всѣ вообще жалуются на то, что сбытъ пряжи совершенно прекратился; тѣ фабрики, которыя ткутъ бумажные товары, распустили половину работниковъ и половина станковъ находится въ бездѣйствіи; въ Москвѣ уже не только никто не вѣритъ въ 20 и 30 проц. выгоды отъ бумаго-пряденія, но даже утверждаютъ, что всѣ наши бумагопрядильщики должны разориться!! Одинъ Мертваго не унываетъ и предлагаетъ служить намъ совѣтами и опытностью своею къ сбыту здѣсь пряжи... Отдавать пряжу на коммиссію негоціантамъ онъ не

совѣтуетъ, потому что за ихъ счетами не можетъ остаться ни копейки барыша... Аще возможно, пріѣзжай скорѣй сюда, намъ необходимо быть *здѣсь* вмѣстѣ, чтобы предпринять что-нибудь рѣшительное касательно продажи; врозь посредствомъ переписки сдѣлать это неудобно....

Твой *И. М.*

III.

4 октября 1838. Москва.

Изъ долгаго твоего молчанія, любезный Соболевскій, заключаю я, что ты собираешься лично явиться въ Москву. Пріѣздъ твой сюда, во время моего здѣсь нахожденія, признаю я необходимымъ для общихъ нашихъ дѣлъ. Сбытъ пряжи есть дѣло самое для насъ важное; чтобы сдѣлать по оному какое-либо окончательное постановленіе, нужно полное засѣданіе Правленія Сампсоніевской бумагопрядильной Мануфактуры...

Новыя предпріятія! Въ Гжатскомъ имѣніи заводятся: a) стеклянная фабрика; b) овцеводство; c) свекло-сахарное заведеніе (Sucre indigène); d) многопольное хлѣбопашество; e) улучшенная порода рогатаго скота; f) искусственная сода; g) древесная кислота; h) свинцовыя бѣлилы; i) Сахарумъ-Сатурни; k) Aerugo *); l) Problématique: механическое тканье плисовъ и миткалей.

Et vive l'industrie!!!!

До свиданія. Твой *И. М.*

IV.

22 октября 1838. Москва.

Жаль мнѣ, весьма жаль, любезный Соболевскій, что ты, писавши ко мнѣ о требованіи денегъ, не взялъ на себя труда пояснить, что эти деньги нужны на страхованіе фабрики, и сколько

---

*) „Въ *Schedels Waaren-Lexicon* 1836 года я нашелъ: *Aerugo* смотри *Grünspan*; а подъ этимъ словомъ полное техническое описаніе приготовленія „ярь мѣдянки, Aerugo, viride æris", которая примѣшивалась къ разнымъ красильнымъ веществамъ. Впрочемъ уже почтенный Шедель замѣчаетъ, что этотъ препаратъ выходитъ изъ употребленія. (Примѣчаніе барона Ѳ. Р. Остенъ-Сакена).

нужно на сей предметъ; по *важности* сего предмета я отказался бы отъ сдѣланной мною покупки длинношерстныхъ овецъ и предпочтительно употребилъ бы издержанную мною на это сумму на *страхованіе фабрики*.

Говорю откровенно, что на *производство* фабрики я болѣе денегъ *не имѣю*; ибо со времени кончины батюшки [5]) *еще никогда Московская моя контора не была такъ скудна въ деньгахъ, какъ нынче*. Хотя Иванъ Акимовичъ [6]), по предусматриваемой нуждѣ въ деньгахъ по стекляннымъ моимъ дѣламъ, и обѣщался поддержать меня ссудою, но ты, зная мой образъ мыслей на этотъ счетъ, легко постигнешь, что я только въ *самой крайности* рѣшусь требовать исполненія такого обѣщанія.

Вотъ тебѣ и разгадка настоятельности, съ которою я во всякомъ письмѣ напоминаю заложить нашу фабрику. Несмотря на то, я сколочу и привезу съ собою нужныя на страхованіе деньги; ѣду же я отсюда черезъ три дня.

V.

24 октября 1838. Москва.

Любезный Соболевскій, я предполагалъ выѣхать отсюда завтра, потому что Иванъ Акимовичъ хотѣлъ также ѣхать завтра въ Сергіевскую Лавру на богомоліе; между тѣмъ онъ, по причинѣ дурныхъ дорогъ, раздумалъ ѣхать, и я долженъ вслѣдствіе сего пробыть здѣсь два дня лишняго, дабы отпраздновать именины Капитолины Михайловны [7]): ѣду въ четвергъ вечеромъ или въ пятницу по утру. Дабы отсрочка эта не остановила *застрахованія* фабрики, посылаю къ тебѣ переводное письмо на Акинфія Бѣляева въ десять тысячъ рублей, коими снабдилъ меня Иванъ Акимовичъ по своей благосклонности, узнавъ о просрочкѣ страхованій. По полученіи денегъ *немедленно страхуй*....

Милостивый государь *мой* пріѣхалъ сюда третьяго дня съ женою. Страхуй, страхуй и страхуй!!!!!

Твой *И. Мальцовъ*.

VI.

17 мая 1839. Пера.

Простившись съ тобою въ Москвѣ, я поплелся по Тульской дорогѣ: что за дорога! ни перомъ не написать, ни языкомъ не разсказать. На второй станціи отъ Москвы засталъ я *Россети* [9]), который, отправившись на перекладной, отлеживался отъ толчковъ. Онъ сѣлъ со мною въ карету; мы поѣхали далѣе. Ночью подъ Тулою насъ вывалили; но слишкомъ долго описывать всѣ подобнаго рода происшествія, ожидавшія насъ дорогою. Какъ мы довезли головы и бока свои невредимыми до Одессы. Это подлинное чудо. Каждый мостикъ, каждая переправа, каждый оврагъ, каждая гора требовали бы особеннаго описанія; вездѣ проѣздъ сопряженъ съ *опасностью жизни*, какъ говоришь ты, перебираясь весною по льду съ Выборжской стороны. Правило, основанное на практикѣ: не ѣздить по Россіи въ каретѣ, а ѣздить въ телѣгѣ; это національное изобрѣтеніе одно приспособлено къ нашимъ дорогамъ, впрочемъ карета дошла безъ починки до Одессы, и тамъ мною продана за 109 червонныхъ. Теперь я въ Константинополѣ, куда прибылъ благополучно на пароходѣ.

Сейчасъ иду къ посланнику [10]), болѣе писать некогда. Прощай.

Твой *И. Мальцовъ*.

VII.

6 іюня 1839. Пера.

Что творятъ философы Выборжской стороны? Въ какихъ великихъ соображеніяхъ проявилась извѣстная изобрѣтательность ума? Вѣрно оная изобрѣтательность отыскала способъ прясть 30 пудовъ въ сутки!

Описать мое здѣшнее житье-бытье не трудно, ибо дни проходятъ безъ варіантовъ. Утромъ занятія по службѣ, чтеніе журналовъ, потомъ обѣдъ, потомъ прогулка на маломъ кладбищѣ, порція мороженнаго у Памсальди; въ 9 часовъ всѣ расходятся по домамъ; спокойный сонъ служитъ переходомъ къ грядущему дню, который въ свою очередь наполняется тѣми же самыми занятіями.

Не описываю ни города, ни окрестностей, чтобы не отбивать хлѣба у сочинителей „du quides du voyageres“.

Послѣ завтра мы переѣзжаемъ въ Буюкъ-Дере, гдѣ проведемъ все лѣто. Погода прекрасная, воздухъ благорастворенный, небо ясное и лазурное: со всѣмъ тѣмъ оставаться долго въ Констатинополѣ должно быть скучно всякому, кто не имѣетъ про свой обиходъ великаго запаса философіи, коимъ одарила меня природа; философіи, которая развивалась передъ каминомъ на Гамбсовыхъ креслахъ разнаго фасона, и которая умножилась накопленіемъ процентовъ отъ жительства на благословенной Выборжской сторонѣ! по моему Фока, Якова все и вездѣ одинаково.

Твой *И. Мальцовъ.*

VIII.

20 іюня 1839. Буюкъ-Дере.

Письмо твое отъ 14 мая шло до меня цѣлую безконечность, но наконецъ я получилъ оное; къ нему можно примѣнить пословицу „тише ѣдешь, дальше будешь“. Москва для тебя, какъ я уже давно замѣтилъ, родъ *Капуи*; впрочемъ, и въ твое отсутствіе такъ прибавилась дѣятельность нашихъ шпинделей, что я полагаю, что фабрика станетъ выпрядать по тысячѣ пудовъ въ мѣсяцъ, если ты проживешь все лѣто въ благословенной Москвѣ.

Плоды наблюденій твоихъ въ Москвѣ, надѣюсь, дадутъ намъ возможность предпринять ночную работу, безъ которой, по моему убѣжденію, *нѣтъ спасенія.*

О себѣ доложить ничего рѣшительно не имѣю, кромѣ того, что миссія (а при ней и я) переселилась въ Буюкъ-Дере.

Я увѣренъ, что ты часто видишь Сергѣя Ивановича [11]), во всякомъ случаѣ при свиданіи съ нимъ засвидѣтельствуй ему мой душевный поклонъ. Иванъ Акимовичъ, вѣроятно, находится въ Дятьковѣ для обозрѣнія новокупленнаго имѣнія.

Старайся узнать отъ Синявина [12]), гдѣ Дашковъ [13]), что онъ творитъ, и къ какому сроку долженъ онъ выздоровѣть по казенной надобности?

Кланяйся Неклюдовымъ [14]) и Карамзинымъ, прочимъ знакомымъ нашимъ, а въ особенности милостивымъ государямъ моимъ, по тому же рецепту: Repetatur.

IX.

3 іюля 1839. Буюкъ-Дере.

Судя по письмамъ изъ Москвы, ты доселѣ изволишь кутить въ бѣлокаменной. Надѣюсь однакожъ, что это письмо застанетъ тебя на президентскомъ стулѣ Правленія Товарищества Сампсоніевской бумагопрядильни. Вотъ два мѣсяца, какъ мы разстались, а я до сихъ получилъ отъ тебя только одно письмо. О Московскія пулярдки и труфели!!!

Прошу не лѣниться болѣе, и взявъ въ руки перо, съ чувствомъ, съ толкомъ, съ разстановкою изобразить успѣхи бумагопряденія и aussichten für die Zukunft.

Здѣсь скучать некогда: дѣла довольно. Le Roi mort, Vive le Roi! Залпы со всѣхъ батарей столицы и босфорскихъ замковъ возвѣстили намъ о кончинѣ султана Махмуда и вступленіи на престолъ 16-лѣтняго сына его султана Абдулъ-Меджида. Все тихо и спокойно. Новый султанъ уже опоясался мечемъ Османа, что по здѣшнимъ обычаямъ соотвѣтствуетъ коронаціи. Дипломатическій корпусъ приглашенъ былъ на процессію: это новость; новость и то, что пригласительныя письма Порты писаны были по-французски!

Твой *И. Мальцовъ.*

X.

21 іюля 1839. Буюкъ-Дере.

Благодарю тебя за присылку манифеста о новой денежной системѣ [15]).

Благодарю и за извѣщенія о ходѣ нашей бумагопрядильни; вижу, что съ выѣздомъ изъ Капуи Аннибалъ мой обрѣлъ паки твердость духа и дѣятельность.

О себѣ донесу, что я живъ; по милости Божіей, здоровъ, купаюсь въ волнахъ Босфора, и, о удивленіе!! брѣюсь каждый день!!!

Твой *И. Мальцовъ.*

Старайся узнать отъ Сенявина, когда министерство предполагаетъ выслать сюда Дашкова на смѣну твоему товарищу.

Ut in litteris. *J. M.*

30 августа 1839. Буюкъ-Дере.

Вчера имѣлъ я счастіе представляться пади-шаху султану Абдъ-уль Меджиду; отъ поѣздки въ лодкѣ, при сильномъ сѣверномъ вѣтрѣ, причинился мнѣ *флюсъ*. Сижу съ раздувшейся щекою; зубы болятъ чертовски, что останавливаетъ потокъ моего краснорѣчія, вообще и при благопріятнѣйшихъ обстоятельствахъ довольно скуднаго на изліянія. Благодарю за успѣхи нашего бумагопряденія. При всемъ моемъ уваженіи къ архитектурному твоему таланту, прошу удерживать порывы генія твоего на строгомъ мундштукѣ, и не строить вавилонскихъ рынковъ на нашемъ угловомъ мѣстѣ.

Твой *Мальцовъ*.

P. S. Въ султанскомъ дворцѣ видѣлъ я, между прочимъ, свѣтлые потолки, производящіе прелестный эффектъ. Зная твой вкусъ ко всѣмъ архитектурнымъ штукамъ, я пришлю тебѣ планъ и разрѣзъ таковаго потолка. Старайся между тѣмъ узнать отъ Сенявина или Любимова: когда вышлютъ сюда Дашкова мнѣ на смѣну.

XI.

11 сентября 1839. Буюкъ-Дере.

Не могу не пенять въ томъ, что ты до сихъ поръ не вывелъ на чистую воду дѣла о преемникѣ моемъ Дашковѣ, котораго ожидаю съ величайшимъ нетерпѣніемъ, ибо морское путешествіе въ позднюю осень, даже при извѣстной моей страсти къ навигаціи, ни мало не плѣняетъ моего воображенія. Я писалъ по сему предмету прямо къ Сенявину, mais comme les absents ont toujours tort, то и прошу тебя не оставлять хожденія по реченному дѣлу.

По бумагопряденію вижу, что ты творишь просто чудеса... Говорятъ, что въ Индіи есть факиры, которые не ѣдятъ по нѣскольку недѣль; изнуреніе физическихъ силъ доводитъ ихъ до изступленія (un état de frénésie et d'hallucination extatique); по количеству же ты не держишь лошадей, et que vous n'avez pas ainsi les ressources des pétites oisæux, то я и боюсь, чтобы чрезмѣрно строгій постъ, соблюдаемый тобою изъ экономіи, не привелъ тебя, при домашнихъ обѣдахъ, до вышереченнаго состоянія индійскихъ факировъ. Не таковому ли состоянію должно приписать отмѣнную твою храбрость на поприщѣ бумагопряденія?... Такъ какъ я питаюсь здѣсь подобно птицамъ небеснымъ, т.-е. обѣдаю на *чужой счетъ*, то умственныя мои способности не воспарили надъ атмосферою земного шара, et comme par le passé, je repose ma tête, sur l'oreille du doute...

XII.

3 октября 1839. Москва.

... Рекомендую вашему благородію съ полученія сего отправиться къ его превосходительству Льву Григорьевичу Сенявину и обратиться къ нему съ слѣдующимъ вопросомъ:

Не противно ли будетъ начальству, если я пробуду въ Москвѣ недѣли двѣ или три?

На сіе его превосходительство можетъ отвѣчать двояко; а именно:

во-1-хъ, что я могу остаться оное время въ Москвѣ;

во-2-хъ, что я долженъ спѣшить пріѣздомъ.

Ад. 1 m.

Если можно оставаться мнѣ въ Москвѣ, ты немедленно заѣзжай къ Михельсу и возьми у него мною енотовую шубу; облекися въ ризы странника и скачи въ Москву; а съ собою привези мнѣ и реченную шубу.

Ад. 2 m.

Буде же мнѣ должно поспѣшить пріѣздомъ въ Питеръ, ты о семъ меня немедленно извѣсти письмомъ, къ немедленному съ моей стороны исполненію; самъ оставайся на Выборжской сторонѣ, и ожидай той счастливой минуты, въ которую ты насладишься моимъ лицезрѣніемъ...

Вотъ тебѣ ясная инструкція...

Обѣщанныя мною на застрахованіе *пятнадцать тысячъ* къ тебѣ доставлены. Смотри не транжирь; ибо симъ объявляю торжественно, что выдача сихъ 15 т. есть *послѣдній авансъ*, сдѣланный мною бумагопряденію, которое (бумагопряденіе) до скончанія вѣка не увидитъ болѣе отъ меня ни $^1/_7$ доли копейки; для поддержанія жизненной силы въ Сампсоніевской бумагопрядильнѣ я готовъ закладывать ее, продавать паи, брать новыхъ пайщиковъ; но не дамъ ни гроша изъ своего кармана во вѣки вѣковъ. Аминь.

Твой *И. Мальцовъ*.

XIII.

15 октября 1839. Одесса.

Г. Ашенбахъ младшій былъ у меня въ Одессѣ и доставилъ мнѣ письмо твое съ сигарами. Онъ завтра отправляется въ Константинополь; я также послѣ завтра пускаюсь въ путь; на сей конецъ пріобрѣтенъ мною здѣсь чрезъ посредство 400 руб. асс. *тарандасъ*; ибо въ дормезахъ я не ѣздокъ по Россіи.

Усматривая изъ письма твоего, что наша бумагопрядильня можетъ прясть и безъ тебя, я приглашаю тебя, съ полученія сего письма, сѣсть въ дилижансъ и ѣхать въ Москву: такимъ образомъ ты можешь черезъ 12 дней отъ нынѣшняго числа насладиться моимъ лицезрѣніемъ...

Въ Одессѣ меня откармливаютъ, какъ тебя откармливали въ Москвѣ; дорогою буду отпиваться содовыми порошками.

Твой *И. Мальцовъ*.

XIV.

24 мая 1840. Москва.

... Здѣсь ужасныя опасенія на счетъ урожая; во многихъ мѣстахъ озимые совершенно не взошли; въ Тулѣ мука до 4 руб. за пудъ. Я рѣшился закупать хлѣба, сколько карманъ позволитъ; при такихъ бѣдственныхъ обстоятельствахъ и опасеніяхъ, неудивительно, что торговля почти совершенно остановилась, да и будущность представляется въ траурномъ видѣ. Не къ году затѣяли мы усиленіе нашей фабрики... Боюсь, чтобы не пришлось намъ служить панихиды по кредитѣ знаменитаго товарищества... Въ вокресенье ѣду въ Гусь [16]).

Твой *И. Мальцовъ*.

XV.

3 мая 1840. Гусь.

По случаю предстоящаго неурожая не я одинъ пою Лазаря; Иванъ Акимовичъ также ужасно безпокоится на счетъ продовольствованія своихъ крестьянъ. Ему приходится купить до 20 т. четвертей ржи, что по нынѣшнимъ цѣнамъ представляетъ цѣнность 400 т. руб. Денегъ изъ Опекунскаго Совѣта не выдаютъ подъ залогъ имѣній, почему и желалось бы Ивану Акимовичу заложить 2500 душъ Компаніи Банкировъ, съ коими Всеволожскіе имѣютъ дѣло.

XVI.

3 сентября 1843. Вѣна.

Извѣщаю правленіе Сампсоніевской бумагопрядильни, что я благополучно доѣхалъ до австрійскаго города Вѣны [17]), гдѣ обрѣтаюсь нынѣ, и изъ коего черезъ четыре дня предполагаю пуститься въ дальнѣйшія странствованія.

Путь до Вѣны совершенъ нижеслѣдующимъ образомъ:

Отъ С.-Петербурга до Варшавы четверо сутокъ безъ четырехъ часовъ. По Россіи безпрерывный осенній дождь, холодъ, слякоть... Въ Варшавѣ пробылъ я восемь часовъ; видѣлъ Платонова [18]) и пилъ Englishe ale.

Изъ Варшавы до Кракова—сутки.

Изъ Кракова до Липпика [19])—сутки; здѣсь я долженъ былъ переночевать, и ожидать отхода утренняго треня по желѣзной дорогѣ.

Отъ Липпика до Вѣны $7^1/_2$ часовъ: это пространство можно было бы проѣхать гораздо скорѣе, еслибы трень не останавливался каждыя четверть часа...

За дормезомъ остановокъ не было...

Вѣна по кухонной части очень швахъ... Нѣмецкая кухня на французскій ладъ съ вѣнскими пополненіями, какъ-то:

Makaronis à la Englise!

Каково блюдо, какова орѳографія!

Знаменитый П..додеръ, коимъ нѣкогда угощался Времевъ [20]) и иные пріятели въ гостинницѣ Парижа, составляетъ неизмѣнное постоянное начало и основаніе всѣхъ винъ, кои подаются здѣсь подъ пышными наименованіями Лафита, Шамбертеня, Аи... Такъ что я съ винъ рѣшительно съѣхалъ на вѣнское пиво.

Два раза былъ я въ оперѣ; она страхъ какъ напоминаетъ нашу нѣмецкую оперу.

При посольствѣ нашелъ я все старыхъ пріятелей, въ числѣ оныхъ Левъ Соллогубъ [21]), который повезъ въ Бѣлградъ привезенные мною сюда пакеты. Погода прекрасная: хожу въ сюртукѣ безъ пальто!

И. Мальцовъ.

XVII.

9 октября 1843. Неаполь.

Проведя недѣли двѣ въ Вѣнѣ, я отправился въ Венецію, и по указанію Чайльдъ-Гарольда остановился à l'Hôtel de l'Europe.

Доволенъ я Европою;
Прекраснѣйшій трактиръ!

Только не видалъ хозяйки съ толстою риѳмою къ слову: Европою. Пять дней посвятилъ я на осмотрѣніе храма Маркуса и прочихъ достопамятностей. Сестры Калошиной [22]) я не засталъ въ Венеціи; узнавъ, что она переселилась въ Верону, я отправился туда, и провелъ съ ней два дня. Находясь такимъ образомъ на пути къ Милану, я измѣнилъ первоначальный свой маршрутъ, и вмѣсто того, чтобы ѣхать во Флоренцію, направилъ стопы свои къ Милану. Здѣсь возродилось во мнѣ желаніе осмотрѣть озера, коими остался вполнѣ уконтентованъ. Эту прогулку совершилъ я настоящимъ туристомъ. Оставивъ Штурмана съ каретою въ Миланѣ, я поѣхалъ по желѣзной дорогѣ въ Монзу; взялъ мѣсто въ

дилижансѣ и прибылъ къ ночлегу въ Комо. Утромъ сѣлъ на пароходъ; сошелъ у Тремезины, и между тѣмъ какъ пароходъ совершалъ путь свой до Колико и обратно, осмотрѣлъ я сосѣднія виллы: Cerbelloni, Melzi, Sommariva, которыя не уступаютъ въ красотѣ знаменитой виллѣ Товарищества на Выборгской сторонѣ. По возвращеніи въ Комо, я сей же часъ отправился въ дилижансѣ въ Варезъ. Тутъ присоединился ко мнѣ туристъ изъ итальянцевъ. Мы наняли *un legno*, положили въ него *la nostra roba*, а въ самую полночь пріѣхали въ Lavéno; хотѣли-было немедленно ѣхать на *Isola bella*, чтобы съ высокихъ ея террасовъ любоваться восходомъ солнца, столь краснорѣчиво описаннымъ Жакъ-Поль-Рихтеромъ. Не тутъ-то было: намъ объявляютъ, что полиція изволитъ почивать; что слѣдовательно нельзя прописать паспортовъ, безъ чего нельзя любоваться восходомъ солнца на Баромовыхъ островахъ. Что дѣлать: ужинать съ горя! Нельзя; поваръ послѣдовалъ примѣру полиціи и предался сладкому сну. Затѣмъ мы также послѣдовали примѣру полиціи и повара. Утромъ наняли мы лодку, осмотрѣли острова, сѣли на пароходъ, прибыли въ Sesta Colende, а оттуда посредствомъ дилижанса въ Миланъ. Не вхожу въ подробныя описанія мѣстностей, ибо это было тысячу разъ описано во всевозможныхъ Guides du Voyageur, а все это ты самъ видѣлъ собственными глазами. Изъ Милана поѣхалъ въ Геную, гдѣ сѣлъ на сквернѣйшій пароходъ Франсеско I, доставившій меня въ Неаполь... На дняхъ ѣду въ Сицилію съ Хрептовичемъ [23])... и возвращусь на зиму въ Неаполь.

Твой *И. М.*

XVIII.

4 ноября 1843. Неаполь.

Поѣздку въ Сицилію совершилъ я самымъ пріятнымъ образомъ посредствомъ неаполитанскихъ, сицилійскихъ и французскихъ пароходовъ. При этомъ случаѣ осмотрѣлъ я также Мальту. Консулъ нашъ г. Тагліаферро, узнавъ о знаменитой Бумагопрядильнѣ на Выборгской сторонѣ, предлагаетъ мнѣ услуги свои для выписки египетскаго хлопка... И здѣсь наступила зима; перепадаютъ дожди,

и завѣтный тулупъ оказываетъ существенныя услуги странствующему члену Товарищества.

И. М.

XIX.

11 декабря 1843. Римъ.

Твоихъ стиховъ и прозы получено отъ князя Торлонія на 6 скудъ. Распечатываю, читаю—приносятъ съ почты твой № 9 на седьмой скудъ. ... Изъ твоихъ писемъ... усматриваю, что уже купленъ страннический тулупъ... Въ то самое время, когда фиміамъ благодарности возносится къ тебѣ изъ моей чернильницы, ты самъ, можетъ быть, (adornato d'un tulupo di moton o di lupo) стремишься къ подножію Monte Pincio, гдѣ въ Hôtel de Russie сидитъ въ таковомъ же костюмѣ, предъ дымящимся каминомъ, другой членъ Правленія Сампсоніевской Бумагопрядильни! Сколь ни утѣшительна для меня эта мысль, буду писать однакоже въ томъ предположеніи, что письмо мое застанетъ тебя или на Выборгской или на Дѣвичьемъ полѣ .... Очень сожалѣю, что не засталъ здѣсь Бруни [24]). Постарайся по крайней мѣрѣ убѣдить его свойственнымъ тебѣ краснорѣчіемъ, подкрѣпленнымъ риторическою фигурою нѣсколькихъ депозитовъ, подправить маленько копію съ его Мадоны. По части delle belle arti я, можетъ быть, расшибусь и куплю какую-нибудь мраморную статую...

И. М.

XX.

3 марта 1844. Римъ.

Поздравляю тебя, любезный другъ, съ благополучнымъ выѣздомъ изъ Петербурга... Ты избралъ маршрутомъ Чальдъ-Гарольда:

Въ столицѣ же Илліріи
Онъ былъ весьма не радъ,
Когда лихіе чиріи
Его покрыли задъ.

Надѣюсь, что для отвращенія подобной непріятности ты, приступая ко 2-му изданію сентиментальнаго путешествія, принялъ

надлежащія предостерегательныя средства, по утвержденному Товариществомъ знаменитому рецепту доктора Зауера.

Не полагая, чтобы какія-либо особыя уваженія влекли тебя въ Верону, Миланъ и Ницу, я приглашаю тебя во Флоренцію къ 1-му апрѣля (Ce que vous ne devez pas prendre pour au poisson d'avril). Къ этому времени я, съ своей стороны, также прибуду на счастливые брега Арно; мы провели бы тамъ вмѣстѣ недѣлю, потомъ отправились бы въ Ливорно, откуда имѣли бы совокупное плаваніе въ Марсель.

Такимъ образомъ, черезъ мѣсяцъ могло бы воспослѣдовать общее собраніе товарищей Сампсоніевской Бумагопрядильни...

Здѣсь я видѣлъ англійскую охоту и двѣ скачки, изъ коихъ послѣдняя была steeple chase.

На англійской охотѣ Паскевичъ (сынъ фельдмаршала) переломилъ себѣ ключицу; англійскій костоправъ M-r Bobington очень скоро и удачно починялъ его, такъ что, несмотря на урокъ, онъ уже опять помышляетъ объ охотѣ.

Заключаю письмо изъявленіемъ полной моей признательности за подробную и интересную реляцію о Гусситахъ *)...

Смутился духомъ я, и мыслью палъ въ сомнѣнье!

Въ особенности же смущаетъ меня извѣстіе, что въ Москвѣ всѣ суются въ бумагопрядильщики. У насъ на Руси такъ: одинъ продаетъ выгодно пуделя:—всѣ бросятъ овцеводство и станутъ разводить пуделей.

И. М.

XXI.

18 августа 1844. Лондонъ.

Dear Sir.

Нынѣ день воскресный и, слѣдовательно, въ Англіи день особенно удобный для дружеской и иного рода переписки. Утромъ собрался-было ѣхать въ Брейтонъ; проклятый кэбъ привезъ меня на станцію ровно 3 минуты по отходѣ треня; а такъ какъ нынѣ день воскресный, то нѣтъ другого треня до вечера. Измѣривши

---

*) Т.-е. жителяхъ села Гуся. *Н. Б.*

шагами Лондонъ по всѣмъ направленіямъ, дабы по крайней мѣрѣ набраться аппетиту къ обѣду, я воротился домой, очинилъ машинкою довольно неудачное перо, коимъ и пишу сіе мое посланіе...

XXII.

5 сентября 1844. Лондонъ.

Не мало удивишься ты, узнавъ, что сіи строки направляются изъ Лондона; изъ того самаго *Ситтингъ рума*, въ которомъ мы выдерживали регулярную осаду отъ когорты просителей денежныхъ вспомоществованій, и гдѣ они насъ бомбардировали своими письмами. Все это время провелъ я при начальствѣ въ Брейтонѣ, съ которымъ распростился вчера. Начальство предполагаетъ пробыть еще въ Англіи до 4 октября, по дурному (новому) счисленію... Я же надѣюсь проститься съ Англіею черезъ недѣлю и черезъ Бельгію пробираться въ Любекъ, гдѣ имѣю пока предстать предъ начальство 2/14 октября для совокупнаго плаванія по морю Балтійскому на пароходѣ *Николай* .... Я съ своей стороны могу сообщить только то, что здѣсь

въ будніе дни—скучно;
въ воскресенье—еще скучнѣе [25]).

Преданный *И. М.*

XXIII.

21 сентября 1845. Одесса.

Вчера, любезный другъ, прибыли мы благополучно въ городъ Одессу [26]), производящій на путешественника весьма пріятное впечатлѣніе, послѣ всѣхъ иныхъ благополучныхъ городовъ, лежащихъ по безконечному Бѣлорусскому тракту. Ни едина отъ костей нашихъ не сокрушилась, къ великому моему удивленію, и мы отдѣлались переломомъ одного дышла.

Если случится тебѣ ѣхать по этому тракту, рекомендую отобѣдать въ Бердичевѣ у мусье француза, содержащаго тамъ ресторацію. Онъ подаетъ тебѣ карту, неуступающую Леграновой, а что онъ лучше подаетъ кушанье, которое можетъ удовлетворить

строгимъ потребностямъ изысканнаго вкуса, по крайней мѣрѣ такъ показалось голодному моему желудку. Въ имѣніи графа *), по гастрономической части, оказались весьма хорошіе элементы: отличная свѣжая днѣстровская икра, стерляди, куропатки, славная баранина, полента, арбузы, дыни, груши, виноградъ и т. д. Петръ оказалъ кулинарныя способности, удостоенныя лестнаго отзыва г-на государственнаго канцлера. Изготовленіе turtle soup'а было неслыханное дотолѣ событіе въ окрестностяхъ Балты.

Бырзоловскія [27]) куропатки навели разговоръ нашъ на Рахмановскій сальми. Поваръ графа уволенъ теперь въ отпускъ въ Москву, и по гастрономической репутаціи Рахманова [28]), повару приказано зайти на его кухню. Такъ какъ ты находишься въ гастрономической перепискѣ съ Рахмановымъ, то прошу тебя написать къ нему о данной графскому повару инструкціи, и просить сего Михаила Ѳедоровича допустить сего артиста къ осмотру всѣхъ таинствъ своей лабораторіи, и приказать сообщить ему и инструкцію объ изготовленіи, secundum principium artis, Рахмановской стерляди, сальми и пр. и пр.

... Помни, что письма, пущенныя ко мнѣ чрезъ Сенявина, найдутъ меня на краю свѣта, ибо онъ всегда будетъ знать о моемъ пребываніи. Кланяйся отъ меня Неклюдовымъ и доложи Марьѣ Сергѣевнѣ [29]), что итальянскіе артисты, въ оперѣ Lombardi del Mæstro Verdi, весьма удачно пропѣли дуэтъ *Медвѣдь сказалъ козѣ*.

XXIV.

3 октября 1845. Вѣна.

По совершенному недостатку времени, могу только извѣстить тебя о прибытіи моемъ въ Вѣну; нынче отправляемся въ Миланъ. Холодъ смертельный: всего 5 град. тепла.

XXV.

8 ноября 1845. Палермо.

... Я здѣсь занимаюсь составленіемъ, перепискою на бѣло и отправленіемъ разныхъ депешъ и отношеній, какъ будто въ Петер-

*) Нессельроде.

Н. Б.

бургѣ. Разница въ климатѣ; ибо доселѣ въ садахъ благоухаютъ цвѣты, померанцовыя деревья осыпаны золотыми плодами, луга снова зазеленѣли, и твой товарищъ прогуливается въ одномъ сюртукѣ...

XXVI.

22 ноября 1845. Палермо.

Мы нынче выѣзжаемъ изъ Палермо, Палерм*а* или Палерм*ы* (Какъ именно должно писать? Этотъ вопросъ остался не разрѣшеннымъ между походными канцеляріями, и каждая изъ нихъ приняла особую систему). Вопросъ представленъ мною на разрѣшеніе Сенявина; а между тѣмъ, такъ какъ директоры разныхъ походныхъ канцелярій соберутся нынѣ въ совокупности на пароходѣ *Бессарабія*, то во время переѣзда до Неаполя, можетъ быть, успѣютъ они составить по сему грамматическому вопросу соборное постановленіе.

Палермо—сущій рай земной... Подъ окнами моими boschetti di oranzi, осыпанные зрѣлыми плодами; въ дали чудная панорама горъ оцѣпляющая узорный долъ; Палермо разстилается въ живописной красотѣ своей съ окружающими садами и виллами. Средиземное море блеститъ своею лазурью на отдаленномъ горизонтѣ...

XXVII.

9 декабря 1845. Римъ.

Послѣ періода канцелярской дѣятельности настаетъ нынѣ для меня эпоха отдохновенія. Je ferme la boutique diplomatique, и начинаю съ завтрашняго дня шататься по стогнамъ вѣчнаго града. Послѣ Палермо Римская зима подлинно кажется зимою. Русскихъ здѣсь куча, и между ними та, которой поэтъ Выборжской стороны адресовалъ стихи:

„Что вы кобянитесь, что вы манеритесь?“

Римъ не измѣняется, и изъ онаго писать нечего новаго.

Тотъ же Пинчіо, тотъ же Ординаріо a cinque paoli у Бертини. Тѣ же бороды и растрепанные волоса за столомъ à la Lèpre...

XXVIII.

21 декабря 1845. Римъ.

Испущенный 30 ноября гласъ съ Выборгской стороны достигъ до бреговъ Тибра 18 декабря. Изъ онаго почерпнуты мною (изъ гласа, а не изъ Тибра) весьма прискорбныя свѣдѣнія о состояніи публичнаго здравія, слишкомъ благопріятнаго для гг. аптекарей... Наконецъ усматривается, что ты намѣреваешься направить стопы въ Константинополь и Аѳины. О таковомъ направленіи сожалѣю, ибо надѣялся свидѣться съ тобою въ Италіи. Если ты имѣешь рѣшительное отвращеніе отъ Рима, то могъ бы провести конецъ зимы въ Венеціи, Миланѣ или Флоренціи; и мы назначили бы себѣ *ранде вуй* въ Ливорно, для дальнѣйшихъ совокупныхъ странствій, по прежнимъ примѣрамъ...

... Мы такъ избаловались въ Палермо, что въ Римѣ просто зябнемъ. Кто съ насморкомъ, кто съ кашлемъ. Я разоряюсь въ трактирѣ на дрова, которыя отпускаются здѣсь по Гусевской цѣнѣ. Всѣ хорошія квартиры разобраны: все собираюсь пріискать себѣ пріютъ, окнами обращенный на полдень; а между тѣмъ живу поблизости Пантеона, въ hôtel de la Minerve, куда съ самаго созданія Рима не проникалъ единый лучъ солнца.

Изъ числа достопримѣчательностей здѣшнихъ много осматривается также Trattoria Бертини и его ординаріо a cinque paoli, которое экстерно орошается Марсалагіемъ.

На театрѣ Аполло даютъ оперу Гернани композитора Верди. Роль Гернани поетъ нашъ теноръ Ивановъ [30]) весьма удачно. Послѣ Рубини Ивановъ едва-ли не принадлежитъ къ числу лучшихъ теноровъ въ Европѣ и, по моему мнѣнію, не уступаетъ знаменитому Маріани. Относительно же игры, методы и выговора, не менѣе того, можно отчасти примѣнить къ Иванову знаменитое стихотвореніе

Adornato d'un tulupo

Впрочемъ Римская почтеннѣйшая публика осталась весьма уконтентованною русскимъ пѣвцомъ и покрываетъ его рулады громкими и единодушными рукоплесканіями, о чемъ прошу довести до свѣдѣнія of the Lord Wistmorland of Russie [31]).

XXIX.

12 января 1846. Римъ.

Наконецъ, я совершенно свободенъ. Г-нъ государственный канцлеръ направилъ путь свой обратно въ Россію; казенныя дѣла запечатаны были въ конвертахъ казенною же печатью, и отправлены съ фельдъегеремъ въ С.-Петербургъ: я остался здѣсь безъ дѣлъ и безъ казенной печати, погрузясь по уши въ ничтожество существованія партикулярнаго путешественника.

Сбывъ съ рукъ дипломатическую лавочку, я принялся за рисованіе; и по вечерамъ хожу въ академію. Чтобы быть полнымъ художникомъ, въ нынѣшнемъ значеніи сего слова, недостаетъ мнѣ только огромной шляпы съ широкими отвиснувшими полями и огромнаго плаща.

За разныя свѣдѣнія: о состояніи фабрики, барановъ, и собственнаго моего сердца, приношу тебѣ искреннѣйшую мою признательность .... Касательно барановъ, сожалѣю, что по случаю моего отсутствія не могу съѣсть ихъ въ видѣ котлетъ, на тотъ конецъ, чтобы они меня не съѣли... Назначь мнѣ гдѣ-нибудь *ранде-вуй*; по мнѣ что не путь, то дорога. По части грамматической не могу допустить довода, на коемъ ты основываешь несклоняемость *Палермо*. Если допустить, что имя собственное это не склоняется потому, что передъ онымъ, будто бы, подразумѣвается слово: городъ, то надобно будетъ говорить: „я пряжу продаю въ Моск*ва*, отправляю товаръ изъ Петербур*гъ*“; ибо передъ Москвою и Петербургомъ можно, какъ и передъ Палермо, подразумѣвать слово: *городъ* или *столица* ad libitum, что не мѣшаетъ на русскомъ языкѣ склонять Москву и Петербургъ во всѣхъ возможныхъ падежахъ. Имена на *о* склоняются на русскомъ языкѣ, чему доказательствомъ служитъ извѣстные въ Исторіи Отечественной Бородино; а если Бородино, Дятьково и всякое *дерьмо* склоняется, то почему же не склонять Палермо, Ливорно и пр.; вотъ что гласятъ поборники склоняемости, коимъ противники отвѣчали приглашеніемъ, на основаніи сей теоріи, пріискать въ *Dent* планъ Палермо или Палермы, это грамматическая квадратура круга, въ разрѣшеніи коей мнѣ впрочемъ теперь не предстоитъ никакой *офиціальной*

надобности... Штиглицъ, находящійся здѣсь съ супругою, разсказывалъ мнѣ о *новой* бумагопрядильнѣ огромнаго размѣра, устраиваемой въ *Новой*! деревнѣ Англійскимъ Магазейномъ: не въ *Старой* ли деревнѣ должна строить(ся) оная мануфактура?

XXX.

18 января 1846. Римъ.

Послѣдній номеръ гласа за истекшій 45-й годъ такъ исполненъ некрологіями не умирающаго Ассмуса, что помѣщенное вслѣдъ за тѣмъ извѣстіе о *тяжской* болѣзни Нечаева [32]) весьма меня встревожило. Теперь, вѣроятно, участь его уже рѣшилась: съ нетерпѣніемъ ожидаю письма твоего, которое выведетъ меня изъ тяжкаго недоумѣнія и искренней скорби .... О сватбѣ *) Барятинскаго до насъ не доходило никакихъ слуховъ и потому не могу догадываться: quel est le feu générateur de la fumée dont vous parlez. Пишу въ канцеляріи посольства, гдѣ такъ холодно, что я сижу въ пальто и насилу держу перо въ рукѣ.

XXXI.

28 января 1846. Римъ.

Иванъ Акимовичъ сообщилъ мнѣ огорчительное извѣстіе, что Нечаевъ страдаетъ *каменною* болѣзнью. Онъ предполагаетъ лѣчиться посредствомъ гальвано-электричества, но отъ такого лѣченія я толку не ожидаю... Я пишу къ Ивану Акимовичу, прося его употребить вліяніе свое къ склоненію Нечаева ввѣриться въ руки Пирогова, и на сей конецъ пріѣхать въ С.-Петербургъ. Но какъ Пироговъ, по окончаніи операціи, пренебрегаетъ обыкновенно дальнѣйшимъ леченіемъ больного, то надобно имѣть другого медика, и я рекомендовалъ бы друга нашего Зауера, какъ внушающаго мнѣ преимущественно наибольшее довѣріе. Тяжкое положеніе бѣднаго Нечаева такъ огорчаетъ и безпокоитъ меня, что и карнавалъ, начинающійся въ субботу, будетъ мнѣ вовсе не на радость... Въ Италіи полагаю пробыть до первыхъ чиселъ апрѣля, и потомъ

*) Орѳографія Одоевскаго.

черезъ Марсель пуститься въ путь, дабы съ однимъ изъ пароходовъ возвратиться къ св. Сампсонію. Если ты не отказался отъ намѣренія прокатиться въ чужіе края, то назначь мнѣ какое-либо мѣсто для свиданія... Прощай, будь здоровъ и не пей Рейнъ-вейна, чтобы не нажить себѣ каменной болѣзни...

XXXII.

4 марта 1846. Римъ.

По уединенному образу жизни моему въ Римѣ, я не могу сообщить тебѣ ничего особенно любопытнаго, взамѣнъ интересныхъ свѣдѣній, передаваемыхъ съ Выборгской стороны. По послѣднему твоему письму я уже совершенно отказываюсь отъ всякой надежды встрѣтиться съ тобою въ Италіи, но для секретныхъ твоихъ соображеній увѣдомляю тебя, что въ первыхъ числахъ мая предполагаю находиться на берегахъ Сены. Авось къ тому времени ты *справишься* со своими мюлями, а затѣмъ отправишься за границу для усовершенствованія въ техническомъ искусствѣ бумагопряденія. Свидѣться съ тобою было бы и желательно и полезно въ Англіи [34]).

ПРИМѢЧАНІЯ [1]).

1) Магистръ Дерптскаго университета Сергѣй Сергѣевичъ Мальцовъ скончался во Франціи. Въ *Extrait des Registres des décès de l'Etat Civil de la commune d'Aas.* отмѣчено: „L'an 1838 et la 14 Juin à neuf heures du soir M-r. Serge Maltsoff natif de St. Petersbourg (Russie) rentier est décédé"...

16 августа 1838 года, И. А. Мальцовъ писалъ С. А. Соболевскому: „Кончина покойнаго меня до глубины души огорчила, сердцо опечалила, тѣмъ болѣе, что онъ умеръ на чужой сторонѣ и не имѣлъ утѣшенія духовнаго. Милосердый Богъ да сподобитъ его Царствія Небеснаго. Я много разъ говорилъ Ивану Зимою, чтобъ онъ поѣхалъ къ нему; но что прошло, не воротишь. Да будетъ съ нами воля Божія".

Въ портфеляхъ С. А. Соболевскаго хранится портретъ С. С. Мальцова, писанный карандашомъ. Подъ портретомъ собственноручная надпись Соболевскаго.

Вѣчный Жидъ.

Въ томъ же 1838 году И. С. Мальцовъ былъ отправленъ курьеромъ изъ Петербурга въ Парижъ. *Н. Б.*

2) Родной дядя И. С. Мальцова, князь Петръ Сергѣевичъ Мещерскій. 28 іюля 1838 года, онъ писалъ къ Соболевскому: Je reçois à l'instant même la missive officille de M. Bludoff, qui m'annonce la permission de S. M. J de transport le corps de mon neveu en Russie et que de son côté il a déja pris les mésures nécessaires à ce sujet l'*открытый листъ* на свободный пропускъ тѣла; до мѣста преданія онаго землѣ, препровожденъ къ здѣшнему военному генералъ-губернатору для выдачи тому, подъ чьимъ надзоромъ тѣло везено будетъ"... Je m'em-

[1]) Примѣчанія, написанныя барономъ Ѳ. Р. Остенъ-Сакеномъ, отмѣчены инициалами: *О. С.*

presse de vous le communiquer, Monsieur, à fin que Vous puissiez en faire part à mon neveu par le premier courrier. Dites je vous prie à Jean, que je l'embrasse de tout mon coeur. *Н. Б.*

3) Августъ Турнейсенъ (A. Thurneysen) парижскій банкиръ, оказывавшій разныя услуги русскому правительству, за что онъ былъ награжденъ въ 1847 г. орденомъ св. Анны 2-й степени. Въ 1849 г. переселился въ Россію, записанъ С.-Петербургскимъ 1-й гильдіи купцомъ и, вслѣдъ за тѣмъ, сталъ компаніономъ торговаго дома барона Штиглица и К°. Въ 1851 году былъ признанъ консуломъ вольнаго города Франкфурта на Майнѣ. *О. С.*

4) Въ портфеляхъ С. А. Соболевскаго, въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ *Семья*, хранятся письма: Екат. А. Соймоновой, С. А. Мертваго и Н. Д. Мертваго.

Александръ Николаевичъ Соймоновъ (1787 + 1856) былъ отцемъ Сергѣя Александровича Соболевскаго; а сестра Соболевскаго, Сусанна Александровна Соймонова, была замужемъ за Николаемъ Дмитріевичемъ Мертваго. Отецъ послѣдняго Дмитрій Борисовичъ Мертваго въ Русской Литературѣ извѣстенъ своими *Записками*, напечатанными въ *Русскомъ Архивѣ* 1867 года. *Н. Б.*

5) Отецъ Ивана Сергѣевича Мальцова, Сергѣй Акимовичъ, былъ женатъ на вдовѣ Петра Ильича Ладыженскаго, Аннѣ Сергѣевнѣ (рожденной княжнѣ Мещерской). См. примѣчаніе 2-е. *Н. Б.*

6) Въ С.-Петербургѣ, на Моховой, нѣкогда процвѣталъ благочестивый домъ Мальцовыхъ. Въ немъ жилъ секундъ-маіоръ Иванъ Акимовичъ Мальцовъ, родившійся въ 1774 году, съ своей супругой Капитолиною Михайловною (рожденной Вышеславцовой). При нихъ жилъ и сынъ ихъ, въ то время ротмистръ Кавалергардскаго полка, Сергѣй Ивановичъ (р. 1810). Дочь И. А. Мальцова—Марія Ивановна (р. 1808) была за генералъ-адъютантомъ, графомъ Павломъ Николаевичемъ Игнатьевымъ.

Иванъ Акимовичъ Мальцовъ происходилъ изъ дворянскаго рода, предокъ котораго Богданъ Аѳанасьевичъ служилъ въ 1634 году въ числѣ городовыхъ дворянъ по Чернигову, и внукъ котораго Василій Юрьевичъ Мальцовъ занялся торговлею и записался въ купечество. Сынъ Василья Юрьевича — Акимъ, содержавшій съ двоюроднымъ братомъ своимъ Ѳомою Васильевичемъ Мальцовымъ хрустальную фабрику, возстановленъ императрицею Екатериною II, 14-го августа 1775 года (по всеподданнѣйшему докладу Сената) въ потомственное дворянское достоинство. Сынъ его Иванъ Акимовичъ Мальцовъ записанъ въ службу вахмистромъ конной гвардіи 1-го января 1786 года, выпущенъ изъ гвардіи въ армію капитаномъ, а 1-го февраля 1794 года уволенъ, по болѣзни, отъ службы съ чиномъ секундъ-маіора; въ 1813 году назна-

ченъ почетнымъ смотрителемъ Брянскаго уѣзднаго училища и состоялъ въ этой должности въ 1828 году. Иванъ Акимовичъ скончался въ маѣ 1853 года отъ холеры, „оставивъ по себѣ", свидѣтельствуетъ А. Н. Муравьевъ, „блаженную память". 24-го мая 1853 года митрополитъ московскій Филаретъ писалъ А. Н. Муравьеву: „О Иванѣ Акимовичѣ у меня въ церкви молятся, по мнѣ не довелось помолиться при гробѣ его. Спросили меня, какъ его принять: я приказалъ священнику ждать у желѣзной дороги, встрѣтивъ съ литіею, и въ облаченіи проводить въ церковь... 20-го мая служилъ въ Чудовѣ. В. И. Назимовъ былъ у литургіи и зашелъ ко мнѣ, и сказалъ, что въ тотъ день по утру тѣло отправлено съ провожающимъ его иностранцемъ". На приглашеніе Погодина принять участіе въ обѣдѣ, даваемомъ въ его саду, въ честь отъѣзжающаго въ чужіе края М. С. Щепкина, Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ, 9-го мая 1853 года отвѣчалъ: „Умеръ рѣдкій человѣкъ и родственный другъ моего семейства—Иванъ Акимовичъ Мальцовъ. Смерть его сильно отуманила мое сердце. Я былъ бы скучнымъ гостемъ на вашемъ веселомъ обѣдѣ".

Въ портфеляхъ С. А. Соболевскаго хранятся три письма къ нему И. А. Мальцова. *Н. Б.*

7) Извѣстная красавица Капитолина Михайловна Вышеславцова въ первомъ бракѣ была за Василіемъ Львовичемъ Пушкинымъ, авторомъ *Опаснаго Сосѣда*. Наружность его Вигель рисуетъ въ такихъ чертахъ: „Рыхлое, толстѣющее туловище на жидкихъ ногахъ, косое брюхо, кривой носъ, лицо треугольникомъ, ротъ и подбородокъ à la Charles-Quint, а болѣе всего рѣдѣющіе волосы не съ большимъ въ тридцать лѣтъ его старообразили Къ тому же беззубіе увлаживало разговоръ его; но вообще дурнота его не имѣла ничего отвратительнаго, а была только забавна". Сохранилось письмо преосвященнаго епископа Дмитровскаго Августина къ князю А. Н. Голицыну, отъ 7 марта 1806 года, въ которомъ, между прочимъ читаемъ: „Изволите требовать отъ меня увѣдомленія по дѣлу коллежской ассесорши Капитолины Пушкиной о разводѣ съ мужемъ ея. По учиненіи справки, спѣшу донести вашему сіятельству, что дѣло сіе началось по формальному прошенію оной Пушкиной, обвиняющей мужа своего въ нарушеніи къ ней вѣрности, и свидѣтельствующей то, какъ другими доказательствами, такъ собственноручнымъ письмомъ его, въ которомъ г. Пушкинъ ясно и прямо признаетъ себя нарушителемъ святости брачнаго союза, и что онъ привязанъ къ одной женщинѣ, отъ которой никогда отстать не можетъ. Мы по долгу пастырскому всячески старались примирить жену съ мужемъ. Прежде ни мужъ, ни жена не склонялись къ примиренію, но послѣ мужъ склонился, а жена осталась совсѣмъ непреклонною". Въ письмѣ же къ князю А. Н. Голицыну, В. Л. Пушкинъ увѣряетъ,

что письмо, о которомъ упоминаетъ преосвященный Августинъ, онъ написалъ „будучи въ безпамятствѣ" (*Русская Старина* 1903, мартъ, стр. 515—517).

Разведясь съ своимъ первымъ супругомъ, Капитолина Михайловна вступила въ бракъ съ Иваномъ Акимовичемъ Мальцовымъ. *Н. Б.*

8) Въ 1839 году, Мальцовъ былъ отправленъ курьеромъ въ Константинополь. *Н. Б.*

9) Вѣроятно, Аркадій Осиповичъ Россетъ, братъ Александры Осиповны Смирновой. *Н. Б.*

10) Въ то время, когда И. С. Мальцовъ былъ въ Константинополѣ, тамъ былъ посланникомъ нашимъ Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ. Въ моей библіотекѣ имѣется довольно рѣдкая теперь книга: *Путешествіе черезъ Южную Россію, Крымъ и Одессу въ Константинополь, Малую Азію, Сѣверную Африку, Мальту, Сицилію, Италію, Южную Францію и Парижъ въ 1836 и 1837 годахъ.* Н. С. Всеволожскаго М. 1839. Въ двухъ томахъ. Къ первому тому этой книги Константинъ Аполлинаріевичъ Бутеневъ сдѣлалъ, по моей просьбѣ, примѣчанія, которыми теперь и воспользуюсь.

„Отецъ мой", пишетъ К. А. Бутеневъ, „родился 1787 года, скончался въ 1866 году. Воспитывался въ семьѣ Гончаровыхъ въ Москвѣ отъ 1794 до 1802 года. Въ Константинополь въ первый разъ прибылъ въ 1816 году въ качествѣ 1-го секретаря миссіи при посланникѣ, баронѣ Строгановѣ. Въ 1821 году, послѣ убіенія патріарха, дипломатическія сношенія съ Турціей были прерваны и отецъ служилъ до 1828 г. въ Петербургѣ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ Въ 1824 году онъ женился на Варварѣ Ивановнѣ Шевичъ и остался вдовымъ съ двумя дѣтьми въ 1828 году, когда сдѣланъ былъ правителемъ походной канцеляріи графа Нессельроде въ турецкую войну. Въ 1830 году былъ вторично посланъ въ Константинополь сперва повѣреннымъ въ дѣлахъ, а потомъ посланникомъ. Въ 1833 г. отцу моему удалось убѣдить султана прибѣгнуть къ покровительству Россіи противъ Махметъ-Али египетскаго и ункіаръ-скаллессійскимъ договоромъ выговорилъ значительныя преимущества для Россіи, напримѣръ свободный пропускъ русскихъ судовъ чрезъ Дарданелы Въ 1834 году онъ женился, но вступилъ во второй бракъ съ графинею Марьей Ириновной Хрептовичъ. Въ Константинополѣ онъ оставался до 1843 года". *Н. Б.*

11) Сынъ Ивана Акимовича и Капиталины Михайловны Мальцовыхъ, Сергѣй Ивановичъ, службу свою началъ въ гвардейской кавалеріи, былъ адъютантомъ принца Петра Георгіевича Ольденбургскаго. Въ 1849 году онъ вышелъ въ отставку генералъ-маіоромъ, поселился въ Дятьковѣ и посвятилъ себя управленію своими заводами и своею дѣятельностью въ области промышленности онъ прославилъ свое имя.

Въ 1837—1838 гг. онъ путешествовалъ по Европѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ сохранившіеся восемъ писемъ его къ С. А. Соболевскому.

С. И. Мальцовъ былъ женатъ на княжнѣ Анастасіи Николаевнѣ Урусовой. Въ портфеляхъ С. А. Соболевскаго хранится стихотвореніе брата Анастасіи Николаевны, князя Сергѣя Николаевича Урусова:

Стихомъ я звучнымъ не владѣю,
Экспромтомъ не могу писать,—
Но хочется... авось съумѣю
Полегче риѳмы подобрать.

Съ насмѣшкой колкой вы прочтете
Несчастно-скроенный куплетъ,
И если задъ имъ подотрете,—
Мнѣ въ томъ бѣды великой нѣтъ.

Васъ объ одномъ прошу,—таблицу
Невѣстъ московскихъ мнѣ прислать,—
Чтобъ Мальцова, какъ единицу,
Съ нулемъ какимъ не сочетать.

Надѣюсь, что мнѣ будетъ можно
Къ вамъ завтра утромъ забѣжать,
А если нѣтъ... прошу не ложно
Мой искренній привѣтъ принять.

См. *примѣчаніе* 6-е. *Н. Б.*

12) Левъ Григорьевичъ Сенявинъ р. 14 октября 1805, скончался 19 іюня 1862 холостымъ. Въ то время былъ директоромъ азіатскаго департамента, а впослѣдствіи товарищъ министра иностранныхъ дѣлъ, членъ государственнаго совѣта, сенаторъ (князь А. Б. Лобановъ-Ростовскій. *Русская Родословная Книга.* Спб. Изданіе, А. С. Суворина. 1895, II, 214). *Н. Б.*

13) Яковъ Андреевичъ Дашковъ (1803—1872), впослѣдствіи былъ посланникомъ въ Швеціи. *Н. Б.*

14) За свѣдѣніями о *Неклюдовыхъ* я обратился къ Ивану Александровичу Всеволожскому. Просьба моя была исполнена, и я имѣлъ честь получить отъ Ивана Александровича слѣдующее письмо: „Съ величайшимъ удовольствіемъ все, что знаю и помню о Неклюдовыхъ, передаю вамъ. Старикъ Сергѣй Неклюдовъ былъ женатъ на Варварѣ Ивановнѣ Нарышкиной. Сестру Варвары Ивановны, Елизавету Ивановну, старую дѣву, тоже помню. Жила постоянно въ Москвѣ подъ прозваніемъ *Бѣдная Лиза* (повѣсть Карамзина). Старику Неклюдову принадлежалъ домъ на Гагаринской набережной (нынѣ домъ Серебрякова). Въ верхнемъ этажѣ жило все семейство. Варвара Ивановна была въ свое время красавицей. Дѣтей было у нихъ много. Изъ сыновей извѣ-

стенъ былъ Василій—женатый на Катакази—когда-то посланникъ въ Аѳинахъ, при королѣ Оттонѣ. Старшая дочь Екатерина была женой министра юстиціи Замятина. Кромѣ Екатерины, у Неклюдовыхъ были дочери: 1) Ольга (за генер. Падейскимъ). 2) Варвара (за Готманомъ). 3) Марія не замужемъ. Про нее Соболевскій сочинилъ двустишіе:

Создавъ огромныхъ пару глазъ,
Богъ къ нимъ потомъ придѣлалъ васъ.

Была не красива. Кромѣ глазъ Богъ одарилъ ее огромнымъ носомъ.

Послѣдняя дочь была Кознакова („Лиза"), жена Иркутскаго генералъ-губернатора. Кажется, еще жива.

Варвара Ивановна Неклюдова считалась родственницей моей матери, рожденной Трубецкой, — но родство по московской модѣ, т.-е. седьмая вода на киселѣ. Кажется, было тоже родство съ Иваномъ Сергѣевичемъ Мальцовымъ. Онъ часто у нихъ бывалъ, какъ и у насъ. Неклюдовы гостили у моей матери въ Рябовѣ по недѣлямъ. Какъ-то неразлучно воспоминаніе о Неклюдовыхъ съ Мальцовымъ и Соболевскимъ. Въ 1849 году семейство мое переѣхало на заводы въ Пермь. Отецъ только дважды пріѣзжалъ въ Петербургъ. Мать же моя скончалась въ 1852 г. и съ тѣхъ поръ близкія сношенія съ Неклюдовыми, съ Соболевскимъ и Мальцовымъ прекратились. Соболевскаго я встрѣчалъ два раза за границею. Онъ наѣздомъ былъ въ Гагѣ для свиданія съ Мансуровыми, когда я служилъ при посольствѣ въ Голландіи, и второй разъ въ Ниццѣ въ 1861 г. Съ Мальцовымъ видѣлись довольно часто у кн. А. М. Горчакова. Одно время онъ управлялъ министерствомъ въ отсутствіи кн. Горчакова".

Въ портфеляхъ С. А. Соболевскаго сохранились письма къ нему Варвары Сергѣевны, Маріи Сергѣевны, Екатерины Сергѣевны и Елизаветы Сергѣевны Неклюдовыхъ, а также портретъ М. С. Неклюдовой, писанный карандашомъ. *Н. Б.*

15) 1-го іюля 1839 г. изданъ манифестъ „объ устройствѣ денежной системы", на основаніи котораго серебряная монета признана главною монетою обращенія и рубль серебра—*законною мѣрою* (монетною единицею).

(См. *Общій хронологическій указатель къ Полному Собранію Законовъ.* Т. II, стр. 451.—И. Н. Божеряновъ. Графъ Е. Ф. Канкринъ. Спб. 1897 г., стр. 193). *О. С.*

16) Гусь, село Владимірской губерніи, Меленковскаго уѣзда, съ бумагопрядильною мануфактурою и хрустально-стекляннымъ заводомъ. (Семеновъ. *Географическо Статистическій Словарь Россійской Имперіи.* Спб. 1865. II, 713—714). *Н. Б.*

17) Въ 1843 году Мальцовъ былъ отправленъ курьеромъ въ Вѣну. *Н. Б.*

18) Валеріанъ Платоновичъ Платоновъ, впослѣдствіи камергеръ и членъ варшавскаго сената. Въ портфеляхъ С. А. Соболевскаго сохранилось четыре письма къ нему Платонова. *Н. Б.*

19) *Липпикъ.* Едва ли не описка. На почтовой картѣ 1827 года, съ дополненіями по 1837 г., я нахожу на дорогѣ между Краковомъ и Вѣной станцію Leipnik, двѣ станціи не доѣзжая Ольмюца и нѣсколько ближе къ Кракову, чѣмъ къ Вѣнѣ. Не объ этой ли станціи упоминаетъ Мальцовъ? *О. С.*

20) Алексѣй Николаевичъ Времевъ. Въ портфеляхъ С. А. Соболевскаго сохранилось шесть его писемъ (1835—1837) къ Соболевскому. *Н. Б.*

21) Графъ Левъ Александровичъ Соллогубъ служилъ въ л. гв. Измайловскомъ полку (1831—1839); секретарь посольства въ Вѣнѣ (1842—1846), р. въ Москвѣ 18 мая 1812, умеръ въ Москвѣ 20 апрѣля 1852, погребенъ въ Донскомъ монастырѣ. Былъ женатъ на Маріи Ѳедоровнѣ Самариной (*Русская Родословная Книга,* II, 245—246). *Н. Б.*

22) Сестра И. С. Мальцова была замужемъ за Петромъ Ивановичемъ Колошинымъ, членомъ Самсоніевской бумагопрядильной мануфактуры; а въ юности своей, въ Москвѣ, въ 1823 году, онъ былъ членомъ общества, центромъ котораго былъ Семенъ Егоровичъ Раичъ. Въ сообществѣ С. П. Шевырева, А. Н. Муравьева, В. П. Титова, князя В. Ѳ. Одоевскаго и другихъ, Колошинъ мечталъ перевести всѣхъ греческихъ и римскихъ классиковъ и пр. *Н. Б.*

23) Посланникомъ въ Римѣ въ 1843 года былъ Аполлинарій Петровичъ Бутеневъ. Графъ Михаилъ Иринеевичъ Хрептовичъ (1809—1892) былъ женатъ на старшей дочери канцлера графа К. В. Нессельрода, графинѣ Еленѣ Карловнѣ. Сестры графа Хрептовича: Марія была замужемъ за А. П. Бутеневымъ, а Елена за В. П. Титовымъ (Примѣчаніе К. А. Бутенева).

24) Ѳедоръ Антоновичъ Бруни, извѣстный художникъ по исторической и религіозной живописи, родился въ Москвѣ въ 1800 г., умеръ въ Петербургѣ въ 1875 г. *Н. Б.*

25) По поводу пребыванія Мальцова въ Англіи не лишнимъ будетъ напомнить, что Императоръ Николай Павловичъ прибылъ въ Лондонъ 20 мая (1 іюня) 1844 года, а выѣхалъ изъ Лондона 28 мая (9 іюня) 1844 года. Графъ Нессельродъ прибылъ въ Лондонъ 24 іюля (6 августа) 1844, а выѣхалъ 5 (17) октября того же года. *О. С.*

26) Въ 1845 году Мальцовъ командированъ былъ въ Одессу по дѣламъ службы. *Н. Б.*

27) *Бырзолово.* Самъ графъ Нессельродъ пишетъ: Бирзаловка (Birsalovka) въ письмѣ къ князю Воронцову (*Архивъ кн. Воронцова.* XL, 21, 86). Въ письмѣ отъ 25 іюля 1833 г. онъ проситъ Воронцова

о содѣйствіи въ поимкѣ бѣглыхъ крестьянъ и прибавляетъ, что „это дѣло можетъ имѣть дурныя послѣдствія не только для меня, но и для *Херсонской* губерніи вообще". И дѣйствительно въ *Спискѣ населенныхъ мѣстъ Херсонской губерніи* (Изд. 1868 г.) я нахожу: 1) „Бирзоловка (Бырзалово) деревня владѣльческая, на рѣкѣ Ингулѣ, Херсонскаго уѣзда". На спеціальной десятиверстной картѣ нахожу на Ингулѣ только Ново-Бирзулово. 2) „Бырзулово (Бирзолово) село владѣльческое на р. Ягорлыкѣ, Ананьевскаго уѣзда. Церковь православная". Это и есть, судя по положенію на картѣ, нынѣшняя желѣзнодорожная станція Бирзула. Достойно примѣчанія, что оно находится на самой границѣ Балтскаго уѣзда, а извѣстно, что уѣздныя границы у насъ часто мѣняются. 3) Архангельская (Бирзулова) деревня владѣльческая, при р. Громкхеѣ, Херсонскаго уѣзда. 4) Бирзулова, деревня владѣльческая при р. Малой Корабельной, Елисаветградскаго уѣзда. Не берусь рѣшить вопроса. Можетъ быть № 2, а можетъ быть № 1. Хотя скорѣе приходится склоняться къ № 2-му, тѣмъ болѣе, что онъ *ближайшій къ Одессѣ*, а графъ Нессельродъ писалъ Воронцову 10 мая 1825: „L'Empereur m'a permis de passer par Birsalovka en retournant à Petersbourg. J'y arriverai vers le 6 juin et si à cette époque vous étiez à Odessa, j'y passerais 24 heures avec vous; au moins je ferai l'impossible pour cela, car *le temps que je puis donner à cette excursion est bien limite*". Очевидно, что Бирсаловка не въ далекомъ разстояніи отъ Одессы. *О. С.*

28) Извѣстный московскій гастрономъ Михаилъ Өедоровичъ Рахмановъ. Въ портфеляхъ Соболевскаго сохранилась слѣдующая записочка къ нему Рахманова (1844 г.): „L'Outarde est prète pour demain a 4½ heures précises,—si vous n'avez pas changé de résolution;—vous m'obligeriez infiniement en venant diner demain a 4½ heures. Salut et a mitié. M. Rahmanoff". *Н. Б.*

29) Марія Сергѣевна *Неклюдова*. См. *примѣчаніе* 14-е. *Н. Б.*

30) Извѣстный пѣвецъ Н. Ивановъ, уроженецъ Малороссіи, служилъ въ молодыхъ годахъ въ придворной пѣвческой капеллѣ. Въ 1830 году онъ, съ разрѣшенія начальства, и подъ руководствомъ М. И. Глинки, отправился за границу и бралъ уроки сначала въ Миланѣ у Э. Біанки, а потомъ въ Неаполѣ, у знаменитаго учителя пѣнія Nozzari, который, несмотря на свою скупость, взялся учить Иванова безплатно. Похвалы его голосу, а въ особенности отзывъ Рубини, который нашелъ, что русскій пѣвецъ беретъ нотою выше его, побудили Иванова готовиться для сцены; въ то же время въ немъ созрѣла рѣшимость самовольно порвать связь съ родиною и остаться за границею. Онъ вскорѣ пріобрѣлъ извѣстность первоклассваго тенора и пѣлъ съ блестящимъ успѣхомъ въ Неаполѣ, Парижѣ и Лондонѣ. Онъ нажилъ значительное состояніе и умеръ въ 1880 году въ своей виллѣ близъ Болоньи.

Императоръ Николай Павловичъ былъ весьма разгнѣванъ поступкомъ Иванова, и, какъ бы по молчаливому соглашенію, наши газеты и журналы никогда не упоминали о немъ. Такимъ образомъ блистательные успѣхи русскаго пѣвца на европейскихъ сценахъ остались незамѣченными въ Россіи. Довольно странно, что даже *Русскій Біографическій Словарь*, издаваемый нынѣ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Имп. Русскаго Историческаго Общества А. А. Половцова, пропустилъ это славное въ русской исторіи музыки имя.

Вышеприведенныя свѣдѣнія объ Ивановѣ заимствованы изъ *Записокъ Михаила Ивановича Глинки*, Спб. 1887 г., и отчасти изъ книжки: А. И. Рубецъ. *Біографическій лексиконъ русскихъ композиторовъ и музыкальныхъ дѣятелей*. Спб. 1886. *О. С.*

31) Lord Westmorland.

По всей вѣроятности, Мальцовъ называетъ такъ, въ шутку, извѣстнаго директора придворной пѣвческой капеллы Алексѣя Федоровича Львова († въ 1870 г.), которому Lord Westmorland, англійскій дипломатъ и дилетантъ по части музыкальнаго творчества († въ 1859), посвятилъ одну изъ своихъ симфоній.—Фамилія благороднаго лорда почти вездѣ печатается въ неправильной формѣ: Westmoreland (по имени одного изъ англійскихъ графствъ; первоначально: West-Mar-land). То обстоятельство, что Мальцовъ придерживается правильнаго, но чрезвычайно рѣдко встрѣчающагося правописаніе Westmorland, даетъ поводъ предполагать, что онъ лично былъ знакомъ съ лордомъ. *О. С.*

32) Отъ юности своей Степанъ Дмитріевичъ Нечаевъ, проживая въ Москвѣ, возлюбилъ русскую литературу и русскія древности. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ Погодинъ, встрѣтясь съ нимъ у А. Ѳ. Малиновскаго, записалъ въ своемъ *Дневникѣ*: „Встрѣтился и познакомился съ С. Д. Нечаевымъ и А. С. Норовымъ. Разговоръ былъ занимательный: о Платонѣ, о чтецахъ Пушкина, о Дмитріевѣ". Какъ памятникъ занятій литературою Нечаева, приведемъ стихотвореніе его, напечатанное въ *Новыхъ Аонидахъ* на 1823-ій годъ (Москва 1823), подъ заглавіемъ *Весна*:

Спокоенъ ясный неба сводъ;
Исчезли снѣжные покровы;
Зефиры пробужденныхъ водъ
Расторгли хладныя оковы;
Прелестный стелется ковёръ
Съ холмовъ въ глубокія долины;
Повсюду новыя картины;
Въ очарованьи слухъ и взоръ.

—

Съ слезою сладкой на очахъ
Слѣды блаженства созерцаю,

И дивную въ своихъ дѣлахъ
Природу тайно вопрошаю:
Что возвѣщаетъ намъ собой
Весны отрадное дыханье?
Что нѣжное благоуханье
Цвѣтовъ, блистающихъ красой?

—

Что шепчетъ робкой вѣтерокъ,
Порхающій въ тѣни дубравы?
О чемъ журчитъ сей ручеекъ?
О чемъ гласитъ лѣсъ величавый?
Что выражаетъ намъ своей
Одеждой мотылёкъ игривой?
Что весело поетъ надъ нивой
Подоблачный пѣвецъ полей?

—

Во всемъ твореньи зрится мнѣ
Лишь жертвенникъ благотворенья,
И сердце въ самой тишинѣ
Благому слышитъ пѣснопѣнья;
Его любовь, Его любовь
Щедротъ безчисленныхъ причина,
Любовь и дань Ему едина,
Достойная Его даровъ...

—

Но въ чувствѣ семъ еще сокрытъ
Для насъ источникъ наслажденья;
Любовью чистой кто горитъ,
Исполненный благословенья,—
Тотъ таинство постигъ небесъ,
Тотъ бытіе свое удвоилъ,
И счастье прочное устроилъ
И въ свѣтломъ будущемъ и здѣсь.

Альманахъ этотъ украшенъ произведеніями: Баратынскаго, князя Вяземскаго, Глинки (Ѳ. Н.), Гнѣдича, Давыдова (Д. В.), Дмитріева (М. А.), Жуковскаго, Пушкина, Тютчева.

Въ 1828 году Нечаевъ переселился въ Петербургъ и занялъ мѣсто за оберъ-прокурорскимъ столомъ въ Святѣйшемъ Сѵнодѣ, при чемъ московскій митрополитъ Филаретъ замѣтилъ, что отъ Нечаева „можно имѣть доброе чаяніе". Въ 1833 году онъ дѣлается оберъ-прокуроромъ Св. Сѵнода. На другой годъ по своемъ назначеніи Нечаевъ, въ бытность свою въ Москвѣ, присутствовалъ на торжественномъ собраніи университета, бывшемъ 5 іюля 1834 года, и на которомъ Погодинъ произнесъ слово *Объ ученомъ сословіи и его историческомъ призваніи.*

Оберъ-прокурорство въ Св. Синодѣ отдалило Нечаева отъ Москвы, и отъ любезной ему литературы. Въ 1836 году онъ вышелъ изъ Сѵнода, и въ званіи сенатора опять поселился въ Москвѣ, въ сосѣдствѣ съ Погодинымъ на Дѣвичьемъ полѣ, и снова полюбилъ и Русскую литературу и Русскія древности.

Черезъ недѣлю послѣ похоронъ Хомякова, 22 октября 1860 года, состоялось, подъ предсѣдательствомъ Погодина, засѣданіе общества любителей россійской словесности и въ этомъ засѣданіи общество, „съ истиннымъ сожалѣніемъ извѣстившись о кончинѣ бывшаго, съ 1820 года, члена онаго Степана Дмитріевича Нечаева, положило исключить имя его изъ списка членовъ". *Н. Б.*

33) Въ 1846 году князь Владиміръ Ивановичъ Барятинскій вступилъ въ законный бракъ съ княжною Елизаветою Александровною Чернышовою (*Betsy*). *Н. Б.*

34) Пребываніе въ Италіи украсило грудь Мальцова Сицилійскимъ орденомъ Франциска I большаго креста и командорственнымъ крестомъ Сардинскаго ордена Св. Маврикія и Лазаря. *Н. Б.*

Отъ Углича къ морю студеному.

„Познаніе мѣстностей, особенно дѣвственнаго Сѣвера, приложенное къ преданіямъ и документамъ старины, способно озарить наше Дѣеписаніе *живымъ* свѣтомъ истины!“

Строевъ.

„Отъ Усть-Кулуя вверхъ по Вавѣ до Ярославскаго рубежа то земли были Княжи Ивановы Александровича Ростовскаго“.

Акты.

„Черезъ три губы синя солона моря
Есть мощи ты среди синя солона моря,
На зеленомъ то высокомъ на островѣ
Стоитъ Божья церковь посвященная.
Благословите же, Соловецкіе Преподобные,
Чудотворцы многомилостивые“.

„И тое Божью дорогу, Окіянъ море, какъ мочно переняти и унять и затворить?“

Ц. Θеодоръ. (Грам. королевѣ Елизаветѣ).

Сложное и загадочное Угличское событіе 15 мая 1591 года, затемненное показаніями Русскихъ и Иностранныхъ современниковъ [1]), побуждаетъ искать другихъ путей, другихъ „безстрастныхъ“ показаній, вопрошая даже землю, ради нѣкотораго частнаго освѣщенія отдѣльныхъ событій смутнаго времени. Такая „детальная“ разработка признана покойнымъ Профессоромъ Бестужевымъ-Рюминымъ нужною [2]). Предлагаемая замѣтка — опытъ выясненія хотя бы двухъ личностей, прикосновенныхъ къ Угличскому разгрому 1591 г. Таковыми являются (и притомъ въ особомъ положеніи) — двое свидѣтелей, давшихъ свои показанія въ

¹) Казанскій. Изслѣдованіе о личности перваго Лжедимитрія. Рус. Вѣстн. 1877 г.

²) Бестужевъ-Рюминъ. Письма о Смутн. времени. СПБ. 1888 г., стр. 8.

слѣдственномъ дѣлѣ, по прибытіи въ Угличъ троихъ судей — Кн. В. И. Шуйскаго, Андрея Клешнина и думнаго дьяка Елизарія Вылузгина, принадлежавшихъ къ тремъ различнымъ направленіямъ.

То были *Иванъ Пашинъ* и *Василій Буторинъ*.

„А Иванъ Пашинъ и Василій Буторинъ, посадскіе люди, сказали въ распросе:

„Какъ Царевича Дмитрія не стало и какъ побили Михаила Битяговскаго съ товарищи, того они не вѣдаютъ; были они въ въ деревнѣ версты съ двѣ отъ посаду и съѣхали въ субботу въ четвертомъ часу дня, и какъ они заслышали въ городѣ шумъ великій, въ городъ не пошли, и они по ся мѣста ходили въ лѣсу и въ городъ идти не смѣли, что хотѣли ихъ побити посадскіе люди, и какъ мы свѣдали про князя Василія Ивановича (Шуйскаго) и про Андрея Петровича (Клешнина) и про Елизарія Вылузгина, что они пріѣхали на Углечь, и мы пришли на посадъ“ [1]).

Таково показаніе Пашина и Буторина. Но о дѣятельности Пашиныхъ въ 1591 году мы имѣемъ краснорѣчивое свидѣтельство самихъ Угличанъ. Въ 1623 году они подаютъ челобитную Царю Михаилу Θеодоровичу Романову.

„Бьютъ челомъ бѣдные твои Государевы сироты Угличане, посадскіе люди и земскій старостишко Васька Столбовъ съ товарищи... [2]). Жалоба, Государь, наша на Угличанина на Ивана Пашина“. — „Онъ“, — продолжаютъ челобитчики, — „Иванъ, насъ бѣдныхъ твоихъ сиротъ и достальныхъ раззоритъ... и погубитъ до конца и городишка запустошитъ по прежнему, какъ отецъ Ивановъ — Иванъ погубилъ насъ, сиротъ твоихъ, въ прошломъ 99 (1591) году по злому своему умышленью и по совѣту съ дьякомъ Михаиломъ Битяговскимъ (!) да... съ посадскимъ человѣкомъ Девятымъ Семухинымъ, и бывшаго Государя Царя и Великаго Князя Ивана Васильевича в. Р. сына его Государева, Царевича Князя Димитрія Ивановича,... предали на убійство и на смерть, и за то насъ, сиротъ твоихъ, погибло, въ Сибирь сослано, 60 семей“ [3]).

¹) Собр. Госуд. Гр. и Дог. ч. II, стр. 103—123.

²) Акты Археогр. Комиссіи, т. III, № 150.

³) Акты Археогр. Комиссіи, т. III, № 150.

На эту челобитную обратилъ вниманіе Погодинъ, указывая на то, что Угличане ни единымъ словомъ не обмолвились объ участіи Бориса Годунова, что имъ легко было сдѣлать въ 1623 году, но они всю вину возлагаютъ на Ивана Пашина и на Девятаго Семухина.

Судя по той же челобитной, Иванъ Пашинъ не хотѣлъ служить воцарившемусв В. И. Шуйскому.

„А въ прошломъ, Государь, въ 116 (1608) году, какъ пришелъ къ Углечу съ Русскими людьми Третьякъ большая борода за Г. Ц. и В. К. Василія Ивановича в. Р. ко кресту приводить, и онъ (Пашинъ) въ тое пору съ Литовскими людьми изъ города отошелъ въ Литовскіе таборы, и въ то смутное время, какъ стояли подъ Москвою Польскіе и Литовскіе люди, онъ Пашинъ у Литовскихъ людей служилъ“ [1]).

Такимъ образомъ Иванъ Пашинъ уже никакъ не является сторонникомъ Шуйскаго. Иванъ же Пашинъ въ 1591 году, если вѣрить словамъ его, изъ Углича отсутствуетъ и самое событіе не побуждаетъ его, повидимому, вернуться, а возвращается онъ, какъ говоритъ, только когда узналъ о пріѣздѣ судей—Кн. В. И. Шуйскаго съ товарищи въ Угличъ.

Не странно ли отсутствіе простаго даже любопытства узнать, что же произошло въ Угличѣ? Хотя они и слышали шумъ великій, но въ городъ „не пошли“. Неужели и набатъ не побудилъ ихъ вернуться? Развѣ они знали, что предстоитъ? И тогда отсутствіе ихъ изъ Углича—не случайное? Имъ, повидимому, „нужно“ быть за городомъ...

„Угличъ (Uglitz), по описанію Герберштейна, городъ съ крѣпостью, лежитъ на берегу Волги и отстоитъ отъ Москвы на 24, отъ Ярославля на 30, отъ Твери на 40 м.; эта крѣпость стоитъ на южномъ берегу Волги, городъ же Угличъ расположенъ по обоимъ берегамъ ея“.

О Переславлѣ Герберштейнъ говоритъ:

„Черезъ этотъ городъ отправляются тѣ, которые должны ѣхать въ Нижній Новгородъ, Кострому, Ярославль, Угличъ. Въ этихъ

---

[1]) Акты Археографической Коммис. т. III, № 150.

странахъ нельзя сдѣлать вѣрнаго исчисленія пути, по причинѣ частыхъ болотъ и лѣсовъ“ [1]).

Зимній путь изъ Москвы въ Бѣлоозеро шелъ черезъ Угличъ.

Имя Пашиныхъ дважды отмѣчено въ Тотемскихъ писцовыхъ книгахъ.—„Вдова Келикейка Дружинина, жена Пашина, съ сыномъ съ Ермолкою. Во дворѣ худой человѣкъ Еремка Пашинъ, судовой ярыжный“ [2]). Въ Тотьмѣ [3]) „Пустошь Пашина“, тогда какъ въ Великомъ Устюгѣ была даже—„Пашина Гора“.

Пашины встрѣчаются по Суздалю и въ Медынскомъ уѣздѣ [4]).

Въ Суздалѣ „Посадскіе дворы: Гурейка, Ларіоновъ сынъ, Пашинъ, у него дѣтей: Сенка 10 л., Гришко 8,—и Илюшка, Ларіоновъ сынъ, Пашинъ. Вдова Лукерьица, Васькина жена, Вьюткова, у нея сынъ Якушко 12 лѣтъ, да у нея же братъ Гришка, Ларіоновъ сынъ, Пашинъ“ [5]).

Въ Медынскомъ уѣздѣ, а также въ Орловскомъ уѣздѣ въ с. Неполоцкомъ и въ с. Мезинѣ значатся:—„За Ерохою, за Григорьевымъ сыномъ, Фенина Пашина. За Антономъ, за Савинымъ сыномъ, Пашина брата его роднаго Борисово помѣстье, а тоже въ Мезинѣ“.

„За вдовою за Матреною Ивановою, женою Пашина, да за его сыномъ за Герасимомъ за Ивановымъ, сыномъ Пашина, а Герасимко пяти лѣтъ, мужа ея помѣстье“.

„За вдовою, за Оксиньею за Савиною, женою Пашина, да за сыномъ за Онтонкомъ за Савинымъ, сыномъ Пашина, въ деревнѣ въ Кармановскомъ селищѣ, на рѣкѣ на Оцнѣ“ [6]).

---

[1]) Herberstein, p. 119.

[2]) Почти черезъ сто лѣтъ, и также 15 мая, вспыхнулъ Стрѣлецкій бунтъ, во время котораго, вмѣстѣ съ другими, убитъ былъ Государевъ дьякъ Ларіонъ Ивановъ (Пашинъ). Это лицо весьма любопытное, достойное особаго изслѣдованія.

Что Ларіонъ Ивановъ въ дѣйствительности Пашинъ, на то имѣемъ свидѣтельство. Въ чинѣ вѣнчанія Царя Петра Алексѣевича прямо обозначенъ „дьякъ Ларіонъ Пашинъ“. Слѣдовательно онъ сынъ Ивана Пашина; не внукъ ли Угличскаго заводчика Ивана же Пашина? Его убили въ возстаніе 15 мая.

[3]) Тотемскія писц. кн. 1619 г. Арх. Мин. Юст., № 479.

[4]) Писц. книги по Суздалю, № 11325. Арх. Мин. Юст.

[5]) Ibidem.

[6]) „Кармановское Селище“. Мы знаемъ „Тотемскаго посадскаго человѣка Карманку Окулова, молодаго человѣка, и вдову Марьицу Кармановскую, жену Окулова“. Писцовыя книги изд. Н. В. Калачовымъ.

У Тотьмы Пустошь „Пашина“.—Иванъ Пашинъ, сынъ „заводчика“ Ивана же, былъ вкладчикомъ Алексѣевскаго монастыря въ Угличѣ [1]).

„Олексѣевка пустошь, что была деревня Сименцева, да по закладной 1620 г., что дала вдова Акулина, Частова дочь, Өеодора Лошакова, перваго мужа своего, Исуповы вотчины Лазаревы пустошь, что былъ починокъ Углецкій“ [2]).

„Въ 1622 году по закладной, что далъ Угличанинъ посадскій человѣкъ Ивашка Пашинъ, закладную отца своего вотчину, что заложила у отца его вдова Соломонида, Степановская жена, Дурнева“ [3]).

Мы не знаемъ, около которой деревни и въ какомъ именно „мѣстѣ“ пребывалъ Пашинъ съ товарищи во время Угличкаго событія; но ближайшія, прилегающія къ Угличу, лѣса (когда-то принадлежавшія Князьямъ Юхоцкимъ) принадлежали къ Юхоцкой волости Князя Ивана Өеодоровича Мстиславскаго; и до нынѣ лѣсная пустошь Юхоцкая подходитъ почти къ самому городу [4]). То было направленіе Сулоцкаго тракта на Ярославль. .

Одновременно почти взяты были лошади съ конюшни Битяговскаго: „*Васька Недорѣзъ* съ Михайлова двора Битяговскаго взялъ восемъ лошадей, и тѣ де лошади привели на конюшню на Царевичеву“ [5]). По словамъ конюха,—„выѣзжали на нихъ за посадъ по дорогамъ — по Переславской по дорогѣ, да по Сулоцкой по дорогѣ, для пріѣзжихъ людей съ Москвы“ [6]). Но пріѣзжіе изъ Москвы, если могли пріѣхать по Переславской дорогѣ, то никакъ не по Сулоцкой, „а выѣзжали они на тѣхъ лошадяхъ по дорогамъ на три дни“ [7]). Показанія Васьки Недорѣза въ слѣдственномъ дѣлѣ нѣтъ. Быть можетъ, его вовсе и не было тогда въ Угличѣ?.. Но имя это не исчезаетъ: оно объявилось на берегахъ „Бѣлаго моря“.

---

[1]) Моск. Арх. Мин. Юст. Писц. Кн. по Угличскому уѣзду, 1625 г., № 898, л. 565.
[2]) Моск. Арх. Мин. Юст. Писц. Кн. по Угличскому уѣзду, 1629 г., № 898, стр. 565.
[3]) Моск. Арх. Мин. Юст. Грам. Кол. Экон., № 12896.
[4]) А. Барсуковъ. Свѣд. о Юхоцкой волости. Спб. 1894.
[5]) Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. II, стр. 103—123.
[6]) Ibidem.
[7]) Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. II, стр. 103—123.

„На лѣтней сторонѣ у моря, на Унскихъ рогахъ, монастырь Пертоминскій и рѣчка Кинжюга; (здѣсь) рыбныя ловли бѣлыя рыбы, что было на оброкѣ за Унениномъ, за Өедькою Недорѣзовымъ“ [1]). Тамъ же оказалось и имя товарища Пашина Семухина [2]).

Въ Унѣ и Неноксѣ цѣлое гнѣздо Недорѣзовыхъ.

„Сійскаго монастыря волость Умба, на рѣкѣ на Умбѣ, а въ ней Кириллова монастыря—3 чети, а четь тое волости Соловецкаго монастыря; между крестьянами Өедотко Григорьевъ, сынъ Семухинъ“ [3]). .

Въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ челобитной Угличанъ находится показаніе Истомки Батусова. Вотъ что сказалъ онъ на слѣдствіи:

„Добрые люди съ посадскими людьми не думали; тѣ разбѣжались—Иванъ Пашинъ, Василій Буторинъ, Девятый Семухинъ“ [4]). Слѣдовательно, этотъ свидѣтель называетъ „добрыми людьми“ тѣхъ самыхъ, которыхъ сами Угличане при Царѣ Михаилѣ называли зачинщиками всего зла.

Тотъ же Истомка Батусовъ говорилъ: „Его посадскіе люди хотѣли убить до смерти за то, что онъ началъ разговаривати, и чтобы они за посмѣхъ безъ Государева вѣдома не убивали и тѣхъ всѣхъ, которые нынѣ съ Михайломъ (Битяговскимъ) побиты... а онъ сидѣлъ въ тюрьмѣ (послѣ слѣдовательно его посадили въ тюрьму) и того не вѣдаетъ, какъ ихъ побивали“ [5]).

Имя Буториныхъ, встрѣчающееся даже въ Писцовыхъ Книгахъ 17-го столѣтія [6]), должно остановить на себѣ вниманіе... Прежде всего, оно встрѣчается въ Синодикѣ Антоніева Сійскаго монастыря. Тамъ записанъ „родъ Макарія Буторина съ Долгой Щели“. Далѣе слѣдуетъ одно только имя „Димитрія“ и затѣмъ позднѣйшею рукою прибавлено: „Аөанасія Буторина Колмогорскаго уѣзда“. Записанъ также родъ Ивана Окулова: Ирины,

---

[1]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. кн. по Архангельску. 1622 г., № 11.
[2]) Тамъ же, листъ 1905.
[3]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. кн. по Архангельску, 1622 г., л. 1905.
[4]) Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. II, стр. 103—123.
[5]) Собр. Гос. Гр. и Дог. ч. II, стр. 103—123.
[6]) Труды Ярославской Архивной Коммиссіи, изд. Титова.

Симеона, Мавры, а также и „родъ съ Пинеги, а чей родъ, вѣдаетъ подъячій Дементій Іевлевъ“ (?) [1]).

Въ Сійскомъ же Синодикѣ записанъ родъ Буторы—Меринова: „Симеона, Ерофея“.

Имя Буторы извѣстно и въ Лопи, слѣдовательно и за моремъ, на противоположномъ берегу.

„Грышка Окуловъ, сынъ Бутора“.

„На лѣтней сторонѣ, у моря, Гнидинская межа, м. Власка Буторина“ [2]).

Въ 1583 году „Андрей Горячевъ Аверкіевъ, сынъ Буторинъ, далъ въ монастырь на Корежму по родителяхъ своихъ пожню“ [3]).

„Въ 1618 году... воевода Петръ Григорьевичъ Дашковъ далъ на Угличѣ въ городѣ, въ острогѣ, дворовыя посадскія мѣста подъ дворъ для Животворящія Троицы Сергіева монастыря старцамъ и слугамъ на пріѣздъ, а крестьянамъ для осаднаго времени, отъ переулка Любимкова двора Долгова да отъ Ѳедорова двора Загрязскаго, Ильино дворовое мѣсто *Буторино*“ и пр. [4]). Слѣдовательно у Буториныхъ свое мѣсто въ Угличѣ. Это подтверждается и позднѣйшей грамотой (1684 года):

„Се азъ Углицкой площади подъячей Романко Емельяневъ продалъ есми Живоначальныя Троицы Сергіева монастыря соборному старцу села Прилукъ Ѳеодору — хоромы свои, которые были на Угличѣ на посадѣ у Ивана Ѳеодорова, сына *Буторина*: изба, противъ ея горница, межъ ими сѣни, на горницѣ вышетка, подъ избою подызбица, подъ горницею подклѣть“ [5]).

Въ послѣдствіи Буторины появляются на Вяткѣ:

„Мая въ 7 день па Вятку, по челобитью Федьки Буторина, велѣно судное дѣло и сыскъ прислать къ Москвѣ“ [6]).

Коряжемскій монастырь (Соли Вычегодской Николая Чудо-

[1]) Синодикъ Ант. Сійск. Монастыря, рукопись.
[2]) Писцовыя книги по Архангельску, 1622 г., № 9, Арх. Мин. Юст.
[3]) Моск. Арх. М. Ю. Грамота Кол. Экон. по Устюжскому уѣзду, № 13165.
[4]) М. Арх. М. Ю. Гр. Кол. Эк. по Угличск. у. № 51/12884, 7126 (1618 годъ).
[5]) Ibidem. № 176/13009.
[6]) Московск. Арх. М. Ю. Книга печатной конторы пошлинная, 1641 г. № 38, стр. 690.

творца Коряжемскаго) въ 16 верстахъ отъ Сольвычегодска, на рѣкѣ Вычегдѣ, при впаденіи въ нее рѣчки Коряжемки. Основанъ въ 1535 году послѣдователями Св. Стефана Пермскаго — св. Логгиномъ и Симономъ; послѣдній отдѣлился и основалъ Солотчинскій монастырь. Логгинъ здѣсь погребенъ, внѣ церкви, но черезъ 16 лѣтъ по кончинѣ, „по нѣкоторому видѣнію Устюжскому воеводѣ“, мощи его перенесены въ самую церковь, гдѣ почиваютъ подъ спудомъ. Въ сей обители жилъ и принялъ иночество въ 16 вѣкѣ Преподобный Христофоръ [1]).

„Оный монастырь состоитъ въ Устюжской провинціи, въ приписномъ Сольвычегодскомъ уѣздѣ, при устьѣ рѣки Коряжемки и при рѣкѣ Вычегдѣ, разстояніемъ отъ приписнаго города Сольвычегодска въ 15 верстахъ. Начало оному строенію значится въ 7043 (1535) году отъ начальника оной обители игумена Логина“ [2]). Этотъ монастырь не чуждъ Буторинымъ. Въ 1608 году монастырю жертвуетъ крестьянинъ Иванъ Исаковъ, сынъ Красноусъ... Николы Чудотворцу Коряжемскаго монастыря,.. при келарѣ старцѣ Николѣ, да при казначеѣ Ѳеогностѣ, да при попѣ черномъ при *Антоніи Буторинѣ* да при соборныхъ старцахъ... половину острова на рѣкѣ Вычегдѣ...и пр. [3]).

Слѣдовательно въ числѣ братіи былъ Антоній Буторинъ. *Андрей* Буторинъ, давшій пожню „по родителяхъ своихъ“ Коряжемскому монастырю, и *Антоній* не одно ли лицо?

Въ числѣ иконъ Коряжемскаго монастыря имѣлись по описи 1763 года [4]):

„Образъ Нерукотворенный, на той же дцкѣ написанъ благовѣрный Царевичъ Димитрій, да преподобная мученица Евдокія, окладъ серебряный, басменый, золоченъ, 3 вѣнца серебряные, рѣзные, золоченые, подпись на двутшицахъ (sic) серебряныхъ“.

„Образъ Дмитрія Солунскаго да Димитрія Царевича, окладъ серебряный, гладкой, золоченъ“.

[1]) Звѣринскій. Матеріалы для историко-топографич. изслѣдован. о монастыряхъ.
[2]) Моск. Арх. М. Ю. Офицерская опись Коллег. Экон., № 354.
[3]) Арх. М. Ю. Гр. Кол. Экон. по Устюжск. уѣзду, № 82/13.210.
[4]) Арх. М. Ю. Офицерскія описи Коллегіи Экономіи, № 354.

Къ монастырю приписана Христофоровская пустынь.

Въ томъ же монастырѣ врозь стоящихъ 8 кедровъ, кругъ того монастыря ограда деревянная, рублена, крыта тесомъ.

Внѣ монастыря строенія „подъ горою"; „да въ деревнѣ Пещанкѣ имѣется монастырскій скотный дворъ, разстояніемъ отъ монастыря въ одной верстѣ".

„Да имѣется въ рѣкѣ Вычегдѣ подъ онымъ монастыремъ на 4 верстахъ у усть рѣчки Низовки въ Плёсахъ вверхъ до Камочкина острову *до Носковы* кулиги по обѣ стороны на пескахъ и топяхъ, въ курьяхъ и въ истокахъ... подъ деревнею Заболотнымъ, въ ея устьѣ и до вершины, съ угодьями и съ заливы, бывающими на самой полной вешней водѣ и въ иныхъ топяхъ, которые къ монастырскимъ вотчинамъ мѣста прилегли,—рыбная ловля" [1]).

Носковы кулиги... Имя *Носко* встрѣтится не разъ въ извѣстіяхъ о смутной эпохѣ. Тѣмъ значительнѣе упоминаніе его имени въ Коряжемскомъ монастырѣ, гдѣ жилъ старецъ Антоній *Буторинъ*.

„На престолѣ антиминсъ освященъ въ 1600 году. Два Ирмолога въ полдесть, печатанные въ 1606 году" [2]).

Еще 3 мая 1540 года въ Коряжемскій монастырь направлена Царская грамота, изъ которой узнаемъ, что „велѣно у Соли на посадѣ и во всемъ Усольскомъ уѣздѣ выбрать въ Сибирь на житье 30 человѣкъ пашенныхъ людей съ женами и съ дѣтьми и со всѣми ихъ животы, а у всякаго человѣка было по три мерина добрыхъ, да по три коровы, да по двѣ козы, да по три свиньи, да по пяти овецъ, да по двое гусей, да по пятеру куровъ, да по два утятъ, да на годъ хлѣба, да соха со всѣмъ для пашни, да телѣга, да сани и всякая житейская рухлядь, и на подмогу имъ велѣно дати по 25 р. на человѣка" [3]).

Въ то время Игумномъ Коряжемскаго монастыря былъ Герасимъ, и Казначей также Герасимъ. Переселеніе видимо не удается, ибо „тѣ крестьяне въ Сибирь жильца не дали и подмоги не платили, сказавъ, что и подняться въ Сибирь никому не мочно" [4]).

---

[1]) Ibidem.
[2]) Моск. Арх. М. Ю. Офиц. опись Кол. Эк., № 354.
[3]) Акты. Археогр. Коммиссіи.
[4]) Ibidem.

Въ Коряжемскомъ монастырѣ сохраняются богатые вклады Строгановыхъ; между церквами возвышаются гигантскіе кедры, насажденные еще въ древности, а за монастыремъ виднѣется цѣлая роща столѣтнихъ кедровъ.

Въ сосѣдней Соли Вычегодской — Строгановы у себя дома. Вліяніе ихъ и значеніе въ краѣ достаточно извѣстны. Въ XVI столѣтіи Сольвычегодскъ, благодаря именитымъ людямъ Строгановымъ, продолжаетъ быть центромъ для складки, продажи и закупки всякихъ товаровъ: сибирскихъ, югорскихъ, самоѣдскихъ, удорскихъ, пермскихъ и пр., и послѣ разгрома Новгорода, сюда переселяются много Новгородскихъ семействъ.

Въ 1588 г. царь Ѳеодоръ Ивановичъ, по жалобѣ старцевъ Коряжемскаго монастыря на бывшаго ихъ Игумена Іова, оставившаго игуменство по немощи и не отдавшаго отчета въ монастырской казнѣ, послалъ къ Сольвычегодскому городовому приказчику слѣдующее предписаніе: „И какъ къ тебѣ ся грамота придетъ, и ты бъ въ томъ монастырѣ доискался старыхъ отписныхъ книгъ, по чему Игумену Іову тотъ монастырь отписанъ, да по тѣмъ книгамъ въ томъ монастырѣ пересмотрѣлъ все на лицо и переписалъ и пр." [1]).

Въ той же грамотѣ поминается просьба Коряжемскихъ монаховъ, въ которой они говорили между прочимъ: „А прежже де сего въ томъ монастырѣ считалъ и отписывалъ Вологодскій владыка, и ныне де на Вологдѣ владыки нѣтъ; счесть игумена и монастыря описать некому, и Государь бы ихъ пожаловалъ, велѣлъ тотъ монастырь отписати и Игумена Іева въ казнѣ, въ Государевѣ даныя, и въ монастырской казнѣ счести" [2]). Между этими монахами былъ и Антоній Буторинъ.

Въ числѣ становищъ значится —„Становище Буторина губа". Слѣдовательно, особая пристань носила наименованіе Буториныхъ.

Связь Макарія Буторина съ Долгою Щелью ясна. „Усть-Кулуя рѣки Долгая Щелья, а отъ рѣчки Кулоя внизъ до Луговой сѣнные покосы, по обѣ стороны рѣки Кулоя, на оброкѣ за

---

[1]) Чтенія И. О. И. и Др. Р. ч. I., 1861 г. О подвигахъ духовенства въ Россіи.
[2]) Акты Арх. Эксп., т. I, № 337.

Пронькою, прозвище „Бутора", а оброку ему давати и съ пошлинами на нынѣшній на 131-й годъ и впредь по 137-й, на 6 лѣтъ, по 1 руб. А въ тѣ лѣта на томъ мѣстѣ устроить ему дворъ и пашни распаховати, а какъ 6 лѣтъ минуетъ, и его положить въ черныя сохи, смотря по землѣ и по пашнѣ; и Государевы подати давати и въ мирскіе разметы платить Немьюжскія волости со крестьяны, чѣмъ его обложатъ; да ему же въ тотъ оброкъ ловити рыбу въ р. Кулуѣ и въ рѣчкѣ Кульсюѣ, Немьюжскія волости со крестьяны. Порука Немьюжане Третьичко Аѳонасьевъ, да Оська Лукинъ" [1]).

На самомъ берегу моря (въ Мезенской губѣ) была — „тоня Колявица, усть рѣки Кулуя, на оброкѣ Карьепольскіе пустыни за игуменомъ за Ефремомъ съ братіею, что была за Вологжаниномъ за Сергѣйкою Герасимовымъ, оброку стараго 14 алт. 4 д. Лозомскій наволочекъ и Якунинъ островокъ и рѣчка съ сѣнными покосы и путики—на оброкѣ Окладниковы слободки за церковнымъ старостою за Калинкою Киселевымъ за всѣми прихожаны" [2]).

На Мезени Окладникова слобода упоминается уже въ 1545 г. Это центръ торговый, имѣющій значеніе и какъ передаточный пунктъ въ Мангазею. Въ XVII вѣкѣ отъ Окладниковой древнее поселеніе Лампожня упоминается въ грамотѣ Царя Ивана 1548 г.

„Долгая Щель" и донынѣ на картѣ Мезенскаго уѣзда, почти на самомъ берегу моря, ниже Карьеполя. Сѣверныя связи Буториныхъ заставляютъ сосредоточить вниманіе на Двинской землѣ... Страна эта издари Новгородская, въ XV-мъ вѣкѣ переходитъ во власть Москвы. 11 августа 1471 г. въ Новгородской отказной грамотѣ значится:

„По благословенію нареченнаго на архіепископство Великаго Новагорода и Пскова священноинока Ѳеофила, отъ Посадника Степенного... и ото всего Великаго Новгорода съ вѣча съ Ярославля двора на Пинегу и на Кевролу и на Чаколу и на Пермьскіе и на Мезень и на Пиліи Горы и на Немьюгу и на Пинешку и пр., что тые земли... поимали за себе наши братья Новгородци и васъ къ цѣлованію привели на Наугородское имя: ино

[1]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. кн. по Архангельску, № 9.
[2]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. кн. по Кевролю, 1623 г., № 185.

то земли осподы нашей Вел. Князей В. К. Ивана Васильевича в. Р. и сына его В. К. Ивана Ивановича в. Р., а то крестное цѣлованіе Ноугороду съ васъ доловъ" [1]).

Власть Московскаго Великаго Князя здѣсь прочно водворилась. „А се земли Вел. Князя на Двинѣ: на зимнюю сторону отъ усть Двины возлѣ море до усть Онеги, то все земли Князя Великаго, да на лѣтнюю сторону отъ усть Двины озли море до усть Мезени рѣки Князя же Великаго, да на Пинезѣ волокъ Пилій Горы, да Немьюга—земли Великаго Князя, а отъ усть Кулуя вверхъ по Вазѣ до Ярославскаго рубежа, по рѣкѣ по Терменгѣ вверхъ, то земли были Княжъ Ивановы Александровича Ростовскаго" [2]).

Терминскій погостъ, Вологодской губ., Вельскаго уѣзда, въ 80 верстахъ къ Юго-Востоку отъ уѣзднаго города при рѣчкѣ Пермингѣ, влѣво отъ дороги изъ Архангельска въ Вологду. Здѣсь существовала Воскресенская пустынь, упраздненная еще до 1764 года и обращенная въ приходъ.

„А рѣка Кулуй отъ устія и до верховья по обѣ стороны, до волокъ у Кокшенги, то была отчина Князя Ивана Володиміровича Ростовскаго, а тянула къ Емской горѣ, а волокъ Пинежскій, Пекернема, Шулонема, Кулуй гора, Воспала, побережіе отъ великаго двора до великаго двора, да въ Наволоци двѣ деревни, да Вонча, Чюшила, Юрега, Буела, Заозерье—то отчины Великихъ Князей, а искалъ того Лука Строгановъ".

„Пинежскій волокъ"—обычный путь Строгановыхъ. „Да въ Двинской же уѣздъ приходитъ на волокъ на Пенежскій Данила Строгановъ (сынъ Семена) къ промыслу своему, къ Кулуйскому усолью, въ дощаникахъ и въ насадахъ, и хлѣбъ въ ладьи сыплютъ и на Печору отсылаютъ".

„На усть рѣчки Кулуя, на озеркѣ, у креста варница пустая и 2 мѣста варничныхъ Данилы Строганова съ Тотьмы, 2 варницы Вологодскаго Архіепископа, 3 варницы Корниліева Монастыря, 2 мѣста варничныхъ кречатьихъ помошниковъ, Ивана Дементьева съ братомъ и сына боярскаго Данилы Брянкова, Вол. Арх. сына боярскаго Ѳедора Ефремова".

[1]) Карамзинъ. Ист. Госуд. Росс., т. VI прим. 66.
[2]) Акты.

„А посошной хлѣбъ на Мезени и на Олемѣ и въ Немьюжкѣ не положенъ, потому что у нихъ хлѣбъ не родится, вызябаетъ морозомъ отъ моря. А лѣса въ волостяхъ—въ Мезени и на Олемѣ и въ Немьюжкѣ—большiе, черные, по болотамъ, въ длину отъ моря, отъ усть Мезени рѣки вверхъ по Мезени до рубежа, что межъ Мезенскiя волости, и въ Имской землѣ Еренскаго городка, и до усть рѣчекъ Курмыша до Вѣзы, гдѣ впали въ Мезень рѣку на 330 версты, отъ моря же и отъ лѣсовъ въ Удорскiя волости и до Кеврольскихъ лѣсовъ на 330 верстъ, и въ тѣхъ лѣсахъ звѣриными и птичьими ловлями, слопцы и путики, владѣти имъ по старинѣ всѣмъ вообще безоброчно, то имъ въ угодьи“ [1]).

„У моря на Зимнинскомъ берегу (между Мезенью и Двинскою губ.) отъ Койды рѣки до Бараньева Носу рыбныя ловли на оброкѣ Немьюжскихъ волостныхъ крестьянъ“ [2]).

„На зимней сторонѣ, за Сухимъ моремъ, на рѣкѣ на Золотицѣ, слободка Золотицкая, а въ ней церковь Рождества Пресвятыя Богородицы древяна клѣцки, а въ церкви образа и свѣчи и книги и колокола и всякое церковное строенiе мiрское. Другая церковь Рождества Пресвятыя Богородицы древяна же, клѣтки, ветха, безъ пѣнiя, дворъ монастырскiй на прiѣздъ, прiѣзжаютъ изъ монастыря старцы и дѣтеныши для рыбныя ловли, а тутъ же живутъ: Сенька Ивановъ, сынъ Истоминъ, и Марьица, Тарасова жена, Истомина, а рыбу ловятъ въ рѣкѣ Золотицѣ и на морѣ на монастырь, а ѣзъ на рѣкѣ на Золотицѣ монастырскiй, а ловятъ сиги и всякую бѣлую рыбу на монастырскiй обиходъ; у нихъ же тони на морѣ, тоня въ Запрудьи, тоня Глинка, тоня Конь-Камень, тоня Поплавская за рѣкою за Золотицею и мѣсто варничное запустѣло“ [3]).

„Весь Пинежскiй уѣздъ есть почти сплошной лѣсъ. Здѣсь приволье медвѣдямъ. Какъ имъ здѣсь не жить и не умножаться? Охота на медвѣдей здѣсь самая обычная. Крестьяне Пинежскiе—опытные охотники на медвѣдей; берлоги окружаютъ Красногорскiй монастырь, стоящiй на высокой горѣ. Видъ съ этой горы въ лѣтнюю пору на окрестности великолѣпенъ“ [4]).

[1]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. кн. по Кевролю, 1623 г., № 185. л. 472.
[2]) Ibidem.
[3]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. кн. по Архангельску, 1622 г., № 11, л. 1594.
[4]) С. В. Максимовъ. Годъ на сѣверѣ.

„Пинежскiй волокъ, какъ водораздѣлъ, не великъ; маленькую лодченку, долбленую однодеревку, можно купить за грошъ и донести на рукахъ до быстраго небольшаго ручейка, который превращается на второй день ѣзды въ настоящую рѣку Кулой, а на третiй и послѣднiй день пути въ необыкновенно широкую рѣку при самомъ устьѣ. Стрѣлой мчится здѣсь лодка прямо на сѣверъ. Въ Селѣ Долгощельѣ лодку надо бросить, приходится выходить въ открытое море, огибать берега до устья рѣки Мезени“ [1]).

Самое слово „Щелье“—мысъ рѣчной съ оврагомъ и крутизнами; особенно богата ими рѣка Мезень.

„Рѣка Пинега соединяется съ Двиною съ правой стороны. Она, какъ по древнимъ ея жителямъ, такъ и по нынѣшнимъ обстоятельствамъ, примѣчанiя достойна. По ней лучшiе и на корабельное строенiе годные растутъ лиственные лѣса. На ней много алебастровыхъ горъ, и жители ея въ древности великое имѣли участiе въ перемѣнахъ Двинскихъ; но о семъ пространнѣе въ своемъ мѣстѣ сказано будетъ“—[2]) добавляетъ Лепехинъ.

Другой современный путешественникъ такъ описываетъ Мезенскiе берега [3]):

„Что за прелесть, что за картинность прибрежныхъ видовъ, разбросанныхъ щедрою рукою по крутымъ берегамъ Мезени. Широкою бѣлою поляною отдѣляетъ рѣка цѣпь однихъ видовъ отъ другихъ противоположныхъ, и это разнообразiе въ мельчайшихъ подробностяхъ картинъ этихъ не утомляетъ глазъ на этотъ разъ: ни неизбѣжное однообразiе лѣсовъ, ни докучныя пихты, ни досадныя сосны. А какъ хороши должны быть эти рощи лиственницъ [4]), безконечно и неисчислимо засѣвшихъ на берегу, когда они всѣ свѣжи и весело зеленѣютъ весной, когда и Мезенецъ не попираетъ санями широкой и богатой рѣки своей. Глядишь по

[1]) С. В. Максимовъ. Годъ на сѣверѣ.
[2]) Лепехинъ. Дневныя записки путешествiя.
[3]) С. В. Максимовъ. Годъ на сѣверѣ.
[4]) Въ 12 верстахъ отъ Пинеги, Красногорскiй Монастырь съ очаровательнымъ видомъ на окрестности. Въ Пинегу съѣзжаются на ярмарку купцы изъ Галича (sic), Каргополя, Архангельска и Холмогоръ, и выѣзжаютъ изъ тундръ съ продуктами своихъ промысловъ: рыбой, жиромъ, шкурами, мѣхами и дичью Самоѣды изъ Усть Цыльмы и пр.

сторонамъ и не наглядишься, но сердце весело и находитъ отраду и зимой въ глухомъ дальнемъ краю Архангельскомъ“ [1]). Понятно, что подобная мѣстность могла говорить воображенію, понятно, что на берегахъ Студенаго моря сложилось такъ много сказаній и легендъ, достойныхъ особаго изученія.

Что касается до иныхъ произрастеній края, то въ окрестностяхъ Пустозерска растетъ много грибовъ, морошки, вороницы (empetrum nigrum, tanecetum vulgare), употреблявшейся прежде жителями вмѣсто чая, и особая трава cochlearia armoracia, служащая приправой къ кушанью, вмѣсто хрѣна, точно также, какъ въ среднемъ теченіи Печоры, вмѣсто капусты, употребляется растеніе борѣзъ (heradeum borealis), отчего окрестныхъ жителей зовутъ „борщеѣдами“ [2]).

Повидимому и въ глухимъ предѣлахъ Сѣвера создавшіяся обители не отступали, въ лицѣ своихъ строителей, отъ исконнаго обычая выбирать для таковыхъ лучшія по красотѣ своей мѣста. Такова, прежде всего, на Пинегѣ таинственная Обитель „Черногорская“ (позднѣе переименованная въ Красногорскую). Не мало разбросано ихъ по глухимъ мѣстамъ, у родниковъ, среди чащи лѣсной. Перечень таковыхъ любопытенъ, а надъ ними выдвигаются по значенію своему обители: Св. Антонія Сійскаго на С. Двинѣ и Св. Артемія (младенца) на Верколѣ, покровителя сиротъ. Владѣнія первой тянутся вдоль Кулоя и доходятъ до морскаго берега... И посреди этихъ отдаленнымъ мѣстъ на перепутьи селеніе Немьюжка, родина знаменитаго Вятскаго апостола Трифона, друга Строгановыхъ, постригавшаго лично сына боярскаго Юрія Отрепьева, и не разъ посѣтившаго свою родину, по пути богомолья въ Соловки и на Верколу. Житіе его особенно любопытно и къ нему придется еще вернуться, памятуя, что „житія святыхъ, какъ отдѣльныя звенья цѣлаго круга сказаній, заключаютъ въ себѣ историческій матеріалъ и притомъ такой, который безъ этихъ житій остался бы не замѣченнымъ“ [3]). „Житія святыхъ Русскихъ, въ разныя времена сочиненныя, передѣланныя, дополненныя, представляютъ богатый и почти непочатый запасъ для исторіи общежитія, мнѣній и повѣрьевъ прежней Руси и даже въ нихъ есть много фактовъ, незамѣченныхъ бытописателями... Кто соберетъ всѣ житія Св. Русскихъ, сказанія объ иконахъ и крестахъ, отдѣльныя описанія чудесъ ихъ и прочтетъ со вниманіемъ и критикою, *тотъ удивится богатству этихъ историческихъ источниковъ*“ [1]).

[1]) Максимовъ. Годъ на сѣверѣ.
[2]) Даль. Пословицы Русскаго народа.
[3]) Ключевскій. Житія святыхъ, какъ историческій источникъ.

Для насъ особое значеніе имѣетъ личность Св. *Трифона Вятскаго*, „опальника“ Бориса Годунова одновременно съ другимъ выдающимся Іерархомъ *Варлаамомъ Роговымъ* (Ростовскимъ), покровителемъ „пѣвцовъ“ [2]). Опала со стороны Годунова понятна, ибо основана на сильномъ подозрѣніи этихъ двухъ сѣверныхъ дѣятелей, которымъ ничто выдающееся въ сѣверномъ краѣ не могло, конечно, быть чуждо. Здѣсь не мѣсто распространяться объ этихъ двухъ замѣчательныхъ личностяхъ, къ которымъ еще придется вернуться въ связи съ Угличемъ.

Среди многочисленныхъ обителей Сѣвера надъ всѣми царитъ, конечно, Соловецкая, имѣющая несомнѣнное политическое значеніе. Но и помимо ея, особенно выдвигается, по мѣстному значенію своему, монастырь Св. Антонія Сійскаго. Это монастырь „сильный“—онъ подобенъ Суздальскому Спасо Ефимьевскому монастырю, гдѣ всякихъ людей поятъ и кормятъ. Обширны были тогда владѣнія Сійскаго монастыря.

Въ числѣ ихъ значатся: „Въ Немьюжскихъ обмѣстныхъ деревняхъ мѣсто на рѣчкѣ Ваймугѣ, въ живущемъ 63 обжи, да по Кн. Васильевымъ книгамъ Звенигородскаго съ товарищи [3]) написано: да Монастырская земля на Никулиной дер. и „Кощѣевой горѣ“, да на Нальи острову, противъ „Ровдины горы“, да р. Золотица зимняя, да четыре тони на Шорѣ, да въ Унѣ, да въ Неноксѣ двѣ варницы, да 10 варницъ, да на Моржегорскомъ угодьи варница, а владѣетъ Игуменъ съ братіею тѣми варницами и угодьями и лѣсами. По Писцовымъ книгамъ Василья Звенигородскаго значится: „въ Варзугѣ дворъ, да на острову келья, да у нихъ же дворы для пріѣзду для

[1]) Строевъ. (См. Н. П. Барсукова—Жизнь и труды Строева, стр. 375).
[2]) Ундольскій. Замѣчан. для ист. церк. пѣнія. Чт. въ Общ. Ист. и Др. 1846 г.
[3]) Князь Василій Андреевичъ Звенигородскій, племянникъ М. Г. Салтыкова. Лицо заслуживающее особаго изслѣдованія.

промысловъ на Холмогорахъ, на Емецкомъ стану, и на Вологдѣ, и въ Унѣ, и въ Неноксѣ, да насадъ ходити съ Холмогоръ на Вологду съ солью для монастырскаго обихода и ладьи отъ промысловъ на Холмогоры" [1]).

Сійскій монастырь, по положенію своему на Двинѣ, въ извѣстномъ отношеніи даже пунктъ стратегическій. Онъ же особенно близокъ Царевичу Ивану Ивановичу, писавшему житіе св. Антонія. Въ то-же время это мѣсто ссылки. Здѣсь въ 1591 году томился Петръ Аѳанасьевичъ Нагой, позднѣе сюда же сосланъ былъ Ѳедоръ Никитичъ Романовъ.

„Да приходятъ въ Сійскій монастырь проходомъ, идучи молиться, торговые люди иныхъ городовъ, а иные приходятъ въ монастырь изъ иныхъ городовъ на житье, и ты на монастырь прихожихъ людей пущати не велѣлъ, а Игуменъ, безъ нашего указу, въ монастырь принимать ихъ не смѣетъ; а которые приходятъ тутошные монастырскіе крестьяне и вкладчики окольныхъ волостей, и они въ монастырь ходятъ къ Чудотворцу помолиться съ приставомъ, съ сторожи" [2]).

Таковы строгости, введенныя Борисомъ Годуновымъ во время ссылки Ѳ. Н. Романова. Для насъ важно обычное сильное движеніе богомольцевъ.

Сійскому монастырю принадлежатъ на Кевролѣ и на Немьюгѣ рѣкѣ деревни: „на Чижъ-горѣ — деревня Бабониговская", „дер. Херпольская", гдѣ жилъ Иванко *Амосовъ* съ дѣтьми и Чупріянко Амосовъ. „На Кулуѣ деревня Карьеполе, сѣна 30 коп. коситъ съ Ненокшичи Якимъ *Щепеткинъ*".

Сійскаго монастыря владѣнія „въ Пинежской лукѣ на волоку, у погоста, деревни Бынцыньская, а Будринская и Тишинская тожъ, пашни, среднія земли, двѣ обжи и съ тѣмъ, что на острову на Пинежскомъ, и Нижняго конца, половина Волотовы горки, сѣна 30 к., оброку гривна, а другая половина за волостными людьми".

Волость „Чакольская", а въ ней деревни черныя. Чакольцы рыбу ловятъ въ рѣкѣ Пинегѣ, сверху отъ рѣчки отъ Немьюжки,

[1]) Писц. Книга по Арханг. и Двинску 1622 г. Моск. Арх. М. Ю., № 11, и Рукопись Сійскаго монастыря.

[2]) Акты Историческіе.

что выше березника, внизъ до рѣки до Еюги. На рѣчкѣ на Еюгѣ, на обѣ стороны отъ Семенкины пожни до „Истомина ручья", и на Вадовѣ горѣ дер. Вадова гора, дер. Наумовская у часовни. Въ приправочной сотной Князя Бориса Мезецкаго [1]), да подъячаго Рахманина Воронова 97 четь, въ той Чакольской волости написано 366 чети... Деревня Михѣевская у часовни; въ ней Васька Булыгинъ. Волость „Пильегора", въ ней деревни черныя, по обѣ стороны рѣки Пѣнеги, что бывало Якова Селезнева; здѣсь дер. „Михновская" [2]) у часовни [3]). „Въ Пильегорской же волости погостъ, а на погостѣ церковь Страстотерпца Георгія древяна вверхъ, а въ церкви образа и свѣчи и книги и ризы и колокола и все церковное строеніе мірское приходскихъ людей. На погостѣ же въ кельѣ просвирница Анница, въ кельѣ пономарь Ивашко Ѳедоровъ. У Пильегорцевъ у всѣхъ крестьянъ рѣчка Кижма; да деревня Шукша и съ озерки. По Писцовой книгѣ Князя Бориса Мезецкаго да подъячаго Рахманина Воронова 96 четь, которая взята въ Кевролѣ" [4]).

Особаго вниманія заслуживаетъ село Малая Немьюжска, родина Трифона Вятскаго; къ ней принадлежали деревня Бабинская, Чижъ гора тожъ, что бывало Сійскаго Монастыря, а въ ней крестьяне... да на Кулуѣ въ верхнихъ омутахъ 200 слопцовъ птичьихъ. Да деревня Харпольская, что бывало Сійскаго монастыря, а въ ней крестьяне... между ними: домъ пустъ Вавилка Хрипунова, сшелъ безвѣстно, перелоговъ четверть съ осминою. И всего пашни паханныя худыя земли 4 чети, да перелогомъ 3 чети въ полѣ, а въ дву потомужъ, сѣна 80 коп. Да на рѣкѣ на Саянѣ, у Малаго порога, въ Кирчагѣ и на Кулуѣ 200 слопцовъ птичьихъ" [5]).

О владѣніяхъ Сійскаго монастыря на Немьюгѣ говорится въ актахъ Архива Сійскаго монастыря: „Лѣта 7086 (1578 г.),

[1]) Князь Борисъ Ивановичъ Мезецкій, Двинской воевода, братъ извѣстнаго Князя Данилы Ивановича, личность, заслуживающая вниманія, какъ и вообще положеніе Мезецкихъ при Царицѣ Иринѣ.

[2]) Имя Михнева связано съ появленіемъ Разстриги.

[3]) Писцовыя книги по Архангельску и Двинску. М. Арх. М. Ю. № 11, л. 1585.

[4]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. Книга по Кевролю, 1623 г. № 185.

[5]) Тамъ же, л. 465.

по Государеву Цареву и В. К. Ивана Васильевича всея Русіи наказу, за приписью дьяка Ивана Стрѣшнева, Андрей Ивановичъ Толстой писалъ въ Двинскомъ уѣздѣ въ разныхъ станехъ отчину Животворящія Троицы и чести Ея Благовѣщенія Пречистыя, Антоніева Сійскаго монастыря, по челобитью Игумена Питирима" [1]).

Въ этомъ документѣ значится: „за Сійскимъ монастыремъ на Мезени въ Кевролѣ деревни на Чижъ горѣ, на Немьюгѣ рѣки, у Воскресенія Христова обѣлены, въ ней Васька да Кирилко да Аѳонько Григорьевы дѣти Шешуковы.

„Дер. Бабонѣговская, въ ней Митя Костинъ, Сидорко Микулинъ, Сенько Кириловъ, Пашко Максимовъ, Демехъ Микулинъ, Гридка Ивановъ, Митька Мартиновъ.

„За ними же дер. Херпольская: въ ней Иванко „Омосовъ" съ дѣтьми, Гаврилка Кузнецъ да сынъ его Окуликъ, Чупріянко „Омосовъ", Оксенъ Марковъ, Гришка Филипповъ" [2]).

„Дер. Потраловское, да къ ней же въ пашню припущено печище Скоморовское, что бывало Троице Сійскаго монастыря, а въ ней крестьянъ Спиридонка Онисимовъ умеръ въ 127 г., домъ пустъ Филки Констентинова, въ Мангезеѣ на промыслу. Тутъ же дер. Тимщелья, въ ней Ивашко Вахромѣевъ, да племянникъ его Лукьянко" [3]).

Таковы владѣнія Сійскаго монастыря на далекомъ Сѣверѣ. Если взглянуть на карту, то мы увидимъ, что владѣнія Сійскаго монастыря какъ разъ на пути съ Пинеги на Мезень, причемъ на Пинегѣ начальнымъ пунктомъ является Черногорская пустынь, а на Мезени дер. Потраловское. Какъ разъ же по срединѣ этого пути съ Немьюжска родина Трифона Вятскаго и деревни Херпольская и Чижъ гора. Такимъ образомъ монастырскія власти Сійскаго монастыря, и въ частности Игуменъ Питиримъ, должны находиться въ постоянномъ общеніи съ жителями прилегающихъ къ монастырю земель, конечнымъ владѣніемъ которыхъ была дер. Потраловская на Мезени, почти насупротивъ впаденія въ нее рѣки Пезы и нѣсколько ниже Чирцовой пустыни на самой Мезени.

[1]) Рукопись Сійскаго Монастыря.
[2]) Тамъ же.
[3]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. кн. по Кевролю, 1623 г. № 185.

Съ Мезенскаго берегу, отъ „Окулова носу до Чечи рѣчки на оброкѣ за Мезенцы, за Созонкомъ Ванюковымъ да за Ивашкою Ружниковымъ, что было на оброкѣ Сійскаго монастыря за Игуменомъ Іоною съ братіею; оброку и пошлинъ стараго 20 коп. да новаго 10 коп." Какъ разъ насупротивъ Сійскаго владѣнія, деревни Потраловской, „островокъ Карской на рѣкѣ на Мезени, дер. Тимощѣльскіе за Иваномъ Вахрамѣевымъ". Тутъ же на Мезени: „на Харитонѣ Аѳанасьевѣ оброку за то, что ему поставить для проѣзжихъ людей на пустомъ мѣстѣ на Тайболѣ, ѣдучи съ Немьюжки къ Лампожнѣ, избушку. На рѣкѣ же Мезени островокъ усть-Окурви противъ Янина, по конецъ Лись-острова, на оброкѣ за Мезенцомъ за Тимошкою Брагинымъ" [1]).

„Строеніе Монастырское (говоритъ Путешественникъ XVIII вѣка),—все каменное и стоитъ на прекрасномъ, отовсюду на подобіе полуострова окруженномъ, мѣстѣ по край озера, Михайловскимъ прозываемаго, изъ коего небольшая рѣчка Сія выходитъ и соединяется съ Двиною".

„Монастырь Сійскій на острову, на Михайловѣ на озерѣ. Подъ монастыремъ пашни монастырскія, что пашутъ „дѣтеныши"; у монастыря же озеро Михайловское, озеро Долгое, а промежъ ихъ на истоки мельница Нѣмецкая. Сійскаго же монастыря села и деревни старинныя въ разныхъ станехъ и въ волостехъ: дер. Юдинская, дер. Кощѣева гора на рѣкѣ на Емцѣ, дер. Семушинская, на Семушинѣ наволокѣ, дер. Вороновская, дер. что была починокъ Кривецъ, сѣна по р. Моржу, поч. Окуловскій и пр." [2]). Подборъ именъ обращаетъ на себя вниманіе.

Власти монастырскія своимъ зоркимъ хозяйскимъ взглядомъ обхватываютъ свои владѣнія до Студенаго моря... Здѣсь лѣсная глушь смѣняется обширнымъ „окномъ" на морскую даль...

„Необозримая морская гладь, только къ берегу плещетъ, никогда не умолкая, прибойная волна. Вдругъ спокойная и гладкая, какъ зеркало, поверхность бухты вскипитъ на всемъ ея протяженіи миріадами серебристыхъ блестокъ, около нихъ показываются черныя головы какихъ-то звѣрей. Это сѣрки—phoca viturnia, за-

[1]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. кн. по Кевролю 1623 г. № 185.
[2]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. Кн. по Архангельску, 1622 г., № 11.

гоняющіе стада сельдей. Сѣрко, особый видъ тюленя, извѣстный на поморьѣ подъ различными наименованіями, смотря по возрасту. Тюлень этотъ въ бѣломъ морѣ для сельдей тоже, что китъ въ океанѣ. Здѣсь же громадныхъ размѣровъ подводные камни. Ихъ называютъ „лудами". Во время отлива, нѣкоторые изъ этихъ камней выступаютъ изъ подъ воды и въ темную пору и не въ сильную погоду, когда на морѣ ходитъ большой взводень,—камни эти очень опасны" [1]).

„Въ 192 верстахъ къ сѣверу отъ Ю. В. берега Мезенскаго залива, на 28 верстъ отъ берега, островъ „Моржовецъ". Въ окружности островъ имѣетъ до 40 верстъ, на немъ текутъ двѣ рѣки съ прѣсною водой — Золотуха и Рыбная. Онъ представляетъ поверхность гранитнаго строенія съ толстымъ слоемъ тундры. Въ началѣ ноября у береговъ острова показываются льдины, а въ ноябрѣ—„торосы", послѣ чего прекращается сообщеніе съ материкомъ до мая мѣсяца. Островъ Моржовецъ служитъ единственнымъ спасеніемъ для промышленниковъ, унесенныхъ льдинами, т.-е. льдины большею частію приносятся теченіемъ къ нему. Восточнѣе острова Моржовца лежитъ множество песчаныхъ высыхающихъ мелей, называемыхъ здѣсь „чайками". Изъ промысловъ самый важный Устьинскій или Загребной въ Мезенскомъ заливѣ, преимущественно въ устьяхъ Кулоя и Мезени. На этотъ промыслъ выходятъ на Ѳоминой недѣлѣ. Лисицы, горностаи, песцы водятся почти исключительно въ Мезенскомъ уѣздѣ, и они ловятся кочующими здѣсь Самоѣдами, скупаются Зырянами. Еще въ XV-мъ вѣкѣ торговыя сношенія существовали и совершались въ Мезени, Кеврюлѣ, Колѣ и Пустозерскѣ, гдѣ были первыя торговыя пристани и склады товаровъ" [2]).

„Изъ птицъ видѣлъ я тамъ (на Моржовцѣ) на одномъ озерѣ шестерыхъ лебедей, также гагаръ, утокъ, чирковъ, разбойниковъ или поварковъ (narus parafiticus), галстушниковъ (charadrius hiaticula), куропшей или куропатокъ, чернозобыхъ жаворонковъ и коршуновъ (falco melvus)" [3]).

Берега Мезенскаго залива песчано-глинистые, мѣстами съ

[1]) Максимовъ. Годъ на Сѣверѣ.
[2]) Лепехинъ. Дн. Записки путешественника.
[3]) Ibidem.

незначительными возвышеніями. Около рѣкъ Кулоя и Мезени довольно крупный лѣсъ Съ восточной стороны залива пролегаетъ ровная тундра, покрытая кустарникомъ; отлогія возвышенности по этой сторонѣ залива начинаются только въ значительномъ разстояніи отъ берега [1]).

Мезенскій приливъ представляетъ свою особенность, состоящую въ томъ, что вода катится валомъ высотою до 6 футовъ, заливая мгновенно всѣ отмели и низменные берега рѣкъ [2]).

Въ Мезенскую губу впадаетъ рѣка Кулой. Кулой вытекаетъ изъ болота, около Пинеги. Судоходство на малыхъ судахъ начинается отъ Кулойскаго посада. Длина рѣки 240 в. Она судоходна на 180 верстъ.

„Недалеко отъ Холмогоръ впадаетъ въ Двину справа рѣка Пинега, текущая съ востока на пространствѣ 700 верстъ. Здѣсь на пространствѣ полуверсты суда переволакиваютъ въ рѣку Кулой (Kuluio). Рѣка же Кулой беретъ начало на сѣверѣ изъ озера того же имени; отъ ея истоковъ до устьевъ, которыми она изливается въ океанъ, шесть дней пути". Держась праваго берега моря приходится плыть мимо слѣдующихъ мѣстъ (possessiones): Stanavnische, Calunezscho (?), „Арни (?), обогнувъ мысъ Chorogoski Nosz (?). Stanavnishe (?) (Становище), Comenckh (?), Tholstickh, наконецъ входишь въ рѣку Мезень (Mezen), по которой надо плыть шесть дней до деревни того же имени, лежащей при устьѣ р. Пезы (Piecza). Идя вверхъ по этой рѣкѣ опять влѣво, къ юго-востоку, послѣ трехнедѣльнаго пути встрѣтишь рѣку Piescoga (?), оттуда пять верстъ волокутъ суда въ два озера, и тогда представляются двѣ дороги: одна изъ нихъ влѣво ведетъ въ рѣку Rubicho (?), по которой можно дойти до рѣки Чирки (Circho). Другіе, плывя кратчайшимъ путемъ, переволакиваютъ суда изъ озера прямо въ Чирку, изъ которой, если только не задержатъ бури, въ три недѣли приходятъ къ устью рѣки Цыльмы (Zilma), впадающей въ большую рѣку Печору, которая въ этомъ мѣстѣ простирается на двѣ версты въ ширину" [3]).

Еще въ 1545 году Самоѣды, живущіе на Мезени, жаловались,

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.
[3]) Herberstein, p. 123.

„что у нихъ Печеряне и Пермяки отбираютъ рыбныя ловли; тоже де Самоѣды пріѣзжаютъ на Лампожню торговати съ Русски(ми), и становились де, пріѣзжая, на Усть Мезени рѣки, и Пинежскіе де волостели ихъ судятъ сильно, а нынѣ де на томъ мѣстѣ на Усть Мезени рѣки стала „Сокольня Нова". Самоѣдамъ, Лампожничамъ на тѣхъ мѣстахъ звѣря всякаго ловить не даютъ. Самоѣды просятъ, чтобы имъ тое бы сокольню дати на оброкъ, и кто у нихъ на той сокольнѣ учнетъ жити, и того бы Пинежскіе волостели не судили".

„Появленіе „кречатныхъ помытчиковъ" не всегда обходилось безъ непріятностей; такъ, въ Питиримовской челобитной читаемъ: „Пожаловали вы В. Г. въ домъ Пречистыя Богородицы и Московскихъ Чудотворцевъ и намъ, богомольцамъ своимъ, на Мурманскомъ морѣ, на Терской сторонѣ, въ Кольскомъ уѣздѣ рыбныя ловли: Поной рѣку и Лахту въ вотчину, и нынѣ, Государь, бьютъ челомъ мнѣ, богомольцу твоему, тѣ Лопаришка: пріѣзжаютъ де къ нимъ отъ Архангельскаго города на Колмогоръ кречатные помытчики, Екимъ Шеленскій съ товарищи, на ихъ Лопскія угодья и промышляютъ на тебя, Великаго Государя, кречаты, а имъ Лопаришкамъ чинятъ всякое насильство, правятъ себѣ на нихъ ѣзды и кормы и подводы большимъ правежомъ, и кречатомъ на кормъ емлютъ сильно безденежно скотину ихъ, и оленей бьютъ и, убивъ, кожи оленьи снимаютъ себѣ" [1]).

Лучшіе по качеству кречата находились у Пинежанъ и Мезенцевъ. Здѣсь былъ главный разсадникъ, откуда они добывались изстари. Вотъ почему именно въ окрестностяхъ Колмогоръ сосредоточивались жилища „Сокольихъ помытчиковъ", у которыхъ Двиною и другими водными путями были сношенія съ лицами, въ рукахъ чьихъ сосредоточены были заботы о царсвой охотѣ, гдѣ во главѣ стояли ловчіе и сокольничій. Жили сокольи помытчики и подъ Переяславомъ [2]) и подъ Угличемъ, въ Юхоцкой волости Кн. Мстиславскихъ [3]), но главный ихъ составъ въ Колмогорахъ, ибо на Пинежскомъ волокѣ водились лучшіе сокола и слава

[1]) Акты, относ. до истор. Бѣлоз. края.
[2]) Ibidem.
[3]) А. П. Барсуковъ. Свѣдѣнія объ Юхоцкой волости.

ихъ гремѣла изстари. Извѣстно, какимъ страстнымъ охотникомъ былъ Великій Князь Василій Ивановичъ, а при немъ ловчимъ былъ Михайло Нагой,—прадѣдъ царицы Марьи. Дѣдъ ея, бояринъ Ѳеодоръ Михайловичъ Нагой, былъ ловчимъ при Царѣ Иванѣ наслѣдственно" [1]).

Вспомнимъ, что Англичанинъ Горсей (Horsay) „получилъ отъ царицы Марьи Нагой изъ Углича, передъ отъѣздомъ своимъ изъ Архангельска, соболей и превосходнаго качества собраніе весьма дорогихъ соколовъ всѣхъ сортовъ, съ людьми для сопровожденія и для доставки оныхъ до морскаго берега [2]).

Присутствіе „сокольниковъ" въ Двинскомъ краѣ еще въ XIV вѣкѣ засвидѣтельствовано слѣдующею грамотою Іоанна Калиты:

„Се азъ... пожаловалъ есми сокольниковъ Печерскихъ, кто ходитъ на Печеру... не надобѣ имъ никоторая дань, ни ко старостѣ имъ тянути, и что у нихъ третники и наймиты, кто стражетъ на готовыхъ конихъ и въ купахъ" и пр. [3]).

Связь съ Двинскимъ краемъ по дѣламъ потѣхи ловчей не прекращалась. Когда Баторій прислалъ просить у Царя Ивана Васильевича „кречетовъ", то Царь отвѣчалъ ему: „Я послалъ за ними на Двину и поморье" [4]).

Кулой и Мезень почти сходятся устьями, а на противоположномъ берегу Лопи впадаетъ въ море рѣка Поной, гдѣ жили старцы Троице Сергіевой Лавры.

На устьяхъ Мезени—Окладникова слобода, оттуда путь до Пустозерска и въ Мангазею. Связи Мезени съ Мангазеей несомнѣнны. Съ Кулоя и Мезени идутъ въ Мангазею на промыселъ.

Грамота 1600 года Бориса Годунова о пути моремъ изъ Мезени въ Мангазею заставляетъ предположить о существованіи его ранѣе, на что имѣются и указанія. Мезень и Мангазея, Обдорскій край и Угличъ невольно сближаются.

Въ 1597 году городъ Мангазея воздвигнутъ Княземъ Василіемъ М. Рубцемъ Масальскимъ (будущимъ другомъ Разстриги).

[1]) Кн. Лобановъ-Ростовскій. Род. Нагихъ.
[2]) Horsay.
[3]) Акты.
[4]) Пам. Дипломатическихъ Сношеній.

„Въ лѣто 7107 (1599) зимы Царь Борисъ посла въ Сибирь и повелѣ поставити градъ въ Сибири Мангазею, и созда его Князь Василій Масальскій Рубецъ“ [1]).

Путь шелъ черезъ Сѣверный Гибралтаръ (Маточкинъ шаръ). Этотъ путь издавна привлекалъ Англичанъ, добивавшихся прохода Ледовитымъ моремъ для своихъ торговыхъ цѣлей. Еще до 1584 г. Англичане искали, ради этихъ цѣлей, установить прямое торговое сообщеніе съ Обьскими Самоѣдами и съ Тазовскими [2]).

Въ 16-мъ вѣкѣ и позже извѣстны были три дороги отъ Печеры черезъ Уральскій хребетъ. Онѣ шли по тремъ рѣкамъ, которыя, выходя изъ горъ, впадаютъ съ правой стороны въ Печеру. Ближайшая къ Сѣверу шла по р. Усѣ, отъ верховья оной до Соби, впадающей въ Обь. Вторая, или средняя, шла по изгорью вверхъ, а за горами справа по Сычвѣ потомъ по Сосвѣ. Третья и ближайшая къ югу извивалась вдоль по Илешѣ, а перешедъ горы пролегала по Вогулѣ также до Сосвы [3]). Тамъ за Уральскимъ хребтомъ лежала страна „Югрія“, которая въ половинѣ XIII вѣка принадлежала Новгородскимъ областямъ: „а отъ устья (Оби) вверхъ по рѣкѣ лежатъ Обдорскіе грады, а выше Обдорскихъ градовъ Югорскіе, выше Югорскихъ Сибирскіе. Великая же рѣка Обь устьемъ пала въ море океанъ, Сибирскимъ прозваніемъ въ Мангазейское море студеное, отъ котораго моря Мангазейскаго городъ Мангазея нарицается, стоитъ надъ рѣкою Мангазейскою, а та рѣка устьемъ пала въ море океанъ студеное“ [4]).

„Изъ Мангазеи моремъ океаномъ ѣзды ладьями Корельскими, мимо Пустозера, до города Архангельска три недѣли, а тѣмъ океанъ— моремъ Мангазейскимъ съ устія великой рѣки Оби моремъ океаномъ, мимо Пустозерскаго острога, къ городу Архангельску ѣзды Корельскою ладіею мѣсяцъ своею силою, опричь греблею, парусомъ же по двѣ недѣли. По обѣимъ сторонамъ моря (раздѣленные Уральскимъ хребтомъ) живутъ Государевы ясачные люди: Остяки,

[1]) См. Сибирскую Исторію Миллера, стр. 329—392. О Мангазеѣ подробныя свѣдѣнія во II т. Русс. Ист. Биб.; тамъ же грам. №№ 155, 188, 250 и др.

[2]) Сибирь XVI вѣка.

[3]) Ibidem.

[4]) Сибирь XVI в.

Самоѣдь, Лопяне, на восточной странѣ за Югорскою землею живутъ люди Самоѣдь, зовомые Малгонзеи.

Сіи же люди не велики возрастомъ, плосковидны носы, малы, но рѣзвы вельми и стрѣльцы скоры и горазды. А ѣздятъ на оленяхъ и на собакахъ, а платье носятъ соболіе, оленіе, а товаръ ихъ соболи“ [1]).

24 Февраля 1584 года Русскіе мореплаватели изъ Пустозерска сообщали Англійскому агенту Антону Маршу (Marsh), что если плыть къ Оби, нужно миновать три острова—Вайгачъ, Новую землю и Матвееву землю. Если хотите насъ, говорили они, для поѣздки и развѣдки устья Оби,—мы должны итти островами.

Христофоръ Гильмсъ, который въ 1584 году былъ агентомъ въ Вологдѣ, писалъ, что Маршъ познакомился было съ другою сѣверо-восточною дорогою, отъ Канина носа до Оби, именно у Новой земли и Маточкина яра, въ дополненіе дороги отъ Медынскаго Заворота (къ Печерской губѣ) въ Карскій заливъ, слѣдовательно черезъ Югорскія ворота, которыя раздѣляютъ материкъ отъ Вайгача. Отъ Маточкина яра до острова, находящагося противъ устьевъ Оби, пять дней плыть. Бѣлый островъ уже извѣстенъ въ 1584 году. Заливы и фіорды восточнаго берега, врѣзающіеся въ землю, повидимому были уже извѣстны въ 1584 году. „Изъ сего заключаемъ, говоритъ Гамель [2]), что даже въ 1584 г. пути Маточкина шара, не только были извѣстны, но употреблялись, какъ проходъ. Строгановы вели значительную торговлю съ Самоѣдами Оби. Аника Ѳеодоровичъ (Строгановъ) часто посылалъ туда людей черезъ Югорскій хребетъ. Бельгіецъ Oliver Brunel на службѣ Строгановыхъ также путешествовалъ къ Оби черезъ Уралъ. Онъ долженъ былъ ѣхать вверхъ къ Печерѣ и затѣмъ въ Югорскія врата и Карскимъ моремъ до Мутной и этою рѣкою до Волока и внизъ по Зеленой до Оби. Въ Сибири онъ долженъ былъ посѣтить заливъ Таза, гдѣ впослѣдствіи былъ построенъ Тазовскій городъ“. „Adiit ipse fluviam Obam, tum terrae per Samoedarum et Sibircorum regionen, tum mari perlitus Petshore flummet ad orientem“ [3]).

[1]) Сиб. Лѣтопись.

[2]) Hamel. Russia end England.

[3]) Ibidem.

Этотъ путешественникъ (Oliver) писалъ о своемъ путешествіи Меркатору.

Извѣстно, насколько берега Ледовитаго моря были доступны Англичанамъ. Сама Королева Елизавета заявляетъ въ письмѣ своемъ къ Царю Ѳеодору:

„Наши сѣверныя поселенія на Печенгѣ, па Верзугѣ, въ Колѣ, въ Неноксѣ и въ другихъ мѣстахъ, какъ то въ Печерѣ, на Новой землѣ“ [1]).

„У нихъ были конторы въ Вологдѣ, въ Ярославлѣ, въ Москвѣ, но однимъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ были Колмогоры (Colmogorod). Немного выше города рѣка Двина впадаетъ въ большое море. Это мѣсто называется пристанью Св. Николая. Тамъ пристаютъ Англійскіе, Голландскіе, Гамбургскіе и другіе иностранные корабли, потому что для нихъ тамъ хорошая пристань и безопасное пребываніе“ [2]).

„И они (Англичане) живутъ по старинѣ (въ Москвѣ) на дворѣ своемъ у Св. Максима за торгомъ, а держатъ одново дворника Русина или своего нѣмчина, а и иныхъ Русскихъ людей не держатъ. Да у нихъ же дворъ въ Ярославлѣ, дворъ на Вологдѣ, дворъ на Колмогорахъ, да дворъ у пристанища морскова... товары свои на тѣхъ дворехъ кладутъ... а товаровъ не пересматриваютъ... а какъ англійскіе гости съ Москвы поѣдутъ, и опи явятся въ Посольскомъ Приказѣ діяку нашему Андрею Щелкалову“... [3]).

Люди, искавшіе уединенія на Сѣверѣ, въ то же время, при желаніи, находились очень близко къ „окну въ Европу“, прославившемуся гораздо ранѣе Петровскаго „парадиза“.

„Отъ устьевъ Мезени путь на Пустозерскъ. Здѣсь прекращаются крупные хвойные лѣса (тайбола), начинается голая тундра, широко во всѣ стороны раскинулась опа и тянется къ сѣверу вплоть до самаго океана, на Востокъ же до Уральскаго хребта, захватывая многія сотни верстъ; озера и рѣки со скудною растительностью по берегамъ, да мѣстами мелкій ельникъ разнообразитъ

[1]) Ю. Толстой. Россія и Англія.
[2]) Лембергъ. Югрія.
[3]) Карамзинъ. Ист. Госуд. Рос. Прим. 53, т. X.

еще нѣсколько въ лѣтнюю пору эту мшистую степь; но придетъ зима, занесетъ ее снѣгами, и тогда съ однообразіемъ этой снѣжной пустыни можетъ сравняться только Африканская песчаная степь. Сотни верстъ идете вы по этой снѣжной равнинѣ и изо дня въ день стоитъ передъ вами одна и та же неизмѣнная гладь, утомляя и ослѣпляя глаза, особенно когда освѣщается она солнечными лучами. Кажется бьешься въ какомъ-то очарованномъ кругу, или сплошь на одномъ мѣстѣ, а между тѣмъ олени мчатся съ быстротой 15 верстъ въ часъ.... Здѣсь свирѣпствуетъ пурга, водятся въ несмѣтномъ количествѣ бѣлыя куропатки, а также рыси (felis). Въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ начинаетъ съ Юга повѣвать тепломъ, снѣгъ уже таетъ въ притинахъ, но до полной весны, когда распустятся деревья и зацвѣтутъ травы,—еще далеко“ [1]).

Такова картина передъ глазами обитателей этого края, съ дѣтства пріученныхъ къ рыболовству и охотѣ. „Медвѣдь Архангельскій обыкновенный — бурой шерсти. Пинежскія и Мезенскія лошади продаются въ Архангельскѣ и Колмогорахъ и уходятъ отсюда обратно. Идутъ они обыкновенно по прямому направленію, пробираясь лѣсами, переплывая рѣки и рѣчки. Говорятъ, гибнетъ ихъ не мало въ высокихъ отвѣсныхъ берегахъ лѣсныхъ рѣкъ. Подплывутъ къ нимъ, а выйти не могутъ, побьются да такъ и затонутъ. На этихъ лошадей медвѣди не нападаютъ“ [2]).

Мы съ умысломъ останавливаемся на этихъ внѣшнихъ подробностяхъ извѣстной мѣстности. Впечатлѣнія эти обязательно воспринимались жителями этихъ странъ и врѣзывались въ память молодого подростающаго поколѣнія.

Двинской путь отличался оживленіемъ. „Проплываютъ де съ Вологды къ Колмогорамъ дощаники и насады англійскихъ гостей съ товары и ходятъ мимо Колмогоры къ морю къ корабельной пристани“.

„Съ Вологды насады и дощаники съ товарами, съ хлѣбомъ Соловецкаго монастыря, Троице-Сергіевой Лавры, Корельскаго и иныхъ монастырей, да Ѳеодора Кобелева суды приходятъ для того,

[1]) Максимовъ. Годъ на Сѣверѣ.
[2]) Ibidem.

что у тѣхъ монастырей, у Ѳеодора Кобелева есть въ Двинскомъ уѣздѣ, въ Непокотской волости, въ Унской и Кугубской волостяхъ, промыслы и угодьи, урены и варницы есть, соль варятъ" [1]).

Соловецкаго монастыря приходятъ ладьи съ солью изъ-за моря.

На Колмогоры пріѣзжаютъ гости иногородцы и москвичи и двинскіе переселенцы, московскіе жильцы. О первыхъ сохранилось не мало свѣдѣній. Интересенъ разсказъ француза Sauvage [1]), впервые прибывшаго къ устьямъ Сѣв. Двины. Онъ прибылъ въ Архангельскъ „devant la ville de Michel Archange" 26 Іюня 1585 года, и былъ радушно встрѣченъ воеводою [2]).

„Et quand il sceut que nous estions. François il fut bien resjouy et dit à l'interprete qu'ils estoient les très bien venus et prit une grande coupe d'argent et la fist emplir et falut la vuider et puis une autre et encore la revinder, puis encore la zur qu'il falut parachever; et aiant fait ces trois beaux coups, on pense être quite mais le pire est le dernier, car fault boire une tasse d'eau de vie qui est si forte qu'on a le ventre et le gozier en feu". За угощеніемъ вообще дѣло не стало. Соважъ съ убѣжденіемъ заявляетъ: „c'est la coustume du pais que de bien boire". Недавно построенный Нащокинымъ и Волоховымъ (sic), Архангельскъ уже въ 1585 г. такъ описанъ Соважемъ:

„Au chasteau d'Archange qui, est un fort chasteau où il y a plus de 40 pièces de canon de cuyvre rouge qui sont beaux bastons et ont bonne chasse, car nous les avous veu tirer. Товары сплавлялись по Двинѣ: „la riviére Divine, какъ наз. ее Соважъ. Quand leurs bateaux sont accomodes ils embarquent leur marchandise dedans et s'en vont haut contre l'eau et la marée jusques a une ville qui s'appelle Colmogrot, ou il y a 12 lieues". Оттуда поднимались Двиною до Вологды: „jusqu'a Volqueda qui est une bonne ville et ou il y a 200 l. de Colmogrot à Volqueda et fault descharger les marchandises la, car les cabarres ne peuvent monter plus haut". Въ Вологдѣ дожидали морозовъ и саннаго пути: „alors els les font porter à Moscoit, la ou il y a encore 150 lieues et les sont porter par

[1]) Voyage de Jehan Sauvage en Russie. Paris. MDCCCLV.
[2]) Воеводою былъ тогда Князь Василій Андреевичъ Звенигородскій.

de petits chariots qui n'ont pas de roues par dessons, a cette fin qu'ils glissent mieux la sur la place et font tirer chacun chariot avec deux grandes bêtes qui se nomment Zelen (?) (Олень ?), qui vont fort letrot et sont de petite vie" [1]).

Мы здѣсь только вскользь упоминаемъ о Двинскомъ воеводѣ — но, судя по донесенію Соважа, мы видимъ, что на обязанностяхъ воеводы были встрѣчи иностранцевъ и вообще дѣла съ таковыми разныхъ націй. Здѣсь не мѣсто входить въ особое изслѣдованіе о Двинскихъ воеводахъ вообще, но какъ они, такъ и товарищи ихъ и дьякъ заслуживаютъ особливаго вниманія. Какъ бы ни была глуха и отдаленна страна, — все же она не могла быть тою глушью, которую охотно себѣ представляемъ по современному взгляду. Вотъ почему слѣдуетъ особенно внимательно остановиться на дѣятельности этихъ Двинскихъ воеводъ (1591—1597 гг.), которымъ нерѣдко давались сложныя и щекотливыя порученія, — уже довольно одного спорнаго вопроса изъ-за границъ Лапландіи, чтобы приковать къ себѣ чуткое вниманіе.

Мы остановились на разсказѣ Соважа, потому что онъ даетъ намъ любопытныя подробности о нравахъ и обычаяхъ того времени и въ той мѣстности, гдѣ царскіе „Двинскіе воеводы" являлись передъ иностранцами первыми представителями Московскаго Государства, столь привлекавшаго различныхъ иноземныхъ гостей съ торгово-политическими цѣлями.

Если мы къ обычному торговому движенію на Двинѣ присоединимъ въ 1590 году значительное передвиженіе войскъ, — то нельзя не признать, что именно въ „это" время (1591) Двина представляла самый оживленный и бойкій путь. По немъ направлялись иноземныя посольства (Варкочъ). По немъ сновали многочисленные иноземные торговые люди, преслѣдовавшіе свои цѣли и считавшіеся съ такими крупными единицами, по значенію въ Сѣверномъ краѣ, каковыми были Семенъ Оникіевичъ Строгановъ, думный дьякъ Андрей Щелкаловъ, Соловецкій Архимандритъ Іаковъ, Сійскій Архимандритъ Питиримъ, а также и мѣстные воеводы и дьяки.

[1]) Voyage de Jehan Sauvage en Russie.

Живой обмѣнъ товаровъ происходилъ между Тотьмою и приморскими городами. Къ Тотьмѣ ходили дощаники Николы Корельскаго монастыря. Соль Тотемская и соль Галицкая находились въ постоянныхъ сношеніяхъ. Село Шуйское на Сухонѣ, на полупути между Тотьмою и Вологдою, было въ зависимости отъ Ростовскаго архіерея и городокъ Шуйскій словетъ Ростовскаго митрополита. Архангельскаго монастыря соль возятъ мимо Колмогоръ до Устюга Великаго и до Тотьмы и до Вологды.

Слѣдя за разсказами Лепехина, мы ясно себѣ представимъ положеніе и обстановку устья Кулоя.

„Кулуйское усолье, Кулой рѣка, Архангельской губерніи, составляетъ особый рукавъ Пинеги, чрезъ который она изливаетъ часть водъ своихъ въ Бѣлое море“ [1]).

„Попутнымъ вѣтромъ скоро пріѣхалъ я къ устью рѣки Кулоя, до котораго отъ Нижи 40 верстъ считаютъ. Стоя въ ономъ устьѣ, прохаживался я по морскому берегу, котораго материкъ состоялъ изъ желтой слоистой опоки, и собралъ на берегу нѣсколько морскихъ живорослей, которыхъ отъ Золотицы до Кулоя на всемъ разстояніи нигдѣ не нахаживалъ; что приписать можно сильному стремленію морской воды, которая вверхъ нарочито большой рѣки Кулоя верстъ на 60 поднимается. Вода сія, волнуясь отъ вѣтровъ до дна морскаго, поднимаетъ оттуда разныя живорасли (Zoophyta) [2]) и выкидываетъ оныя на берегъ. При широкомъ устьѣ Кулоя нѣтъ никакого жила, а находится отъ онаго верстахъ въ 30 вверхъ по рѣкѣ „Долгощельская волость“, куда непремѣнно надобно было ѣхать на суднѣ, для взятія тамъ проводника въ Мензенскую губу, которой проводникъ, взятый изъ Пижи, обстоятельно не зналъ, хотя и сказывалъ, что въ оной губѣ много находится отмелей или кошекъ, на которыя, по незнанію, скоро набѣжать и погибнуть можно; потому что морская вода, во время прилива, несется въ оную губу съ безпримѣрною стремительностію, и наѣхавшее на мель судно сталкиваетъ въ глубину, нерѣдко оборачивая судно въ верхъ дномъ. Съ равнымъ стремленіемъ морская вода во время прилива бѣжитъ и въ рѣку Кулой, и какъ она далеко вверхъ

[1]) Лепехинъ. Дневн. Записки путеш. Спб. 1805 г., ч. IV, стр. 102—104.
[2]) Ibidem.

поднимается, то съ нею легко доѣхалъ я греблею до волости Долгощельской, въ которой обывателей было тогда 203 души, и изъ нихъ нѣкоторые живутъ на рѣчкѣ Сойнѣ, впадающей въ Кулой верстахъ въ 30 отъ Долгощелья. Обыватели сей волости ѣздятъ на Новую Землю для промысла тюленей, моржей и бѣлугъ: но сѣютъ также и хлѣбъ близъ своего жительства. Прекрасные луга около рѣки Кулоя произращаютъ для скота питательныя травы, между коими множество ростетъ красной кашки, бобовникомъ отъ жителей называемой, а въ лѣсахъ много находится дикой смородины, черной и красной. Сію послѣднюю называютъ тамъ кислицею. На лугахъ и около зеленыхъ ячменей летали тогда разныя бабочки, которыми пріумножилъ я мое собраніе насѣкомыхъ.

Хотя Долгощелье отстоитъ отъ моря на 30 верстъ, однако морскія бури дѣйствуютъ на окрестности онаго весьма сильно; такъ что сѣнокосные луга, близь береговъ Кулоя лежащіе, нерѣдко засыпаны бываютъ пескомъ, которой препятствуетъ косить на нихъ травы.

Отъ Долгощелья до Мезени считаютъ 60 верстъ, 30 рѣкою Кулоемъ и столько же отъ заворота въ Мезенскую губу.

Заворотной наволокъ называется Ваповскимъ. Подъ симъ наволокомъ въ плитнякѣ, у морскаго берега лежащемъ, примѣчаются оттиски или изображенія рыбокъ, морскихъ растеній и окаменѣлыя раковинки“ [1]).

Мы не безъ основанія останавливаемся на подробностяхъ описанія этой мѣстности. Для болѣе яснаго представленія о томъ краѣ „дѣвственнаго сѣвера“, о которомъ упоминаетъ Строевъ, необходимо вникнуть въ его условія, для уразумѣнія истиннаго значенія страны, хотя и суровой по климату, но и не такой безотрадной и глухой, каковою можетъ казаться предвзятому взгляду. Здѣсь процвѣтали различные промыслы. Здѣсь въ широкихъ размѣрахъ занимались солевареніемъ.

„Наблюденіе мѣстностей, особенно любопытно и поучительно“— говоритъ Строевъ. „Двиняне, Онежане, Пинежцы, Важане, мало измѣнились отъ времени и нововведеній: ихъ характеръ *свободы*, волост-

[1]) Ibidem.

ное управленіе, образъ жизни, пути сообщенія, нравы, самое нарѣчіе, полное архаизмовъ, выговоръ невольно увлекаютъ мысль въ плѣнительный міръ *самобытія* Новгородцевъ, скажу болѣе: Двина и Поморіе суть земля классическая для историка русскаго. Только тамъ можно постигать *вполнѣ* народный духъ нашихъ предковъ и физіогномію естественную и Государственную древней Россіи.

Познаніе мѣстностей, особенно *дѣвственнаго* Сѣвера, приложенное къ преданіямъ, „документамъ" старины, способно озарить наше дѣеписаніе живымъ свѣтомъ *истины*" [1]).

Искусство соловаренія, по преданіямъ, было извѣстно еще Чуди. Примѣру ея слѣдовали Русскіе колонизаторы Сѣвера и будто бы еще въ половинѣ XV в. выходцы изъ Сольвычегодска и стараго Усолья завели первые соляные промыслы въ нынѣшней Пермской губ., на Камѣ и на Вытегрѣ. Достовѣрныя свѣдѣнія о соляномъ дѣлѣ въ предѣлахъ Вологодской губ. начинаются съ первой половины XVI в. Къ числу древнѣйшихъ солеварницкихъ заводовъ принадлежитъ заводъ на посадѣ Соли Тотемской. Въ началѣ XVI вѣка здѣсь уже были варницы [2]).

Вообще „Соль Тотемская" (гдѣ были владѣнія Строгановыхъ)— мѣсто имѣющее особое значеніе по вліянію Ѳеодосія Суморина, основателя извѣстнаго Монастыря на Ковди и Песьей Деньгѣ [3]). Въ сохранившемся послѣ него духовномъ завѣщаніи заключаются драгоцѣнныя данныя, указывающія на тѣсную связь Тотьмы съ Угличемъ. Равно несомнѣнна и связь Тотьмы съ Великимъ Устюгомъ, гдѣ въ 1591 году былъ воеводою Ѳ. Н. Романовъ. И здѣсь владѣнія Строгановыхъ: „у Острога, у водяныхъ воротъ, а баръ Микитинскій Строганова, а владѣютъ Андрей да Петръ Строгановы; противъ церкви Варлаама Чудотворца на площади дворъ осадной Микитинскій Строганова" [4]).

Въ Вологдѣ и Тотьмѣ также находились владѣнія именитаго человѣка Семена Оникіевича Строганова.

Въ Вологдѣ у него свой дворъ, а въ Тотьмѣ владѣла его

[1]) Н. П. Барсуковъ, Жизнь и Труды П. М. Строева, стр. 198.
[2]) Вологодская Старина, стр. 409.
[3]) Истор. очеркъ г. Тотьмы. В. Попова, изд. 1887.
[4]) М. А. М. Ю. Писцовая книга по Устюгу Великому 1623 г., № 506.

сноха Ольга, Данилова жена, Строганова, а Ольга живетъ въ Ярославлѣ [1]). Слѣдуетъ цѣлый перечень ея владѣній въ Тотьмѣ, гдѣ была Строганова дорога.

Въ Ярославлѣ же, близь Англійскаго двора, былъ дворъ Нагихъ. „На Леонтьевскомъ Монастырѣ дворъ Нѣмецкій Англенскихъ нѣмецъ, дворъ Парасковьи, Васильевы жены Нагово, а въ немъ живетъ вдова Натальица съ сыномъ съ Данилкомъ въ посадѣ, и тутъ же дворъ Кирилы Чудотворца Бѣлозерскаго, живутъ на немъ 25 человѣкъ" и т. д.

Точно также и въ Угличѣ дворъ именитыхъ людей Строгановыхъ, а въ немъ живетъ приказной ихъ человѣкъ Иванъ, Мартыновъ сынъ, Простой (съ семьею). Даже подъ Угрѣшскимъ монастыремъ подъ Москвою село Мельницы (Кузминки), впослѣдствіи Голицыныхъ, принадлежало (во времена пребыванія на Угрѣшѣ Отрепьева)—Семену Оникіевичу Строганову. (Это соотвѣтствовало тому времени, когда село Измайлово принадлежало Ив. Ник. Романову, Перово—Князю Ивану Татеву, Вешняково—Ѳ. И. Шереметеву и Останкино—В. Я. Щелкалову).

„Село Долгая Щель", расположенное на берегу рѣки Кулоя, въ 51 верстѣ отъ Мезени (прямикомъ черезъ болота и трудно проѣзжіе перелѣски на 4 часа не слишкомъ быстрой ѣзды на оленяхъ), оказалось селеніемъ болѣе людномъ (83) дома, чаще и красивѣе застроеннымъ двухъ-этажными избами, не разрушившимися, какъ въ г. Мезени, къ уѣзду котораго принадлежитъ село это. Въ старину оно приписано было къ Сійскому монастырю; теперь населено государственными крестьянами, которые, какъ видно на первыхъ же порахъ, живутъ достаточно: для наѣзжаго гостя нашлась у нихъ и рыба всякая, и чай, и сахаръ, и купленныя въ Архангельскѣ лакомства, въ родѣ кедровыхъ орѣшковъ, пшеничныхъ баранокъ и окаменѣлыхъ пшеничныхъ же пряниковъ. Щеляне сѣютъ ячмень (хотя и весьма незначительное число), ловятъ рыбу и въ Кулоѣ, и въ рѣкѣ Сойнѣ, которая издавна дарована здѣшнимъ крестьянамъ и Соенскимъ бобылямъ. Послѣдніе, выселившись изъ Долгощелья, образовали новое селеніе—Соену. Рыба, вылавли-

[1]) М. А. М. Ю. Писцовая книга по Тотьмѣ, 1619 г., № 479.

ваемая въ этихъ рѣкахъ и общая всему Мезенскому и дальному Канинскому берегу,—нельма не попадается уже нигдѣ на другихъ бѣломорскихъ прибрежьяхъ".

Мысъ „Вороновъ", находился въ концѣ Зимняго берега, гдѣ начинается Мезенская губа. Насупротивъ островъ Маржовецъ, противъ впаденія рѣчки Койда. За мысомъ Абрамовымъ впадаетъ Кулой, въ близкомъ разстояніи отъ устьевъ Мезени, т.-е. отъ Окладниковой слободы, Лампожни и Семжи. Рѣка Пеза, справа впадающая въ Мезень, своими истоками встрѣчается съ истоками Цыльмы, впадающей въ Печору, образуя небольшой волокъ. При впаденіи Цыльмы въ Печору—Усть Цыльма.

Насупротивъ по берегу Лопской земли впадаетъ Варзуга, а сѣвернѣе рѣки Поной рѣка Золотица впадаетъ въ море на Зимнемъ берегу, равно рѣчки Мезра и Майда.

За селомъ Койдою по берегу Мезенскаго залива расположено Долгощелье, село Семжа на рѣкѣ того-же имени. Жители этихъ селъ, кромѣ промысловъ морскаго звѣря, занимаются въ августѣ и сентябрѣ ловлею семги и нельмы. Плаваніе по Мезенскому заливу весьма затруднительно, по причинѣ неимовѣрной силы прилива и отлива, разница между которыми доходитъ до 24 ф., а въ Сигизійскихъ водахъ до 7 сажень, что составляетъ одно изъ рѣдкихъ явленій, встрѣчающихся только у береговъ Бретани, въ Магеллановомъ проливѣ и въ проливѣ Св. Георгія. Вода несется съ страшною быстротой, наноситъ цѣлыя горы песку и постоянно измѣняетъ фарватеръ.

„Наиболѣе важными предметами вывозовъ въ Англію были мѣха, звѣриныя шкуры, ленъ, пенька, канаты, мачтовый лѣсъ, сало, ворвань, смола, деготь и кожи; ввозили же Англичане въ Россію преимущественно сукна, шерстяныя и шелковыя матеріи, галантерейные товары, сахаръ, бумагу и металлы, особенно мѣдь и свинецъ" [1]).

Число Англійскихъ кораблей, посѣщавшихъ Россію, увеличивалось изъ года въ годъ и въ 1582 году дошло до девяти. Одновременно и Голландцы не упускали случая принять прямое участіе

[1]) Сборникъ Свѣд. по ист. и стат. вн. торговли Россіи. Покровскій, т. I.

въ Бѣломорской торговлѣ, пользуясь тѣми моментами, когда между Русскимъ и Англійскимъ дворами происходило охлажденіе... Какъ разъ такое охлажденіе особенно рѣзко проявилось въ концѣ 1590 г. Съ 1604 къ Архангельску начали приходить Гамбургскіе корабли [1]).

Одновременно съ тѣмъ, когда Маршъ велъ переговоры съ Пустозерцами о путяхъ къ берегамъ Оби, другой англійскій агентъ—Черри (Cherry) путешествовалъ въ Пермію и проникъ за предѣлы владѣній Строгановыхъ, ибо онъ ѣлъ осетрину съ Оби. Туземцы, большіе путешественники, говорили ему, что за Обью reca moria teupla. Еще въ 1594 году два казака прошли всю Сибирь и дошли до Пекина.

Маршъ впалъ въ немилость, и когда съ нашей стороны потребовали его удаленія, то его замѣнилъ Августинъ Фульксъ (Austin Fulkes), который именно находился въ 1591 году во главѣ Англійской компаніи, объединявшей своихъ соотечественниковъ. Лицомъ къ лицу передъ нимъ выдвигался Семенъ Оникіевичъ Строгановъ, значеніе котораго на Сѣверѣ было преобладающее и у котораго были непосредственныя связи съ Андреемъ Щелкаловымъ. Если присоединить сюда имена настоятелей монастырей Соловецкаго и Сійскаго, т.-е. Якова и Питирима, а равно уроженца Немьюжки Святого Трифона Вятскаго, вмѣстѣ съ Двинскими воеводами того времени и ихъ дьяками, то передъ нами будутъ самые вліятельные дѣятели земли Двинской...

Три брата (Строгановы), по мнѣнію Флетчера, удержались потому только, что жили вдали двора: „Яковъ, Григорій и Семенъ — сыновья Оники" [2]).

У нихъ до 5000 рабочихъ, у нихъ свои врачи, лѣкаря, аптекаря и всякіе ремесленники изъ Голландцевъ и др.

Еще въ 1581 году Строгановы строятъ корабли и посылаютъ своего довѣреннаго въ Антверпенъ для приглашенія лоцмановъ и моряковъ. Онъ привезъ письмо къ Меркатору [3]).

Связи Мангазеи съ Соловками не прерывались. 21 ноября

[1]) Толстой. Россія и Англія.
[2]) Fletcher.
[3]) Hamel. Russia end England.

1601 года Царь Борисъ пишетъ въ Березовъ воеводѣ Князю И. М. Барятинскому:

„Билъ намъ челомъ [1]) (такой-то казакъ) и во всѣхъ товарищей своихъ мѣсто Березовскихъ Казаковъ, которые были на военной службѣ въ Мангазеѣ, и сказали: какъ де ихъ громила Самоѣдь, и они де у смерти обѣщались къ Соловецкимъ Чудотворцамъ молитися, и намъ было пожаловать волости съ Березова по два и по три. И всѣхъ ихъ отпущали на Соловки. Писано на Москвѣ ноября въ 21 день" [2]).

„А пріѣзжаютъ Пустозерцы въ Березовскій уѣздъ, по вся годы многіе люди и ходятъ Печерою рѣкою въ судахъ съ великими товары, а съ Печеры на Усу рѣку подъ камень въ „Роговой" городокъ и тутъ они оснуются.

„И о томъ бы есте на Березовѣ и во всемъ Березовскомъ уѣздѣ, на Одорѣ и по рѣкамъ—на Печерѣ и на Усѣ и въ Роговомъ городкѣ велѣли заповѣдь учинить крѣпкую, чтобы Пустозерцы и Понежане и Мезенцы и Важане и всѣхъ Московскихъ городовъ торговые люди съ Самоѣдью и со Остяки по лѣсамъ и тундрамъ и рѣкамъ, прежде нашего ясаку, не торговали. 21 октября 1617" [3]).

„Погостъ Понойскій на рѣкѣ на Поноѣ, а на погостѣ храмъ Верховныхъ Апостолъ Петра и Павла древянъ, поставленъ по челобитью Терскихъ Лопарей: да того Понойскаго погоста жильцы и Двиняне и Колмогорцы и Заонежане и Сулоляне и проч. иныхъ поморскихъ волостей ходятъ вмѣстѣ на море и звѣрь всякій бьютъ, и изъ нихъ вынимаютъ сало и продаютъ въ Колѣ и на Двинѣ нѣмцомъ на корабли, а иные отвозятъ на Русь бочку по 2 р., а въ бочкѣ сала на 7 и оброку съ десятины съ того промыслу въ Государеву казну не даютъ" [4]).

Здѣсь, на Поноѣ, хозяйничали Троицкіе старцы. Еще въ 1586 году указано было:—„во всей Троице Сергіева Монастыря въ вотчинѣ, въ селѣхъ и въ деревняхъ быти въ губныхъ старостахъ Троицкому служкѣ Измирю Аммосову" [5]).

[1]) Вологодская Старина.
[2]) Вологодская Старина.
[3]) Ibidem.
[4]) Ibidem.
[5]) Акты.

„И губному старостѣ Измирю, пріѣхавъ въ Троицкую вотчину, въ села и въ деревни, велѣти у себя быти Троицкихъ вотчинъ селъ и деревень попомъ, діакономъ, приказщикомъ и старостамъ и цѣловальникамъ и крестьянамъ многимъ и тѣхъ всѣхъ людей распрашивати, съ ними обыскивати и говорити обыскнымъ людямъ накрѣпко, чтобы они въ обыску рѣчи свои сказывали прямо въ правду, лихихъ бы людей не укрывали" [1]).

Губному старостѣ Измирю Аммосову даны обширныя полномочія, съ правомъ сажать въ тюрьму, пытать и казнить, подъ строгою отвѣтственностью.

„А учнетъ Губной староста Измирь (Амосовъ) татинные и разбойные дѣла дѣлати не прямо, по недружбѣ или мстя кому недружбу или по посуломъ, а послѣ про то сыщется,—и губному старостѣ Измирю отъ Государя, Царя и Великаго Князя Ѳеодора Ивановича всея Русіи въ томъ быти кажнему" [2]).

Значеніе Измиря Аммосова, при обширности Лаврскихъ владѣній, должно быть весьма значительно. Оно простираться должно и къ берегамъ Студенаго моря, гдѣ затронуты были Лаврскіе интересы и гдѣ находимъ Аммосовыхъ на берегахъ того же Кулоя. Они сѣверяне. Кромѣ того къ роду „Аммосовыхъ" принадлежитъ Костромской подвижникъ Монзенскій—Адріанъ, дѣятельность котораго протекла на берегахъ Монзы, въ Корежской волости (гдѣ находились значительныя владѣнія Отрепьевыхъ).

Житіе Св. Адріана принадлежитъ къ числу любопытнѣйшихъ источниковъ для исторіи древне-русской колонизаціи. Св. Адріанъ (Амосовъ)—другъ Пафнутія, будущаго Чудовскаго Архимандрита и Митрополита Крутицкаго.

Мѣсто погребенія Адріана оставалось неизвѣстнымъ до 1625 г.: „Не имамы повѣдати въ та времена, гдѣ его скуташа и скрыша". Интересна данная Алексѣя Аммосова, которою онъ завѣщаетъ всю свою землю съ угодьями Воскресенской церкви и причту (1566). „А владѣти мнѣ, Алексѣю, тѣмъ до своей смерти, что въ сей данной писано, а послѣ моего живота Воскр. Хр. въ домъ на поминовенье, а поминати дѣда моего Ивана, отца моего Амоса, меня Алексѣя,

[1]) Ibidem.
[2]) Ibidem.

брата моего Стефана, баб. Орину, матерь Варсонофью, Схимонахиню Варвару, Анну, Дарью, да священники бы Воскресенскіе тѣ имена, что въ сей данной писано, — на стѣнкѣ написали у жертвенника, а иныхъ бы родителей нашихъ поминали по свертку по нашему“.

Какъ разъ въ 1590 году въ Троице-Сергіевой Лаврѣ находились: Намѣстникомъ—Кипріанъ, келаремъ—Евстафій Головкинъ, казначеемъ — старецъ Игнатій Лодыгинъ, тутъ же пребывалъ и извѣстный старецъ Варсонофій Якимовъ.

Амосовы — Сѣверяне. Лаврскій служка Измирь Амосовъ и св. Монзенскій Адріанъ (Амосовъ) не могутъ быть чужды другъ другу и своимъ сѣвернымъ родичамъ однофамильцамъ: „въ селѣ Херпольскомъ Сійскаго Монастыря, гдѣ Иванко Омосовъ съ дѣтьми“.

Въ синодикѣ Сійскаго монастыря записанъ монахъ Кириллъ Амосовъ.—Явная связь Амосовыхъ съ Сійскимъ монастыремъ.

Имя Амосовыхъ извѣстно и въ Николаевскомъ Корельскомъ монастырѣ. По данной Алешки Амосова, сына Иванова, Никольскій монастырь владѣлъ „пожинкой малой, по прозвищу Амосовской“. Кромѣ того, на Варзугѣ, у судовой пристани, на Ямѣ, въ концу устья Варзуги рѣки, Троице-Сергіеву монастырю принадлежали мѣста амбарныя Микульки Амосова.

Связи Обнорскаго Павлова Монастыря съ Монзенскимъ (Адріановымъ-Амосова) и дружба послѣдняго съ Пафнутіемъ должны напомнить, что именно въ 1591 году Настоятелемъ Монастыря Павла Обнорскаго былъ Пафнутій, будущій Чудовской Архимандритъ и затѣмъ Крутицкой, лицо близкое Отрепьевымъ [1]).

Обнорскій Монастырь, по пути изъ Ярославля въ Вологду, представлялъ изъ себя удобное перепутье. Монастырь владѣлъ истокомъ Вексою и разливами и озерки и малыми рѣчками и береги, да по рѣкѣ по Сухонѣ ему принадлежала пристань Павлиха на нижней Сухонѣ, пристань Становая на рѣкѣ на Вексѣ, пристань Хабериха по рѣкѣ Вексѣ... У Обнорскаго Монастыря связи съ Коряжемскимъ.

---

[1]) Примѣчаніе. Въ Чуд. Монастырѣ былъ Григорій Отрепьевъ, внукъ Замятни Отрепьева, который, уже старцемъ, также пребывалъ въ Чудовомъ Монастырѣ. Это отецъ посла „Смирнова Отрепьева“.

Обнорскій Монастырь расположенъ въ глубокой лощинѣ, сжатой со всѣхъ сторонъ отлогими, значительной высоты, горами, покрытыми мелкимъ лѣсомъ, пашнями и частыми селеніями; по самой лощинѣ протекаетъ рѣка Курма, которая, извиваясь съ полуденной стороны около самыхъ монастырскихъ стѣнъ, сливается въ 8 верстахъ отъ Монастыря съ рѣкою Великушею, и обѣ онѣ, въ дальнѣйшемъ соединенномъ теченіи своемъ, составляютъ рѣку Обнору, вливающуюся въ 54 верстахъ отъ Монастыря, близъ города Любима, въ рѣку Кострому [1]).

Рѣка Обнора впадаетъ въ Кострому съ правой стороны, ниже Монзы, и около того мѣста, гдѣ стоитъ Геннадіевская обитель, столь близкая Захарьинымъ.

„Въ Обнорской волости монастырь Павловъ, на рѣчкѣ на Курмѣ, а на монастырѣ церковь Живоначальныя Троицы, да придѣлъ Преподобнаго Павла Обнорскаго, да на монастырѣ келья игуменская, келья казенная, да 20 келій братскихъ, да за монастыремъ дворъ конюшій, да на монастырскомъ полѣ 2 двора скотскихъ“. Въ перечнѣ деревень: — „деревня *Волосатое* на ручью, дер. *Гляденка* на рѣкѣ на Шохмѣ, дер. *Вантіево* на рѣкѣ на Обнорѣ [2]), и всего Павлова Монастыря въ вотчинѣ 2 села, да два сельца, да 29 деревень живущихъ, 25 пустошей, а въ селахъ три церкви, а у церквей 8 дворовъ церковныхъ да 14 келій, а въ нихъ живутъ нищіе, питаются отъ церкви Божія, да за монастыремъ дворъ конюшій, 2 двора скотскихъ, а въ селахъ, въ сельцахъ и въ деревняхъ и на пустошахъ 2 двора монастырскихъ, 11 дворовъ слу-

---

[1]) Вологодская Старина. И. А. С. Вологда 1890.

[2]) *Примѣч.* Здѣсь любопытно сочетаніе именъ: Волосатое, Гляденка, Вантіево. Первое напоминаетъ Углицкій родъ Волосатыхъ, второе переноситъ въ Устюгъ на гору Глѣденъ, а Вантіево—не есть ли сокращенное Ивантіево. Ивантиево—прозвище старшаго сына Андрея Кобылы—Ивантей? Само же наименованіе это корня Лит. Прускаго, оно сильно напоминаетъ на древне-Прускомъ языкѣ слово *Givantei*=жизненный, отъ *Givant*.—жизнь.

И сюда же примыкаетъ выраженіе: *Жебентяй* съ слѣдующимъ значеніемъ, по мнѣнію П. А. Гильтебрандта.

„Жебентяй Господарскій Витебскій, Красавецъ (док. 1533 г.). — Жибентей Селивонъ (въ перечнѣ Витебскихъ волостныхъ людей док. 1540 г.). Корень слова Литовскій (ст. Прускій?) „Слово это—лучина. Россіяне, придѣлавъ къ сему слову Славянское—ай, назвали имъ должность смотрителя за освѣщеніемъ въ королевскихъ замкахъ“.

жекъ монастырскихъ, 143 двора крестьянскихъ, а людей въ нихъ 164 челов., 54 двора бобыльскихъ, а людей въ нихъ 61 чел., дворъ пустъ, 52 мѣста дворовыхъ. Пашни паханыя и перелогомъ и лѣсомъ поросло худыя земли 2680 чети, сѣна 2896 копенъ. Лѣсу непашеннаго поверстнаго въ длину на 9 верстъ, а поперегъ на 7 верстъ, индѣ больше, а индѣ меньше" [1]).

Почему то Обнорскій монастырь заслужилъ особое вниманіе Царя Василія Ивановича Шуйскаго,—много его поддерживавшаго, жертвовавшаго въ монастырь утварь и на всякое церковное строеніе. Понятно, что и Пафнутій не могъ оставаться равнодушнымъ къ судьбамъ Обнорскаго Монастыря. Жаль, что неизвѣстно, къ какому роду принадлежалъ Пафнутій?

Усиленное же вниманіе Шуйскаго къ извѣстной мѣстности и къ извѣстнымъ лицамъ всегда подозрительно.

Въ 1628 году въ Обнорскомъ Монастырѣ „20 келій братскихъ". Онъ представлялъ такія несомнѣнныя удобства для отдыха путешествующихъ между Ярославлемъ и Вологдою, которыхъ не имѣли другіе монастыри той же мѣстности.

До нынѣ существуетъ часовня близь деревни Обнорской, въ 4 верст. отъ монастыря, „при большой Московской дорогѣ" [2]).

Путь изъ Москвы на сѣверъ шелъ черезъ Переславль. Направляются на него тѣ, которые должны ѣхать въ Нижній Новгородъ, Кострому, *Ярославль* и *Угличъ*.

Вологда (Vuolochda) область и „городъ", получившіе одно общее имя отъ рѣки. Епископы Пермскіе имѣетъ здѣсь свое мѣстопребываніе но безъ юрисдикціи (sine imperio).

Вся страна болотистая и лѣсиста, отчего также въ этомъ краѣ путешественники не могутъ въ точности опредѣлить разстоянія, по причинѣ частыхъ болотъ и извилистыхъ рѣкъ. Ибо чѣмъ дальше идете, тѣмъ больше встрѣчается непроходимыхъ болотъ, рѣкъ и лѣсовъ" [3]).

---

[1]) Моск. Арх. М. Ю. Грамота Коллегіи Экономія по Вологод. уѣзду, № 164/2735.

[2]) Волог. Старина, стр. 263.

[3]) Herberstein, стр. 121.

Вологодскія волости: Кубенская, Двинская, Обнорская и Авнежская. Въ Двинской значатся въ спискахъ владѣнія за стольникомъ за Александромъ, Михайловымъ сыномъ, Нагово [1]). У Нагихъ же въ Ярославлѣ домъ, рядомъ съ домомъ Англійской Компаніи. Это объясняетъ ночное появленіе Аѳанасія Ивановича у Горсея послѣ 15 мая 1591 года. Можно думать, что это старинныя ихъ вотчины, потому что тутъ же числятся владѣнія за Аѳанасіемъ Васильевичемъ, сыномъ Собакина. Нагіе и Собакины—одного Тверского корня [2]). Нагіе поминаются въ синодикѣ монастыря Николы Корельскаго; они же особенно почитаютъ Святого младенца Веркольскаго—Артемія—„покровителя сиротъ".

Въ волости Кубенской владѣнія Колтовскихъ, за Степаномъ Ивановымъ, сыномъ Колтовскаго, за Семеномъ Игнатьевымъ, сыномъ Колтовскаго. (Родство царицы Дарьи, проживавшей въ Тихвинскомъ Введенскомъ Монастырѣ).

На Вологдѣ же, въ числѣ владѣльцевъ, значатся Битяговскіе: „за Гаврилою Трофимовымъ, сыномъ Битяговскаго, что было въ помѣстьи за Нехорошимъ Лыковымъ. За Васильемъ Михайловымъ, сыномъ Битяговскаго, за Аѳонасіемъ Шестово, сыномъ Битяговскаго, за Леонтьемъ Борисовымъ, сыномъ Битяговскаго, за вдовою Ульяною Воиновною, женою Битяговскаго, да за ея дочерьми, за дѣвками за Марьей, да за Овдотьею, что была за сыномъ ея Романомъ Битяговскимъ". Тутъ же помѣстья многихъ иноземцевъ [3]).

Въ Авнежской же вотчинѣ „за вдовою за Княгинею Марьею, за Княжъ Андреевою женою Васильевича Голицына—(братъ столба) село Никольское, на рѣчкѣ на Бабинкѣ съ деревнями. Да того жъ Никольскаго села, на помѣстной землѣ, монастырь Архангельскій, а на монастырѣ церковь Михаила Архангела древяна клѣцки, а другая теплая церковь Успенія Пресвятыя Богородицы съ трапезою, а въ церквахъ образы и свѣчи и книги и ризы и все церковное строеніе и колокола Князь Андреевы Васильевича Голицына Княгини Марьи, да на монастырѣ въ кельи черный попъ Ѳеодосій, да 4 кельца, въ нихъ живутъ черноризцы, пашни монастырской пахо-

---

[1]) Писц. вологод. Книги.

[2]) Кн. Лобановъ-Ростовскій. Род. Нагихъ.

[3]) Моск. Арх. М. Ю. Писц. книга по Вологдѣ, 1617 г., № 60.

ной 12 чет. въ полѣ, а въ дву потому жъ, земля худа, да къ тому же монастырю двѣ деревни пусты, запустѣли отъ Литовскихъ людей во 121 (1613) году, крестьяне сошли безвѣстно“ [1]).

У входа въ Мезенскую губу мысъ „доброй удачи“ соединенъ съ именемъ „Воронова“. Не въ честь ли Рахманина Воронова, Угличанина, подъячаго Двинскаго воеводы, описывавшаго при князѣ Борисѣ Ивановичѣ Мезецкомъ берега Студенаго моря въ 1592 году? [2]).

Мѣстности около мыса „доброй удачи“ (Cape of good fortune) должно быть извѣстно значенiе этихъ словъ. Въ мореплаванiи мысъ —мѣсто опасное, и обогнуть таковой благополучно и теперь, при современномъ положенiи мореходства—не легко. Мысъ „доброй удачи“ приводилъ къ затишью устьевъ Мезени, къ торжищамъ Лампожни и Окладниковой слободы, къ одной изъ стоянокъ для Англiйскихъ судовъ. Слѣдовательно эти Англiйскiя суда стояли близко отъ устья Кулоя и Долгой Щели; слѣдовательно и жители береговъ Кулоя, какъ прибрежные, могли быть въ общенiи съ иностранцами, получать отъ нихъ свѣдѣнiя о томъ, что дѣлается въ Европѣ и, вообще, находились не въ глуши, какою даже нынѣ эта мѣстность намъ почему-то представляется, а такъ сказать въ исключительно благопрiятныхъ условiяхъ для какихъ-либо подпольныхъ дѣйствiй, связанныхъ съ политическими цѣлями [3]).

Полный разгаръ переговоровъ съ Шведами и Датчанами о границахъ взаимныхъ владѣнiй „Дикой Лопiи“ [4]) обращалъ особое вниманiе Московскаго Правительства на эти сѣверные предѣлы, недавно просвѣщенные Трифономъ Печенгскимъ. Однимъ изъ самыхъ бойкихъ приморскихъ мѣстъ была Ненокса. Здѣсь передъ иностран-

---

[1]) Тутъ-же.

[2]) Подъячiй Рахманинъ Вороновъ, Угличанинъ, оставался на Сѣверѣ при нѣсколькихъ воеводахъ, а потому имя его видимо сроднилось съ землею Двинской. Въ концѣ XVI вѣка онъ тамъ находился при Князѣ Борисѣ Ивановичѣ Мезецкомъ, въ 1600 г. при Осипѣ Савельевичѣ Супоневѣ, въ 1601 г. при Родiонѣ Всеволожскомъ, въ 1607 г. при Тимофеѣ Васильевичѣ Лазаревѣ.—Рахманинъ Вороновъ лицо также заслуживающее изслѣдованiя.

[3]) Примѣчанiе: Тѣмъ страннѣе выборъ мѣста ссылки Александра Никитича Романова въ „Луду“, что въ Унской губѣ. Это скорѣе бойкое мѣсто, а не ссылочное. По русскимъ свѣдѣнiямъ, этотъ главный врагъ Бориса Годунова тамъ и умеръ, но иностранцы приводятъ слухъ, что онъ оттуда бѣжалъ въ Литву.

[4]) Rurchnigs. Magasin. Донесенiя Solingen'a.

ными судами разныхъ нацiй красовались дворы первостепенныхъ монастырей: Соловецкаго, Кирилловскаго, Сiйскаго, Корельскаго.

Доступъ въ Неноксу—преимущество этихъ монастырей: не даромъ же говорилъ Царь Θеодоръ:—„И та Божiя дорога—море океанъ,—кто можетъ ее узнать и измѣрити?“ [1]).

„Островъ Соловки лежитъ въ морѣ, на сѣверѣ, между областями Двиною и Корелою въ 58 миляхъ отъ материка. На этомъ островѣ въ большомъ количествѣ вываривается соль. Тамъ же монастырь, въ который если войдетъ женщина, или дѣвица, то это считается большимъ грѣхомъ“.

Таковы предѣлы того сѣвернаго края, на который обратили такое послѣдовательное и упорное вниманiе Англичане, съ заднею мыслiю овладѣть этою страною, что и было ими выдвинуто во времена междуцарствiя. Но мѣстность эта особенно благопрiятствовала въ то же время уединенiю отшельниковъ и строителей монастырскихъ, коихъ значительное число пребывало въ обширныхъ лѣсахъ Архангельскихъ, Мезенскихъ и Вологодскихъ.

„Сѣверные монастыри...“ Это тѣ обители, въ которыхъ жили извѣстные въ свое время „заволжскiе старцы“. Въ нихъ по преимуществу развивалось монашество въ духѣ Св. Нила Сорскаго (Майкова), отличавшагося своимъ направленiемъ отъ „Iосифлянъ“, преимущественно тянувшихъ на югъ отъ Волги. Эти „заволжскiе старцы“ имѣли особое значенiе. Изъ ихъ среды образовались, отчасти, тѣ уклонившiеся на иной путь или же заподозрѣнные въ ереси, дѣйствительные и мнимые еритики, которые судились при Царѣ Иванѣ (извѣстное дѣло Башкина). Къ числу безвинно заподозрѣнныхъ принадлежалъ даже знаменитый просвѣтитель Лопарей Св. Θеодоритъ Кольскiй (другъ Кн. А. М. Курбскаго), а также извѣстный писатель Артемiй (Троицкiй), побывавшiй даже въ нѣмецкой странѣ для словопренiй съ книжнымъ человѣкомъ „ученiя протестантскаго“. Однимъ изъ притоновъ для такихъ еретиковъ была обитель Св. Кирилла „Бѣлаго“, Новоезерскаго подвижника, родомъ Галичанина (сосѣда Отрепьевыхъ) [2]).

---

[1]) Грамота царя Θеодора кор. Елизаветѣ.

[2]) Писц. Кн. по Галичкому уѣзду. М. А. М. Ю. № 98.

Въ описи Царскаго Архива [1]) находится ящикъ, а въ немъ соборныя дѣла (7065) Новоезерскихъ чернцовъ, на Ортемьевыхъ учениковъ, на Іону Чернца и на попа на Оникичне Кіянскаго.

Самъ же Артемій, сильно заподозрѣнный Грознымъ, вынужденъ былъ удалиться въ затворъ Соловецкаго монастыря. Присутствіе такого выдающагося человѣка и писателя могло ли пройти безслѣдно среди братіи Соловецкой обители? Отсюда Артемій бѣжалъ въ Литву, гдѣ еще засталъ въ живыхъ Кн. Андрея Курбскаго и, живя въ Литвѣ, неутомимо и плодовито трудился въ борьбѣ съ Протестанствомъ. Вниманіе русской церкви было обращено тогда на надвигавшееся съ Запада ученіе Лютера, и борьба съ нимъ отразилась, до нѣкоторой степени, и на нашемъ Сѣверѣ, гдѣ нашлись стойкіе борцы за Православіе. Самая возможность бѣгства Артемія изъ Соловокъ „въ Литву“ должна обратить на себя вниманіе. Было ли бѣгство это явленіемъ единичнымъ?..

Въ 1571 году скончался въ Соловкахъ просвѣтитель Лопарей—Ѳеодоритъ. И это событіе крупное для братіи Соловецкой.—„Лѣта 7079 (1571) Августа 17 дня представился рабъ Божій св. Архимандритъ Суздальскаго Спаса Ефимьева Монастыря Священноинокъ Ѳеодоритъ, Соловецкій постриженникъ“ [2]).

Какъ разъ въ томъ же году тамъ въ игуменство вступаетъ Варлаамъ Роговъ, будущій Кирилловскій Архимандритъ и Ростовской Митрополитъ, „пѣвецъ“, слагатель каноновъ святымъ [3]) и покровитель таковыхъ же пѣвцовъ [4]).

Дикая Лопь не далеко отъ Мезени и отъ „Сокольни“ на устьѣ ея.

Дикая Лопь по преимуществу страна привидѣній и чародѣевъ [5]): объ иныхъ говорили, что погибая, они могли одновременно вернуться къ жизни. Недаромъ и атаманъ „Корѣла“ — слылъ чародѣемъ. Лопари и Самоѣды нерѣдко появлялись въ

[1]) Акты Арх. Экспед. № 284. (1575 г.).
[2]) Курбскій. Сказанія.
[3]) Такъ воспѣлъ онъ Угличанина, блаженнаго Іоанна Власатаго (Волосатаго), личность интересную, не вполнѣ еще выясненную.
[4]) Ундольскій. Замѣчанія для исторіи церк. пѣнія. Чтенія Моск. Общ. Ист. и Древ. 1846 г.
[5]) Харузинъ. Лопари.

Москвѣ. Они были даже сюда призваны Царемъ Иваномъ; они проникали и въ Угличъ; съ ними нѣкогда велъ переговоры Аѳанасій Ѳедоровичъ Нагой.

Любопытно, что по убіеніи Разстриги ходили на Москвѣ такіе слухи: „Онъ чернокнижникъ, искусству этому научился у дикой Лопи“ [1]).

Недаромъ такъ заманчивъ этотъ Сѣверъ. Строевъ придаетъ изученію его особое значеніе [2]). „О, сѣверъ, сѣверъ чародѣй“ — говоритъ поэтъ. (Тютчевъ).

„Весь Сѣверъ Россіи заселенъ „черными“, такъ называемыми, государственными крестьянами [3]) (они же и „тяглые“), непосредственно платившими подати въ казну и управлявшимися отъ послѣдней. Крестьяне эти пользовались большею свободою, жизнь ихъ выражалась болѣе опредѣленно, чѣмъ жизнь другихъ крестьянъ. Отождествленіе нѣкоторыхъ фамилій приводитъ къ такому заключенію, что крестьяне назывались сами или ихъ называли по фамиліи [4]) тѣхъ ихъ помѣщиковъ, отъ которыхъ они убѣжали; выраженіе „сшелъ безвѣстно“ — довольно частое въ „Писцовыхъ книгахъ“.

Правительство было довольно, что Сѣверъ Россіи понемногу заселялся. Вопросъ этотъ представляется важнымъ, въ виду частой встрѣчи на Сѣверѣ именъ, уже знакомыхъ намъ въ другихъ мѣстностяхъ. Нельзя не принять въ соображеніе Новгородскую колонизацію; тутъ Строгановы, Окладниковы, Кузнецовы, Ластскины и многія другія имена дѣятелей Сѣвера. Прибавимъ къ этому, что слѣдуетъ считаться и съ монастырской колонизаціей, что нѣкоторыя мѣстныя названія получились отъ именъ правительственныхъ дѣятелей.

Мы уже указали на названіе мыса Воронова. Это примѣръ не единичный. Такъ, на рѣчкѣ Енгѣ—„Семенкины пожни“, „Кощѣева гора“, деревня „Михновская“ у часовни, „Истоминъ“ ру-

[1]) Масса.
[2]) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и Труды П. М. Строева.
[3]) И. Бѣляевъ. Письмо.
[4]) Это возможно для родовъ служилыхъ людей, но не касается до „посадскихъ“, на связи которыхъ обращено особое вниманіе.

чей, островъ „Меншиковъ“, „Окуловъ“ носъ, „Петелины“ кресты, „Гнидинская“ межа, деревня „Юдинская“, мѣстечко „Раковское“ и т. д. Гнидины, Юдины, Раковы, Меншиковы, Окуловы, Михневы, Истомины, Петелины, Кощѣевы — всѣ эти имена имѣютъ прямое отношеніе къ Угличу.

Особенно важное значеніе играетъ „волокъ“, соединяющій двѣ рѣки и образующій водораздѣлъ. „Волокъ—перешеекъ между двухъ рѣкъ, гдѣ переволакиваютъ лодки или товаръ съ нихъ съ одной рѣчки на другую,—глухой боръ“ [1]). Такіе „волоки“ имѣли не только торговое, но и стратегическое значеніе. Такимъ выдающимся мѣстомъ былъ Усть Вымь, при впаденіи Выми въ Вологду. Таковъ и волокъ между истоками Ваги, впадающей въ Сухону подъ Тотьмою. Равно значителенъ и волокъ, связующій бассейнъ Костромы и Сухону.

Обнора и *Монза*, впадающія въ Кострому, служатъ сближенію Монзенскихъ обителей съ Обнорскою, а на истокахъ Ваги стояла „пустынь Леванидова“, упраздненная гораздо ранѣе 1764 года, приписная къ тотемскому Суморину Монастырю [2]), а затѣмъ перешедшая къ Монастырю Угрѣшскому, путемъ Царской жалованной грамоты.

Въ настоящее время мѣстность, на которой возвышалась „Пустынь Леванидова“, носитъ странное наименованіе — „Монастырское-*Лукавино*“.

Важскій уѣздъ (или Важская земля) раздѣляется на двѣ половины: шенкурскую и вельскую. Центромъ первой былъ Шенкурскъ, центромъ второй—Вельскъ. „Шенкурскъ и Вельскъ съ ихъ уѣздами составляли нѣкогда область Вагу, принадлежавшую сперва Новгородцамъ, потомъ В. К. Московскимъ, Годунову и, наконецъ, дворцовому вѣдомству. Воеводы жили въ Шенкурскѣ; тамъ же находился и архивъ воеводства, безъ сомнѣнія важный для исторіи „Россійскаго сѣвера“. Въ 1780 году, при открытіи Вологодскаго намѣстничества, его перевезли въ Вологду для сдачи въ казенную

---

[1]) Словарь Даля.

[2]) Житіе Св. Трифона Вятскаго. Пам. Русско-Дух. письм. XVII в. Казань. 1868 г., стр. 63.

палату. Мясниковъ сообщалъ Строеву, что въ 1818 году архиваріусъ казенной палаты Казаковъ показывалъ ему описи, хранящіяся въ палатѣ, *Важскаго архива*. Строевъ заключилъ, что Важскій архивъ, въ которомъ погребена исторія нѣкогда цвѣтущей и богатой области Ваги, почіетъ гдѣ-либо въ Вологодскихъ губернскихъ присутственныхъ мѣстахъ, но по сдѣланнымъ имъ же справкамъ, тамъ „оныхъ не оказалось“. Такъ Строевъ и не доискался Важскаго архива [1]). Въ Шенкурской части жилъ самъ намѣстникъ, во второй его тіунъ. Каждая часть раздѣляется на станы; въ первой, кромѣ посада, три стана: Подвинскій, Ледскій, Ревдинскій, во второй, кромѣ центральнаго стана, гдѣ былъ посадъ Вельскъ, два стана: Слободской и Кокшенчскій, итого съ посадами 7 становъ. Уставная Важская грамота дана 21 марта 1552 года.

Выше Тотьмы впадаетъ въ Сухону съ лѣвой стороны рѣка Вожбола съ притокомъ, называемымъ Тавча или „Царева“. Небольшой волокъ отдѣляетъ ихъ отъ истоковъ Ваги. Тутъ же истокъ Кулоя (другого, южнаго), впадающаго въ Вагу, близъ котораго деревня „Гавшинская“ [2]) и много озеръ: Самгушское, Гладкое, Глубокое, Нонватое, черезъ которое протекаетъ Кулой, и тутъ же Подмонастырская слобода.

Важская область, имѣя впослѣдствіи областнымъ городомъ Вагу (Шенкурскъ), къ составу котораго принадлежалъ нѣкогда и Вельскій посадъ, была куплена въ началѣ XIV столѣтія (въ 1315 г.) Новгородскимъ Посадникомъ Василіемъ Матвѣевичемъ Земцевымъ у Чудскихъ Князьковъ за 20 тысячъ штукъ бѣлокъ и 10 рублей. Мѣста, между которыми поставлена Тотьма, въ Уставѣ Новгородскаго Князя Святослава, до сихъ поръ сохранили свои названія, сосѣдственныя съ Тотьмой, каковы: Векшенча, Борокъ, Вель-Вага [3]).

Въ 1402 году въ Важскихъ церквахъ молились уже о здравіи Московскихъ Государей и Великихъ Князей. Въ 1504 году Иванъ III завѣщалъ: „сыну своему Василью даю Заволоцкую землю,

---

[1]) Н. П. Барсуковъ. Жизнь и Труды Строева, стр. 18[illegible].

[2]) „Гавшинская“, „Гавшино“,—„на Гавшиномъ дворѣ“ встрѣчается не разъ и напоминаетъ прозвище одного изъ сыновей Андрея Кобылы-*Гавши*., родоначальника Боборыкиныхъ.

[3]) Вологодская Старина.

всю Онегу и Каргополь и все Поонежье и Двину и Вагу, Кокшенчу и Вельскій погостъ и Колмогоры и всю Двинскую и Заволоцкую землю" [1]).

Тотьма одинъ изъ складочныхъ пунктовъ заграничнаго торга.

Наконецъ Тотьма и Вага съ Вельскимъ посадомъ были зачислены въ числѣ другихъ 20 въ „опричные города" и доходы съ нихъ и ихъ волостей стали поступать на „Государевъ доходъ".

„Се язъ Кирилко Тимофеевъ, сынъ Борисовъ, *съ Усть-Важки* продалъ есми Пахому Семенову, сыну Ширяеву, въ Усть-Важской волости въ Богоявленскомъ приходѣ, за рѣкою за Важкою, въ Каранзельскій поволокъ пожню свою по своей купчей, что язъ купилъ у Ивана у Чупрова, а въ межахъ та моя пожня: въ верхнюю сторону съ Захаромъ съ *Чирцовымъ* и нижнюю сторону въ межахъ съ нимъ же" [2]).

„Рѣка Вага (Вада), изобилующая рыбой, беретъ начало между Бѣлоозеромъ и Вологдой въ болотахъ и дремучихъ лѣсахъ и изливается въ рѣку Двину. Жители ея окрестностей снискиваютъ себѣ пропитаніе охотой, потому что у нихъ почти совсѣмъ нѣтъ хлѣба, тамъ ловятся лисицы чернаго и пепельнаго цвѣтовъ, оттуда идетъ *кратчайшій путь* къ области рѣки Двины" [3]).

Намъ дорогъ этотъ, „кратчайшій" путь на сѣверъ, отъ Ярославля на Вологду и далѣе. Но онъ долженъ быть не только кратчайшій, но и „безопаснѣйшій". Мѣста эти у Важскаго „волока" и до нынѣ глухія. Значеніе же „волока" не подлежитъ сомнѣнію, именно ради кратчайшаго пути. „Рѣка Царева" въ 25 верстахъ отъ Тиксненскаго погоста; она образуется изъ рѣки Тафты и р. Вожбала. Истоки Тафты и Ваги сходятся крайне близко; кругомъ дремучій лѣсъ. Отъ села Тофнянскаго на Вожбалъ есть лишь звѣриная тропинка; сторона дикая и болотистая. У истоковъ рѣкъ, кажется, жилья нѣтъ. Рѣка Кулой — глубокая и на пути встрѣчается нѣсколько озеръ, имѣетъ извилинъ меньше, нежели Вага. Вода въ Кулоѣ чрезвычайно темная, по мѣстному — „жирная". По берегамъ р. Царевы лежитъ Коровинская волость; называется она

[1]) Собран. госуд. грамот. и договоровъ, I, 389.
[2]) Арх. М. Ю. Гр. К. Эк. 1606 г. по Мезенск. у. № 3/7118.
[3]) Herberstein.

также Царевой. На стр. 48 — 60 описанія Тиксненской церкви упоминается „Царская дорога" (т.-е. дорога съ Тиксны въ Царевскую волость?). Чрезъ р. Цареву нѣтъ моста, перевозятъ на паромѣ; тутъ и „перевозъ". Въ старину, жители деревни, лежащей при „перевозѣ", занимались грабежомъ и въ Царевѣ рѣкѣ „крыли концы" (sic) („въ воду")? На волокѣ отъ Тиксны до Царевы подвизались грабители; даже лѣтъ 30—40 назадъ были въ силѣ тутъ разбои и грабежи. Если ѣхать Царевой-Тафтой, то до Ваги, кромѣ 4 деревень, нѣтъ никакого жилья" [1]). (Верховажы).

Вага и Кулой текутъ въ одномъ направленіи къ Сѣверной Двинѣ, въ которую и вливаются. Очевидно, мѣсто впаденія представлялось особенно важнымъ въ тѣ времена, когда рѣки составляли главные пути. Изъ двухъ, преимущество удобствъ за Кулоемъ, тѣмъ болѣе, что „Вага" слишкомъ близка Годунову, но и самый путь на сѣверъ короче по Кулою. Обитель Кривецкая, стоящая на Двинѣ при впаденіи Кулоя, получаетъ значеніе какъ и Сійская. Къ ней еще придется вернуться. Промежутокъ Сѣверной Двиною соединяетъ теченіе Кулоя съ теченіемъ Кулуя — путемъ Пинежскаго волока.

„Царская дорога" на сѣверѣ невольно заставляетъ вспомнить „Царскій путъ", который шелъ отъ Кромъ къ Орлу. Путь этотъ мимо „Леванидовой пустыни" (Лукавино), гдѣ (въ Царевой дорогѣ) „крыли концы" (въ воду).

Въ 1591 году концы въ воду были спущены такъ удачно, что и донынѣ они не найдены.

Для Сѣверянъ: Поморовъ, Лопанъ и иныхъ одинаково доступны были Западъ и Востокъ. О богатствѣ мѣстныхъ произведеній послѣдняго, т.-е. ближайшей Сибири, можно судить по слѣдующимъ словамъ Сибирскаго Лѣтописца:

„А отъ Самаровскаго яму, рѣкою Иртышомъ устьемъ, до великой рѣки Оби сутки. Внизъ великою рѣкою Обью по обѣ стороны и на нихъ всякихъ рѣкъ множество и живутъ Великихъ Государей нашихъ подданные, ясачные люди: Татары, Остяки, Самоядь, разныя языки и улусами своими, а надъ собою тѣ ясачные

[1]) Изъ письма ко мнѣ Н. И. Суворова изъ Вологды 1902 г.

люди имѣютъ начальныхъ людей, въ улусахъ князцовъ, есауловъ, сотниковъ, десятниковъ. А живутъ въ лѣсахъ темныхъ надъ водами, зимнія юрты деревянныя въ земляхъ, аки въ погребахъ, отъ великихъ мразовъ, а лѣтнія юрты имѣютъ въ другихъ мѣстахъ надъ водами великими, для того, что къ веснѣ у нихъ и все лѣто до осени бываетъ множество мошки и комаровъ и нощію спятъ въ палаткахъ въ холщевыхъ на высокихъ кроватяхъ, подъ кровати же кладутъ они курево, дабы комары и мошки дали нощію уснуть. Въ жилищахъ же множество всякаго звѣря: лосей, оленей, медвѣдевъ, лисицъ, росомахъ, соболей, бобровъ выдеръ, рыбы всякой такожде безчисленно: осетровъ, стерлядей, щукъ, тайменей, карарей, линей, плотицъ и всякихъ птицъ: лебедей, стерховъ, журавлей, цаплей, бабъ, гусей" [1]).

И среди этого животнаго царства развивалась иная жизнь, скиталась и пребывала здѣсь бродячая Русь.

„А что по міру скитаются, по городомъ, по улицамъ, и по дворомъ, и по деревнямъ чернцы и черницы, и бабы, и протчія міряне со святыми иконами ходятъ-странствуютъ, нѣціи бо отъ сновъ смущаеми, мняся пророчествовати, а иные на сооруженіе церкви сбираютъ, а иные на искупленіе просятъ, и по торгомъ ходятъ безчинно со образы, и о томъ иноземцы и иновѣрцы дивятся, да и православніи мнози въ зазоръ поставляютъ, полагаютъ, что со святыми иконами безчинно скитаются по реченному: „почитайте Божественное честно". И того ради впредь о томъ царскую заповѣдь учинить и по торгомъ кликати, чтобы вси таковые со святыми иконами по торгомъ и по деревнямъ не ходили, а которымъ на окупъ и отъ долговъ или о прочихъ нуждахъ милостыни просить, они бы именемъ Божіимъ у боголюбцевъ просили, а съ иконами одноличио не ходили, а которые послѣ царевы заповѣди учнутъ со святыми иконами безчинно скитатися, и у тѣхъ иконы отнимати, да ставити по святымъ церквамъ, а ихъ изъ городовъ изгоняти бичьми, да и прочіи страхъ пріимутъ тако не творити...

„Да по погостомъ и по селамъ ходятъ лживые пророки, мужики, и женки, и дѣвки, и старыя бабы, наги и босы и волосы

[1]) Лѣтоп. Сибирская.

отростивъ и распустя, трясутся и убиваются, а сказываютъ, что имъ являются Св. Пятница и Анастасія".

Темный этотъ людъ еще держится „шестокрыла, вороновограя, остроломіи, зодіи, альманаха, звѣздочета, аристотелевъ вратъ и иныхъ составъ и мудростей еретическихъ и кобей бѣсовскихъ и, въ прелести вѣрующи, многихъ людей отъ Бога отлучаютъ и погибаютъ" [1]).

Все это могло, приходя на Сѣверъ, получать тамъ и свою дополнительную мѣстную окраску.

Но рядомъ съ отрицательной стороной была и другая, оставившая намъ свой краснорѣчивый слѣдъ въ дѣяніяхъ и житіяхъ, въ творчествѣ христіанскихъ пѣснопѣній, въ подвигахъ самоусовершенствованія и добра.

Если и до нынѣ отдаленныя мѣстности Сѣвера представляютъ изъ себя мѣста привольныя для всякаго бродячаго люда, то что же было въ концѣ XVI вѣка? Отраженія сложныхъ движеній извѣстнаго свойства сквозятъ и въ постановленіяхъ „Стоглава".

Съ Запада Кола и Печенга, съ Востока—Тазъ и Мангазея и между ними правильно установившіяся сношенія, нити которыхъ сходятся у сліяній Двины, Онеги, Печоры и Мезени; съ Запада—Поной, съ Востока—Усы и Цыльмы, съ Юга — Вага, Кулой, Пинега и Вымь,—вотъ то обширное пространство „дѣвственнаго" донынѣ Сѣвера, представлявшаго столь-же исключительныя удобства для бродячей Руси, какъ и для всякаго темнаго люда, равно и для людей, искавшихъ тихой пристани, или же вынужденнаго убѣжища отъ житейскихъ волнъ... Съ одной стороны, эта великая глушь, — а съ другой — безконечно открытая „Божья дорога" — море океанъ! И здѣсь, какъ и вездѣ, собираніе земли было столько же дѣломъ правительственнымъ, сколько церковнымъ. Воеводы съ ихъ дьяками и приставами, подробно описывающими эти глухія мѣста, — дѣйствовали заодно съ властями монастырскими и приходскими. Отъ тѣхъ и другихъ дѣятелей требовались особыя качества характера и способностей. Въ тѣ времена, вообще, не было недостатка въ таковыхъ. Жизнь закаливала съ раннихъ лѣтъ.

[1]) Стоглавъ, глава 41.

Передъ нами проходитъ вереница такихъ дѣятелей на Сѣверѣ съ своими отдѣльными мѣстными убѣжищами и средоточіями жизни. Самыя свойства Сѣверной природы, усиливая воображеніе, развиваютъ стремленія къ таинственному, чудесному, къ созерцанію красотъ и тайнъ природы, къ развитію свѣтлаго поэтическаго чувства. Въ то-же время борьба съ дикими звѣрями, охота, съ ея увлекательными похожденіями, морская стихія съ ея особенностями, вліяющими на населеніе, замыслы и стремленія уязвленнаго честолюбія, но всего чаще келейная, созерцательная, молитвенная жизнь, соединенная съ дѣлами милосердія, — все придавать должно было особый оттѣнокъ вдумчивости, предпріимчивости и отваги, — все-же, вмѣстѣ взятое, являетъ собою единеніе такихъ именно условій, которыя создаютъ сильныхъ духомъ, выдающихся и даже геніальныхъ людей. Таковымъ и былъ сынъ рыбака Бѣломорскаго — Михайло Ломоносовъ! Не даромъ же и Петра Великаго такъ сильно тянуло на Сѣверъ.

Мы умышленно коснулись мѣстныхъ подробностей и внѣшняго облика той великой сѣверной страны, коей обладателями искони и постепенно являлись — Новгородъ и Москва. Она издревле имѣла значительное торговое значеніе; а со временъ наплыва различныхъ иностранныхъ судовъ политическое значеніе ея стало бросаться въ глаза, возбуждая справедливое и подозрительное вниманіе государственныхъ людей того времени. *Строгановы* и *Щелкаловы* [1]) конечно ближе другихъ по вліянію стояли къ этой странѣ, а рядомъ и знаменитые основатели не менѣе знаменитыхъ обителей, ихъ ученики и послѣдователи. Въ настоящей замѣткѣ коснулись мы только одной внѣшней стороны, — но уже и здѣсь мы видимъ, что въ глухихъ лѣсахъ, на берегахъ сплавныхъ рѣкъ, какъ и на малыхъ ручейкахъ, стояли „часовни“, строились погосты, возникали обители; между послѣдними нерѣдко небольшія, глухія, мало извѣстныя, а въ нихъ, въ убогихъ келліяхъ, жили старцы, жили и монастырскіе „дѣтеныши“ [2])...

---

[1]) *Семенъ* Оникіевичъ Строгановъ и *Андрей* Яковлевичъ Щелкаловъ.

[2]) О Щелкаловыхъ припомнимъ указаніе: „Nobilem virum Andrean Tzalkanem aetate provectum, mirabili prudentia, doctrina et virtute praeditum, celeberrimumque nec non germanum ejus fratrem nobilem Basilium miserut.“ (Карамзинъ.

Мы еще подойдемъ къ этой сторонѣ мѣстныхъ условій и попытаемся коснуться тѣхъ тайниковъ, въ которыхъ теплилась жизнь духовная, не показная, подвижническая, нравственно вліявшая на развитіе всего края, на его колонизацію, многими нитями соприкасавшаяся къ средоточіямъ, съ которыми не прерывалось общеніе, хотя бы весьма часто и малозамѣтное. Преданія, разсказы, воспоминанія мѣстныя, не ограничиваются церковною оградою, а уходятъ за ея предѣлы...

Достаточно ли мы прислушиваемся къ этимъ голосамъ, хотя бы невсегда точнымъ и яснымъ, но заключающимъ въ себѣ, подобно указаніямъ монастырскимъ, драгоцѣнные намеки, нигдѣ иначе не находимыя историческія черты?..

Цѣлая сѣть обителей съ ихъ основателями въ Двинской землѣ должна служить предметомъ особаго изслѣдованія, съ указаніями на связи ихъ между собою и иныя. Возникаютъ они не случайно и имѣютъ свое опредѣленное значеніе, находясь въ зависимости отъ Владыки Новгородскаго. Безъ освѣщенія этой стороны, мы будемъ блуждать въ потемкахъ, а раздѣленіе искусственное жизни церковной отъ государственной лишаетъ насъ той почвы, безъ которой многое намъ неизбѣжно будетъ темно и сбивчиво. Прослѣдить за этими Сѣверными обителями съ ихъ основателями — необходимо.

Мы не безъ основанія также уклонились такъ далеко отъ первоначальной цѣли прослѣдить за связями „Василія Буторина“, дающаго показаніе въ слѣдственномъ дѣлѣ Царевича Димитрія. Связи Буториныхъ съ Сѣверомъ, именно съ берегами Кулуя, подтверждаются Сійскимъ синодикомъ и Писцовыми книгами. Но это случай далеко не единичный. Можно прослѣдить за другими лицами, ибо связи съ Сѣверомъ многообразны. Путь же „отъ Усть

Ист. Госуд. Рос. т. X. пр. 215). „Великій Логоѳетъ“, какъ называли Греки А. Щелкалова, тѣсными нитями соприкасался „Семену“ Строганову (не чуждому врачебному искусству). Имена эти столько же значительны для иностранцевъ, сколько и для своихъ. *Scholkan* и *Semen* личности, съ которыми иностранцы считались. Ничто не могло помимо ихъ вѣдома совершиться политическаго на сѣверѣ Россіи, и никакое предпріятіе безъ нихъ не могло бы удасться. *Щелкаловъ* и *Строгановъ*, конечно, хорошо освѣдомлены о послѣдствіяхъ непосредственныхъ Угличскаго событія.

Къ нимъ нельзя не прибавить *Варлаама Ростовскаго* и *Трифона Вятскаго*, двухъ опальниковъ Б. Годунова и также сѣверныхъ дѣятелей...

Кулуя вверхъ по Вазѣ до Ярославскаго рубежа" указанъ еще со временъ Новгородскихъ,—„и здѣсь *кратчайшій* путь на Сѣверъ, по Герберштейну,—и оттуда, т.-е. Вагою идетъ кратчайшій путь къ области и рѣкѣ Двинѣ" [1]). Правда, этотъ кратчайшій путь не всегда можетъ быть удобенъ. Онъ на глазахъ у Бориса Годунова, который получаетъ доходы съ Ваги [2]). Однако у Карамзина указано, что за отбытіе татаръ отъ Москвы, Годунову дали *въ вотчину* три города въ Важской землѣ. „Заключаю, гов. Платоновъ, что до 1591 года, Борисъ Вагою не владѣлъ, а лишь пользовался доходами съ Ваги черезъ какой-либо московскій приказъ (посольскій или „четверть"), съ 1591 года Борисъ уже сталъ Вагою владѣть непосредственно" [3]). Конечно, заслугу Годунова во время нашествія татарскаго нужно было вознаградить и понятно, что остановились на Вагѣ. Но это—*послѣ 15 мая 1591 года.*

„Далъ ему (Борису) шубу дорогу съ своихъ плечь, словетъ русская, въ 1000 рублевъ съ золотыми пуговицами да съ себя чѣпь золоту дорогу да судно золото, словетъ Мамай, что на Мамаевѣ побоищѣ побилъ В. Г. Ц. и В. К. Дмитрій Ив. Донской—Мамая Царя, и то судно тогды взято его Мамаевское-Царево, и Государь пожаловалъ Борис. Ѳед. для памяти роду его; *да въ вотчину три городы въ Вяжской землѣ съ великими доходы*... и пиръ былъ у Государя въ большой грановитой палатѣ по многія дни" [4]).

Конечно, путь Важскій предпочтительнѣе направленію Двинскому, Велико-Устюжскому, гораздо болѣе дальнему. Таково значеніе двухъ Кулоевъ и Ваги, у истоковъ которой стояла „Леванидова" пустынь,—нынѣ „Монастырское Лукавино".

Во всякомъ случаѣ присутствіе Буторина, „Буторы", въ Долгой Щели, на устьяхъ сѣвернаго Кулуя, выдвигаетъ это имя ради явныхъ связей торговыхъ, значительно расширяющихъ, какъ личное значеніе, такъ и служащихъ намекомъ на возможность существованія *связей Углича съ берегами Студенаго моря*...

Г. С. Шереметевъ.

---

[1]) Herberstein.
[2]) Fletcher.
[3]) С. Ѳ. Платоновъ. Письмо.
[4]) Карамз. Примѣч. 270 къ т. X.

Псковскій Печерскій монастырь въ 1586 году [1]).

Въ Завелицкой засадѣ, въ Таиловской губѣ, Пречистыя Богородицы Печерскаго монастыря въ долу межъ горъ, а около монастыря ограда каменна, на оградѣ на воротехъ храмъ во имя Николы чудотворца; отъ Николы чудотворца отъ стѣны около башни отъводныя 13 саженъ, а въ башнѣ нижняго бою 6 оконъ, да верхняго 7 оконъ, отъ башни отъ водныя до нижней башни и до воротъ 37 саженъ, а бою нижняго 8 оконъ, да вверхнемъ 17 оконъ, да нижней башни надъ вороты верхняго бою 6 оконъ, да въ другомъ въ среднемъ бою 4 окна; да подошевнаго бою 4 окна, отъ нижнія башни на гору до Изборскихъ воротъ 85 саженъ, а бою верхняго 41 окно, а подошевнаго 20 оконъ. Около башни Изборскія 10 саженъ, а на башнѣ верхняго бою 7 оконъ, да середняго 6 оконъ, да подошевнаго 4 окна. Отъ Изборскія башни и отъ воротъ до нижнія башни, что на Каменцѣ, 71 саженъ, а бою верхняго 25 оконъ, да подошевнаго 13 оконъ; около нижнія башни 8 саженъ бою верхняго надъ вороты, что надъ ручьемъ, въ деревянной башнѣ 6 оконъ, да середняго 5 оконъ, да нижняго 4 окна. Надъ тѣми же вороты въ каменной башнѣ нижняго бою 4 окна, отъ нижнія башни на гору до Слобоцкой наугольной башни 28 саженъ, на башнѣ верхняго бою 5 оконъ да нижняго 4 окна; отъ наугольной Таиловской башни до высокія наугольныя переднія

---

[1]) Моск. Архивъ М. Ю. Списокъ съ писцовой книги по Псковскому уѣзду, 7094—7095 (1586—1587) годовъ. № 830. Листы 1112 об.—1136.

башни 72 сажени, а верхняго бою 36 оконъ да нижняго 16 оконъ; и около башни 8 саженъ, а на башнѣ верхняго бою 5 оконъ, да середняго 4 окна, да нижняго 5 оконъ; отъ высокія наугольныя башни до Святыхъ Никольскихъ воротъ 10 саженъ, а бою верхняго 5 оконъ, да нижняго 2 окна. И всего на оградѣ 8, а около ограды по стѣнѣ 303 сажени, а вверхъ стѣна трехъ саженъ, а поперегъ сажень, а бою подошевнаго 72 окна, середняго 25 оконъ, верхняго 160 оконъ. И всего верхняго и середняго и подошевнаго бою 266 оконъ, а на оградѣ на ряду 2 пищали полуторныя, а у нихъ 100 ядръ желѣзныхъ, пищаль скорострѣльная да пищаль семипядная, а у нихъ 75 ядеръ желѣзныхъ, пищаль желѣзная нѣмецкая скорострѣльная со вкладнемъ, да 4 тюфяки, а ядеръ скорострѣльныхъ и затинныхъ и у тюфяковъ 200 ядеръ желѣзныхъ; да на оградѣ же — 80, да друбницы отъ зелья ко всему наряду 2 бочки, да 6 пудъ свинцу; а воротъ въ монастырь трои, а сквозе монастырь течетъ ручей каменъ х(ъ) колодезю, что съ ручкою. А въ монастырѣ церковь Успеніе Пречистыя Богородицы большая вырѣзана въ горѣ, а въ ней 11 столповъ, да въ алтарѣ 4 столпы земляныя обдѣланы кирпичемъ, а надъ церковью 2 комарни, побиты медиными цками, золочены паренымъ золотомъ, на комарняхъ 2 креста обложены мѣдью, золочены, а шеи у комаренъ побиты нѣмецкимъ желѣзомъ; въ той же церкви придѣлъ преподобныхъ Отецъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ, а образовъ въ церкви: у середнаго столпа икона чудотворная Успенія Пречистыя Богородицы въ чудесехъ, была въ мѣдномъ кіотѣ, басма серебрянымъ обложена и въ 79 г., по приказу Государя царя и великаго князя Ивана Васильевича, всея Русіи, ту икону обложилъ золотомъ, а кіотъ сдѣланъ серебрянъ, а на немъ рѣзью воображены образы Спасителей и преподобныхъ Отецъ и Женъ Святыхъ мученицъ Дѣвъ многихъ, а на иконѣ и у Пречистыя и Спасова образа въ венцѣ вставки 6 камневъ яхонты, у тое же иконы прикладу икона серебряна съ пронизки и съ плащи на гайтанѣ на серебряномъ, а на немъ написанъ образъ Спасовъ на престолѣ, а за престоломъ архангели, да образъ Пречистыя Богородицы да Ивана Предтечи подъ хрусталемъ, а вѣсу 2 гривенки безъ золотника, да 2 креста золотыхъ съ мощми: одинъ со вставки, а другой гладкой. Да крестовъ и понагеи серебромъ обложены 9, да янчныхъ малыхъ крестовъ 15, два золотыхъ угорскихъ на золотой чепи съ плащики, да серьги яхонты, а вѣсу во всемъ золотомъ и въ серебряномъ со вставки 6 гривенокъ скаловыхъ съ золотникомъ. Да у чудотворнаго же образа по сторонамъ 2 иконы преподобныхъ Отецъ Антонія и Ѳеодосія Печерскихъ басмами серебряными обложены, у той же иконы атласъ таусинной, а на ней шитъ образъ Пречистыя Успеніе въ чудесахъ шелки разными, а вѣнцы шиты золотомъ. Да передъ тѣмъ же образомъ сосудъ мѣдянъ съ воскомъ, горитъ неугасаемая и свѣча мѣсная большая; у сѣверскихъ дверей у окна икона — Спасовъ образъ да господскіе праздники обложены басмами серебреными, у Спаса вѣнецъ сканной съ финифты со вставки, около вѣнца обнись жемчужная, да 5 жемчуженъ на забоицахъ, а у нихъ святыхъ вѣнцы сканные же, безо вставокъ, а прикладу у него панагея да 4 креста серебромъ обложены, съ пронизки, на серебряной чѣпочки, вѣсу гривенка и 27 золотникъ; а поставила тотъ образъ Пелагея *Пушкина* въ 92 г. Икона Николы чудотворца *Великорѣцкого* въ чудесехъ, обложенъ сканью, рѣзь чеканена, вѣнецъ золотъ со вставки, обнизь на вѣнцѣ жемчужная. У того же образа крестъ серебрянъ сканной, у него яхонтикъ да 6 жемчужинъ на забоицахъ, а на иконѣ покровецъ тафтянъ, на концѣ плащики серебряны золочены; около жемчужки сажено, а поставилъ тотъ образъ Паукъ *Заболоцкой*, а послѣ писцовыхъ книгъ.

Образъ Пречистыя Богородицы Одигитріе выносной, обложенъ басмами серебряными, оплечки сканыя бѣлыя съ финифтомъ, вѣнцы Пречистыя и Младенца серебряные, сканые, золоченые со вставки, обнизь у обѣихъ вѣнцовъ жемчужная, а подъ вѣнцомъ на челѣ дска серебрена, рѣзь золочена со вставки, обнизь жемчужна, покровъ камчатъ, а на немъ 6 полосъ серебряны басмяны, золочены, а другой покровъ тафта черчета, а на концехъ же опушка жемчужной сажена, у той же иконы кузни 6 крестовъ, да 3 панагеи серебромъ обложены, а червчатая панагея золотомъ обложена со вставки, да золотой меньшой, да рясы жемчужныя съ камышки, а на концехъ у рясъ 2 плаща серебрены золочены, да серьги лапки серебряныя съ жемчуги и со вставки, да серьги яхонты, на серебрѣ

жемчуги золочены, да серьги бечета на серебрѣ же, а у нихъ плащи со вставки, а вѣсу во всемъ томъ полчетверты гривенки. У того же образа пелена зарбахатъ золотной на зеленой земли, а на ней крестъ жемчугомъ саженъ, 25 пуговицъ серебряныхъ золочены на шелковыхъ кистяхъ, другая пелена бархатъ золотной на таусинной земли, а на ней 19 пугвицъ серебряныхъ, золочены, на шелковыхъ кистяхъ, а ставленъ тотъ образъ и окладыванъ послѣ писма. Образъ Спасовъ, пятница со евангелисты, вылитъ на мѣдныхъ басмахъ съ финифтомъ, на дубовой дскѣ, съ пеленою, а въ старыхъ книгахъ пелена не написана; налоиныхъ праздниковъ 24 пятницы на полотенцахъ, на золотѣ, писано по обоимъ сторонамъ владычни праздники и великихъ святыхъ, а пелена налоиная подъ образы бѣлыя камки, кисти у ней шелкъ бѣлъ же, а налой оболоченъ камка червчета, а по концамъ жемчугомъ сажено по атласу, а на убрусѣ камка червчета; икона мѣстная Успеніе Пречистыя Богородицы противъ игуменскаго мѣста обложена басмы серебряны золочены, а на полехъ 8 плащей съ финифты, а вѣнцы всѣ рѣзные съ финифты, а у Спасова образа и у Пречистыя въ вѣнцехъ вставки по яхонту, да по 2 жемчуга, а оплечки рѣзаны на серебрѣ съ финифты золочены. У того же образа пелена, атласъ зеленъ, а на ней шитъ образъ Успенія Пречистыя Богородицы, у Спасова образа и у Пречистыя и у души 3 вѣнцы сажены жемчугомъ, а прикладу у образа 2 панагеи да 12 крестовъ со вставки, обложены серебромъ, да 2 кресты *личныхъ* на серебряныхъ гайтанехъ, вѣсу въ нихъ двѣ гривенки и 27 золотникъ, обложенъ тотъ образъ по государеву приказу. Образъ Пречистыя Владимірскія обложенъ басмы серебряны, вѣнецъ сканной съ финифтомъ и со вставки золоченъ, а подъ вѣнцомъ на челѣ плащи сканые съ финифтомъ и со вставки золочены, обнизь пуговицы серебряны, а по сторонамъ и внизу праздники Господскіе и Святыхъ, а вѣнцы сканы серебряны золочены, у того же образа прикладу 15 панагеи, да 3 креста серебромъ обложены, да двои серги, лапки серебряны, золочены съ жемчугомъ и со вставки, да гривенка сканная съ финифтомъ золочена, да другая гладкая золочена, вѣсу во всемъ 5 гривенокъ и 9 золотниковъ; у тоеже иконы пелена, бархатъ золотъ, на зеленой земли, а на

ней крестъ серебромъ шитъ, а поставилъ тотъ образъ *Игнатей Блудовъ* и съ окладомъ, а кузнь приложена монастырская. Образъ Пречистыя Умиленія въ кіотѣ, пятница съ затворами, а на затворкахъ писаны Святые, обложены басмы серебряны, вѣнецъ у Пречистыя и гривна рѣзь золочена, а подъ вѣнцомъ на челѣ жемчугомъ сажено, а у ней рясы жемчужны. Образъ Пречистыя Владимірскія, локотница обложена басмы серебряны, вѣнцы съ камышки хрустали, а прикладу у иконы крестовъ и иконъ воротныхъ 9, обложены серебромъ на серебряной чепочки, да гривна басмена, а вѣсу во всемъ въ томъ 2 гривенки и 9 золотниковъ. Да въ церкви же и въ алтарѣ 62 пядницы большихъ и середнихъ и меньшихъ, обложены басмы серебряны золочены. Образъ мѣстной Успеніе Пречистыя Богородицы на золотѣ, а на полехъ 3 праздника Господскихъ и иныхъ Святыхъ. Образъ мѣстной Успенія Пречистыя на золотѣ, въ кіотѣ, въ рѣзи. У Спаса и у Пречистыя и у души 23 гривенцы серебряны сканные, золочены, да у того же образа 4 креста серебряны, 2 золочены, а 2 бѣлыхъ. Образъ Рождество Христово выпосной на золотѣ, въ кіотѣ, въ рѣзи, у Спаса и у Пречистыя 2 гривны басмены не великія, а принесенъ тотъ образъ изъ Новаго городка Ливонскаго, изъ села изъ Топина въ войну литовскихъ людей въ 89 г. Образъ преподобныхъ Отецъ Антонія и Θеодосія Печерскихъ мѣстной, на золотѣ, въ кіотѣ въ рѣзи, а стоитъ въ храмѣ, икона пятница большая, 4 праздники на золотѣ: Воскресенія Христова, Успеніе Пречистыя Богородицы, Моленіе Пречистыя, Усѣкновеніе Главы Иванна Предтечи, въ кіотѣ въ рѣзи образъ Успеніе Пречистыя Богородицы на золотѣ, въ кіотѣ въ рѣзи; образъ Успенія на золотѣ въ кіотѣ въ рѣзи, а прикладу у образа 5 крестовъ, да 2 иконы воротныя на гайтанехъ серебряныхъ, а вѣсу въ нихъ гривенка и 14 золотниковъ, а пелена у ней бархатъ черпъ, ветхъ. За лѣвымъ крылосомъ межъ столповъ вверху деисусъ на золотѣ; 9 иконъ мѣстныя: Спасовъ образъ да Пречистыя да Иванна Предтечи да архангела Михаила и Гавріилъ, апостоли Петръ и Павелъ, Иванъ Богословъ, Андрей Первозванной, а принесъ тотъ образъ Незгирева погоста Новаго городка Ливонскаго въ 89 году. Да за лѣвымъ крылосомъ образъ мѣстный Пречистыя Богородицы на престолѣ съ Младенцемъ, на

золотѣ, со архангелы, на той же иконѣ образъ Иванна Предтечи да Иванна Богослова, а по полямъ писаны праздники Господскіе, а у ней гривна серебряная золочена басмена съ камышки. Да крестовъ иконъ воротныхъ 9, обложены серебромъ, вѣсу въ нихъ 2 гривенки и 5 золотниковъ. Пелена, атласной крестъ жемчугомъ саженъ, а поставилъ ту икону игуменъ Никонъ, а кузнь монастырская старая. Образъ Успеніе Пречистыя Богородицы мѣстная на золотѣ, въ кіотѣ, пелена бархатъ ветчанъ. Образъ Успеніе Пречистыя Богородицы старой, обложенъ *по завѣту* въ 90 г., басмы серебряны золочены, вѣнцы сканные съ финифтомъ золочены, а наплечки сканные съ финифтомъ бѣлы, а у ней 3 гривны серебряны басмены золочены, да 10 крестовъ, да 4 иконы воротныхъ, вѣсу въ нихъ гривенка и 21 золотникъ, пелена бархатъ черчатъ, а на ней вышитъ образъ по тафтѣ Успеніе Пречистыя Богородицы, а опушка бархатъ черчатъ на бѣлой земли; по другую сторону чудотворнаго образа образъ Святыя великомученицы Параскевы, на золотѣ, въ мученіи, въ кіотѣ. Образъ Николы чудотворца и иныхъ святыхъ на золотѣ, 12 иконъ мѣсячныхъ на золотѣ, въ кіотѣ. Образъ Живоначальныя Троицы на золотѣ вмѣстной, взятъ Сагиревскаго погоста Новаго городка Ливонскаго. Деисусъ мѣстной, 9 иконъ на золотѣ: образъ Спасовъ да Пречистыя да Иванна Предтечи, архангелъ Михаилъ и Гавріилъ, апостоли Петръ и Павелъ и святители Василій Великій, Иванъ Златоустъ взятъ изъ Топинскаго погоста новаго городка Ливонскаго, *а писалъ* тотъ образъ въ Топино *Печерской игуменъ Корнилей*, а передъ мѣстными иконы 19 свѣчъ большихъ и середнихъ, поставленныхъ; двери Царскія и сѣнь и столбцы рѣзь на золотѣ, а передъ деисусомъ посреди церкви паникадило мѣдное и 9 подсвѣчниковъ; въ алтарѣ престолъ облаченъ, спреди бархатъ зеленъ съ золотомъ, а на ней крестъ саженъ жемчугомъ, дробницы серебряны, а округъ оболоченъ камкою, шелкъ бѣлъ да черленъ, съ поддонникомъ золото и съ чепьми, внутри мѣданая вставка, вѣсу въ ней 4 гривенки безменныхъ безъ четвертинки, дѣлано послѣ писцовыхъ книгъ монастырскою казною игуменъ Корнила. Два кадила серебряныхъ съ поддонники и съ чепьми, а вѣсу въ нихъ 8 гривенокъ и 38 золотниковъ, ладоница нова серебряна рѣзомъ

золочена, а въ ней 8 вставокъ: 4 яхонты да 4 червцы, на забоинахъ 8 жемчуговъ, вѣсу въ немъ 2 гривенки и 34 золотника, дѣлано монастырскою казною старою кузною 93 г. Сосуды серебряны служебные: потирь да 3 блюда, блютцо предтечево позолочено, лжица да звѣзда, понагея столовая да 2 ковши, а вѣсу во всемъ 24 гривенки, сосуды серебряны: потирь да 3 блюда, звѣзда, лжица, а вѣсу въ нихъ 11 гривенокъ. Въ писцовыхъ книгахъ тѣ сосуды не написаны, а присланы, сказываютъ, тѣ сосуды изъ нѣмецкихъ городовъ изъ Юрьева изъ Вильяна. Сосуды серебряные же — потирь да 3 блюдца, да звѣзда, вѣсу въ нихъ 5 гривенокъ и 27 золотниковъ. Присланы изъ нѣмецкихъ же городовъ. Ковшъ серебрянъ съ подписью: *„дача Государя, царя и великаго князя Ивана Васильевича всея Русіи“*, а въ ней носятъ Святую воду, вѣсу 10 гривенокъ. Кубокъ серебрянъ лощатъ, золоченъ, съ покрышкою, Государевы же дачи, а на покрышкѣ крестъ, носятъ въ немъ на Святой недѣли артусъ, а вѣсу въ немъ 8 гривенокъ и 26 золотниковъ; а далъ тотъ ковшъ и кубокъ *государь по царицѣ по Марьѣ.* Кіотъ золотъ государевы же дачи, вѣсу въ немъ $8^1/_2$ золотниковъ, данъ въ 78 г. Гривны серебряныя въ кіотѣ и босманныя золочены, вѣсу въ нихъ 21 золотникъ. Потиръ серебрянъ. Да крестовъ и иконъ воротныхъ, обложены серебромъ, и льячныхъ крестовъ и колтковъ серебряныхъ, вѣсу во всемъ 16 гривенокъ и 30 золотниковъ. А у преподобныхъ отецъ Антонія и Ѳеодосія въ алтарѣ престолъ оболоченъ: спреди кушакъ золотной ветчанъ; а на престолѣ евангеліе тетръ въ полдесть. Да двери Царскія: сѣнь на золотѣ, столбцы на церковной стѣнѣ поддѣланы кирпичемъ, а предъ Царскими дверьми паникадило мѣдное не велико. Купель оловяная, въ чемъ воду святятъ, да 5 блюдъ оловяныхъ, 3 большихъ да 2 середнихъ, 2 яндовки мѣдныхъ, кулганъ мѣдянъ большой, да 3 укропники мѣдяны, да фонарь слудяной большой. Да передъ церковью икона Пречистыя Богородицы явленіе апостоломъ въ преломленіе хлѣба на золотѣ, да 6 паникадилецъ мѣдяныхъ. У Пречистыя же Богородицы плащаница погребенія Господа Нашего Іисуса Христа, шита по камкѣ шолки розными и золотомъ, ризы атласъ серебрянъ, а у нихъ Ердань саженъ жемчугомъ, а опушка шита золотомъ да серебромъ, поручи

тѣхъ ризъ и потрахель сажены жемчугомъ же, а потрахель шита золотомъ, а въ крестѣ жемчугъ большой, а на ней 7 пугвицъ золоты, а на Ерданѣ у ризъ и у поручехъ и на потрахелѣ кованье серебряно золочено; тѣхъ же ризъ стихарь камчатъ да поясъ, тесма съ золотомъ на черномъ шелку, кисти золоты, и съ тѣхъ атласныхъ ризъ Ердань и опушка положена на новыя ризы на атласъ золотной, а на старыя атласныя ризы положено оплечье, вмѣсто бархатъ золотной. Ризы камчаты бѣлы, ердань атласъ золотной, а на задѣ у ризъ крестъ не великъ, саженъ жемчугомъ, потрахель атласъ съ золотомъ, а на ней 10 пуговицъ серебряны золочены. У креста жемчугъ ссыпался и въ то мѣсто положена понагея серебряна съ камышки, въ середкѣ назнаменованъ образъ Спасовъ, ризы камка адамашка. Ердань бархатъ синь съ золотомъ, поручьи и потрахель того же бархату, а на поручье 30 пугвицъ серебряныхъ золочены, а на потрахели 12 пугвицъ золочены. Ризы камчатыя, Ердань и атласъ золотной, патрахель съ золотомъ бархатъ зеленъ, а на ней 11 пугвицъ серебряны. Ризы атласъ шелковъ, Ердань бархатъ золотной на черной землѣ, да потрахель съ золотомъ бархату, а на ней 11 пугвицъ серебряныхъ бѣлы, а на тѣхъ ризахъ оплечье износилось, а положено на нихъ оплечье камка синя. Ризы бѣлы же камчаты, оплечье бархатъ съ золотомъ черчатъ. Стихарь камчатъ же, оплечь и у ларь бархатъ синь съ золотомъ, 3 пояса, тясмы шелковы, одна съ золотомъ, а у другой кисти съ золотомъ, а дьяконскихъ 2 стихаря камчаты, оплечья у нихъ бархатны съ золотомъ, поручи одни, бархатъ черчатъ. Ризы атласъ посконной, оплечье атласъ шелковъ, желтъ на зеленой земли, и тѣ ризы на Агрѣ въ Литовской приходъ згорѣли. Ризы безинны, оплечье бархатъ зеленъ на желтой землѣ, патрахель того же бархату, стихарь подъ ними безинной же. Ризы безинны, оплечье бархатъ черленъ съ золотомъ. Ризы мухоярны, оплечье бархатъ зеленъ съ золотомъ, и тѣ ризы износились, а положено оплечье на полотняныя ризы, а *писаны тѣ ризы у Четыредесятъ мученикъ на дворцѣ*. Ризы, которыя прибыли послѣ письма. Ризы атласъ золотной, оплечье бархатъ золотой, а назади крестъ жемчугомъ саженъ. Ризы камчаты ветхи, оплечье бархатъ червчатъ съ золотомъ, потрахель того же бархату, а на ней 15 пугвицъ

серебряны бѣлы. Ризы камчаты плачены, оплечья бархатъ червчатъ съ золотомъ. Потрахель бархатъ червчатъ съ золотомъ. Ризы камчаты, оплечье бархатъ зеленъ съ золотомъ. Потрахель бархатъ зеленъ съ золотомъ, на ней 10 пугвицъ серебряны. Ризы камчаты новы, оплечье атласъ лазоревъ съ золотомъ, 2 стихаря дьяконскихъ камчаты ветхи, оплечье и улари бархатъ червчатъ. 2 стихаря дьяконскихъ миткальны, оплечье на одномъ бархатъ червчатъ, а на другомъ бархатъ черенъ ветхъ, уларь того же бархату чернаго, а на другомъ атласъ золотной. 2 стихаря безинныхъ подризные. Ризы бархата бѣла, оплечье атласъ золотной, 2 стихаря дьяконскихъ новы, оплечье на одномъ бархатъ золотной, а на другомъ бархатъ червчатъ на бѣлой землѣ, снятъ съ ветчанаго стихаря, а улари бархатъ золотной, трои поручи бархатъ червчатъ съ золотомъ, поручье бархатъ синь, а на поручехъ 22 пуговицы серебряны. Двои поручи бархатъ зеленъ съ золотомъ, ветхи, 2 потрахели новы бархатныя золоты. Ризы постныя камки дымчатой, оплечье бархатъ полосатой, съ золотомъ да съ серебромъ. Поручи того же бархату, патрахель атласъ золотомъ, а на ней 10 пугвицъ серебряны золочены съ жемчужки не велики. Ризы камка дымчата же, оплечье камка черна съ золотомъ. Ризы камка багрова, оплечье камка синя. Ризы посныя багровы, оплечье и поручье бархатъ съ золотомъ червчатъ. Двои ризы: однѣ сатынныя, а другія гарусныя ветхи, оплечье гаруснымъ бархатной, у сатынныхъ камчатной; потрахель ветха атласъ съ золотомъ. 2 стихаря дьяконскіе камчаты: одинъ дымчатъ, двоиличанъ, а другой двоеличанъ же шелкъ черенъ, да темнорудожелтъ, улари бархатъ золотъ. Да покровъ, чѣмъ братью покрываютъ преставшихъ на погребеніе, атласъ шелкъ черенъ, а на немъ кресты шиты шелки разными большимъ шитьемъ, да послѣ письма прибыло посныхъ ризъ. Ризы камка черна съ золотомъ, оплечье бархатъ червчатъ съ золотомъ. Ризы камка синя, оплечье атласъ черенъ съ золотомъ, патрахель тое же камки, стихарь подризной мухояръ багрянъ. Стихарь дьяконской, камка куфтеръ багровъ, оплечья бархатъ черенъ съ золотомъ, оплечье атласъ золотъ. Потрахель и поручье того же отласу: на патрахели 20 пугвицъ серебряны золочены да 6 крестовъ жемчугомъ сажены, у поручья 8 пугвицъ серебряны золочены. Стихарь атласъ черенъ, а

тѣ ризы и стихарь и потрахель и поручье *даны князя Ивана Шуйскаго*. Двои поручье посные камка синя. А книгъ въ обѣихъ церквехъ четьихъ, пѣвчихъ, апостолъ тетръ въ десть, а въ немъ заставицы писаны съ золотомъ, оболоченъ бархатомъ червчатымъ съ золотомъ. Евангеліе тетръ оболочено бархатомъ червчатымъ съ золотомъ, а заставицы писаны золотомъ, а въ немъ положена тска золота, а на ней чеканены страсти Господни и евангелисты по угламъ да по мѣстомъ образы—вверху Живоначальная Троица, а на низу Успеніе Пречистыя, а по краемъ Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы, а преподобные отцы Антоній и Ѳеодосій Печерскіе наволочены черню, и по краемъ полосы и застежки на исподней сторонѣ плащи все золоты, апостолъ тетръ оболоченъ бархатомъ, червчеты заставки писаны золотомъ, апостолъ тетръ обложенъ кожею красною.

Евангеліе толковое, всѣ 4 евангелисты, писано на Александрийской бумагѣ. Да евангеліе воскресные 4 книги, а въ нихъ 2 евангелиста Матфей да Иванъ Богословъ, толкованіе Ивана Златоуста сто бѣсѣды со правоученіемъ. Апостолъ толковой, пятеры книги Моисеевы на Александрійской бумагѣ, да по той же книгѣ Исусъ Навинъ да Іевъ, да 16 пророковъ, да Исусъ Сираховъ. Апокалитей откровеніе Иванна Богослова 2 книги: въ одной Василей Новы да Андрей Иродивый и Діонисей Ареопагитъ, Василей великій, Григорей Богословъ, Иванъ Златоустъ, Ефремъ Сиринъ, 2 книги одна новѣе, а другая ветчана Исакъ Сиринъ, Григорей Бесѣдовникъ, Антіохъ. Да въ ней же главе многихъ Святыхъ торжественникъ на Александрійской, другой торжественникъ ветчанъ на Александрійской бумагѣ, третей торжественникъ меньшей, вначалѣ чуда архистратига Михаила о духананскомъ юноши, Книги похвала на апостольскіе праздники и на Успеніе Пречистыя Богородицы преподобническая, книга старая, 2 соборника новы, а въ нихъ житія преподобныхъ и мученія Святыхъ. Соборникъ, Святыхъ женъ житія. Двѣ книги Златоустовы постныя съ фарисеевы недѣли и до Пасхи, а имя имъ Ѳедоръ Студиской, Соборникъ, а въ ней патерикъ Печерской и житія Святыхъ, 2 пролога столовыхъ, псалтырь толковая, Книга Никонова на Александрійской бумагѣ. Въ книгѣ 120 тетратей, новыя каноны съ правилы Святыхъ апо-

столъ и Св. отецъ. Горонографъ книга въ полдести. 2 евангелія тетровы, апостолъ ветхъ, Кирилъ Ерусалимскій, Маргаритъ Златоустовъ, да въ той же книгѣ вначалѣ многосложенной свитокъ, да Кирила философа, да Селиверстъ Римскій папа, да Іяковъ Жидовинъ, 2 патерика скицкихъ. Патерикъ Печерской, 2 лествицъ ветхи, Иванъ Дамаскинъ, Козма Надикоплодъ. Соборникъ, а въ немъ житіе Пречистыя Богородицы, другой соборникъ ветхъ, вначалѣ писано житіе Николы чудотворца. Книга Манаконовъ, канонъ съ правилы Святыхъ. *Лѣтописецъ* ветчанъ русской; тетратки въ кожѣ ветхи, а въ нихъ *грамоты римскаго языка*. Пѣвчихъ книгъ: уставъ въ десть, служебникъ, 3 октоика, 2 перваго гласа, третій пятаго гласа. Двѣ треоди: посная да цвѣтная. Двѣ псалтири съ величаніемъ, одна ветха, а въ ней заставицы писаны золотомъ. 12 книгъ мѣсячныхъ въ десть и въ полдесть, да Богородичникъ въ полдесть. Уставъ ветхъ, 6 служебникъ, 4 псалтыри: одна поновѣе, а три ветчаны, потребникъ, 3 псалтыри, слѣдованна минея ветчана. Новыхъ чудотворцовъ. Минея общая, часовникъ, часословецъ въ четвертинку ветчанъ, да часовникъ, служебникъ съ четвертинку. Книга не велика, а въ ней блаженна на 8 гласовъ, да и каноны троичны, пятеры тетрати въ кожицахъ церковныя. Да знаменныхъ книгъ: стихарь, три ермолои въ полдесть, Ирмолой въ четвертинку и всѣ охтаицы. Да послѣ писцовыхъ книгъ прибыло книгъ: псалтырь слѣдованіемъ въ десть, половина пролога сентябрской, ветчанъ на бумагѣ. Соборникъ васьяновской въ десть. Книга Палея бытія хоженая, Ивана Богослова, Псалтырь хартельная. Книга златая четь хартенная. Книга оглашеніе Студитово, Псалтырь съ слѣдованіемъ, псалтырь въ дву книгахъ толковая, многихъ толковщиковъ, 2 треоди: посная да цвѣтная. Евангеліе толковое воскресное, 2 апостола тетровы. Книга Монаканонъ, 3 книги лествицы, треодь цвѣтная въ дву книгахъ. Книжка полтреоди цвѣтныя, треодь посная печатная. Соборникъ, а въ немъ сначала писано Полодія мниха. Книга житіе Николы чудотворца. Книга Василій Амосійской. Книги минея февраль, мартъ, да февраль. Книга апрѣль, іюль, августъ. Потребникъ. Книга церковное уложеніе. Книга Измарадъ. Книга Данилово пророчество. 2 книги *Максима Грека*. Потребникъ. Книга апокалипсисъ, уставъ меньшой. Апостолъ тетровъ. Книга Антіохіева.

Евангеліе маленькое церковное, да 2 книги новыхъ чудотворецъ. Книга *синодикъ,* апостолъ тетровъ. Книга минея октябрь. Въ казнѣ судовъ серебряныхъ старыхъ: кубокъ серебрянъ, вѣсу въ немъ 4 гривенки и 18 золотниковъ, 4 ковши большихъ да 12 середнихъ, 14 меньшихъ. И всего 30 ковшовъ, вѣсу въ нихъ 31 гривенка. 6 чарокъ да ковшикъ, да корчикъ не великъ, а вѣсу въ нихъ 30 золотниковъ. Ковшъ да стопка серебряны, ковшъ далъ Василей *Уваровъ,* а стопку Иванка Ивана Городецъ, вѣсу въ нихъ 3 гривенки безъ 10-ти золотниковъ. Да въ казнѣ Государева данія лѣта 7091 г. крестъ золотъ, а у креста 4 яхонты, 2 жемчуга да баусъ. 12 плащей золотыхъ съ яхонты и жемчуги и съ тумпазы, а у плащей 4 яхонты да 6 жемчуговъ, да 2 тумпазу, да 10 стакановъ чешуйчаты съ подписью, вѣсу въ нихъ 5 гривенокъ безмѣнныхъ, Государскія же дачи.

Въ казнѣ судовъ серебряныхъ: кубокъ лощатъ золоченъ съ покрышкою, вѣсу 5 гривенокъ. Кубокъ золоченъ съ покрышкою, вѣсу 4 гривенки и 39 золотниковъ. Кубокъ золоченъ кладистой, вѣсу въ нихъ 3 гривенки 45 золотниковъ. Кубокъ съ рукояткою съ покрышкою золоченъ, вѣсу 3 гривенки и 14 золотниковъ. 5 братинъ на Кириловское дѣло, вѣсу въ нихъ по 29 золотниковъ. Серебряныхъ же судовъ прибыло послѣ писцовъ, давали по душамъ: братина съ венцомъ и съ мишенею. Да по князѣ Данилѣ Бабичеву, вѣсу въ нихъ 2 гривенки: Корецъ съ кольцомъ и съ мишенью вѣсу 2 гривенки и 9 золотниковъ. Яндовка съ носкомъ, вѣнецъ золоченъ подписанъ: „данія дьяка *Юрья Сидорова*", вѣсу 2 гривенки и 42 золотника. 9 стакановъ свирскихъ, вѣсу 9 гривенокъ и 10 золотниковъ. Росольникъ на ножкахъ да чарка лощата, а у ней край изнутри золочены съ болванцы, вѣсу въ нихъ 2 гривенки и 22 золотника. Да въ казнѣ же денегъ *2000 рублевъ,* да по кабаламъ на 500 рублевъ. Позаде большія церкви за алтаремъ къ востоку югомъ задняя пещера, а въ ней лежатъ начальники Печерскаго монастыря — Маркъ инокъ да священноинокъ, и отъ тое Богомъ зданныя пещеры въ гору вырѣзано 5 улицъ, а въ нихъ кладутся братія всякіе люди.

На монастырѣ церковь каменна съ трапезою во имя Пресвятыя Богородицы честнаго и славнаго ея Благовѣщенія, а на церкви

крестъ мѣдянъ золоченъ, полъ обитъ желѣзомъ нѣмецкимъ, подъ крестомъ яблоко золочено же сисальнымъ золотомъ. А подъ трапезою хлѣбня и мукосѣйня, а въ церкви въ деисусѣ 9 иконъ на золотѣ. Образъ Спасовъ на престолѣ, а по сторонамъ Пречистыя Богородицы да Ивана Предтеча, да архангелъ Михаилъ и Гавріилъ, да апостоли Петръ и Павелъ, Иванъ Богословъ, Андрей Первозванный. А передъ деисусомъ паникадило мѣдное о 8 подсвѣчниковъ. Образъ Благовѣщеніе Пречистыя Богородицы мѣстной, обложенъ басмы серебряны, въ кіотѣ. Образъ святыхъ великомученикъ четыредесяти, иже въ Савастеи, мѣстная же на золотѣ въ кіотѣ. Передъ иконой Благовѣщенія да четыредесятъ мученикъ 2 свѣчи мѣстныя большія, на одной свѣчи надѣлокъ мѣдянъ, а на другой нѣмецкаго желѣза. Двери царскія и сѣнь рѣзь золочена, паникадило мѣдное о 8 подсвѣчникахъ. Налой облаченъ, спреди камка червчата, а по сторонамъ кушакъ, а ставятъ на немъ образы; въ алтарѣ престолъ оболоченъ спереди бархатомъ золотнымъ на черной земли. На престолѣ Евангеліе апрокосъ въ десть оболочено бархатомъ багровымъ, страсти и евангелисты серебряны. Крестъ воздвизальной обложенъ басмы серебряны, на жертвенникѣ сосуды оловянные. Кадило мѣдное, укропникъ мѣдянъ Въ трапезѣ образъ Похвалы Пречистыя Богородицы на золотѣ въ кіотѣ. Образъ Пречистыя Одегитріе на золотѣ, а на полехъ 6 праздниковъ. Образъ Седмица на золотѣ въ кіотѣ, а на полехъ 6 праздниковъ. Образъ Седмица на золотѣ въ кіотѣ, надъ дверьми деисусъ въ кіотѣ. Образъ Успеніе Пречистыя, пядница большая на золотѣ. Образъ Спасовъ нерукотворенный. Образъ Николы чудотворца, пядница большая, да середи трапезы у поставца деисусъ на краскахъ, въ кіотѣ съ Господскими праздники и съ пророки.

На монастырѣ же у церкви колокольница каменная, а на ней 6 колоколовъ, въ большомъ колоколѣ вѣсу 160 пудъ, а въ другомъ 99 пудъ 25 гривенокъ, а въ среднихъ двухъ колоколехъ 99 пудъ, а въ дву колоколехъ меньшихъ 24 пуда. Да на той же колокольницѣ часы бойные, а бои приведены къ середнему колоколу подъ большимъ, да два колокола нѣмецкихъ, а въ нихъ звонятъ перечасье. Да колоколъ будильникъ, да клепано желѣзное. На монастырѣ же 5 колоколовъ мѣдяныхъ съ Юрьевскихъ, а дали

тѣ колоколы въ монастырь Псковскіе дьяки Сулменъ *Булгаковъ* да Аѳанасей *Малыгинъ*, а все писано въ книгахъ у дьяковъ. Да колоколъ безушей стоитъ на землѣ, отполонили у литовскихъ людей, а взятъ въ Кобыльскомъ уѣздѣ на полной.

На Святыхъ воротехъ церковь каменна во имя Св. Николы чудотворца. На церкви крестъ желѣзенъ золоченъ. Камарня побита нѣмецкимъ желѣзомъ, а въ церкви иконъ деисусъ на золотѣ, 7 иконъ, образъ Спасовъ на престолѣ, а по сторонамъ образъ Пречистыя Богородицы да Иванъ Предтеча, архангели Михаилъ и Гавріилъ, апостоли Петръ и Павелъ. Передъ деисусомъ паникадило мѣдное о 20-ти подсвѣчникахъ. Двери царскія и сѣнь и столпцы на золотѣ. Образъ Николы чудотворца мѣстной въ чудесехъ, обложенъ басмы серебряны въ кіотѣ. А прикладу 2 кресты серебряны на шелковомъ гайтанѣ, передъ иконою свѣча мѣстная большая. Образъ Успеніе Пречистыя Богородицы на золотѣ въ кіотѣ, пелена бархатъ зеленъ, а на шеѣ вышитъ образъ Успенія Пречистыя золотомъ. У Спаса и у Пречистыя вѣнцы съ жемчужкомъ сажены, а передъ иконою свѣча мѣстная. Въ алтарѣ престолъ оболоченъ атласомъ полосатымъ. На Престолѣ Евангеліе тетръ въ десть оболочено атласомъ синимъ, въ немъ страсти и евангелисты серебряны, басмы золочены. Крестъ воздвизальной, басмы мѣдяны золочены. На жертвенникѣ сосуды оловяные, кадило и укропникъ мѣдяны. Въ алтарѣ и въ церкви образовъ 10 пядницъ на золотѣ; а книгъ въ церкви у Николы чудотворца: въ десть апостолъ печатной тетръ, уставъ ветчанъ, двѣ книги октаики, да въ полдесть псалтыри печатная, часословъ ветчанъ, книжка храмная. У церкви колокольница каменна, а на ней 2 колокола: въ большомъ вѣсу 45 пудъ, рощепленъ, а въ другомъ 22 пуда безъ четверти, а нынѣ вмѣсто большого колокола, что рощепленъ, поставленъ полонскихъ колоколовъ, вѣсу въ немъ невѣдомо. Да въ трапезѣ судовъ мѣдяныхъ 19 чашъ луженыхъ, что квасъ ставятъ въ столы передъ братьею. Да чаша оловяная, да ендовка не велика да ковшикъ, мѣдяные луженые, да десять 5 братинъ мѣръ, въ чемъ передъ братіею питье ставятъ, да 8 подсвѣчниковъ стѣнныхъ мѣдяныхъ съ шандалы, а девятой изломанъ. Въ казнѣ да шанданъ мѣдянъ поставной, въ келарской кадея булатна, 6 блюдъ

большихъ оловяныхъ да середнихъ и меньшихъ 104. Мисокъ малыхъ оловяныхъ 23, 4 судки столовые оловяные, 4 росольники большихъ, 2 росольника малыхъ, 20 солоницъ, 6 блюдъ мѣдяныхъ да шендалъ, рукомойникъ мѣдяны, лохань мѣдяна. Скатертей браныхъ и простыхъ и большихъ и малыхъ 20. За келарскою колокольчикъ малой, что за столъ звонятъ Въ хлѣбнѣ судовъ мѣдяныхъ: котелъ 20 ведръ, котелъ въ 12 ведеръ, котелъ въ 3 ведра, котликъ въ ведро съ дугами, века въ 5 ведръ, другой въ полведра, да века по ведру, горшечекъ не великъ, изнутри луженъ, 3 сковоротки, два корца большихъ, корецъ малой, изнутри луженъ, старой не великъ, корецъ желѣзной, рукомойникъ мѣдянъ, 4 сковороды желѣзныхъ, 2 тагана, 3 нощаты, таганъ большой на 4-хъ ножкахъ, 3 заслоны желѣзныхъ печныхъ. На хлѣбномъ дворцѣ погребъ вырѣзанъ въ горѣ, а въ немъ держатъ квасъ ячной. На погребѣ судовъ мѣдныхъ: яндова лужена въ ведро, корецъ луженъ въ мѣру. Погребъ въ горѣ же, а въ немъ держатъ хлѣбы, поварня каменна, да къ ней келья каменная, гдѣ повары живутъ, а въ поварнѣ судовъ мѣдяныхъ: котелъ большой въ 5 ушатовъ, котелъ въ 8 ведръ, 5 котловъ по 5-ти ведръ, 5 котловъ по 4 ведра, 8 котловъ по 3 ведра, 12 котловъ по ведру и болѣ ведра, 3 века большихъ, 3 века середнихъ, 3 вѣка меньшихъ, 4 противня, 24 сковоротки большихъ и меньшихъ луженыхъ, 3 корца мѣдяныхъ, 4 желѣзныхъ, игать мѣдная, да ситца, да воронка перечное, да 3 рѣшетки желѣзныя, что рыбу подвариваютъ, 2 заслоны печныхъ, 2 клюки печныхъ, 3 тагана, лопата желѣзная, 2 топора да клинъ. Да за поварнею въ горѣ погребъ, а въ немъ держатъ рыбу и рѣпу; да ледникъ деревянной, а въ немъ ставятъ свѣжую рыбу. Поварня деревянная, а въ ней квасъ дѣлаютъ и пиво варятъ, а въ поварнѣ судовъ: котелъ большой новой въ 200 ведръ, другой котелъ во 100 ведръ, 2 котла мѣдныхъ, что воду льютъ. У тое же поварни келья, а въ ней квасъ да капусту держатъ. Келья проскурняя, а въ ней живутъ старцы проскурники, а въ проскурнѣ судовъ мѣдяныхъ: котелъ не великъ въ два ведра, корецъ мѣдянъ луженъ, заслона луженая печная, клюка желѣзная. Противъ хлѣбни и поварни столбъ деревянной съ ручкою, а въ него приведена вода

по подземлею изъ ручья изъ Каменца *и изъ ручки вода течетъ безпрестани*; туто же на ручью 4 анбары деревянные, а въ нихъ держатъ запасъ монастырской: солодъ, соль, масло, заспу, горохъ, сѣмя, толокно. Надъ тѣмъ же ручьемъ анбаръ дощатой, а въ немъ держатъ запасъ всякой. За ручьемъ туто же погребъ и ледникъ деревянные съ питьемъ, а на погребѣ судовъ оловяныхъ: оловяникъ трехъ (ведра?) у большой, шесть у оловяниковъ ведерныхъ, 20 оловениковъ полуведерныхъ, 15 мушорокъ истопокъ, 2 яндовы мѣдныхъ по ведру, 3 яндовы полуведерныхъ, 2 воронки мѣдяныхъ, а надъ погребомъ и надъ ледникомъ сушило, а въ немъ держатъ рыбу вялую.

Анбаръ со всякимъ запасомъ. Да *въ больничной кельи* судовъ мѣдныхъ котликъ въ ведро, сковородка лужена, рукомойникъ, лохань мѣдяные же, заслона да клюка желѣзные.

Да въ монастырѣ келей 72, да келья каменная, 15 житницъ монастырскихъ да 40 клетей крестьянскихъ и жилецкихъ, а въ монастырѣ съ игуменомъ Никономъ священниковъ и дьяконовъ и братіи 115 человѣкъ. А на монастырѣ надъ земляною церковью на горѣ и промежъ кельи по горамъ лѣсъ, а около монастыря роща съ одну сторону отъ монастыря на 2 десятины, а индѣ больши. Передъ Святыми передъ Никольскими воротами на горѣ дворецъ монастырской, а на дворцѣ церковь Святыхъ великомученикъ четыредесятъ, иже въ Севастеи, деревянна нова, не совершена. А образовъ въ церкви въ монастырѣ: деисусъ, мѣстной Спасъ на престолѣ, а по сторонамъ Пречистыя образъ, да Иванъ Предтеча, да архангели Михаилъ и Гавріилъ, да Ѳеодосей Печерскій, да Варлаамъ Хутынскій, Левонтей Ростовскій, Ефремъ Сиринъ, Антоней Печерскій, Петръ Митрополитъ, Сава освященный, Иванъ Дамаскинъ. Двери царскія на краскехъ, да на сѣверныхъ дверехъ разбойникъ *дизма*. Да трапезныхъ образовъ въ притворѣ ставити 4 иконы большихъ мѣстныхъ: Пречистыя Богородицы да Ивана Предтечи, апостоли Петръ и Павелъ, Антоней и Ѳеодосей Печерскіе, Сергій Радунежскій, Варлаамъ Хутынскій, да пятница большая на краскахъ, образъ Никола чудотворецъ, да пятница большая же на краскахъ, Святыя великомученицы Параскевы, а по сторонамъ мученица Екатерина да мученица Варвара, да 16 пядницъ на золотѣ да 3 на краскахъ. Въ алтарѣ престолъ оболоченъ камкою цвѣтною спреди, а на престолѣ Евангеліе тетръ оболочено зуфею лазоревою, страсти и евангелисты серебряныхъ басмахъ золочены. Крестъ воздвизальной оболоченъ басмы мѣдяны. Сосуды церковные оловяные, ризы полотняныя, оплечье бархатно, а книгъ въ церкви: апостолъ апраксосъ, 2 книги октоихи въ полдесть на 8 гласовъ. Псалтырь слѣдованіемъ. Да въ церкви паникадило оловяное, да 2 свѣчи мѣстныхъ. У церкви было 2 колокола не велики отданы были въ монастырское село Новаго городка Ливонскаго Варигева, и тѣ колокола въ войну взяли литовскіе люди. На дворцѣ же 10 келей, а въ нихъ живутъ міряиъ слугъ вкладчиковъ 60 человѣкъ, да служебниковъ конюховъ и плотниковъ и телѣжниковъ и всякихъ работниковъ по службамъ въ монастырѣ и за монастыремъ 160 человѣкъ, да 2 конюшни, а въ нихъ сѣнницы, да середи двора ледникъ. А на конюшнѣ лошадей нагайскихъ большихъ 37 коневъ, да 48 мереновъ, да 2 кобылы. Да на конюшнѣ въ чуланѣ казенныхъ сѣделъ: сѣдло игуменское сафьянно. да брацкихъ сѣделъ 20 съ войлоки и съ уздами. Да служнихъ 41 сѣдло, добрыхъ и середнихъ и худыхъ, да 15 уздъ новыхъ, да 5 уздъ ветчаныхъ, да 5 обратей новыхъ, 27 обратей ветчаныхъ, 8 полстей да тебгаекъ игуменской, да 4 тебгайки братскихъ, 2 медвѣдна, попона черкаская, 35 попонъ суконныхъ, 4 попоны холщевыхъ, 2 сѣдла сафьянныя съ войлоки и съ уздами, семеро натцатеры, возжи ворванны, да пятеры волосяные, да 11 подустъ, да 15 шлей, 30 хомутовъ ременныхъ, шестеры войлоки новыхъ, 10 епанегъ ветчанъ, да расхожихъ 8 сѣделъ, да на Коровьѣ селцѣ страдныхъ лошадей 23 мерина, да 5 кобылъ. Да подлѣ монастыря въ горѣ живетъ нищихъ 94 человѣка. Да у торгу *больница,* а въ ней нищихъ 20 человѣкъ.

Да подлѣ монастыря же дворецъ кузничной, а въ немъ живетъ кузнецъ Сенька Ивановъ — дѣлаетъ на монастырь всякое дѣло.

За монастыремъ же за конюшеннымъ дворомъ лавки Печерскихъ панковскихъ бобылей, а торгуютъ въ нихъ хлѣбами и калачи и солью.

За монастыремъ же сельцо Коровье, Белково, Стегново, къ селу же припущено въ пашню 5 деревень пустыхъ.

За селомъ же подъ лѣсомъ на рѣчкѣ на Панковкѣ слободка монастырская, а въ ней живутъ не пашенные люди.

Еще отзывъ Императора Николая Павловича объ А. С. Пушкинѣ.

Сообщено, съ Высочайшаго разрѣшенія, завѣдывающимъ Собственными Его Величества библіотеками В. В. Щегловымъ изъ рукописнаго отдѣла названныхъ библіотекъ.

Уже послѣ смерти А. С. Пушкина, графъ А. Х. Бенкендорфъ въ одномъ изъ донесеній на имя Государя Императора Николая Павловича высказалъ предположеніе о принадлежности Пушкину извѣстныхъ стиховъ: „Встарь Голицынъ и пр.“...

На этомъ донесеніи рукою Императора Николая Павловича начертано карандашомъ:

„C'est fort joli, mais il est impossible, que ce soit Pouchkin, car c'est trop bête; il y a beaucoup de monde s'enparant [1]) de son nom, pour lui endosser des propos sottisiers [2]), comme si l'on ne pouvait laisser ses cendres en repos“.

„Это премило, но невозможно, чтобы это было Пушкина, потому что слишкомъ глупо: многіе украшаются его именемъ, чтобы навязать ему изрѣченія дурацкія, какъ будто нельзя уже оставить его прахъ въ покоѣ“.

---

[1]) Неразборчиво написано perant.

[2]) Sottisier. Собраніе глупостей или вольныхъ стиховъ.

Графъ А. X. Бенкендорфъ писалъ:

Voici des vers infâmes, qui se colportent à Moscou; on croit, que c'est la veuve de Pouschkin, qui les a laissée copier d'une des belles productions de son mari.... (signé) A. Benckendorf.	„Вотъ гнусные стихи, которые распространяются въ Москвѣ: думаютъ, что это вдова Пушкина допустила ихъ списать съ одного изъ красивыхъ произведеній ея мужа".

Донесеніе это безъ даты и мѣста; относится, вѣроятно, къ 1842 г.

Печатаемыя, съ разрѣшенія Государя Императора, слова Императора Николая I—по поводу подозрѣній о принадлежности Пушкину стиховъ, ему приписываемыхъ, еще разъ доказываютъ, что и послѣ кончины Пушкина Государь ограждаетъ его отъ подозрѣній, слѣдовательно не допускаетъ авторства стиховъ, недостойныхъ его таланта; несмотря на старанія Бенкендорфа, мнѣніе Императора Николая I остается твердое.

Императоръ Александръ III въ Карданахѣ

въ 1888 году [1]).

3-го октября 1888 года съ утра во всемъ Карданахѣ проявлялось чрезвычайное оживленіе. Народъ толпился по пути ожидаемаго проѣзда Государя. Казаки въ своихъ бѣлыхъ бешметахъ съ красными башлыками скакали въ разныхъ направленіяхъ оживляя всю картину. Зурна не умолкала съ утра. Погода стояла ясная и теплая. Около часу пополудни начали подъѣзжать придворные фургоны съ багажемъ и Императорская прислуга. Въ 3 часа, въ бинокль уже можно было разсмотрѣть въ разстояніи пяти верстъ отъ Карданаха по Цинондальской дорогѣ, нѣсколько быстро катившихъ экипажей: то былъ Царскій поѣздъ. Всего ѣхало до пятнадцати экипажей. Тогда всѣ вышли къ воротамъ усадьбы для встрѣчи Ихъ Величествъ и поднесенія хлѣба, соли и фруктовъ Хлѣбъ былъ мѣстнаго приготовленія (чуреки) пшеница, соль и и фрукты были уложены на блюдѣ также мѣстнаго издѣлія изъ орѣховаго дерева. Около половины четвертаго пополудни, Государь съ Государыней подъѣхали къ воротамъ при неумолкаемыхъ крикахъ ура всего народа занявшаго мѣста по живописному склону горы, на которой расположена Карданахская усадьба. Изъ второй

[1]) Статья о пребываніи Императора Александра III въ Кахетіи въ 1888 году, составлена однимъ изъ очевидцевъ, находившихся въ то время въ Карданахѣ. Имѣется и другое значительно подробнѣйшее описаніе того же Царскаго посѣщенія, написанное другимъ лицемъ, также очевидцемъ этого свѣтлаго и памятнаго дня.

коляски вышли Наслѣдникъ Цесаревичъ съ Великимъ Княземъ Георгіемъ Александровичемъ, а въ слѣдующихъ за ними экипажахъ прибыла вся сопровождающая Государя Императора свита. Послѣ непродолжительной остановки у воротъ, всѣ прибывшіе направились пѣшкомъ къ церкви, расположенной почти рядомъ съ домомъ, Государь приложился къ кресту, принялъ икону и вошелъ въ церковь, гдѣ интересовался узнать, не сохранились ли древнія иконы, входилъ въ алтарь и разсматривалъ иконостасъ и утварь. При выходѣ Государя изъ церкви, ученики мѣстной школы пропѣли по-грузински многолѣтіе.

Изъ церкви всѣ направились въ домъ, гдѣ былъ поданъ чай съ самоваромъ. Около $5^1/_2$ часовъ Государь и всѣ гости осматривали домъ, а затѣмъ вышли на прогулку въ верхній садъ. Прогулка продолжалась болѣе $^1/_2$ часа; во время прогулки Государь изволилъ распрашивать о хозяйствѣ въ имѣніи, о ходѣ размежеванія черезполосныхъ владѣній, о винодѣліи и о мѣстахъ сбыта вина.

Когда все общество спустилось внизъ къ дому изъ верхняго сада Ихъ Величества и остальные гости пошли въ винный подвалъ, гдѣ въ бочкахъ выдерживалось вино урожаевъ 1886 и 1887 гг. Въ подвалѣ на простыхъ скамейкахъ размѣстились Государь, Государыня и прочія лица; на столѣ было поставлено вино всякихъ сортовъ и кромѣ того Государь пожелалъ попробовать вино прямо изъ бочки, что и было исполнено; ливеромъ вычерпывали вино и наливали въ стаканы. Государь повидимому былъ въ наилучшемъ расположеніи духа и подробно осматривалъ подвалъ. Въ 8 часовъ 20 минутъ вечера былъ поданъ обѣдъ. Въ $9^1/_2$ часовъ обѣдъ былъ конченъ. Около 10 часовъ къ дому подошли пѣсенники изъ конвоя Главноначальствующаго, началось пѣніе, причемъ Государь слушалъ пѣсни оставаясь на балконѣ. Пѣсенники собраны по голосамъ и по умѣнью пѣть—превосходно. Государь слушалъ пѣніе два часа, и поблагодаривъ пѣсенниковъ отпустилъ ихъ. Молодцы казаки стройно зашли и выстроившись, съ пѣснями отправились на отдыхъ. Отдыхъ ими былъ вполнѣ заслуженъ, такъ какъ эти лихіе казаки прискакали верхомъ изъ Цинондалъ, сдѣлавъ разстояніе въ 45 верстъ въ три часа времени.

Государь неоднократно освѣдомлялся: извѣстны ли пѣсенникамъ нѣкоторыя старинныя казачьи пѣсни и выразилъ пожеланіе, чтобы пѣсни эти хранились въ средѣ казаковъ, какъ памятники ихъ боевой жизни. Въ теченіе всего вечера Государыня Императрица имѣла надѣтымъ на плечи красный башлыкъ, благосклонно принятый Ея Величествомъ отъ командира мусульманскаго конно-иррегулярнаго полка князя Арчилла Чавчавадзе. Взятый съ плеча командира полка башлыкъ и надѣтый на себя Ея Величествомъ доказывалъ, какимъ высокимъ вниманіемъ Государыня желала отличить казаковъ, составлявшихъ путевой конвой Ихъ Величествъ. По разсказамъ офицеровъ, когда казаки узнали о знакѣ Монаршаго вниманія, то пришли въ неописанный восторгъ, но долго не хотѣли этому вѣрить, и убѣдились только тогда, когда увидѣли своего командира безъ башлыка. Въ началѣ перваго часа ночи Государь и всѣ гости разошлись по своимъ покоямъ на ночлегъ, но прежде чѣмъ удалиться внесли имена свои въ книгу для посѣтителей, которая какъ цѣнный памятникъ о пребываніи въ Карданахѣ Высокихъ гостей сохраняется при Карданахскомъ домѣ. Такъ закончился первый день пребыванія.

4 Октября. Поѣздка въ Сигнахъ, возвращеніе въ Карданахъ и завтракъ въ виноградникѣ. Отъѣздъ въ Цинондалы.

4-го утромъ, въ началѣ 9-го часа Государь, Государыня, Великіе Князья и всѣ прочія лица имѣвшія ночлегъ въ домѣ, вышли изъ дому и направились въ цвѣтникъ передъ домомъ для посадки Августѣйшими гостями четырехъ орѣховыхъ деревьевъ, заранѣе выкопанныхъ и привезенныхъ изъ лѣса. При появленіи Государя на крыльцѣ дома, къ Его Величеству приблизились два старыхъ отставныхъ офицера съ просьбами. Государь милостиво выслушалъ стариковъ и отпустилъ ихъ, приказавъ начальнику Края Князю Дондукову-Корсакову удовлетворить просьбы этихъ ветерановъ.

Послѣ посадки деревьевъ Его Величество и всѣ остальные гости и хозяева дома спустились къ воротамъ усадьбы и пройдя мимо рядовъ конвоя, направились пѣшкомъ внизъ до дороги, ведущей въ городъ Сигнахъ, куда заранѣе съѣхали экипажи. Весь путь былъ усѣянъ массою народа, привѣтствовавшаго Царя, Ца-

рицу и Великихъ Князей неумолкаемыми криками ура. Шествіе это было торжественное и трогательное, многіе изъ крестьянъ осеняли себя крестомъ и у многихъ текли слезы радости при видѣ Царской семьи. На всѣхъ присутствовавшихъ это шествіе Государя среди восторженныхъ кликовъ народа произвело глубокое и отрадное впечатлѣніе. Ровно въ 9 часовъ, милостиво простившись съ хозяевами Карданаха и привѣтливо раскланиваясь съ народомъ, Ихъ Величества отбыли въ Сигнахъ и оттуда въ монастырь Св. Нины, расположенный въ 4-хъ верстахъ отъ Сигнаха.

По отъѣздѣ царственныхъ гостей Карданахъ не измѣнилъ своего праздничнаго вида, такъ какъ всѣ знали, что Государь возвратится и будетъ завтракать въ виноградникѣ, расположенномъ на самой дорогѣ, ведущей изъ города Сигнаха. Въ концѣ 12-го часа дня, на горѣ, гдѣ пролегаетъ Сигнахское шоссе, послышалось громкое и непрерывное „ура", возвѣщавшее прибытіе Государя и безъ 1/4 въ двѣнадцать коляска Его Величества остановилась противъ воротъ виноградника. Государь съ Государыней вышли изъ экипажа, встрѣченные хозяевами. Масса народа стояла по сторонамъ шоссе и неумолкаемыми кликами привѣтствовала Императорскую чету. Затѣмъ постепенно подъѣзжали остальные экипажи царскаго поѣзда. Для отдыха Ихъ Величествъ въ виноградникѣ были устроены двѣ киргизскія кибитки, въ одну изъ нихъ вошелъ Государь съ Великими Князьями, въ другую Императрица. Завтракъ былъ приготовленъ подъ навѣсомъ, называемымъ марань, гдѣ въ землѣ устроены кувшины или винно-пріемники при давленіи винограда. Послѣ краткаго отдыха въ кибиткахъ Августѣйшіе гости и свита вошли подъ навѣсъ, и Государь приблизился къ одному изъ кувшиновъ вкопанныхъ въ землѣ, который въ присутствіи Государя былъ открытъ, раскупоренъ и особымъ черпакомъ, сдѣланнымъ изъ стѣнокъ тыквы, налитъ былъ первый стаканъ для Его Величества. Государь очень одобрилъ качество бѣлаго вина и съ видимымъ удовольствіемъ утолилъ жажду. Послѣ Государя вино пробовала Государыня и Великіе Князья, а затѣмъ и всѣ остальные гости. Особенность завтрака состояла въ томъ, что на столъ не подавали бутылокъ съ виномъ, а вино черпалось изъ кувшина, помѣщеннаго въ землѣ, и разливалось въ небольшіе глиняные кув-

шины, которые и подавались къ столу. Государь, желая соблюсти мѣстный обычай, потребовалъ азарпешъ, и всѣ присутствовавшіе, начиная съ Его Величества, пили передавая другъ другу азарпешъ. Во время завтрака игралъ оркестръ музыки конно-иррегулярнаго полка и пѣли пѣсенники изъ кубанскихъ казаковъ. Чтобы позволить народу поближе подойти къ себѣ, Государь выразилъ желаніе, чтобы весь народъ былъ допущенъ внутрь виноградника, гдѣ былъ Высочайшій столъ. Въ одно мгновеніе масса народа наполнила площадку около марани и началась пляска лезгинки подъ звуки зурны. Болѣе получаса продолжалось это веселье въ присутствіи Царя и всѣхъ гостей. Затѣмъ Ихъ Величества вошли въ кругъ, и близко окруженные толпою, милостиво разговаривали съ мѣстными крестьянами и жителями Карданаха, причемъ Государь обратилъ вниманіе и выразилъ свое удовольствіе, замѣтивъ, что многіе изъ мѣстныхъ жителей-грузинъ, хорошо говорятъ по русски, но вмѣстѣ съ тѣмъ Его Величество пожалѣлъ, что многіе изъ грузинокъ оставляютъ свой національный костюмъ и одѣваются въ обыкновенныя платья.

Въ 2 часа 10 минутъ Государь отправился къ выходу, сопровождаемый народомъ, распѣвавшимъ національныя пѣсни. У воворъ виноградника стояли уже готовые къ отъѣзду экипажи и Ихъ Величества, распростившись съ хозяевами, тронулись въ путь при восторженныхъ кликахъ, искренно напутствуемые счастливыми жителями Карданаха. Цѣлый день затѣмъ и въ теченіе всего вечера Карданахъ оглашался криками ура, пѣснями и ликованіемъ. Намъ передавали, что невозможно себѣ представить восторгъ всего народа, пораженнаго простотою и ласковымъ обращеніемъ Ихъ Величествъ.

Великій и торжественный день былъ — день 4 октября 1888 года для жителей Карданаха и надолго безъ сомнѣнія память о немъ будетъ хранится въ этомъ чудномъ уголкѣ благодатной Кахетіи...

УКАЗАТЕЛЬ

ИМЕНЪ ЛИЧНЫХЪ И НАЗВАНІЙ ГЕОГРАФИЧЕСКИХЪ

въ VII-й книгѣ.

А.

Б.

В.

Г.

Д.

Е.

Ж.

З.

И.

I.

К.

Л.

М.

Н.

О.

П.

Р.

С.

Т.

У.

Ф.

Х.

Ц.

Ч.

Ш.

Щ.

Ю.

Я.

Ѳ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.